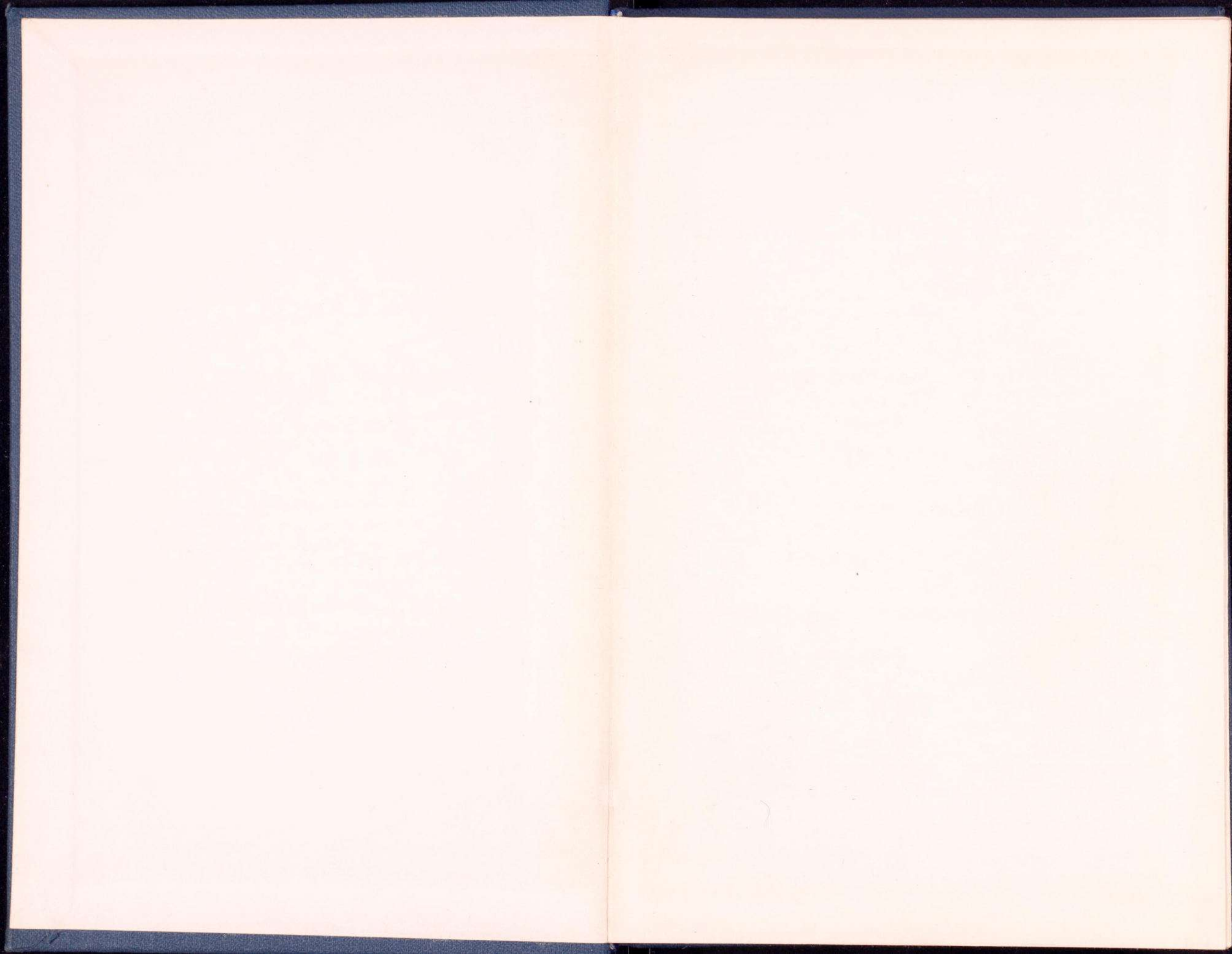

ЗАРУБЕЖНЫЙ
ВОСТОК
И СОВРЕМЕННОСТЬ

2

Академия наук СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт востоковедения

Издательство «Наука»

ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

•
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ СТРАН
ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

в 3 томах

Редколлегия

Г. Ф. Ким
(председатель редколлегии),
К. Н. Брутенц,
О. К. Дрейер,
А. С. Кауфман,
М. С. Лазарев,
А. И. Левковский,
В. Ф. Ли,
Л. Р. Полонская,
Е. М. Примаков,
В. Г. Растянников,
Б. Г. Сапожников,
Н. А. Симония

ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ТОМ 2

Главная редакция восточной литературы
Москва
1980

Руководитель третьего раздела
В. Г. РАСТЯННИКОВ

Руководитель четвертого раздела
М. С. ЛАЗАРЕВ

3-35 Зарубежный Восток и современность. Т. 2. М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1980.

319 с.

В книге исследуются проблемы воспроизводства в сельском хо-
зяйстве развивающихся стран Востока, сдвиги в социально-экономиче-
ской структуре деревни в 60—70-х годах, освещаются противоречия
«зеленой революции», основные особенности социально-политической
ситуации в деревне. Рассматриваются также характерные черты на-
ционального развития современных стран Востока, факторы, оказываю-
щие влияние на национальные движения, дается типология нацио-
нальных движений.

3 $\frac{11104-183}{013(02)-80}$ подписное. 0803000000

327.25

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука». 1980.

Аграрно- крестьянский вопрос

Аграрно-крестьянский вопрос был и остается одной из центральных проблем общественно-экономического развития освободившихся стран Востока. В сельском хозяйстве этих стран до сих пор занята подавляющая часть населения, здесь создается от трети до половины (и более) их валового национального продукта. Разрешение аграрного вопроса — необходимая предпосылка ликвидации углубляющихся диспропорций народнохозяйственного развития, ускорения темпов и расширения фронта экономического роста, устранения хозяйственной разобщенности. В социально-экономическом плане разрешение аграрного вопроса — одно из основных условий изживания многоукладности национальной экономики. Пути развития молодых государств Востока в большой степени определяются тем, какими методами и в интересах каких общественных классов осуществляются аграрные преобразования.

Характерной чертой аграрной эволюции в развивающихся странах Азии и Северной Африки на современном этапе является то, что все социально-экономические и политические процессы, происходящие в деревне этих стран, испытывают все более мощное воздействие всемирно-исторической борьбы двух мировых общественных систем — социализма и капитализма.

Особый отпечаток на аграрное развитие стран Востока накладывает тот факт, что оно протекает в условиях становления в мире новых производительных сил — производительных сил эпохи научно-технической революции.

Под непосредственным влиянием НТР отдельные подразделения аграрной экономики освободившихся стран Азии и Северной Африки стали претерпевать процесс модернизации, выражающийся в возникновении и развитии качественно новых типов производства. Суть этого процесса — постепенное становление в сельском хозяйстве индустриальной стадии общественного труда (приходящей на смену традиционной, доиндустриальной стадии) и образование соответствующих форм его социальной организации. Таким образом, в аграрной экономике развивающихся стран Востока, и без того отличающейся необычайным разнообразием социально-экономических форм, наслаивающихся одна на другую, это разнообразие интенсивно возрастает. Спектр социальных противоречий, развивающихся на почве аграрного вопроса, становится все более широким.

Ныне, как никогда ранее, верная оценка процессов, происходящих в аграрной сфере развивающихся стран Востока, возможна лишь при их исследовании не только «изнутри», в пределах самой этой сферы, но и «извне», в более крупной («внедеревенской») масштабности. Такой подход основывается на представлении о том, что аграрная сфера со всеми своими социальными формами «вписана» в более широкую систему общественных связей, образуя в ней особый (подчиненный) элемент, а законы, управляющие этими формами, могут существенно модифицироваться под влиянием процессов, протекающих за пределами собственно данной сферы и даже национального общества в целом.

В крупнейших социальных битвах, развертывающихся в странах Востока, борьба многомиллионных крестьянских масс призвана сыграть особую роль. Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 7 июня 1969 г., товарищ Л. И. Брежнев отмечал:

«Сегодня центральный вопрос революционного процесса в Азии и Африке — это вопрос о позиции крестьянства, составляющего там большинство населения.

Крестьянство этого района мира — могучая революционная сила. Но это, как правило, — стихийная сила, со всеми вытекающими отсюда колебаниями, со всеми противоречиями в идеологии и политике»¹.

Для того чтобы понять позицию крестьянства на Востоке, необходимо тщательное исследование всей совокупности экономических процессов, в которые оно включено, всей совокупности социальных связей, в которые оно «вписано». В соответствии с этим представляется целесообразным рассмотреть сначала проблемы социально-экономической эволюции деревни и развивающиеся в ходе этой эволюции противоречия применительно к допромышленной стадии бытия производительных сил в агросфере и индустриальной стадии, с тем чтобы потом разобрать группу вопросов, касающихся классовообразовательных процессов в крестьянстве и его социально-политической активности.

Наш анализ мы начнем с освещения некоторых важных проблем воспроизводства, как они сложились в сельском хозяйстве на допромышленной стадии труда в 60-х годах.

¹ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., 1973, с. 386.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ НА ДОИНДУСТРИАЛЬНОЙ СТАДИИ

Освобождение от колониальной зависимости не сопровождалось в развивающихся странах Азии и Северной Африки радикальной ломкой сложившихся в деревне отношений собственности, которые тормозили развитие сельского хозяйства. При фактически безраздельном господстве допромышленных форм труда сельское хозяйство развивалось исключительно экстенсивным путем. По сравнению с общенациональными потребностями темпы увеличения сельскохозяйственного производства были весьма низкими.

В странах Южной и Юго-Восточной Азии до последней трети 60-х годов, когда там стали складываться очаги капитало-емкого, интенсивного земледелия, среднегодовой темп прироста сельскохозяйственной продукции был меньше 3%. В крупнейшей стране региона — Индии в 1949/50—1967/68 гг. среднегодовой прирост всей сельскохозяйственной продукции составлял 2,6%, а зерновой — меньше 2,4%. В Пакистане в 1954/55—1967/68 гг. прирост сельскохозяйственной продукции был равен 2,8%, причем в Восточной Бенгалии (ныне Бангладеш) он не превышал в 50-е годы 0,5, а в 60-е — 2,6%. Определенными контрастами отличалась динамика сельскохозяйственного роста в Северной Африке. Например, в Египте в 1952—1968 гг. среднегодовой темп прироста сборов продовольственных культур составлял 3,4%, а производство всей сельскохозяйственной продукции — 2,95%. Напротив, в Алжире за тот же период не только не было прироста, но наблюдалась тенденция к абсолютному сокращению производства¹.

Недостаточный темп экономического роста в сельском хозяйстве, выглядящий особенно замедленным на фоне сильного демографического давления, подрывал прежде всего систему национального продовольственного обеспечения. По сравнению

¹ «Reserve Bank of India Bulletin». Bombay, 1969, № 4; «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». FAO. Rome, 1969, № 7/8; Partners in Development. Report of the Commission on International Development. Chairman: Lester B. Pearson. N. Y., 1969, с. 307, 309.

Таблица 1

Среднегодовой прирост населения и производства продовольствия*,
%

Регион	1952—1962 гг.			1962—1972 гг.		
	Насе- ление	Продовольствие		Насе- ление	Продовольствие	
		всего	на душу		всего	на душу
Южная и Юго-Восточная Азия . . .	2,3	3,1	0,8	2,5	2,7	0,2
Ближний Восток	2,6	3,4	0,8	2,8	3,0	0,2
Африка	2,2	2,2	—	2,5	2,7	0,2
Все развивающиеся страны	2,4	3,1	0,7	2,5	2,7	0,2

*«Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». 1974, № 9.

с 50-ми годами в 60-х годах темп роста производства продовольствия в развивающихся странах Востока сократился, а демографический пресс увеличился (табл. 1). В итоге если в 50-е годы происходил хотя и незначительный, но в целом сравнительно устойчивый рост национального подушевого производства продовольственной продукции, то в 60-е годы, по существу, лишь поддерживался достигнутый к их началу подушевой уровень национального производства.

Многие развивающиеся страны Азии и Северной Африки стали постоянными импортерами громадных масс продовольствия. Никогда еще после второй мировой войны физическая угроза голода столь зримо не нависала над огромными районами, в которых проживают десятки и сотни миллионов людей, как это было, например, в середине 60-х и начале 70-х годов в странах Южной и Юго-Восточной Азии (Индии, Бангладеш, Индонезии и др.).

Развертывающийся в освободившихся странах продовольственный кризис есть яркое проявление той закономерности, что «механизм воспроизводства формируется здесь законами, присущими исторически разнородным, не вполне состыкованным друг с другом системам производительных сил, сложным взаимодействием законов натурального хозяйства и индустриальной системы, осложняемым ныне еще и научно-технической революцией»². В частности, «специфика законов народонаселения в развивающихся странах состоит в том, что относительно высокая рождаемость регулируется законами натурально-традиционных способов производства, а относительно низкая

² В. В. Крылов. Характерные черты социально-экономических процессов в обществах развивающихся стран.— «Вопросы философии». 1976, № 9, с. 102.

смертность — законами современных экономических систем»³. Воспроизводство же продовольственных ресурсов до сих пор в основном зависит от допромышленных, традиционных форм экономической деятельности, консервировавшихся колонизаторами в прошлом и лишь частично (в отдельных очагах) изживаемых ныне вследствие сохранения отношений эксплуатации и неравноправия на «периферии» мирового капиталистического хозяйства. Из указанной зависимости вытекает противоречие, которое, развиваясь на фоне демографического давления, и определяет в этих странах экономическую природу переживаемого ими продовольственного кризиса. В то время как уровень и структура потребностей нации в товарном продовольствии все интенсивнее формируется под воздействием современного общественного разделения труда, становления и укрепления современных форм экономической деятельности, демонстрационного эффекта, распространяющегося из экономически развитых стран, удовлетворение главной массы этих потребностей все еще возложено на традиционное производство, натуральное в основе своей по характеру воспроизводственного процесса, потребительское (обеспечение продовольственных нужд лишь самих непосредственных производителей) по своим целям. (Тот факт, что в некоторых странах в 70-х годах товарное предложение зерна иногда соответствовало платежеспособному спросу на него, не меняет существа дела: нищенский уровень доходов, пауперизм огромной массы народа, удерживая спрос на продовольствие на крайне низком уровне, скрывали глубину упомянутого кризиса.)

Задержка развития национального сельского хозяйства на доиндустриальной стадии производительных сил все более тормозила подъем других секторов экономики, в особенности промышленного сектора, который в развивающихся странах Востока характеризуется чрезвычайно высокой зависимостью от сельскохозяйственного сырья, от емкости деревенского рынка.

Кризис структурного типа в аграрной экономике развивающихся стран Востока не ликвидирован до сих пор. По вопросу о методах преодоления этого кризиса там идет ожесточенная борьба различных социальных сил, придерживающихся принципиально различных ориентаций общественно-экономического развития. Как результат этой борьбы отчетливо наметились две тенденции преобразований: тенденция к осуществлению «технологического» сдвига на путях «зеленой революции» в ее капиталистической оболочке, когда главным носителем технического прогресса является сравнительно небольшая группа сельских хозяев, и тенденция (значительно труднее поддающаяся реализации) к включению в процесс экономического роста основной массы крестьянских хозяйств путем охвата их новыми форма-

³ Там же.

ми организации общественного труда (кооперация различных видов, государственные социально-экономические институты в деревне), позволяющими впоследствии преобразовать технологическую базу во всех подразделениях сельскохозяйственного производства.

Согласно оценке Комитета по планированию развития ООН, необходимый минимальный темп прироста производства в сельском хозяйстве развивающихся стран, в том числе стран Востока, должен был составлять в 70-х годах 4% в год⁴. Фактически же он составлял (в 1970—1977 гг.) лишь 2,6%, причем в странах, где проживало 56% всего населения развивающихся стран, — 1,9%⁵.

Производительность труда и межотраслевые связи

В сельском хозяйстве стран Азии и Северной Африки пропорции, в которых весь потребляемый в процессе воспроизводства продукт распадается на фонд личного потребления и фонд производительного потребления, существенно отличаются от соотношений, типичных для сельского хозяйства экономически развитых стран. Фонд производительного потребления в сельском хозяйстве развивающихся стран при господстве в нем допромышленных форм труда характеризуется относительно небольшой величиной. Например, в Индии накануне «зеленой революции», в 1964/65 г., отношение текущих затрат по фонду производительного потребления к размерам валового сельскохозяйственного продукта составляло 24,1%, в Ливане этот показатель был равен 25%, в Сирии — 18, в Ираке — 13, в Иордании — 12%. И даже в Египте с его значительно более развитым сельским хозяйством фонд производительного потребления составлял в 1964/65 г. лишь 28% валового земледельческого продукта⁶. Очевидно, в рамках системы производительных сил, характеризующейся доминированием естественно возникших их элементов над исторически приобретенными, какая почти безраздельно господствовала в сельском хозяйстве афроазиатских стран в середине 60-х годов, живой труд в огромной степени преобладал над овеществленным и продолжал оставаться основным конституирующим фактором процесса производства в этой отрасли.

⁴ Committee for Development Planning. Report on the Sixth Session (5—15 January 1970). N. Y., 1970, с. 8—9.

⁵ WCARRD/INF3. FAO. Rome, 1979, с. 2.

⁶ Industrial and Economic Statistics Compendium. Bombay, 1967, с. 5—7; Draft Fourth Plan. Material and Financial Balances 1964/65, 1970/71 and 1975/76. Delhi, 1966, с. 13; M. Clawson, H. H. Landsberg, L. T. Alexander. The Agricultural Potential of the Middle East. N. Y., 1971, с. 87.

Таблица 2
Выход продукции на одного работника (цены 1963 г.)
и средние темпы ее роста*

Регионы, страны	Сельское хозяйство				Промышленность, строительство, транспорт			
	долл.		%		долл.		%	
	1950 г.	1969 г.	1950—1969 гг.	1960—1969 гг.	1950 г.	1969 г.	1950—1969 гг.	1960—1969 гг.
Развивающиеся:								
Ближний Восток . .	170	260	2,1	2,6	1175	2685	7,4	1,3
Северная Африка . .	140	190	2,5	0,9	540	1580	7,9	3,6
Южная и Юго-Восточная Азия . .	143	160	1,0	0,2	370	640	2,2	3,7
Экономически развитые:								
США	2580	6545	4,1	6,0	6135	9990	1,4	3,9
Западная Европа . .	730	2050	4,5	6,8	1800	3980	4,3	4,3
Япония	260	860	5,7	7,4	670	3270	8,6	8,8

* «Мировая экономика и международные отношения» (далее — МЭиМО). 1971, № 1, с. 154.

Для экономики стран Азии и Северной Африки 50—60-х годов была характерна тенденция к росту межотраслевого разрыва в уровнях производительности труда. Главная качественная особенность этой тенденции заключалась в том, что она развивалась как следствие наращивания (крайне неравномерного по десятилетиям и регионам) производительности труда во «вторичной сфере» экономики на фоне полустагнации или практически полной стагнации производительности труда в сельском хозяйстве (табл. 2)⁷.

В результате соотношение средних отраслевых уровней производительности труда на Востоке существенно изменилось не в пользу сельского хозяйства. Как следует из табл. 2, выход продукции на одного работника в сельском хозяйстве (в процентах к аналогичному показателю в промышленности, строительстве и на транспорте) здесь составлял:

	1950 г.	1969 г.
Ближний Восток	14,4	9,7
Северная Африка	25,9	12,0
Южная и Юго-Восточная Азия . .	38,7	25,0

Углубление данной межотраслевой диспропорции отражало ту особенность хозяйственной эволюции освободившихся стран

⁷ В западных капиталистических странах с 50-х годов наблюдалась прямо противоположная тенденция, а именно опережающий рост производительности труда в сельском хозяйстве.

Востока, что современные предметно-вещественные производительные силы развивались не в сельском хозяйстве, а почти исключительно во «вторичной сфере» экономики, где место двигателя прогресса в области производства заняли либо крупный капитал, опирающийся на поддержку государства, либо государственный сектор, либо их комбинация.

Наиболее разительны показатели межотраслевой диспропорции в движении производительности труда в некоторых крупнейших развивающихся странах Азии.

Например, в Индии за 1951—1961 гг. капиталовооруженность работника в сельском хозяйстве возросла только на 11%, в то время как в промышленности благодаря интенсивным капиталовложениям, осуществленным в первую очередь крупным капиталом и государством, она увеличилась на 74%. Происшедший за десятилетие прирост основного капитала был на каждого нового работника в сельском хозяйстве в 9 раз меньше, чем в промышленности. В результате контраст между производительностью труда в сельском хозяйстве, где выход продукта сохранялся на неизменном уровне (502 рупии на одного работника), и в промышленности, где выход продукта возрастал, резко увеличился⁸.

Тенденция к росту разрыва между среднеотраслевыми уровнями производительности труда развивалась в Индии и в следующее десятилетие. Согласно промышленной переписи 1966 г., капиталовооруженность работника на предприятиях, насчитывающих 50 рабочих и больше, достигала 19,2 тыс. рупий, а выход продукции на работника — 18,3 тыс. рупий; при этом вновь созданная стоимость на одного работника (4,6 тыс. рупий) в несколько раз превосходила всю стоимость, создаваемую одним работником в сельском хозяйстве⁹.

Особенно важно отметить, что в некоторых случаях растущее аграрное перенаселение, проявляющееся в ухудшении использования рабочей силы в сельском хозяйстве, вызывает ситуацию, при которой средний общеотраслевой выход продукта на одного работника не только не увеличивается (пусть даже крайне медленно), но даже сокращается. В Восточной Бенгалии в 1950/51 г. один работник мужского пола создавал чистый продукт на сумму 840 рупий, а в 1960/61 г. — только 800 рупий (цены 1959/60 г.); в этом районе средний чистый доход от сельского хозяйства в расчете на душу сельскохозяйственного населения понизился с 228 рупий в 1950—1954 гг. до 202 рупий в 1960—1964 гг.¹⁰.

Тенденция к углублению межотраслевого разрыва в уровнях

⁸ «Economic Survey of Asia and the Far East. 1965». Bangkok, 1966, с. 10.

⁹ «Eastern Economist». New Delhi, December 26, 1969, с. 1343.

¹⁰ S. R. Bose. Trends of Real Income of the Rural Poor in East Pakistan, 1949—1966. — «The Pakistan Development Review». Karachi, vol. 8, 1968, № 3, с. 455, 456.

производительности труда в значительной степени являлась следствием государственной политики. Например, в Пакистане в его прошлых границах по третьему пятилетнему плану (1965/66—1969/70) предполагалось затратить на создание одного рабочего места в промышленности 13,5 тыс. рупий, а в сельском хозяйстве — только 3,5 тыс.¹¹.

Что касается абсолютного уровня производительности труда в сельском хозяйстве стран Южной и Юго-Восточной Азии, то он характеризуется колоссальными затратами живого труда на производство единицы продукции. Так, производство тонны очищенного риса в этих странах в 50—60-х годах требовало порядка 600—900 человеко-часов (в индийском штате Западная Бенгалия — около 950, в Таиланде — более 800, в Бирме — 695, в Шри Ланке — 640), или в 20—30 раз больше, чем в США в начале 60-х годов. Количество живого труда, затрачивавшегося на производство тонны пшеницы в индийском штате Пенджаб, впоследствии весьма развитом районе «зеленой революции» в Азии (оно составляло около 500 человеко-часов), в 125 раз превосходило соответствующий показатель в США (4 человеко-часа)¹².

Такой уровень производительности труда соответствует уровню производительности труда европейского сельского хозяйства XVIII в., в лучшем случае — первой или второй трети XIX в. Это достаточно наглядно подтверждают показатели заработной платы земледельческих рабочих в разных странах и в разное время, выраженной для сопоставимости в зерновом эквиваленте (табл. 3)¹³. Для сравнения можно также отметить, что дневная заработная плата в индийской промышленности (на предприятиях с числом рабочих 50 и больше) в зерновом эквиваленте (пшеница) составляла 11,4 кг в 1959 г. и 11,2 кг в 1966 г.¹⁴.

Таким образом, сегодняшние интенсивные системы земледелия развитых капиталистических стран и экстенсивные системы развивающихся стран Азии представляют две различные стадии развития производительных сил, которые, сосуществуя во времени, оказываются разделенными эпохой в полтора-два столетия. Даже в 60-х годах XX в. структура межотраслевого распределения населения и производства валового внутреннего продукта в крупнейших странах Южной и Юго-Восточной Азии

¹¹ Третий пятилетний план Республики Пакистан (1965—1970). [Б. м.], 1965, с. 50, 53, 244.

¹² В. Г. Растяпников. Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М., 1968, с. 58; «Statistical Abstract of the United States. 1968». Wash., 1968, с. 615.

¹³ Национальные условия эксплуатации земледельческих рабочих и, конечно, классовая борьба влияют на размеры заработной платы, однако любые ее колебания могут происходить лишь в границах, очерченных достигнутым уровнем производительности труда.

¹⁴ Рассчитано по: «Eastern Economist», December 26, 1969, с. 1343.

Таблица 3
Заработная плата земледельческих рабочих*,
кг зерна за рабочий день

Страна	Год	Заработная плата	Страна	Год	Заработная плата			
Франция** . . .	1700	2,6	Индия**: район Пенджа- ба	{ 1958/59— 1960/61 1975	5,3 7,3			
	1788	2,8						
	1840	4,6						
	1872	6,5						
	1975	138,5						
Бельгия** . . .	1830	2,9	район Уттар- Прадеша . .	{ 1956/57 1964/65 1975	2,5 2,1 1,9—3,8			
	1856	3,7						
	1880	8,6						
	1975	141,7						
		Бангладеш*** . .	{ 1950 1967 1971—1973	3,1 2,3 2,0				
		Филиппины*** . .	1955	6,4				

* Составлено и подсчитано по: С. Clark, M. Haswell. The Economics of Subsistence Agriculture. L., 1964, с. 92; Prices of Agricultural Products and Selected Inputs in Europe and North America 1975/76. Annual ECE/FAO Price Review № 26. N. Y., 1977, Annex, с. 4, 84; «Manpower Journal». New Delhi, vol. 2. 1967, № 4, с. 86; Agricultural Labour in India. Report on the Second Agricultural Labour Enquiry 1956—57. Delhi, 1960, с. 110; The Life of Landless Labourers in Uttar Pradesh. A Study. Lucknow, 1965, с. 45; «Patriot». New Delhi, 8.IX.1975; «Government of India. Economic Survey 1975—76». New Delhi, 1976, с. 16—17; S. R. Bose. Trends of Real Income of the Rural Poor in East Pakistan, 1949—1966, с. 464; M. Alamgir. Some Analysis of Distribution of Income, Consumption, Saving and Poverty in Bangladesh. — «The Bangladesh Development Studies». Dacca, vol. 2, 1974, № 4, с. 798, 801; О. Г. Барышникова. Сельское хозяйство Филиппин (генезис и развитие капитализма). М., 1972, с. 164.

** Пшеница.

*** Очищенный рис.

принципиально не отличалась от той, которая была характерна, например, для Франции периода крушения феодализма (табл. 4).

Средняя производительность труда в сельском хозяйстве в ряде стран Ближнего Востока и Северной Африки была заметно выше, чем в странах Южной и Юго-Восточной Азии. В 1960 г., например, в Египте один работник производил сельскохозяйственной продукции на 365 долл., в Турции — на 326 долл., тогда как в Пакистане — на 182 долл., на Филиппинах — на 181, в Индии — на 114, в Таиланде — на 94 долл.¹⁵. Эти показатели дают нам право отнести небольшое число стран Востока к типу государств, уже в 60-х годах проходивших бо-

¹⁵ Changes in Agriculture in 26 Developing Nations 1948 to 1963. Wash., 1965, с. 15, 64.

Таблица 4
Показатели удельного веса
сельскохозяйственного населения
и валового сельскохозяйственного продукта
в некоторых странах*,
%

Страна	Доля сельскохозяй- ственного населения во всем населении	Доля валового сельскохозяйствен- ного продукта в валовом внутреннем продукте
Франция	{ 70 (1789 г.) 53 (1870—1879 гг.) 22 (1970 г.)	59 (1788 г.)** 43 (1870—1879 гг.) 6 (1970 г.)***
Бангладеш	80 (1968 г.)	55,4 (1969/70 г.)
Индия	68 (1970 г.)	49,7 (1969 г.)
Индонезия	66 (1965 г.)	48 (1965 г.)
Филиппины	69 (1970 г.)	30 (1970 г.)***
Судан	78 (1965 г.)	54 (1965 г.)
Сирия	56 (1965 г.)	37 (1965 г.)
Египет	55 (1965 г.)	29 (1965 г.)

* L. Perceval. La question agraire en France. — «Economie et politique». P., № 139, 1966, с. 21; Long Term Economic Growth 1860—1965. Wash., 1966, с. 102—103; Indian Agriculture in Brief, 12th ed. Delhi, 1973, с. 224, 225; «The State of Food and Agriculture. 1970», FAO. Rome, 1970, с. 137, 247; Ф. А. Тринич. Бангладеш. М. 1974, с. 87, 92; «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». 1975, № 1.

** Доля национального дохода, приходящаяся на сельское хозяйство.

*** Доля чистого сельскохозяйственного продукта в валовом внутреннем продукте.

Характерная черта аграрной экономики азиатских и североафриканских стран (последних — без так называемого современного сектора в сельском хозяйстве) состоит в том, что производительность труда в производстве, основанном на эксплуатации чужого труда, до начала «зеленой революции» практически не отличалась от производительности труда в хозяйстве мелкого «самостоятельного» производителя, использующего собственный труд и труд своей семьи (ср., например, показатели производительности труда по группам хозяйств трех относительно развитых сельскохозяйственных районов Индии в табл. 5). И дело здесь не столько в том, что применяющее чужой труд производство, как и мелкое хозяйство, опирается на

Таблица 5
Производительность труда в различных группах земельных хозяйств
в трех районах Индии на доиндустриальной стадии развития*

Видарбха (1956/57 г.)				Западный Уттар-Прадеш** (1954/55—1956/57 гг.)				Пенджаб (1954/55—1956/57 гг.)			
Группа хозяйств по размерам площади, га	Затраты живого труда***, человеко-дни/га	Валовой продукт, рупий/час		Группа хозяйств по размерам площади, га	Затраты живого труда***, человеко-дни/га	Выход продукта, кг/час		Группа хозяйств по размерам площади, га	Затраты живого труда***, человеко-дни/га	Валовой продукт, рупий/час	
Менее 2	100,5	0,51		Менее 1	85,2	1,84		Менее 2	59,5	1,05	
2—4	76,5	0,54		1—2	97,5	1,57		2—4	57,3	1,01	
4—6	71,0	0,59		2—3	77,5	1,88		4—8	55,0	0,98	
6—8	72,7	0,50		3—4	75,0	1,88		8—20	49,0	0,98	
8—12	60,4	0,63		4—6	75,0	1,62		20 и более	41,8	1,07	
12—16	65,6	0,57		6—8	80,0	1,67					
16—20	79,6	0,44		8—10	75,0	1,69					
20 и более	64,6	0,61		10 и более	67,5	1,86					
В среднем для всех групп	66,8	0,57		В среднем для всех групп	80,0	1,66		В среднем для всех групп	51,5	0,99	

* Подсчитано и составлено по: Studies in the Economics of Farm Management in Madhya Pradesh, 1955/56—1956/57. Delhi, 1963, с. 30, 31, 44; Studies in the Economics of Farm Management in Uttar Pradesh, 1954/55—1956/57. Delhi, 1963, с. 100, 105, 120, 124; Studies in the Economics of Farm Management in the Punjab, 1954/55—1956/57. Delhi, 1963, с. 46, 55.

** Только поливные земли; пшеница.

*** Принят 8-часовой рабочий день.

традиционный технический базис (ведь и при таком базисе капитал, комбинируя различные формы труда, повышает до известных пределов его производительную силу), сколько в том, что воспроизводимая в аграрной экономике система внеэкономического принуждения есть сама по себе отрицание стимулов к увеличению дохода экономическими методами (подробнее см. гл. II; здесь и далее в этом разделе все отсылки в тексте на главы относятся к главам только данного раздела). В результате этого в рамках доминирующей традиционной системы отношений крупное по площади хозяйство, использующее чужой труд на кабальных условиях, обычно ведется гораздо хуже и получает валовой продукт с единицы площади значительно меньший, чем более мелкое самостоятельное хозяйство, семейные работники которого собственным трудом участвуют в процессе производства (например, в индийском штате Пенджаб продуктивность земли в мелком производстве в 50-х годах в 2 раза превосходила продуктивность земли в крупных по площади хозяйствах).

Таким образом, из-за относительной слабости предпринимательского сектора сельского хозяйства и почти безраздельного господства в этом секторе (не говоря уж о прочих подразделениях сельского хозяйства) допромышленных форм труда в аграрной экономике не происходило сколько-нибудь значительного повышения общественной производительности труда. Фактически отрыв отдельных подразделений более крупного (по местным стандартам) производства от мелкого по уровню производительности труда (и, видимо, в меньшей степени — по размерам выхода продукта на единицу площади) стал происходить в Южной и Юго-Восточной Азии в основном только с конца 60-х годов (см. гл. III).

Современную экономику развивающихся стран Азии и Северной Африки характеризует весьма слабая степень включения процесса сельскохозяйственного воспроизводства в общенациональную систему воспроизводства. Приток в сельское хозяйство средств производства (и услуг) из внешних источников (т. е. из города) до начала «зеленой революции» был сравнительно незначителен не только по абсолютной величине, но и по удельному весу в стоимости валового сельскохозяйственного продукта: в последнем случае — обычно во много раз ниже соответствующих показателей экономически развитых стран (табл. 6).

По Индии имеются более детальные оценки роли источников, из которых формировался фонд текущего производственного потребления в сельском хозяйстве накануне «зеленой революции». В 1964/65 г. 82% всех затрат по данному фонду было покрыто за счет продукции, произведенной в самом сельском хозяйстве, 10,9% — за счет продукции деревенского ремесла (и отчасти городской мануфактуры), 1,2% — за счет государствен-

Таблица 6

Текущие материальные затраты
на воспроизводство в сельском хозяйстве,
покрытые из внешних источников*,
процент в стоимости валового
сельскохозяйственного продукта

Страна	Год	Поступления	
		из про- мышленно- го сектора	из сектора услуг
Великобритания	1960	28,4	14,6
США**	1958	12,0	20,9
Япония	1960	13,5	3,6
Филиппины	1956	3,2	16,3
Малайя	1960	6,6	2,4
Индия	1960	1,8	0,1

* «The State of Food and Agriculture. 1966».
FAO, Rome, 1966, с. 123.

** Только растениеводство.

ных ирригационных сооружений. Доля современной обрабаты-
вающей промышленности и энергетики (минеральные удобре-
ния, пестициды, электроэнергия и жидкое топливо) составляла
только 5,9%¹⁶. В последующие годы наметился некоторый
сдвиг в изменении роли различных секторов в сельскохозяй-
ственном воспроизводстве¹⁷ (см. гл. III).

В странах Востока первое подразделение современной про-
мышленности осуществляет «прорыв» в сельское хозяйство
прежде всего через поставки ему минеральных удобрений.
Именно размеры потребления минеральных удобрений являют-
ся наиболее надежным показателем степени участия современ-
ной промышленности в воспроизводственном процессе в сель-
ском хозяйстве. По данным на 1965 г., использование этих
удобрений в странах Ближнего Востока и Северной Африки
составляло обычно лишь 3—6 кг (в действующем веществе) на
1 га обрабатываемой площади (Алжир, Тунис, Марокко, Тур-
ция, Сирия, Иордания), поднимаясь иногда до 18 кг (Саудов-
ская Аравия) или опускаясь до 1 кг (Ирак, Иран). Исключе-
нием из этого общего правила был Египет, где потребление ми-
неральных удобрений достигло в 1965 г. 122 кг на 1 га обра-
батываемой площади¹⁸. В этой стране современная промышлен-
ность в 60-х годах уже довольно глубоко вторглась в сельско-

¹⁶ Draft Fourth Plan..., с. 13.

¹⁷ См., например: Е. И. Миронова. Внедрение современных средств
производства в сельское хозяйство (на примере стран Южной Азии). — На-
учно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1976.

¹⁸ «The State of Food and Agriculture. 1970», с. 29, 247, 256.

хозяйственное воспроизводство: в 1964 г. ее продукт составлял
не менее трети сельскохозяйственного фонда производительного
потребления против 23,1% в 1952 г. (только удобрения, ин-
сектициды, топливо). Интеграция воспроизводственных процес-
сов сельского хозяйства и промышленности Египта, достигнутая
на основе развития межотраслевого товарного обмена, регули-
руемого и направляемого государством, при более зрелой, чем
во многих других странах, технологической базе, позволила
поддерживать в сельском хозяйстве в 60-х годах хотя и скром-
ный, но относительно устойчивый темп экономического роста.
(В целом, однако, этот темп не соответствовал национальным
потребностям увеличения производства продуктов питания: Еги-
пет непрерывно увеличивал импорт зерна; если в середине
60-х годов страна ввозила 1,6 млн. т пшеницы в год, то в пер-
вой трети 70-х годов импорт этого главного зернового продукта
возрос до 3 млн. т в год, а к концу 70-х годов превысил 5 млн. т,
обеспечивая более $\frac{2}{5}$ общего потребления зерна и $\frac{3}{4}$ потребле-
ния в стране пшеницы¹⁹.)

В большинстве развивающихся стран Азии и Северной Аф-
рики, несмотря на возросшие с середины 60-х годов поставки
средств производства для деревни, сельское хозяйство за преде-
лами очагов «зеленой революции» все еще остается в основе
своей «саморегенерирующимся» сектором национальной эконо-
мики, воспроизводство в котором базируется преимущественно
на создаваемых в нем самом (а также в деревенском ремесле)
материальных ресурсах. Иначе говоря, внутрисекторные связи
здесь в огромной степени преобладают над межсекторными.

Но такая «саморегенерация» с сопутствующей ей застойной
производительностью труда уже привела к драматическим по-
следствиям для всего процесса общественного воспроизводства.
Особенно болезненно они дали о себе знать в воспроизводстве
рабочей силы, вырванной из тисков натуральной экономики, в
частности сосредоточенной в городах.

Дело в том, что при низкой общественной производи-
тельности труда, характерной для сельского хозяйства развивающих-
ся стран, колоссальная масса произведенного в нем продукта
должна была бы идти на воспроизводство рабочей силы, по-
требленной именно в сельском хозяйстве. Товарный продукт,
который деревня могла бы отдавать в город, тем самым сво-
дился к минимуму. Но фактически деревня отдавала гораздо
больше этого минимума: под давлением докапиталистических
форм эксплуатации она вынуждена была «делиться» с городом
продуктом, образующим необходимый фонд ее жизненных

¹⁹ «Production Yearbook. 1971». FAO. Rome, 1972, с. 128; «Production Year-
book. 1978». FAO. Rome, 1979, с. 95; «Monthly Bulletin of Agricultural Eco-
nomics and Statistics». 1973, № 11, с. 9; «Foreign Agriculture». Wash. Vol. 17,
1979, № 16, с. 2, 6.

средств (уходящая в город часть этого продукта изымалась у сельскохозяйственных производителей в форме земельной ренты, платежей ростовщикам и т. д.). Несколько десятилетий тому назад такой механизм обеспечивал более или менее бесперебойное снабжение города товарным продовольствием. Однако последовавшие затем резко диспропорциональное развитие основных отраслей экономики, разбухание городского населения, интенсивно пополняемого экспропрированными группами деревенских жителей, и вызванный этим рост потребностей в товарном продовольствии, опережающий увеличение фактической его массы, а также аграрные реформы, в той или иной степени ущемляющие докапиталистическую эксплуататорскую собственность, — все это предопределило крах данного механизма. Отсталое сельское хозяйство в ряде стран оказалось не в состоянии обеспечить город, а в иных случаях и деревню необходимой массой товарного продовольствия. С середины 50-х и особенно в 60-х годах острый дефицит товарного продовольствия становится постоянным явлением во многих странах.

Например, в ряде городов Индии в первой половине 60-х годов от одной пятой до половины всей потребляемой продовольственной продукции (в городах Бихара — 53%, Западной Бенгалии — 36, Уттар-Прадеша — 29, Махараштры — 26, Гуджарата — 22%)²⁰ обеспечивалось товарными поставками из США. В городах Пакистана, особенно Восточной Бенгалии, доля продовольственного потребления за счет импорта была тогда еще более высокой.

Между тем рост городского населения и в грядущие годы будет происходить опережающими темпами по отношению к росту всего и тем более сельского населения развивающихся стран. По расчетам ФАО, наблюдавшийся в 60-х годах и ожидаемый на 70-е — середину 80-х годов темп прироста населения в этих странах выражается следующими величинами (в %) ²¹:

	1960—1970 гг.	1970—1985 гг.
в городах	4,6	4,5
в деревне	1,8	1,6
в целом	2,4	2,5

В результате, согласно тем же расчетам, если в 1960 г. удельный вес городского населения составлял 21%, то в 1985 г. он увеличится до 34,6%.

Таким образом, коренная реорганизация сельскохозяйственного производства, имеющая целью резкое повышение выхода товарного продовольственного продукта, стала императивной потребностью развивающихся стран.

²⁰ «Indian Journal of Labour Economy». Delhi, 1967, № 1—2, с. 139—152.

²¹ «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». 1973, № 9, с. 2.

Мелкое хозяйство в общественном воспроизводстве

Экономический тип хозяйства, на который экономика развивающихся стран вынуждена еще в широких масштабах опираться в процессе общественного воспроизводства, — это прежде всего хозяйство, лишенное способности осуществлять чистое накопление. В Индии, например, деревенских дворов, имеющих чистое накопление в форме различных материально-вещественных и финансовых активов (исключая наличные деньги) в размере больше 250 рупий (52,5 долл.) в год, насчитывалось в 1963 г. только 10,2%, в том числе дворов, накапливающих свыше 1 тыс. рупий (210 долл.), — 2,1%, причем отнюдь не все они располагали каким-либо земледельческим хозяйством. Остальная масса дворов либо осуществляла только простое воспроизводство (27,2% всех дворов с чистым накоплением 40—124 рупий, т. е. 8,4—26 долл.), либо была не в состоянии сделать и это. Большие группы производителей формировали отряды обнищавшего, пауперизированного населения. Подавляющая часть (96%) всего чистого накопления (исключая наличные деньги) приходилась на долю лишь 3,06% деревенских дворов, в которых накопление составляло больше 750 рупий (158,2 долл.)²². Норма же накопления в вещественно-материальной форме в сельскохозяйственном секторе, а также кустарной деревенской промышленности равнялась в этот период лишь 2,2% произведенного в этих отраслях национального дохода²³.

Между тем именно мельчайшие хозяйства, как правило, сосредоточивают в развивающихся странах Азии и Северной Африки наибольшую часть производства. Например, в Индии на их долю в начале 60-х годов приходилось свыше половины всего валового продукта, создаваемого в сельском хозяйстве, они же поставляли на рынок около 44% всего товарного продукта (табл. 7). Но это как раз тот тип производства, который рассчитан только на удовлетворение крайне скромных потребностей семьи владельца в жизненных средствах. Производство же, в котором регулярно создаются большие или меньшие накопления, концентрировало лишь немногим более 26% валового и около 35% товарного сельскохозяйственного продукта. В основном только эта верхняя группа деревенских хозяйств Индии могла в существующей обстановке вносить реальный вклад в потенциал экономического роста сельского хозяйства страны.

О высокой концентрации земледельческого производства в мельчайших хозяйствах Индии свидетельствуют следующие

²² All-India Rural Household Survey. Vol. 2. New Delhi, 1965, с. 95, 100.

²³ «Reserve Bank of India Bulletin». 1965, № 3, с. 327.

Таблица 7
Распределение валового
и товарного сельскохозяйственного продукта
между различными группами земельных хозяйств Индии
в 1961/62 г.*

Группа хозяйств по размерам собственности, тыс. рупий	Удельный вес хозяйств, %	Концен- трация валового продукта, %	Концен- трация товарного продукта, %	Товарный выход продукта в группе, %	Удельный вес хозяйств, продававших продукцию растениевод- ства, %
Меньше 1,0	16,2	4,5	2,8	19,8	43,5
1,0—2,5	24,8	11,2	7,9	22,1	56,8
2,5—5,0	23,3	16,7	13,4	25,3	70,7
5,0—10	18,6	21,1	19,6	29,2	81,5
10—20	10,7	20,1	21,6	33,7	89,7
20 и больше	6,4	26,4	34,7	41,4	94,2
Всего . . .	100,0	100,0	100,0	31,4	68,4

* Составлено и подсчитано по: All-India Rural Debt and Investment Survey 1961—62. Tables Relating to Gross Farm and Non-Farm Receipts. Bombay. [Б. г.] (mimeo), с. 2, 3, 22, 36, 37, 56; All-India Rural Debt and Investment Survey 1961—62. Current Resources of Rural Households (Reprinted from «Reserve Bank of India Bulletin», 1965, № 12), с. 4.

данные сельскохозяйственной переписи 1970/71 г. о распределе-
нии посевов зерновых (в %) ²⁴:

	Посевы всех зерновых	Посевы риса
Хозяйства до 4 га . .	48,0	62,2
Хозяйства свыше 10 га	23,4	13,3

Аналогичная ситуация существует и в других странах. Так, в Таиланде, по данным на 1963 г., хозяйства размером меньше 4,8 га (73,1% общего числа хозяйств) концентрировали 52,5% всего производства риса — основной сельскохозяйственной культуры; вместе с группой хозяйств, располагавших площадью от 4,8 до 7,2 га (14,1% всех хозяйств), они сосредоточивали 73% валового сбора риса ²⁵. В Иране, по ориентировочным расчетам советского экономиста А. И. Демина на основе данных сельскохозяйственной переписи 1972/73 г., на мелкие потребительские хозяйства (с площадью меньше 10 га) после аграрной реформы 60-х годов приходилось 42% валового сбора главной продо-

²⁴ All-India Report on Agricultural Census 1970—71. Delhi, 1975, с. 115, 117.

²⁵ В. И. Искольдский. Некоторые вопросы развития зернового хозяйства в Таиланде. — Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Африки. М., 1968, с. 149.

вольственной культуры — пшеницы; они же обеспечивали 27% общей товарной массы этого вида зерна. В то же время относительно крупные хозяйства (размером 50 га и больше), обладающие возможностью постоянно осуществлять накопление, концентрировали 18% валового сбора и 27% общей товарной массы пшеницы ²⁶.

Мелкое хозяйство в аграрной экономике развивающихся стран Востока — оплот натуральных отношений.

Во второй половине 50-х — первой половине 60-х годов в Индии, где диапазон порайонных различий в уровнях потребления товарного продукта в процессе сельскохозяйственного воспроизводства чрезвычайно широк (в зернопроизводящих районах этот показатель с учетом денежных затрат на рабочую силу колебался в очень больших пределах: от 19,1% в Самбалпуре — штат Орисса — до 56,2% в Западном Годавари — штат Андхра-Прадеш), общенациональный средний показатель составлял, по нашим подсчетам, около 30% ²⁷. С другой стороны, как свидетельствует обследование Резервного банка, в начале 60-х годов сектор сельскохозяйственных производителей самостоятельно (и через торговых посредников) реализовал на рынке только 31,4% всего производимого им продукта (т. е. ту же долю, что и в начале 50-х годов) (см. табл. 7).

Особенно значительной натуральностью отличается зерновое хозяйство — важнейшая отрасль традиционной системы производства. Например, в Индии к началу 70-х годов на рынок поступало 22% валового сбора риса (первая по масштабам производства культура), 29% сбора пшеницы (вторая культура) и лишь 13% урожая сорго (третья культура) ²⁸ (продукт, поступающий в обмен внутри деревни, в подавляющей части натуральный, здесь не учтен). В Пакистане к концу 60-х годов Центральная статистическая организация определяла товарный выход зерна в 30% в Восточной Бенгалии (рис) и в 40% — в Западном Пакистане (пшеница) ²⁹. На Филиппинах в 1962/63 г. на рынке реализовалось 32% риса ³⁰. В Марокко в 1959—1962 гг. на рынок попало 25,8% валового сбора зерновых, в 1963—1965 гг. — 21,2%, а в 1972 г. — лишь 10,5% ³¹.

Очевидно, в этих странах накануне «зеленой революции» мы

²⁶ А. И. Демин. Современная иранская деревня (основные проблемы социально-экономического развития). М., 1977, с. 237, 238.

²⁷ Подробнее см.: В. Г. Растянников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, с. 103—104, 114—116.

²⁸ Indian Agriculture in Brief. 12th ed., с. 130—131.

²⁹ «Pakistan Statistical Yearbook. 1968». Karachi, 1970, с. 317.

³⁰ Подсчитано по: «Economic Research Journal». Manila, vol. 12, 1965, № 1, с. 14.

³¹ А. Г. Виравов. Сельскохозяйственное производство и продовольственная проблема в Марокко. — Продовольственная проблема в странах Азии и Северной Африки, с. 81; он же. Марокко. Основные проблемы экономического развития (1956—1972). М., 1975, с. 203.

имели дело еще с неразвитыми стадиями общественного разделения труда в сельском хозяйстве, с начальными этапами формирования товаропроизводителя. Тот факт, что в Индии около 30% хозяйств вообще не продавало продукции (а такие хозяйства, как отмечалось, сосредоточены в основном в многочисленных низших группах) и что товарный выход продукции у более чем 80% хозяйств, концентрирующих наибольшую часть производства, был очень низким (меньше 30%), свидетельствовал об огромном распространении натурального и полунатурального, потребительского по своей сущности, производства. С точки зрения связей с рынком даже высшая группа хозяйств оказывалась менее зрелой, чем середняцкие хозяйства отсталой средней черноземной полосы России конца XIX в.³² Более того, взятое в порайонном разрезе, товарное производство и лежащее в его основе общественное разделение труда еще до «зеленой революции» развивались очень неравномерно. Его относительно зрелые территориальные очаги (они ограничиваются преимущественно районами с искусственным орошением) были окружены огромными пространствами, где воспроизводство базируется на натуральных и полунатуральных отношениях как господствующем типе отношений. Такого рода контрасты между различными сельскохозяйственными районами, вызываемые территориальной неравномерностью развития земледельческого производства, в ходе «зеленой революции» значительно усилились (см. гл. III).

Надо отметить, что в ряде североафриканских стран в отличие от азиатских (если не принимать во внимание плантационное хозяйство) ярко выраженная полистадийность производительных сил в сельском хозяйстве сложилась исторически, еще до достижения этими странами независимости. Здесь так называемый современный сектор земледельческого производства, представленный капиталистическими и мелкотоварными хозяйствами европейских колонистов, противостоял медленно разлагающемуся традиционному сектору; возникший в ходе экспроприации наиболее плодородных земель у коренного населения, данный современный сектор в целом воплощал для североафриканских стран колониальный вариант консервативного пути капиталистической эволюции. Последовавшие после освобождения этих стран от гнета колониализма аграрные преобразования изменили направление социально-экономического развития данного сектора; в Алжире в условиях социалистической ориентации они создали основу для становления в сельском хозяйстве принципиально новой укладной формы — такой формы коллективной собственности, при которой общественные интересы доминируют над частными, пока не вытесняя их цели-

³² Ср. данные, приводимые В. И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России» (Т. 3, с. 146). Труды В. И. Ленина цитируются по Полному собранию сочинений, труды К. Маркса и Ф. Энгельса — по изд. 2 Сочинений.

ком. Качественная особенность этого общественного сектора заключается в том, что, наполняясь новым социальным содержанием, он вынужден опираться во многом на старую систему связей в области общественного разделения труда; процесс воспроизводства в нем (а через него — опосредствованно — в других сферах экономики) в большой степени зависит от условий реализации его продукта на вненациональном — мировом капиталистическом — рынке. Однако наметившаяся с конца 60-х годов тенденция к частичной реализации продукта данного сектора на мировом социалистическом рынке обеспечивает значительно более стабильные и лучшие условия для процесса его воспроизводства.

Использование ресурсов рабочей силы

На современной стадии общественно-экономического развития стран Востока огромное значение для ускорения темпов экономического роста и преодоления на этой основе отсталости имеет оптимальное решение проблемы рационального использования трудовых ресурсов, т. е. проблемы занятости. Как отмечает Л. И. Рейснер, «слаборазвитая экономика в современных условиях дает пассивную схему... развития, в которой наиболее сильное давление в динамическом направлении оказывают людские ресурсы и традиционный потребительский спрос, а затем уже применяемый капитал»³³.

Между тем именно неполное использование наличных трудовых ресурсов при низких темпах экономического роста составляет ныне одно из главных противоречий в развивающихся странах Востока. Оно проявляется как в полной и, в еще большей степени, частичной безработице рабочей силы, готовой к активному включению в процесс общественного производства, так и в ограниченности возможностей вовлекать в общественное производство массы трудоспособного населения, составляющего потенциальную рабочую силу.

Точное выявление масштабов недоиспользования рабочей силы в странах Азии и Северной Африки представляет огромную трудность. Отчасти это связано с неудовлетворительной постановкой там статистической службы. Но главная трудность вытекает из незавершенности формирования в этом районе мира единой по своим главным характеристикам армии наемного труда, из сосуществования и сложного взаимодействия стадийно различных укладов, среди которых количественно преобладают малопроизводительные докапиталистические уклады.

Поскольку основную часть населения стран Востока состав-

³³ Л. И. Рейснер. Развивающиеся страны: очерк теорий экономического роста. М., 1976, с. 251.

ляет земледельческое население, состояние именно его занятости в значительной мере определяет общие условия занятости в этих странах, хотя проблема городской безработицы также весьма остра и имеет самостоятельное значение.

Масштабы недоиспользования трудовых ресурсов в сельском хозяйстве развивающихся стран поистине огромны. По различным оценкам, доля безработных и полубезработных в общей массе самодеятельного сельского населения колеблется здесь от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{3}$ ³⁴. В странах Южной и Юго-Восточной Азии их удельный вес в среднем достигает 20%. В Индии, например, доля занятого населения, подавляющее большинство которого приходится на деревню, за первую половину нынешнего века уменьшилась с 50,1 до 39,9%. При этом из 160 млн. занятых в начале 50-х годов 53 млн. (почти $\frac{1}{3}$) были заняты в производстве в среднем менее 15 дней в месяц, в том числе 30 млн. (около $\frac{1}{5}$) — менее 5 дней. Из этих 53 и 30 млн. на сельское население приходилось соответственно 94,3 и 93,3%³⁵. По некоторым оценкам, в 50-е годы 25—30% всего работоспособного сельского населения Индии было занято менее половины нормального рабочего времени. В начале 70-х годов доля полностью или частично безработных в индийской деревне (видимо, без учета лиц, активно не ищущих работу, но составляющих резерв армии труда) равнялась 17,3%³⁶.

В индонезийской деревне полностью и частично безработные составляли, по оценкам 50—60-х годов, примерно треть самодеятельного населения. На Филиппинах в 60-х годах численность не полностью занятого сельскохозяйственного населения оценивалась более чем в миллион человек, в результате чего ежегодно терялось 129,6 млн. человеко-дней³⁷. На Ближнем и Среднем Востоке неполная занятость в сельском хозяйстве охватывает по странам от 28 до 64% самодеятельного населения; в странах Северной Африки — 30—50%³⁸.

Наряду с полной и частичной безработицей активной рабочей силы необходимо учитывать и огромные резервы того трудоспособного населения, которое не только непосредственно не участвует в общественном производстве, но и по целому ряду причин экономического, социального и культурного харак-

³⁴ Развивающиеся страны: наука, техника, экономический рост. М., 1975, с. 142.

³⁵ В. Г. Растянников, М. А. Максимов. Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии. М., 1965, с. 39.

³⁶ Р. П. Гурвич. Крестьянство.— Проблемы экономического и социального развития независимой Индии. М., 1967, с. 137; В. Р. Миньяр-Белоручев. «Зеленая революция» и проблема занятости (на примере Индии).— Развивающиеся страны и «зеленая революция». М., 1974, с. 119.

³⁷ Развивающаяся Азия. Изменения в отраслевой структуре народного хозяйства. М., 1973, с. 271, 273; О. Г. Барышникова. Сельское хозяйство Филиппин..., с. 116.

³⁸ Г. И. Старченков. Проблемы занятости и миграции населения Турции. М., 1975, с. 4.

тера не стремится к активному включению в него на условиях полной производительной занятости. Это прежде всего трудоспособные иждивенцы (особенно женщины), а также ряд других категорий сельского населения, активного вовлечения которых в процесс общественного производства можно добиться только на основе глубоких социально-экономических, политических и культурных преобразований в аграрной сфере.

Аграрное перенаселение в странах Азии и Северной Африки возникло и продолжает развиваться в ходе разложения докапиталистических способов производства, толчок которому дало включение их хозяйства в мировую капиталистическую систему в качестве подчиненного интегрального элемента — аграрно-сырьевого придатка и объекта империалистической эксплуатации. В таких условиях национальный капитал проявляет относительную слабость в своей системообразующей функции, вследствие чего многоукладность, присущая всякому переходному обществу, принимает до известной степени устойчивый характер³⁹. Поэтому в экономике развивающихся стран действуют различные, характерные для стадийно разнородных укладов, закономерности образования относительного аграрного перенаселения.

На современной стадии общественно-экономической эволюции сельского хозяйства стран Востока наблюдаются два основных потока «раскрестьянивания» сельских непосредственных производителей. Первый из них — пауперизация крестьянства под давлением докапиталистической эксплуатации. Второй — его разложение в ходе развития производства на базе рыночных отношений, усиливающееся по мере втягивания сельского хозяйства в товарное производство и развития земледельческого капитализма, с характерным для этого процесса постепенным вытеснением мелкого хозяйства крупным.

На той стадии развития общественного хозяйства и капиталистического способа производства, которую проходят в настоящее время многие страны Востока, низкий уровень и крайне медленный рост органического строения капитала, функционирующего в сельском хозяйстве, предполагает более или менее пропорциональное его накоплению возрастание спроса на наемную рабочую силу. Однако специфика стран Востока заключается в том, что узкие границы становления капиталистических форм производства и огромные масштабы «раскрестьянивания» сельских непосредственных производителей обуславливают значительное и все увеличивающееся отставание роста спроса на наемную рабочую силу в сельском хозяйстве и в пределах всей экономической системы этих стран от ее предложения.

³⁹ См.: А. И. Левковский. Специфика и границы капитализма в переходном обществе «третьего мира». — МЭиМО. 1974, № 1, с. 114; В. Г. Растянников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе..., с. 6.

В результате этого выявляется невозможность полного производительного применения труда для все большей массы сельскохозяйственного пролетариата, растущая часть которого постоянно пребывает в ожидании благоприятных условий для перехода в ряды неземледельческого пролетариата. К. Маркс писал, что «этот источник относительного перенаселения течет постоянно. Однако его постоянное течение к городам предполагает в самой деревне постоянное скрытое перенаселение», причем «чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение»⁴⁰.

Наряду с полностью экспроприированным сельским населением армию постоянного скрытого аграрного перенаселения формирует и огромная масса пауперизированных сельских мелких производителей, находящихся на грани пролетарского состояния. Как подчеркивал В. И. Ленин, «масса сельских „хозяев“, имеющих такие ничтожные клочки земли, существовать с которых нельзя, которые представляют из себя лишь „подсобный промысел“, составляет в общем строе капитализма часть *резервной армии безработных*»⁴¹. Не находя, как и значительная часть экспроприированного сельскохозяйственного населения, полной производительной занятости вне собственного хозяйства, они оседают в сфере мелкого потребительского хозяйства, придавая скрытому аграрному перенаселению особо застойный характер. Таким образом, наличие огромной армии не полностью занятого сельскохозяйственного пролетариата и массы мелких «хозяев», находящихся на грани пролетаризации, — одна из главных причин образования в деревне развивающихся стран Востока относительно устойчивых социально-экономических структур, включающих различные социальные категории сельских пауперов и крестьянской бедноты.

Но формирование армии относительно излишней рабочей силы в ходе пролетаризации и пауперизации сельских непосредственных производителей не есть единственный питающий аграрное перенаселение поток. Сильное воздействие на рост аграрного перенаселения оказывает и современная демографическая ситуация, возникшая в развивающихся странах под влиянием ряда особенностей их социально-экономической эволюции.

По данным ООН, среднегодовые темпы роста населения в развивающихся странах в 1950—1960 гг. составили 2,32%, в 1960—1970 гг. — 2,77% и ожидалось не ниже в период 1970—1980 гг. В 60-е годы население Ближнего Востока и Северной Африки возрастало в среднем на 2,7% в год, а стран Среднего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока —

⁴⁰ К. Маркс. Капитал. Т. I. — Т. 23, с. 657, 659.

⁴¹ В. И. Ленин. Капиталистический строй современного земледелия — Т. 19, с. 332.

на 2,6%. При этом в Индии и Индонезии среднегодовые темпы роста населения в 60-х годах равнялись 2,5%, а в Иордании, Сирии, Ираке, Пакистане, Малайзии, на Филиппинах они достигали 3% и более⁴². Основная часть абсолютного прироста населения в конкретной обстановке развивающихся стран приходилась, естественно, на деревню.

Сложившаяся в странах современного Востока демографическая ситуация представляет собой результат формирования новых, специфических закономерностей роста населения, возникших в ходе разложения докапиталистических способов производства в этих странах при их взаимодействии с экономически развитыми странами. Это многостороннее взаимодействие, охватывающее экономические, социальные и культурные аспекты, опосредствованным образом, через сложный передаточный механизм, изменяет динамику демографических процессов.

Если в доколониальном и колониальном обществе наблюдались высокая рождаемость и высокая смертность и население росло в целом медленно, то в независимых государствах Востока, напротив, происходит заметное сокращение смертности, в первую очередь детской. Большую роль в этом играет распространение на развивающиеся страны результатов общего прогресса медицины, и в частности успехов в борьбе с эпидемическими заболеваниями, достигнутых в экономически развитых странах, особенно в ходе научно-технической революции. Важное значение имеет и развитие системы здравоохранения и образования, повышение санитарной культуры в самих развивающихся странах. В результате всего этого многие развивающиеся страны в течение 15—30 лет добились снижения смертности до такого уровня, для достижения которого странам Европы и Северной Америки потребовалось 100—150 лет⁴³.

Сокращение смертности происходит при сохранении традиционно высокой рождаемости, возникшей еще в первобытном обществе как естественная реакция на высокую смертность и затем закрепившейся в обычаях и религии. Поддержанию высокой рождаемости содействуют и некоторые новые факторы: увеличение детородных контингентов населения вследствие снижения смертности и повышения средней продолжительности жизни, смягчения запретов на повторные браки, успехов здравоохранения и т. п.⁴⁴.

Устойчивость высоких темпов роста населения в современных развивающихся странах дает многим западным исследова-

⁴² ООН. Перспективы мирового населения по оценкам 1968 г. Нью-Йорк, 1973, с. 218—222; «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». 1973, № 4, с. 3—4.

⁴³ Я. Н. Гузеватый. Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970, с. 46—47.

⁴⁴ Основы теории народонаселения. М., 1973, с. 195.

телям повод рассматривать ухудшение условий занятости довых ресурсов в этих странах как результат исключите- «демографического взрыва», ведущего к тому, что темпы роста численности населения и трудовых ресурсов опережают темпы экономического роста и абсолютного увеличения числа рабочих мест в масштабах всей экономики, а особенно в сельском хозяйстве, где занята основная часть самодеятельного населения.

Однако на деле такой взгляд в корне ошибочен, поскольку он исходит из неверного представления о том, что в отличие от спроса на рабочую силу, который в условиях капиталистического способа производства определяется накоплением капитала, ее предложение определяется единственно ростом населения⁴⁵. Таким образом, здесь налицо смешение закономерностей динамики численности населения, с одной стороны, и формирования трудовых ресурсов и движения занятости — с другой.

Высокие темпы роста населения в развивающихся странах непосредственно определяют лишь рост населения трудоспособных возрастов как потенциальных трудовых ресурсов общества. Но развитие самих трудовых ресурсов и предложение рабочей силы в общественном производстве определяются уже существующим общественным способом производства, т. е. совокупностью производительных сил и производственных отношений. Рост численности населения, таким образом, влияет на условия занятости не прямо, а опосредствованно⁴⁶.

Образование аграрного перенаселения в развивающихся странах прежде не выступало в целом как результат действия в их сельском хозяйстве всеобщего закона капиталистического накопления, проявляющегося в этой отрасли экономики в абсолютном вытеснении сельскохозяйственных рабочих из сферы производства в результате применения средств механизации. Вытеснение рабочей силы машинами наблюдалось лишь эпизодически в отдельных районах наиболее быстрого становления крупного капиталистического хозяйства в земледелии. Но в 60—70-е годы в странах Востока на основе ускорившейся механизации сельского хозяйства, главным образом в связи с технологическими сдвигами в ходе «зеленой революции», возникла тенденция к расширению сферы действия всеобщего закона капиталистического накопления, ведущего к росту относительного аграрного перенаселения (см. с. 90, 91). К тому же возрастание роли экономических отношений по мере развития «зеленой революции» влечет за собой быстрое разрушение существующего

⁴⁵ Т. Медведева. О законе и системе законов народонаселения. — Законы и закономерности развития народонаселения. М., 1976, с. 9.

⁴⁶ «Трудовые ресурсы это не просто количественная категория, количественная совокупность людей. Это сложная социально-экономическая категория, формирование и развитие которой происходит непосредственно под воздействием производственных отношений общества и обусловлено уровнем развития производительных сил» (Система знаний о народонаселении. М., 1976, с. 88—89).

в сельской общине на протяжении длительного исторического периода механизма известного уравнительного перераспределения средств к существованию, дававшего некоторые социальные гарантии неимущим низам. Это способствует дальнейшему обострению проблемы аграрного перенаселения в целом и усилению социальной напряженности в деревне.

Огромное давление, которое оказывает и, очевидно, еще долго будет оказывать аграрное перенаселение на занятость и жизненные условия подавляющего большинства трудящихся, угрожает дальнейшим и все более резким ухудшением общей экономической и социально-политической обстановки в странах Востока. Это наряду с объективными потребностями ускорения экономического роста заставляет правящие круги многих развивающихся стран отводить повышению уровня занятости сельского населения одно из важнейших мест в программах социально-экономического развития. В стратегии экономического роста развивающихся стран с течением времени все серьезнее ставятся проблемы более полного и эффективного использования трудовых ресурсов.

Особое значение имеет определение границ использования современной трудосберегающей техники, поскольку ее внедрение таит угрозу относительного, а в аграрной сфере и абсолютного снижения уровня спроса на рабочую силу. Поэтому, как отмечает Л. И. Рейснер, в развивающихся странах «общество в целом поставлено перед необходимостью расширять свой производственный аппарат, применяя капитал такого среднего для всей экономики строения (имеется в виду техническое строение в узком смысле), чтобы обеспечить рост занятости по меньшей мере в соответствии с ростом резервов рабочей силы»⁴⁷.

Подобная стратегия не влечет за собой неизбежной консервации экономической отсталости, поскольку она в принципе вполне совместима с использованием достижений научно-технической революции, хотя и в особых формах — при обязательном обеспечении определяющей роли государства в выборе общей стратегии развития. Есть основания полагать, что при соблюдении двух главных условий — проведении глубоких прогрессивных аграрных преобразований, во-первых, и осуществлении контроля государства над ходом развития механизации в сельском хозяйстве в рамках общего перспективного планирования экономики, во-вторых, — модернизация сельского хозяйства может быть совместима с решением проблемы занятости и повышения жизненного уровня трудящегося сельского населения.

⁴⁷ Л. И. Рейснер. Развивающиеся страны..., с. 250.

СДВИГИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
СТРУКТУРЕ ДЕРЕВНИ

В современной многоукладной аграрной экономике стран Азии и Северной Африки общее движение системы укладов определяется, как правило, развитием либо капитализма, либо особой формы государственной собственности, такой, которая, возникая в ходе постепенных или скачкообразных перемен, перестает быть простым проявлением капиталистического уклада, обретает самостоятельное бытие, подрывая, поглощая, устраняя прочие формы собственности, порождающие (либо усиливающие) тенденции капиталистического развития. Двоющим типом укладного системообразования обусловливается и существование соответственно двух противоположных по своей социальной сущности магистральных линий аграрной эволюции в «периферийном» обществе.

Укладное системообразование на базе капитала исторически предшествует процессу образования системы укладов на основе становления такой государственной собственности, при которой общественные интересы доминируют над частными, подчиняют, но пока не устраняют их. Поэтому анализ проблемы (вернее, лишь некоторых важных ее аспектов) логично начать с рассмотрения первого типа укладного системообразования.

Развитие капитализма и характер изменений
в аграрном строе

Главная характерная черта укладного системообразования на основе капитала в обществах развивающихся стран, включенных в мировую капиталистическую систему хозяйства в качестве подчиненного, эксплуатируемого мировым капиталом «периферийного» звена, состоит именно в том, что доминирующий элемент системы, оказывающий решающее воздействие на движение укладных комплексов развивающихся обществ, находится за пределами самих этих обществ, будучи представлен индустриально развитой стадийной формой капитала развитых капиталистических стран. В результате этого аграрная эво-

люция на «периферии» мировой капиталистической системы приобретает ряд специфических черт. Ей присуща особая группа противоречий, а именно противоречия, развивающиеся на почве зависимого капиталистического развития¹.

Разложение традиционных способов производства, с одной стороны, консервация мировым капиталом продуктов их распада при медленном становлении местных (национальных) подразделений мирового капиталистического уклада, имеющих в развивающихся обществах анклавный характер (если в качестве критерия принять подчинение капиталом всех фаз воспроизводственного процесса), — с другой, есть имманентное следствие и проявление данной формы развития. При этом возникает особый тип многоукладной структуры, именно такой, при котором доминирующий уклад — капитал — нарушает органическое единство фаз воспроизводственного процесса (производство, распределение, обмен, потребление) у подчиненных укладов, втягивая ту или иную из них (но не фазу производства!) в свое движение и тем самым утверждая свою власть над всей системой хозяйства. Иначе говоря, в рамках зависимого капиталистического развития мы имеем дело с формированием системы

¹ Марксистская разработка этого понятия дана в работах: В. В. Крылов. Характерные черты социально-экономических процессов в обществах развивающихся стран. — «Вопросы философии». 1976, № 9; Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, гл. I. Понятие «зависимый капитализм» использовалось при объяснении особого типа капиталистического развития в ряде обобщающих работ. См., например: К. Н. Брутенц. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, гл. II; Г. Мирский. Меняющийся облик «третьего мира». — «Коммунист», 1976, № 2, с. 112—115. Читателя, интересующегося содержанием понятий «зависимое капиталистическое развитие», «зависимый капитализм», мы и отсылаем к этим трудам. Здесь же хотелось бы указать на одно из важных положений, вытекающих из концепции «зависимого капиталистического развития» и имеющих непосредственное отношение к характеру аграрной эволюции в развивающихся афро-азиатских обществах. Капитализм как совокупный процесс общественного производства является мировой системой (по охвату своей властью трудовых ресурсов, сырья и т. д.), но как индустриальная форма действительного процесса производства в масштабах всей национальной экономики он строго локализован в небольшой группе стран (развитые капиталистические страны). При этом преимущественно доиндустриальное состояние производительных сил и широкое распространение традиционных форм производственных отношений в развивающихся странах выступает не только как пока еще не успевший исчезнуть остаток доколониального прошлого, не только как проявление докапиталистических экономических структур, но и как продукт законов развития самого мирового капитализма, консервировавшего уже существовавшие либо воссоздававшего заново отсталые общественно-экономические формы в качестве своего аномального проявления (о такого рода аномалии см.: К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. I — Т. 46. Ч. 1, с. 34—35, 505). По своей социальной природе данные укладные формы есть «структурное воплощение консервативных тенденций капитализма» (подробнее см.: [Выступление В. В. Крылова. Конференция.] Деревня современного Востока: основные пути эволюции. — «Народы Азии и Африки», 1974, № 1, с. 47—48, 50).

укладов, отличительным признаком которой является именно отсутствие целостности воспроизводственного процесса в определенных, прежде всего традиционных, укладах, и сами такие уклады выступают не как социальные образования, самостоятельные по отношению к прочим укладам, а как укладные формы, движение которых вследствие подчинения той или иной фазы их воспроизводственного процесса потребностям воспроизводства доминирующего уклада регулируется именно этим последним. (Только с утверждением подлинного национального суверенитета развивающихся обществ возникают важнейшие объективные предпосылки для взлома порочного круга обстоятельств, удерживающих эти общества на пути зависимого капиталистического развития вообще и способствующих становлению местного капитала как «периферийного» подразделения мирового капиталистического уклада в частности.)

Формирование данной многоукладной структуры в деревенском обществе обусловлено влиянием ряда взаимосвязанных процессов.

Насильственное включение порабощенных колониальными захватчиками обществ в мировую капиталистическую систему в качестве зависимого, эксплуатируемого капиталом метрополий звена вызвало крупнейшие деформации в экономической структуре деревни этих обществ и ее главном элементе — крестьянском хозяйстве.

Резкое усиление действия системы внеэкономического принуждения (торгово-ростовщическая, рентная, налогово-повинностная эксплуатация и т. д.) и одновременно использование методов насильственного приспособления производства в крестьянском хозяйстве к потребностям метрополий (например, введение системы принудительных культур в ряде стран Азии) реализовалось не просто в изъятии из крестьянского хозяйства большей массы продукта, но и в превращении этого продукта из натуральной формы в денежную. О подобном процессе К. Маркс писал, что «тут дело шло уже не о том, чтобы выколотить из него (работника.— В. Р.) известное количество полезных продуктов. Дело заключалось в производстве самой прибавочной стоимости»².

Это превращение непосредственных производителей, хозяйствующих на базисе традиционных (т. е. натуральных) отношений, в производителей меновых стоимостей сопровождалось прямым разрушением производительных сил в агросфере.

Тем самым крестьянское хозяйство порабощенных стран было включено в новую систему общественного разделения труда: оно стало первичной производственной ячейкой не в пределах отдельного, экономически, как правило, изолированного, под-

² К. Маркс. Капитал. Т. I.— Т. 23, с. 247.

разделения «своего» общества (община) или даже всего «своего» общества в целом, а в пределах мирового рынка, где господствовал капитал метрополий. Монополия этого капитала на местных рынках, опиравшаяся на политическое господство колониальных захватчиков, перекрыла каналы для становления свободных рыночных отношений в порабощенных странах и вызвала такие деформационные процессы, при которых действие закона стоимости не могло играть революционизирующей роли в разложении крестьянства, ибо не преобразовывало воспроизводственный процесс в крестьянском хозяйстве, оставшийся натуральным по своему характеру, а лишь способствовало по преимуществу перемещению части фонда необходимого продукта этого хозяйства к эксплуататорам различных рангов. Деформация крестьянского хозяйства проявилась и в том, что оно стало средоточием аграрного перенаселения, гигантским резервуаром возрастающей «избыточной» рабочей силы.

Таким образом, товарный продукт крестьянского хозяйства порабощенных стран, отчуждаемый в наибольшей своей массе внеэкономическими методами, включался в мировой кругооборот промышленного капитала. «...И постольку капиталистический способ производства», говоря словами Маркса, был «обусловлен способами производства, находящимися на иной, чем он, стадии развития»³.

Данный продукт становился фактором расширенного воспроизводства капитала прежде всего в «центрах» мировой капиталистической системы. Затем, по мере роста общественного разделения труда на национальной основе, и в частности становления национального капитализма, все большая часть этого продукта стала вовлекаться в кругооборот местного промышленного капитала. После достижения порабощенными странами независимости товарный продукт, изымаемый из крестьянского хозяйства методами внеэкономического принуждения, образовывал мощный источник расширенного воспроизводства национального государственного сектора, воплощающего по различным странам социально противоположные тенденции общественного развития — либо обеспечивающую примат частных интересов над общественными и тем самым способствующую удержанию развивающегося общества в мировой капиталистической системе, либо обеспечивающую доминирование общественных интересов над частными и тем самым способствующую разрыву с зависимым капиталистическим развитием и постепенно — с капитализмом вообще.

На доиндустриальной стадии труда крестьянское хозяйство развивающихся стран представляет, следовательно, такой социальный организм, у которого фаза производства остается «привилегией» традиционных укладов, в то время как фазы рас-

³ См.: К. Маркс. Капитал. Т. II.— Т. 24, с. 127.

пределения и обмена, включенные в орбиту движения доминирующего уклада, обеспечивают расширенное воспроизводство этого последнего; существенная часть товарного продукта крестьянского хозяйства, втягиваясь в процесс обращения во внедеревенских (национальных и вненациональных) сферах экономики, здесь и оседает⁴.

В ходе длительной эволюции аграрная экономика афроазиатских стран превратилась в систему, которую по характеру отношения к рынку можно разделить на ряд качественно различных подразделений.

Одно из них представлено хозяйствами, где воспроизводимый продукт целиком расходуется на нужды производителя и его семьи, минуя какие-либо товарные метаморфозы (таких «чистых», замкнутых в себе, комплексов натуральных отношений в восточной деревне ныне сохранилось сравнительно немного).

Полярное данному — подразделение, в котором продукт с самого начала производится как товар, предназначенный для обмена на рынке с целью возобновления фонда жизненных средств производителя или же для его обогащения. Зоны подобных двусторонних связей деревенского производителя с рынком уже сложились или складываются, особенно там, например, где в процессе специализации земледельческого хозяйства выделились значительные районы производства специфических продовольственных или технических культур, продукция которого предназначена для реализации на внутреннем или мировом рынке; мощный импульс становлению двусторонних связей производителей с рынком сообщает в районах своего распространения «зеленая революция». Но такие связи — и это главное — не заняли господствующего положения в воспроизводстве хозяйственного организма деревни в целом.

Третье подразделение — оно-то и есть наиболее распространенное — образуют такие хозяйства, которые осуществляют воспроизводство на натуральном или полунатуральном (т. е. с вкраплением отношений товарного обмена) базисе и функционируют исключительно (или почти исключительно) ради получения средств к жизни, но под воздействием различных форм внеэкономического принуждения⁵ расстаются с той или иной

⁴ Такой природой воспроизводства в крестьянском хозяйстве определяется и одна из важнейших целей нынешней борьбы развивающихся стран за новый международный экономический порядок: обеспечить такую систему распределения и обмена крестьянского продукта, вовлекаемого в кругооборот мирового капиталистического рынка, при которой максимально возможная его часть в виде вещественных элементов производства возвращалась бы обратно, в развивающиеся страны, органически входя в воспроизводственный процесс все более крепнущего здесь государственного сектора.

⁵ В основе таких форм лежат многообразные отношения «господства и кабалы», «первоначальное присвоение земли, ее монополизирование немногими лицами» и вытекающая отсюда «сила взимать дань, налагать контрибу-

частью своего необходимого продукта. Эта часть принимает форму меновой стоимости, реализуется на рынке, воплощая односторонний, безвозмездный отток продукта из сферы сельскохозяйственного производства. Поэтому характерной чертой аграрной экономики развивающихся стран Востока является разительная диспропорция (сложившаяся еще в колониальный период и не устраненная и поныне) между уровнем товаризации результатов производства (превращение продукта в товар в фазе выхода его из процесса производства) и уровнем товаризации воспроизводственного процесса (потребление товарного продукта во всем потребляемом в производстве продукте). Первый намного выше второго.

Многочисленные материалы национальных обследований свидетельствуют о том, что масса стоимостей, безвозмездно изымаемая из сельского хозяйства одними лишь эксплуататорами докапиталистического типа, образует непомерно большую часть поступающего на рынок сельскохозяйственного продукта. Например, в Индии середины 60-х годов эта часть составляла до 40% товарного продукта растениеводства⁶, на территории нынешнего Пакистана в начале 60-х годов — до 50% товарного сельскохозяйственного продукта (здесь один лишь помещичий класс присваивал в виде натуральной ренты, обращавшейся в меновую стоимость, 25% всего земледельческого продукта)⁷, а в важнейшем рисопроизводящем районе Филиппин — Центральном Лусоне в конце 50-х годов дань, взимаемая с рисоводов в натуре, — натуральная земельная рента и ростовщические платежи, погашаемые в натуре, — формировала 70% всего фонда товарного риса⁸.

Оборотной стороной подобных неоплачиваемых изъятий продукта и является задержка развития товарных форм воспроизводства в сельском хозяйстве. В Индии к середине 60-х годов, как отмечалось выше (с. 25), лишь 30% всего потребляемого в сельскохозяйственном воспроизводстве продукта поступало с рынка, причем подавляющая часть этой товарной доли формировалась за счет средств существования, а не средств производства, в потреблении же товарных средств производства господствующее место занимали традиционные их виды (тягловый скот и корм для него, примитивный земледельческий инвентарь и т. д.).

», а также действие внеэкономических институтов государства (см.: Ф. Энгельс. Наброски к критике политической экономии. — Т. 1, с. 557; К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2. — Т. 25. Ч. 2, с. 174; К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 1, с. 231, 452).

⁶ В. Г. Растянников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, с. 115.

⁷ Mahbubul Haq. Deficit Financing in Pakistan 1951-60. Karachi, 1961, с. 68; The First Five Year Plan 1955-60 (draft). Vol. 1. Karachi, 1956, с. 165.

⁸ В. Г. Растянников. Развивающиеся страны: продовольствие и политика. М., 1968, с. 35.

В многоукладной аграрной экономике, не очищенной еще от гнета докапиталистической эксплуататорской собственности, необходимо, следовательно, различать два типа социальных связей, опосредствованных товаризацией продукта. Один тип представлен «горизонтальными» связями (действительный товарный обмен между производителями). Другой тип — это система «вертикальных» связей (односторонний, безвозмездный отток продукта из производства и обращение его в товар на стадии до его отчуждения или после его отчуждения); данный второй тип связей представляет в своей основе реализацию отношений докапиталистической эксплуататорской собственности (или государственного принуждения). За этими двумя типами связей стоят принципиально различные типы производителей: товаропроизводитель, с одной стороны, и простой производитель меновых стоимостей, осуществляющий воспроизводство на натуральной основе (зачастую паупер), — с другой (между ними — широкая гамма переходных типов производителей).

Выкачка из сельского хозяйства огромной дани, присваиваемой докапиталистическими эксплуататорскими группами общества, а также государством при господстве допромышленных производительных сил и соответственно чрезмерно низкой производительности труда, крайне задерживала основной эволюционный процесс в аграрной экономике — общественное разделение труда и вызревание на этой основе товарного производства⁹.

Более того, товарное производство и товарный обмен в восточной деревне складывались в колониальный период и складываются ныне в таких условиях, при которых стихийное действие закона стоимости проявляется в искаженной форме. Раньше свободному развитию рыночных отношений в аграрной экономике препятствовали, как говорилось выше, монополии колонизаторов на внутреннем рынке поработанных стран, а также действовавшие в ее рамках и усугублявшие ее влияние низшие и худшие формы местного капитала. Теперь в деревне, освобожденной от «внешней», колониальной монополии, все интенсивнее развивается особая форма внестоимостного обмена, являющаяся результатом утверждения в сфере обращения монополий национального государства. В зависимости от конкретных обстоятельств эти монополии утверждаются при вытеснении частного капитала из данной сферы или при опоре на него. Но в обоих случаях на внутридеревенском рынке доминируют монопольные цены. До «зеленой революции» такие цены

⁹ Между тем еще и ныне бытует метод, когда об уровне развития в сельском хозяйстве товарного производства судят по уровню товарности сельского хозяйства (т. е. доле выхода сельскохозяйственного продукта на рынок). Такое забвение различий между обеими категориями приводит к неоправданному преувеличению роли в аграрной экономике укладов, опирающихся на товарное производство.

обычно были ниже стоимости создаваемого в сельском хозяйстве товарного продукта и выше стоимости товарного продукта, поступающего в деревню из других секторов. Нарушение стоимостных пропорций товарного обмена действовало, таким образом, в ущерб товаропроизводителю в сельском хозяйстве, особенно мелкому. С началом «зеленой революции» характер внестоимостного обмена в ряде стран претерпел существенные изменения: наиболее развитые подразделения аграрной сферы стали присваивать часть стоимости, создаваемой в других секторах (см. гл. III).

Итак, аграрная экономика стран Востока не прошла стадию свободного развития товарных отношений, характерную для «классической» модели аграрной эволюции и пережитую в свое время рядом стран Запада. Свободные товарные отношения не стали и теперь уже не могут стать основной детерминантой аграрной эволюции в афро-азиатских обществах. Но «выпадение» из процесса аграрной эволюции в этих обществах целой исторической стадии — стадии господства свободных рыночных отношений, когда, согласно «классической» модели, в сельском хозяйстве утверждается капиталистический способ производства, — не могло не отразиться на характере социальной организации общественного труда в деревне, на общей типологии и иерархии форм этой организации.

Слабое развитие товарного производства в аграрной сфере, с одной стороны, отсутствие свободного для местного капитала рынка — с другой, означает прежде всего, что деревенский капитализм не может обрести в широких масштабах адекватный базис для своего роста. Как господствующая тенденция он выступает в своем худшем, консервативном варианте. В основе такой формы капиталистической эволюции лежит действие старых отношений собственности — внеэкономических отношений господства и подчинения, принуждения и кабалы. Господствующие классы, опираясь на данные отношения собственности, осуществляют прямое насилие над непосредственными производителями; старые отношения собственности вместе с тем искажают действие закона стоимости, сводя процессы стихийного разложения таких производителей к худшим формам. (В зависимости от конкретных условий степень деформации этих процессов по разным регионам, странам и даже отдельным районам тех или иных стран различна.) О капиталистической эволюции такого типа В. И. Ленин писал, что она «характеризуется тем, что средневековые отношения землевладения не ликвидируются сразу, а медленно приспособляются к капитализму, который надолго сохраняет в силу этого полуфеодалные черты»¹⁰. (В этом ленинском определении четко выделяет-

¹⁰ В. И. Ленин. Аграрный вопрос в России к концу XIX века. — Т. 17, с. 129.

ся прямая и обратная связь между старыми отношениями собственности и капитализмом в период становления последнего.) В связи с данной же формой капиталистической эволюции К. Маркс специально подчеркивал, что «этот путь сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, так как он скорее консервирует и удерживает его как свою предпосылку»¹¹.

Действительно, процесс первоначального накопления в развивающихся странах Востока отличался (и отличается) рядом особых черт, главная из которых — его внутренняя (стадиальная) незавершенность. Можно сказать, что этот процесс устремлялся как бы вширь, втягивая в свою сферу все новые сегменты аграрной экономики, все новые группы деревенского общества, разлагая традиционные социальные структуры, но крайне незначительно шел вглубь, т. е. не реализовался равноценно в становлении капиталистического производства и соответствующих ему классовых образований. Иначе говоря, результаты интенсивной экспроприаторской миссии, осуществлявшейся деревенскими эксплуататорами на протяжении многих десятилетий колониального гнета и в дальнейшем — в эпоху независимости, не были адекватно «сняты» последующей, капиталистической, формой социально-экономического процесса. Итогом такого развития было огромное разрастание промежуточных социально-экономических структур, принимавших застойный характер. Отсюда — формирование гигантской массы пауперизированного населения, превращавшегося в устойчивый социальный конгломерат национального общества.

К промежуточным аграрным структурам следует отнести весь комплекс социально-экономических форм, занимающих именно промежуточное положение между отживающим способом производства и тем, который имеет ярко выраженную тенденцию стать господствующим в обществе. Естественно, что в странах Востока в основе промежуточных аграрных структур, возникших в результате разложения и упадка традиционного способа производства, лежит доиндустриальная форма общественного труда.

В советских исследованиях промежуточные структуры получили достаточно яркое освещение, однако, на наш взгляд, существенно недооценивалось или полностью игнорировалось их значение как специфического «осадка» социально-экономической эволюции общества, которое, будучи «вписано» в мировую капиталистическую систему, занимает в ней место подчиненного элемента. Промежуточные структуры обычно мыслились такими социальными образованиями, которые сами собой развиваются в капиталистические (для обозначения отдельных

¹¹ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 1. — Т. 25. Ч. 1, с. 367.

из них даже появился термин — «полукапиталистический уклад»¹²).

В реальной действительности стран Востока эти структуры представляют собой «аномальную», регрессивную форму проявления мирового капиталистического уклада в «периферийной» зоне его влияния — такую форму, при которой капитал не преобразует традиционный способ производства, а консервирует его, подчиняя вместе с тем своему контролю сферу распределения. Данная форма есть постоянно воспроизводимый функциональный элемент индустриального капитализма развитых стран, а не нечто оставшееся от прошлого и превращающееся в настоящее, т. е. в капиталистическую форму хозяйства. Она равноценна тому качественному состоянию аграрной экономики, о котором В. И. Ленин писал: «...старое, натуральное, полукрепостническое хозяйство было подмыто, а условия для нового, буржуазного, не созданы»¹³. Промежуточная, или переходная, структура, основывающаяся на наименее производительном — доиндустриальном — виде общественного труда, проявляющаяся в присвоении эксплуататорами существенной части фонда жизненных средств непосредственных производителей, не содержащая в себе каких-либо зародышей социального прогресса, воплощает «тупиковую» ветвь в общем процессе эволюции восточной деревни¹⁴. Иначе говоря, такую промежуточную структуру можно назвать «тупиковой» именно потому, что она не обладает потенциями саморазвития. Как само ее становление, так и последующие изменения в пределах доиндустриальной фазы труда осуществляются под воздействием импульсов, идущих «извне». И ее движение в этой фазе происходит в соответствии с законами подчиняющей ее себе иной социально-экономической формы. При такой структуре продукт чужого труда изымается эксплуататорами на основе внеэкономических отношений господства и подчинения.

В сегодняшней аграрной экономике стран Азии и Северной Африки громадное разрастание промежуточных экономических форм, которые, говоря словами Маркса, «скорее консервируют» старый способ производства, есть наиболее яркое проявление аграрного кризиса как кризиса структурного типа.

При всем разнообразии категорий промежуточных структур необходимо выделить одну из наиболее распространенных, осо-

¹² См.: Аграрный вопрос в странах Азии и Северной Африки. М., 1968, с. 284.

¹³ В. И. Ленин. Аграрный вопрос и современное положение России (Заметки публициста). — Т. 24, с. 162.

¹⁴ Такие традиционные структуры «периферийных» обществ, задержавшиеся в «фазе полураспада», ученый из ГДР Клаус Эрнст очень метко характеризует как «деформированный продукт» и «функциональный элемент колониальной и неоколониальной эксплуатации» (см.: «Советская этнография». М., 1975, № 6, с. 161—164).

бенно в странах Южной и Юго-Восточной Азии, — систему издольной аренды.

Анализ многочисленных материалов показывает, что распространение издольщины — прямое и непосредственное следствие экспроприации крестьянской земельной собственности крупными землевладельцами, ростовщиками и другими представителями денежного богатства. Аграрная история азиатских стран знает уникальные примеры практически полного завершения процесса экспроприации земли непосредственного производителя — крестьянина — на значительных территориях. Так, в провинции Пампанга (Филиппины) к середине 60-х годов 98% всех хозяйств принадлежало крестьянам, арендовавшим землю на тяжелых условиях издольщины¹⁵.

При издольной аренде в ее «периферийном», восточном варианте действовал закон экстенсивного увеличения прибавочного труда (максимальное использование отношений земельной собственности, как таковой), который целиком присваивался землевладельцем, а не закон интенсивного увеличения прибавочного продукта (вложение в производство добавочного капитала собственником, или издольщиком, или обоими вместе). Интенсивно потреблялась лишь рабочая сила производителя; напротив, применение овеществленного труда ограничивалось рядом совершенно необходимых элементов (семена, плуг, рабочий скот). Какие бы сдвиги в распределении средств производства между производителем и землевладельцем (от нуля до полного набора на той или иной стороне) ни происходили в сфере издольной аренды, живой труд и его потребление оставались основой любого варианта системы, возникавшей в рамках этой аренды.

Примитивная общественная производительная сила труда, находящаяся вследствие неизменности технического базиса в застойном состоянии; варварская эксплуатация непосредственного производителя, предполагающая систематическую экспроприацию в пользу землевладельца части фонда его жизненных средств; воспроизводство рабочей силы в «хиреющем виде»¹⁶ — все эти явления, присущие любому варианту издольщины, создавали внутреннее единство хозяйственных форм, возникавших на ее основе. А издольщики, на какой бы стадии экспроприации они ни находились, образовывали один из наиболее многочисленных слоев пауперизированного населения деревни.

Подобная система издольщины ставит жесткий предел техническому прогрессу в ее рамках. (Лишь с конца 60-х годов в некоторых странах Южной и Юго-Восточной Азии возникают в виде отдельных очагов издольные аренды, при которых начинают осуществляться некоторые добавочные вложения капи-

¹⁵ О. Г. Барышникова. Сельское хозяйство Филиппин (генезис и развитие капитализма). М., 1972, с. 155—156.

¹⁶ К. Маркс. Капитал. Т. I, с. 184.

тала, но пока в основном в форме улучшенного семенного материала и минеральных удобрений.)

По всей совокупности указанных признаков восточный вариант издольщины (в противоположность западному) относится к тем видам промежуточных структур, которые выполняют миссию «раскрестьянивания», «чистки» земли для капитализма в наиболее мучительных для производителя формах, но обладают при господствующих отношениях земельной собственности ничтожно малой способностью генерировать капиталистические производственные отношения. Эта форма социальных отношений, подчиненная цели присвоения эксплуататорами максимально возможного количества чужого труда в виде меновой стоимости при сохранении натуральных основ воспроизводства хозяйственного организма, стала мощным депрессором роста производительной силы труда. Расширение зоны издольщины в ее различных видах без последующей трансформации последней в капиталистическое производство знаменует нарушение органической взаимосвязанности стадий единого социально-экономического процесса, их разрыв. И именно в становлении и непомерном разбухании таких «тупиковых» форм аграрной экономики проявляется ее деформация, ее «аномальное» состояние в пределах мирового капиталистического уклада.

Преобразование издольщины, по существу, начинается лишь с переходом аграрного капитала на индустриальную стадию. В очагах «зеленой революции» (см. гл. III) капитал, с одной стороны, вообще сметает издольщину, а с другой — вызывает процесс становления в ее рамках действительно переходных к капитализму форм. Так, характерной особенностью движения отношений между трудом и собственностью в условиях консервативного капиталистического развития (экспроприация мелкой земельной собственности, развитие издольщины как худшей формы соединения производителя со средствами и условиями производства, новое насилие над производителем — сгон с земли и рождение собственного предпринимательского хозяйства земельного собственника) в некоторых районах Азии с середины 60-х годов стало то, что опережающее развитие начальных стадий данного процесса (в результате чего стремительно разрастались промежуточные структуры) постепенно сменялось опережающим становлением его завершающих стадий. Например, в главном в Индии районе «зеленой революции» — штате Пенджаб в этот период, несмотря на продолжающуюся экспроприацию крестьянской земельной собственности, удельный вес издольщины и аренды вообще имеет тенденцию к сокращению, причем развивающееся в земледелии штата капиталистическое производство постепенно и относительно широким фронтом втягивается в процесс технического перевооружения.

Огромную роль в разложении традиционных способов производства и становлении промежуточных экономических струк-

тур играет ростовщический и торговый капитал. Массовое долговое закабаление непосредственных производителей в сельском хозяйстве в условиях пребывания развивающейся экономики в мировой капиталистической системе хозяйства в качестве подчиненного звена знаменует такую трансформацию мелкой собственности, при которой последняя становится адекватным воплощением «тупиковой» социальной формы, скрывая в своей оболочке худшие виды эксплуатации труда.

К. Маркс подробно разобрал данное отношение и пришел к выводу, что «последнее еще не подчинено процессу капитала», что здесь «имеет место самая гнусная эксплуатация труда без того, чтобы... отношение капитала и труда носило в себе базис для развития новых производительных сил и зародыш новых исторических форм... Имеет место эксплуатация со стороны капитала без капиталистического способа производства. Процентная ставка очень высока, так как процент включает в себя прибыль и даже часть заработной платы. Эта форма ростовщичества, при которой капитал не овладевает производством и, следовательно, является капиталом лишь формально, предполагает господство добуржуазных форм производства...»¹⁷.

По Марксу, следовательно, низшие и худшие формы капитала действуют как «формальный» капитал, поскольку они не включаются в фазу производства, избегают ее и проявляют себя лишь в фазе распределения продукта. «Формальный» капитал отчуждает собственность мелкого производителя де-факто, сохраняя ее за ним целиком или частично де-юре (такую собственность К. Маркс называет призрачной собственностью¹⁸), и тем самым усиливает эксплуатацию этого производителя ради присвоения максимально возможной массы продукта его труда в форме меновой стоимости. Такой характер отношений, по определению В. И. Ленина, «неизбежно ставит производителя в зависимость личную, полукрепостническую»¹⁹.

Массовое распространение худших форм эксплуатации непосредственных производителей деревни сопровождалось ростом денежного богатства. Этот процесс в ходе длительного исторического развития стран Востока, особенно с достижением ими независимости, претерпевал определенные изменения.

Во-первых, все более усиливалась межсекторная централизация торгово-ростовщического капитала. В Индии, по оценкам Резервного банка, уже в начале 50-х годов от половины до двух третей общей суммы средств, ссуженных в деревне, было

¹⁷ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 2.— Т. 46. Ч. 2, с. 367.

¹⁸ См.: К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 1, с. 502.

¹⁹ В. И. Ленин. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.— Т. 1, с. 510.

получено из города²⁰. В стране, таким образом, складывалась тенденция к образованию единой системы торгово-ростовщического капитала — единой в том отношении, что упрочивалась взаимосвязь и взаимозависимость эксплуататорских слоев города и деревни, приводящих в движение всю эту громадную массу капитала. В Пакистане централизация денежного богатства на сугубо «национальной» основе (после изгнания из страны ростовщиков — «чужеземцев» из индусских ростовщических каст) особенно интенсивно происходила в 60-х годах наряду с быстрым ростом коммерческих банков и усилением слоя кредитуемых ими местных торговых посредников, берущих на себя существенную часть функций деревенского ростовщичества.

Во-вторых, в некоторых странах, например в тех же Индии и Пакистане, после частичного освобождения деревни в 40-х годах от гнета ростовщического капитала ростовщическая эксплуатация ее вновь развивалась опережающими темпами по отношению к росту чистого продукта в сельском хозяйстве. Соответственно возрастала доля и масса продукта, отчуждаемого у деревенских производителей частными заимодавцами. Торгово-ростовщическая эксплуатация непосредственных производителей сельскохозяйственной сферы, где до сих пор создается до половины национального дохода этих стран, была одним из существенных источников образования громадной массы свободного денежного накопления, которая в 60-х и особенно в 70-х годах лавиной устремилась в «черный бизнес» (спекуляция, скупка недвижимости и т. д.), формируя, как ее называют индийские экономисты, «параллельную экономику», нарушающую воспроизводство национального экономического организма²¹.

В-третьих, в ряде стран существенно изменился социальный облик деревенских заимодавцев. Такого рода процессы, как изгнание четтияров из Бирмы, избиение ростовщиков-индусов в Пакистане, постепенное вытеснение из сферы сельского кредитования «профессиональных» ростовщических каст в Индии, приводили к тому, что главными «аккумуляторами» денежного богатства в деревне в процессе движения ростовщического капитала становились местные богатые землевладельцы, генетически связанные с тем же родом, общиной, кастой, что и рядовые сельскохозяйственные производители. Тем самым процесс первоначального накопления в сельском хозяйстве переводился на новые рельсы: его представляли теперь в основном те иму-

²⁰ All-India Rural Credit Survey. Vol. 1. Pt. 1. Bombay, 1956, с. 1051.

²¹ К середине 70-х годов в «параллельной экономике» Индии находилось в обороте 150 млрд. рупий, т. е. сумма, превышавшая четверть чистого национального продукта, произведенного в стране в 1974/75 г. (см.: X съезд Коммунистической партии Индии. Виджаявада, 27 января — 2 февраля 1975 г. М., 1975, с. 20—21; «Reserve Bank of India Bulletin». Bombay, 1977, № 3).

щие слои, которые непосредственно в деревне эволюционируют в сторону капитализма. В тех случаях, когда эти новые ростовщики, не сталкиваясь с конкуренцией организованных кредитных учреждений, могли в широких масштабах овладевать сферой деревенского кредита, процесс экспроприации мелкой земельной собственности неизбежно вступал в более активную фазу²².

Параллельно с этими процессами происходила интенсивная концентрация ростовщического капитала у крупных землевладельцев. Например, в Индии за 1952—1962 гг. удельный вес активов по сельской задолженности, сосредоточенных в руках крупных ростовщиков-«земледельцев» (менее 2% общего числа деревенских дворов), увеличился с 32 до 56% общей суммы таких активов, приходившихся на всех «земледельцев». В последующее десятилетие указанная концентрация усилилась, видимо, еще больше. По данным на середину 1971 г., на долю всего 1,1% «земледельцев» (менее 0,8% общего числа деревенских дворов) приходилось 60,7% всей суммы частных активов по сельской задолженности, сосредоточенных в руках всех «земледельцев». При этом ростовщики-«земледельцы» обеспечивали подавляющую массу оборачивающихся в деревне частных кредитных средств²³.

В деревне развивающихся стран Востока все еще имеют весьма широкое распространение кабальные методы эксплуатации освобожденного от средств производства работника, вытекающие из его личной зависимости от работодателя. В каких бы конкретных формах эта личная зависимость ни выступала (индивидуальная, опирающаяся на долговое закабаление данного работника данным эксплуататором; групповая, основывающаяся на отчуждении воли одного социального коллектива другим через механизм традиционных отношений господства и подчинения, например через механизм кастовых отношений), она в конечном счете реализуется в низведении фонда жизненных средств работника до минимума, в воспроизводстве его рабочей силы в «хиреющем виде».

Превращение эксплуататорских хозяйств традиционного типа, у которых целью производства является создание потребительных, а не меновых стоимостей, в эксплуататорские хозяйства, имеющие целью производство меновых стоимостей ради их самих, не сопровождается автоматическим отмиранием кабалы, внеэкономического принуждения в потреблении чужого труда. Данная «диспропорция» отражает лишь определенную стадию в эволюции всей совокупности производственных отно-

²² См.: Credit Enquiry Commission Report. Karachi, 1960, с. 8.

²³ Подробнее см.: В. Г. Растянников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе..., с. 223—224; All-India Debt and Investment Survey, 1971—72. Assets and Liabilities of Rural Households as on 30th June 1971. Statistical Tables. Vol. 1. Bombay, [S. a.], с. 18, 19.

шений. Для этой стадии характерно то, что «новое» (формирование производства, процесс накопления в котором опосредствуется товарными отношениями) наслаивается на «старое» (эксплуатация зависимого, а не свободного труда), не устраняя его. Кабала в эксплуатации работника в современных условиях выполняет функцию первоначального накопления для потребителя его труда и воплощает в восточной деревне один из массовых типов отношений, представляющих промежуточные экономические структуры²⁴. Борьба за уничтожение всех форм личной зависимости, которой все еще обременены большие массы сельских трудящихся,—органическая составная часть демократических движений в ряде развивающихся стран Востока (подробнее см. гл. V).

Особенно важно отметить, что по пути консервативного капиталистического развития эволюционирует и крестьянское хозяйство. Зажиточные слои деревни в первоначальном накоплении капитала активно используют старые способы угнетения и эксплуатации (экспроприация производителя посредством денежной кабалы, угнетение его методами торгового посредничества, сдача части земли в кабальную аренду, изъятие части фонда жизненных средств работника на основе традиционных отношений господства и подчинения и т. п.). Следствием этих

²⁴ О том, какую долю реальной заработной платы работника владельцы хозяйств даже в развитых сельскохозяйственных районах отчуждают в свою пользу, применяя кабальные методы эксплуатации чужого труда, свидетельствуют многочисленные материалы. По данным на 1958/59—1960/61 гг., в округе Бхатинда (штат Пенджаб, Индия) суровые батраки неизменно нанимались на условиях предварительного предоставления им беспроцентных хозяйских займов, и оплата их труда, как показало обследование, была ниже, чем оплата труда свободных рабочих. В то время как среднечасовая заработная плата поденного рабочего (привлекаемого со свободного рынка труда) равнялась 0,33 рупии, соответствующая плата батрака составляла лишь 0,21 рупии, или была более чем на $\frac{1}{3}$ ниже. Эта разница и представляла в денежном выражении часть рабочего времени, которую рабочий безвозмездно отработывал, доставляя ее землевладельцу в виде «дополнения» к присваиваемому им «законному» прибавочному труду (расчеты же по предоставленному батраку займу осуществлялись особо — лишь по окончании срока действия контракта по найму). (См.: A. S. Sharma. Employment and Wage Structure of Farm Labour in Punjab.—«Manpower Journal». New Delhi. Vol. 2, 1967, № 4, с. 81, 86.) Эти различия в заработной плате не исчезли, видимо, и в 70-х годах. Например, по данным обследования, проведенного Резервным банком в 1971/72 гг., в Пенджабе 62,2% всех сельскохозяйственных рабочих имели крупные долги (561 рупию на семью) (All-India Debt and Investment Survey, 1971—72. Assets..., с. 150). Эти различия сохраняются и в Южном Гуджарате. Согласно данным на начало 70-х годов, здесь постоянные рабочие — закабаленные батраки получали в день 1—1,5 рупии, а поденные рабочие, нанимающиеся «на договорных началах», «за заранее согласованную плату», — 1,5—2 рупии, или в среднем примерно на $\frac{2}{5}$ больше. При этом «чрезмерное предложение рабочих рук сопровождается ростом масштабов конкуренции между рабочими, и в результате труд предлагается на рынке по цене, гораздо ниже обеспечивающей минимальный уровень средств существования» (см.: J. Berman. Patronage and Exploitation. Changing Agrarian Relations in South Gujarat, India. Berkeley, etc., 1974, с. 253, 254).

процессов в деревне является «непролетариатское обнищание» как «низшая и худшая форма разложения крестьянства»²⁵. В результате вместо имманентной для свободной формы разложения крестьянства трехэтапной эволюции: мелкое натуральное хозяйство — мелкотоварное хозяйство — разложение последнего на базе закона стоимости (с выделением свободных наемных рабочих и капиталистической буржуазии), мы наблюдаем в развивающихся странах Востока как доминирующую тенденцию двухэтапный переход, т. е. переход, при котором мелкий натуральный производитель эволюционирует в паупера, а воспроизводственный процесс мелкого хозяйства не проходит стадии товаризации. Пауперизация и есть разорение мелкого производителя на натуральной основе.

Разумеется, в рамках общего консервативного типа крестьянского разложения в зависимости от ряда конкретных обстоятельств в различных районах тех или иных стран наблюдается смещение процесса разложения либо в сторону самых худших его вариантов (например, массовая пауперизация крестьянства при выделении ничтожной горстки хозяев-ростовщиков), либо в сторону его «чистой» модели, работающей на основе действия экономических законов товарного производства. К числу тех редких на Востоке районов, где действие данных законов ощутимо сказывается на разложении крестьянства, можно отнести, например, небольшой прикаспийский район Ирана — Горган, вступивший на этап модернизации технической базы сельского хозяйства (см. гл. III).

К этому нужно добавить, что особенностью мелкого товарного производства в деревне Востока является то, что оно не образует на доиндустриальной стадии труда базис для процессов свободного крестьянского разложения. Закон стоимости действует в мелком товарном производстве, как упоминалось выше, под «колпаком» монополии — частнособственнической (местного или международного монополистического капитала) или государственной (национального государства). Поэтому сам процесс товарного обмена сопряжен, как правило, с присвоением части стоимости обмениваемого мелким товаропроизводителем продукта социальными силами, утвердившими эту монополию. В результате доминирующая общественная тенденция мелкого товарного производства в подавляющей части ареалов его распространения состоит не в обогащении производителя — не в производстве им меновых стоимостей ради их увеличения, а лишь в получении производителем потребительных стоимостей для самого себя (произведенный им продукт обменивается на рынке на предметы первой необходимости). В этой последней форме мелкого товарного производства, вы-

²⁵ См.: В. И. Ленин. Рецензия. *Р. Гвоздев*. Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значение. СПб. 1899. Изд. Н. Гарина. — Т. 4, с. 56.

деляющегося из традиционных форм отношений, действует закон: «Производство... всюду подчинено потреблению, являющемуся его заранее данной предпосылкой...»²⁶. То обстоятельство, что товарное производство в деревне развивающихся стран Востока в целом развито довольно слабо, а мелкие товаропроизводители «потребительского» типа занимают главенствующее место среди мелких товаропроизводителей не только по своей численности (это типично для всех стран, где господствует частная собственность), но, главное, и как производители общенациональной массы товарного сельскохозяйственного продукта (на допромышленной стадии), позволяет понять, почему слой мелкой буржуазии в деревне оказался весьма незначительным, а хозяйствующее крестьянство формируется в мелкобуржуазный слой не столько стихийно, сколько при поддержке государства и его протекционистских мер. (Именно это мы и наблюдаем в очагах распространения «зеленой революции» — см. гл. III.)

То, что капитал еще в относительно небольшой степени овладел сферой аграрного производства, подтверждается и характером потребления воспроизводимого в сельском хозяйстве продукта. «Производство ради производства», капитализация прибавочной стоимости ради ее дальнейшего возрастания — такова цель капитала. Между тем в деревне современного Востока непомерно большое место занимают свойственные только традиционным укладам виды потребления производимого продукта вообще и той его доли, которая представлена прибавочным продуктом, в частности. Весьма крупные массы продукта накапливаются в деревне в виде ценных металлов, расходуются на строительство роскошных по деревенским стандартам особняков²⁷, «материализуются» в выполнении обязательств, существование которых определяется исключительно требованиями традиционной социальной психологии (поддержание «престижа» в деревенском обществе и др.). Даже в одном из наиболее развитых в Азии районов «зеленой революции», индийском штате Пенджаб, «престижные» затраты (на свадьбы, религиозные обряды и т. п.) составляли в 1967—1970 гг. 27—32% совокупных расходов земледельческих хозяйств на личное и производственное потребление, при этом в группе самых крупных по землепользованию хозяйств — 30%²⁸. В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда система потребностей как «идеальный, внутренне побуждающий мотив производства,

²⁶ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. I, с. 504.

²⁷ В начале 70-х годов верхние 3,9% деревенских дворов сосредоточивали 23,5% всех вложений в домостроение в сельской местности (см.: All-India Debt and Investment Survey, 1971—72. Assets..., с. 18).

²⁸ См.: P. C. Deb, B. K. Agarwal. Green Revolution and Expenditure Pattern in Rural Punjab. — «Society and Culture». Calcutta. Vol. 3, 1972, № 1, с. 4.

являющийся его предпосылкой»²⁹, еще не приобрела форму, адекватную капиталистическому способу производства, а цель производства в значительной степени определяется традиционной системой ценностей.

К. Маркс выделял два исторически различных периода в общем процессе «становления капитала капиталом». «Когда капитал... только еще образуется, процесс его образования есть процесс разложения и продукт распада предшествующего ему общественного способа производства». В этом, первом периоде капитал «есть осадок процесса разложения некоторой другой формы общества... а не продукт своего собственного воспроизводства, как это имеет место позже». Напротив, во втором периоде «труд становится свободным трудом», а «условия труда превращаются в противостоящий труду капитал»; здесь капитал становится своей собственной *«предпосылкой»*, предполагается существующим как нечто само себя приводящее в действие», и данная предпосылка, «так же как и наемный труд, есть его постоянное творение, его постоянный продукт»³⁰.

Это положение К. Маркса имеет, бесспорно, важнейшее значение для понимания той исторической стадии, на которой находится аграрный капитализм в развивающихся странах Востока. Предпосылки для становления капитала все еще закладываются преимущественно не движением самого капитала, а действием тех отношений собственности, которые ему исторически предшествуют, — денежным богатством в форме ростовщического и купеческого капитала, земельной собственностью, которая еще не приняла «чисто экономическую форму», не освободилась «от всех своих прежних политических и социальных покровов и примесей... традиционных придатков»³¹ и выступает как «устаревшая надстройка»³². Именно отсюда капитал получает главную массу эксплуатируемого им труда. Более того, поскольку естественные размеры прибавочного продукта, который может быть присвоен капиталом в деревне стран Востока, весьма невелики (ибо конституирующим элементом процесса производства остается живой труд и производительность труда крайне низка), расширенное воспроизводство капитала может происходить и происходит преимущественно при опоре на методы внеэкономического принуждения, применение которых позволяет перемещать в фонд прибавочного продукта часть жизненных средств трудящегося населения.

Такое двойное проявление бессилия капитала самостоятельно воспроизводить самого себя (в указанном Марксом смысле) — свидетельство того, что его развитие в аграрной эконо-

²⁹ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 1, с. 28.

³⁰ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости. Ч. 3. — Т. 26. Ч. 3, с. 516.

³¹ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2, с. 167.

³² В. И. Ленин. И. И. Скворцову-Степанову. 16 декабря 1909 г. — Т. 47, с. 230.

мике стран Востока находится главным образом на первичной стадии. Для этой стадии характерно именно то, что капитал, как писал К. Маркс, «сам еще ищет опору в прошлых или исчезающих с его появлением способах производства», еще не может отбросить «эти костыли»³³. Соответствующую данной стадии социальную форму капитализма В. И. Ленин определял емким понятием «полуфеодальный капитализм»³⁴. Этому капитализму присуща широкая адаптация «новым» черт «старого» — предшествующего способа производства вместе со всем «набором» типичных для него внеэкономических отношений господства и подчинения. Поэтому не только в доиндустриальном базисе общественного труда, но прежде всего именно в этой адаптации прежних форм его социальной организации обнаруживается преемственная связь аграрного капитализма в восточной деревне с промежуточными структурами.

Подобный капитализм образовывал как бы надстройку над промежуточными структурами, воплощая низшее, социально недоразвитое подразделение мирового капитала.

Становление в аграрной сфере особой формы государственной собственности

Одна из наиболее характерных черт современной аграрной эволюции в освободившихся странах Востока — существенное усиление роли государства в социально-экономическом преобразовании деревни. Формирование этой черты вызывается тем, что на основе стихийного процесса, управляемого законами частной собственности, не могут быть решены назревшие задачи национального возрождения.

В самом деле, на базе медленного, «эндогенного», стихийного развития товарного производства (разложение непосредственных производителей, становление капитала, переход его с доиндустриальной стадии на индустриальную и т. д.) невозможно ни модернизировать в исторически короткие сроки отсталую аграрную экономику во всех ее пластах и звеньях, ни обеспечить возникновение таких новых форм социальной организации общественного труда, которые дали бы постоянный и устойчивый импульс ее саморазвитию. И дело здесь не только в длительности периода, потенциально необходимого для такой трансформации, но прежде всего в тех «внешних» факторах (включенность развивающихся стран в мировое капиталистическое хозяйство в качестве подчиненного звена), которые активно препятствуют стихийному процессу размывания продуктов

³³ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 2, с. 155.

³⁴ См.: В. И. Ленин. Землеустройство и деревенская беднота. — Т. 24, с. 6.

распада традиционных способов производства, консервируя их как регрессивные, «аномальные» формы мирового капитала.

Между тем в современную эпоху — эпоху резко возросшего и качественно изменившегося мирового общения (чему способствовали становление национальной государственности ранее поработанных стран, с одной стороны, и достижения научно-технической революции в средствах коммуникации — с другой) развивающиеся общества переживают интенсивную ломку всей системы потребностей (этот процесс, как увидим ниже — см. гл. IV, — охватывает уже и деревню, означая, что и аграрная «периферия» начинает ориентироваться на принципиально новые стандарты потребления). Но особенность данного процесса состоит в том, что формирование новой системы потребностей в этих обществах определяется факторами, находящимися не столько внутри, сколько вне их, во внешних по отношению к ним центрах научно-технической революции. Как отметил В. В. Крылов, «мерой богатства или бедности является не только само абсолютное количество присвоенных объектов, но и степень их соответствия развившейся в данный момент системе потребностей работника». В развивающихся странах «система потребностей растет быстрее, чем средства их удовлетворения, ибо демонстрационный эффект в современных условиях уплотнившихся социальных контактов в мире порожден скорее состоянием производства в развитых странах, нежели в развивающихся»³⁵. При этом на развитие в освободившихся странах социальных потребностей в их самом высоком (общенациональном) проявлении (выбор пути всего общественного развития) мощное воздействие оказывает мировая социалистическая система.

В этих условиях именно государство становится средством разрешения указанного комплекса острейших противоречий. В результате в деревне развивающихся стран Востока нарастает тенденция к образованию различных «огосударствленных» форм производства, ко все более жесткому регулированию государством (посредством применения как экономических, так и — еще больше — внеэкономических методов) процессов общественно-экономического развития (в том числе и его капиталистической формы), интенсивно расширяет сферу своего влияния государственная собственность, а также растут и укрепляются — при активной поддержке государства, его стимулирующей политики и под его непосредственным контролем — кооперативные формы собственности. Короче говоря, от стихийной эволюции аграрной экономики вообще и отдельных ее подразделений в частности интенсивно осуществляется переход к направляемому их развитию.

³⁵ В. В. Крылов. О социально-экономической природе наемного труда в городах афро-азиатских стран. — Средние (городские) слои в развивающихся странах Азии и Африки. Ч. 2. М., 1972, с. 19.

Центральная проблема этих изменений — какие социальные параметры приобретает процесс аграрной эволюции: выступает ли государственно-кооперативная собственность простым приложением частной национальной [и (или) инонациональной] эксплуататорской собственности, компенсируя хотя бы частично ее неспособность быть базисом развития в соответствии со стоящими перед «периферийными» обществами задачами, или, напротив, она постепенно превращается в инструмент создания такой экономической системы, при которой общественные интересы начинают подчинять себе частнособственнические, пока, однако, не устранив их целиком. В последнем случае государственно-кооперативная собственность становится институтом, формирующим принципиально новую систему укладов, она занимает место конституирующего элемента этой системы.

Процессы «огосударствления» аграрной сферы отчетливо прослеживаются во всех «периферийных» обществах, различаясь как стадиями развития, так и социальной направленностью. Одна из форм «огосударствления» аграрной экономики в интересах развития ее производительных сил на базе укрепления частного капитала будет рассмотрена ниже — в связи с социальной характеристикой «зеленой революции» (см. гл. III). Здесь же мы коснемся вкратце одного из вариантов становления государственной собственности с доминированием общественных функций.

Капитализм в деревне, как известно, развивается тем интенсивнее, чем быстрее растет товарное производство, укрепляется мелкотоварный уклад, образующий наиболее массовую базу формирования капиталистических отношений. Однако вне зависимости от того, в какой степени земельная реформа, проведенная к настоящему времени во многих странах Востока, создает объективные условия для дальнейшего распространения мелкотоварного уклада, в них нарастает тенденция к прерыванию свободного развития этого уклада в сельском хозяйстве, к такой его трансформации, которая ликвидирует мелкотоварный уклад в самой его основе. В разных странах эта тенденция проявляется с различной интенсивностью: в одних — Индии, Пакистане, на Филиппинах — она пока лишь намечается, в других — Бирме, ряде африканских государств — уже действует с большой силой. Процесс затормаживания свободного развития мелкотоварного уклада в сельском хозяйстве, социально-экономическая трансформация мелкого натурального или товарного производства в целом, приводящая к становлению специфической формы коллективного труда, — одно из важнейших направлений всеобщего процесса изменения системы укладов на Востоке в эпоху независимости. И именно государство является той политической, административной и экономической силой, которая осуществляет такую общественную и хозяйственную трансформацию.

Хотя в развивающихся странах Азии и Северной Африки государство сосредоточивает в своих руках собственность на ряд важнейших объектов сельскохозяйственной инфраструктуры (крупная ирригация, электроэнергетика и др.), здесь, как правило, не сложилась система государственных хозяйств (такие крупные государственные хозяйства, как Суратгархская ферма в Индии или самоуправляемые хозяйства в Алжире, являются тем исключением, которое данное правило как раз и подтверждает). Иначе говоря, государство обычно еще не создает такие хозяйственные комплексы, в которых оно овладевало бы всеми фазами воспроизводственного процесса; в частности, что особенно важно, оно не стремится пока овладеть фазой производства. Вторжение государства непосредственно в сферу сельскохозяйственного воспроизводства обычно происходит в форме отчуждения у сельскохозяйственных производителей сферы рыночной реализации продукта, т. е. посредством утверждения государственной монополии в товарном обращении. В конкретной действительности этот процесс означает полное устранение (либо превращение в подчиненные государственному сектору элементы) решающих звеньев частного капитала в сфере обращения — докапиталистического купеческого или капиталистического торгового.

Данный внеэкономический акт государства способен решительно изменить направление всей социально-экономической эволюции мелкого производства. Утверждение государственной монополии в товарном обращении позволяет создать такую систему товарного обмена (путем введения монопольных цен на внутреннем рынке), при которой мелкий производитель — владелец собственных средств производства может возмещать лишь фонд своей заработной платы, но не может, как правило, присваивать создаваемый им прибавочный продукт. Поэтому мелкий производитель становится уже не фактическим, а только юридическим владельцем своих средств производства; он лишен условий реализовать свою собственность в прибавочном продукте. Иначе говоря, эта собственность фактически отчуждена государством путем утверждения его монополии в товарном обращении, но номинально сохранена за производителем. Тем самым мелкий производитель превращается в рабочего, отличающегося от наемного пролетария двумя основными признаками: индивидуальным характером производства, сохраняющего видимость самостоятельного производства, и наличием в таком производстве средств производства, которые выступают пока как предметно подчиненные производителю факторы труда. Здесь мы тоже имеем дело с образованием «призрачной собственности», но уже на принципиально иной социальной основе — не частной, а государственной. В результате в аграрной экономике складывается форма отношений, характерная для рассеянной мануфактуры (в данном случае государственной), в

пределах которой оказывается все мелкое производство сельскохозяйственной отрасли³⁶.

При такой форме отношений «горизонтальный» товарный обмен, если он происходит между самими производителями продукта, для мелкого производителя имеет исключительной целью возобновление фонда жизненных средств; господствующая система «вертикальных» связей препятствует становлению главного потенциально возможного результата этого обмена — накопления в мелком производстве, т. е. в конечном итоге препятствует разложению мелкого производства на основе действия законов товарного хозяйства.

При утверждении примата общественных интересов над частнособственническими именно государство должно выступать основным организатором процесса воспроизводства в сельском хозяйстве, в первую очередь в секторе мелких производителей, перераспределяя часть аккумулируемого продукта в пользу данной отрасли экономики. Тем самым общественная форма накопления постепенно приходит на смену частнохозяйственной. В данной ситуации процесс воспроизводства расчленяется на два социально различных потока: функции воспроизводства жизненных средств осуществляет само индивидуальное крестьянское хозяйство, функции воспроизводства предметно-вещественных (прежде всего средства производства индустриального типа) и духовных (прежде всего наука) производительных сил в интересах расширенного воспроизводства всей аграрной хозяйственной системы берет на себя государство. При этом последнее использует в выполнении данных функций и ресурсы, поступающие извне.

Естественно, что процесс такой общественной трансформации аграрной экономики может развиваться тем активнее, чем глубже осуществляется реформа земельных отношений как предпосылка становления «самостоятельного» крестьянского хозяйства, с одной стороны, и чем прочнее утверждаются в деревне различные социальные институты (кооперация, организация «общинного развития» и др.), контролируемые государством и образующие систему его «приводных ремней» по отношению к индивидуальному хозяйству, — с другой.

Государственная монополия в сфере реализации продукта имеет тенденцию жестко ограничить процесс расширенного воспроизводства производительного капитала в аграрной сфере через нормальные каналы товарного обмена. Если же при этом уничтожение докапиталистической эксплуататорской собственности осуществляется неэффективно, методы первоначального накопления сохраняются как наиболее массовые и распространенные. И именно они, как правило, образуют основной источ-

³⁶ См.: В. В. Крылов. Традиционализм и модернизация деревни развивающихся стран в условиях НТР. — Аграрные структуры стран Востока. М., 1977, 276—277.

ник роста капитализма в условиях утверждения государственной монополии в товарном обращении. Вместе с тем государство как путем развития под своим эффективным контролем новых социальных институтов в деревне, так и посредством мер прямого административного воздействия может значительно затормозить накопление капитала первоначальными методами.

Таким образом, характерная черта нынешней аграрной эволюции в ряде стран Востока заключается в том, что потенциально возможный товарный обмен по стоимостям, объективные условия для которого расширяются и укрепляются в ходе земельной реформы, заменяется развитием форм внестоимостных отношений, внестоимостного обмена между государством и сельскохозяйственным производителем, т. е. обмена безотносительно к издержкам производства. Все более распространяющийся процесс становления государственных монополий в сфере товарного обращения существенно ограничивает возможности для обособления мелкого товарного производства в самостоятельный мелкотоварный уклад, открывающиеся в ходе ликвидации докапиталистической эксплуататорской собственности.

При утверждении примата общественных интересов над частнособственническими тенденция к переходу мелкотоварного производства с естественных путей разложения на рельсы интеграции с государственной собственностью (что соответственно выливается в формирование качественно нового типа производственных отношений) означает такую трансформацию низших укладов, которая, по существу, выводит процесс аграрной эволюции за рамки капиталистического способа производства. Поэтому по мере «огосударствления» мелкого производства, по мере блокирования государством (через государственные монопольные цены, регулирование товарных потоков и т. д.) «входа» и «выхода» сложившегося капиталистического производства капитализм неизбежно утрачивает свое значение системообразующего уклада в сельском хозяйстве, при этом тем полнее, чем эффективнее развертывается коллективная борьба обществ освободившихся стран против навязываемой им империализмом системы отношений зависимости, эксплуатации и неравноправия, за новый мировой экономический порядок.

Напротив, в условиях капиталистически ориентированного развития при таком процессе «огосударствления» производства, сопровождающемся расширением общественных функций государственной собственности, частнособственнические интересы еще продолжают доминировать над общественными. Например, упомянутая выше государственная рассеянная мануфактура выступает как «некапиталистический» элемент (звено) капиталистически ориентированной системы производства (причем при экспортной специализации аграрной экономики такая государственная мануфактура может стать каналом включения крестья-

нского продукта в кругооборот инационального индустриального капитала, одновременно образуя источник наживы для транснациональных монополий). И капитал (прежде всего обитающий в «центрах» мировой капиталистической системы) пока сохраняет свою системообразующую функцию в движении местных укладных форм.

В ходе аграрных преобразований нарастает тенденция к становлению помимо непосредственно создаваемых государством других новых форм коллективного труда и коллективной собственности. К этим формам относится, например, кооперация в сфере производства, выступающая в виде различных типов кооперативов по совместной обработке земли и ведению хозяйства и объединяющая мелкое трудовое крестьянство и других трудящихся деревни. Процесс возникновения таких кооперативов, знаменующих образование коллективных форм труда и, главное, — коллективной собственности непосредственно в первичных производственных ячейках деревни, более интенсивно происходит в странах социалистической ориентации (например, в Алжире), чем в странах капиталистической ориентации, где развитию таких кооперативов активно препятствуют эксплуататорские классы. В первой группе стран данный вид коллективной собственности становится органической составной частью общенациональной государственно-кооперативной собственности, обеспечивающей доминирование общественных интересов над частнособственническими, пока еще не устранимыми в масштабах всего общества.

Однако и в условиях капиталистически ориентированного развития в соотношении укладных форм происходят определенные изменения под влиянием образования кооперативной формы собственности, когда ее субъектами становятся сельские труженики (например, еще весьма немногочисленные кооперативы сельскохозяйственных рабочих в Индии). Сущность этих изменений при капитализме охарактеризовал К. Маркс, когда он исследовал вопрос о кооперативных фабриках самих рабочих: такие фабрики «являются, в пределах старой формы, первой брешью в этой форме... в пределах этих фабрик уничтожается противоположность между капиталом и трудом»³⁷. Но, включенные в систему доминирующей частной собственности, такие кооперативные формы неизбежно оказываются в подчиненном по отношению к ней положении, становятся объектом частнособственнической эксплуатации.

Толкать правящие слои в странах Востока к усилению государственно-кооперативной собственности могут самые различные обстоятельства, в том числе неотложные практические потребности. Например, утверждение монополии государства в товарном обращении нередко обуславливается потребностью пере-

³⁷ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 1, с. 483.

мещения части создаваемого в сельском хозяйстве продукта, безвозмездно из него изымаемой, в более динамичные секторы народного хозяйства ради форсирования процесса их расширенного воспроизводства. В этом случае в самом сельском хозяйстве могут возникать явления стагнации.

Характерна ситуация, сложившаяся в Бирме. В этой стране, где в течение нескольких десятилетий действовала государственная монополия в сфере сбыта основного земледельческого продукта — риса, государство в первой половине 60-х годов присваивало примерно половину мировой цены на экспортируемый рис (если вычесть издержки хранения, доставки риса в порты, чистая доля государства составляла от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ мировой цены этой массы риса)³⁸. По имеющимся оценкам, монополия приносила государству не меньше $\frac{1}{4}$ цены валового продукта, создаваемого в рисосеянии³⁹. Между тем изъятая государством стоимость экспортной продукции лишь в относительно скромной мере возвращалась обратно в сельское хозяйство в форме государственных капиталовложений (включая кредит). Например, в 1963—1964 гг. сумма, полученная государством в результате сбыта риса на мировом рынке, составляла 490—590 млн. джа⁴⁰, а сумма государственных капиталовложений в производственную сферу всего бирманского земледелия (и ирригацию) — 122,6 млн. джа⁴¹, или 21—25% цены реализованной монополии.

Столь значительные безвозмездные изъятия продукции из сельского хозяйства, пребывающего на допромышленной стадии, затормозили экономический рост в этой ведущей отрасли бирманской экономики. Это видно, например, из динамики производства обрубленного риса (в тыс. т в среднем за год)⁴²:

1937—1939 гг.	1958—1960 гг.	1966—1969 гг.	1970—1973 гг.
4961	4619	4810	4831

Но именно на основе этих изъятий Бирма ускорила свой промышленный рост, постепенно закладывая основу для технологической трансформации сельскохозяйственной отрасли.

Однако все более болезненно ощущавшиеся трудности в воспроизводстве народного хозяйства страны, вызванные резким

³⁸ В. Г. Растянников. Развивающиеся страны: продовольствие и политика, с. 89.

³⁹ А. Ф. Жабреев. Аграрные отношения в современной Бирме. М., 1971, с. 14.

⁴⁰ За исходные данные для расчета взяты показатели о натуральном и стоимостном размере экспорта риса из Бирмы за указанные годы. См.: «Economic Survey of Asia and the Far East, 1965». ECAFE. Bangkok, 1966, с. 274, 307.

⁴¹ С. М. Макарова. Бирма: развитие капитализма в промышленности. М., 1968, с. 179.

⁴² «Economic Survey of Asia and the Far East, 1963». ECAFE. Bangkok, 1964, с. 103; Report to the People by the Government of the Union of Burma on the Financial and Social Conditions for 1973—74. Book 1. Rangoon, 1973, с. 46, 50.

отставанием земледелия и усугубленные обострившимся в 1973 г. энерго-сырьевым кризисом мирового капитализма, побуждали руководящие круги Бирмы ослабить пресс внестоимостных отношений и поднять роль стоимостных факторов в экономике производства риса. Государственная монополия в сфере реализации продукта рисопроизводящего хозяйства была смягчена: в 1973 г. была введена разверстка поставок риса, фактически обязывающая производителя продавать государству по фиксированной цене меньшую, чем прежде, долю валового сбора; при этом крестьянину предоставлялась возможность реализовать товарные излишки риса, остающиеся сверх поставок по разверстке, на свободном (внутреннем) рынке, а при продаже этих излишков государству производителю выплачивалась крупная надбавка к фиксированной закупочной цене; последняя же неоднократно повышалась в 1973—1975 гг. в соответствии с повышательной динамикой товарных цен на мировом капиталистическом рынке (так что доля закупочной цены в мировой цене на бирманский рис не уменьшилась, а возможно, даже несколько возросла). Такое изменение государственной политики немедленно отразилось на производстве: среднегодовой сбор обрубленного риса составлял в 1974—1976 гг. 5782 тыс. т^{42а}.

Аграрная реформа и ее воздействие на социально-экономическую структуру деревни

На рубеже 60—70-х годов в развивающихся странах Востока наметилась тенденция к углублению аграрных реформ, сменившая ярко выраженный застой в этой области, наблюдавшийся в большинстве из них в течение ряда лет после проведения в 50-х годах первых антифеодальных преобразований. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии, ликвидация феодального землевладения составляет одно из главных направлений перемен во многих освободившихся странах⁴³.

В самом общем плане тенденция к углублению аграрных реформ отражает осознание правящими кругами многих стран Востока необходимости дальнейших шагов по пути прогрессивного преобразования общественно-экономической структуры деревни в целях выхода из затянувшегося аграрного кризиса, повышения роли сельского хозяйства в экономическом развитии и предотвращения обострения классовых противоречий. При этом если в условиях капиталистически ориентированного развития

^{42а} См.: А. П. Муранова. Экономическое развитие Бирмы: проблемы финансирования. М., 1978, 26—27.

⁴³ См.: Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976, с. 13.

углубление аграрных реформ есть зачастую выражение попыток правящих групп буржуазии ослабить социальную напряженность внутри страны, воспрепятствовать укреплению революционно-демократических сил, последовательно борющихся за прогрессивное преобразование аграрной структуры, и одновременно ускорить капиталистическую трансформацию сельского хозяйства, то в условиях социалистической ориентации в таком углублении аграрных реформ проявляется общая стратегия поэтапного перевода общества на рельсы некапиталистического развития.

Практика 60-х — первой половины 70-х годов наглядно показала, что при капиталистической ориентации аграрные реформы, в той или иной степени подорвав или ослабив экономическое и политическое могущество крупнейших докапиталистических земельных собственников и несколько укрепив положение мелкособственнического крестьянства, в целом оказались недостаточными для того, чтобы обеспечить более или менее свободное развитие земледельческого капитализма. Развитие земледельческого капитализма, несмотря на известное ускорение в отдельных районах, продолжало сохранять затяжной характер, будучи опутанным многочисленными пережитками докапиталистических экономических и социальных отношений. Более того, определенное укрепление земледельческого капитализма отнюдь не привело во многих этих странах к превращению его в уклад, способный подчинить себе и достаточно быстро преобразовать прочие, отсталые уклады деревни. На этой основе в странах Востока происходило дальнейшее углубление и обострение структурного аграрного кризиса.

Нынешний этап аграрных реформ представляет собой не только проявление стремления определенных групп буржуазии и выражающих их интересы политических кругов к продолжению курса на ускорение капиталистического развития сельского хозяйства, начало которому положили аграрные реформы 50-х годов. Он отражает также существенные сдвиги, связанные с изменением соотношения различных укладов, формирующих социально-экономическую структуру стран Востока. Особо важное значение в этом смысле имеет, как отмечалось выше, укрепление государственной собственности, обуславливающее возрастающую роль ее как регулятора капиталистического развития.

Весь ход аграрной эволюции в развивающихся странах Востока за 50-е — первую половину 70-х годов, а особенно опыт «зеленой революции» (см. гл. III), указывает на все более решительное вмешательство экономически укрепляющегося государства в сложившиеся в деревне социально-экономические отношения. Один из побудительных мотивов этого вмешательства — стремление высвободить крестьянские хозяйства, сохраняющие известную экономическую самостоятельность, из-под

пресса докапиталистической эксплуатации со стороны крупных земельных собственников и торгово-ростовщической буржуазии. Наряду с этим все большее значение придается реформам, цель которых заключается в том, чтобы приостановить быстро развивающийся процесс массовой пауперизации мелкого крестьянства в рамках не полностью разложившихся докапиталистических аграрных структур. Огромные масштабы, которые приобрела пауперизация крестьянства в странах Востока, ведут к дальнейшему ухудшению экономического положения широких слоев деревенской бедноты, ко все более резкому обострению антагонизмов между социально поляризующимися слоями сельского населения и оказывают возрастающее давление на политическую ситуацию.

Одно из главных проявлений углубления аграрных реформ в странах Востока в 70-х годах — дальнейшее понижение максимальных размеров земельного владения. Передача части земли, перераспределяемой в ходе реформ, мелким и мельчайшим производителям, нередко без права ее последующего отчуждения и при условии обязательного вступления производителей, получивших землю, в контролируемые государством сельскохозяйственные кооперативы (так называемые кооперативы земельной реформы), должна, по замыслу авторов аграрных реформ во многих странах Востока, приостановить дальнейшую экспроприацию мелкого крестьянства, дробление земельной собственности и хозяйственной площади и создать основы для известной стабилизации экономического положения малоимущего крестьянства в рамках создаваемых государственно-кооперативных форм организации сельской экономики. Объективным результатом перераспределения земли может стать также, особенно в странах капиталистически ориентированного развития, определенное расширение прослойки зажиточных хозяйств кулацкого типа и относительно самостоятельных в экономическом отношении мелких хозяйств как базы становления капиталистических форм производства в деревне на основе крестьянского хозяйства.

Все это наблюдалось, например, в Индии, где с начала 70-х годов было значительно радикализовано аграрное законодательство (см. гл. V). Центральное правительство оказало сильное давление на правительства многих штатов с целью ускорения разработки и принятия на местах новых аграрных законодательств.

В Пакистане в 1972 г. был принят закон о снижении максимальных размеров землевладения с 500 акров на поливных и 1000 акров на неполивных землях (по реформе 1959 г.) соответственно до 150 и 300 акров. Это позволяло изъять у крупных землевладельцев более 3 млн. акров, или вдвое больше, чем по реформе 1959 г. Изъятые земли подлежали передаче без выкупа более 300 тыс. арендаторов. К началу 1975 г. в районах аграр-

ной реформы у крупных помещиков было изъято более 1,6 млн. акров земли и передано без выкупа 59,3 тыс. крестьянских семей⁴⁴.

В Бангладеш правительство в феврале 1972 г. объявило о предстоящем проведении аграрной реформы и в качестве предварительной меры установило максимальный размер одного земельного владения в 100 бигха (13,4 га), а хозяйства размером до 25 бигха (3,35 га) освободило от поземельного налога⁴⁵.

Весьма значительная радикализация законодательства о реформе отношений землевладения произошла на Филиппинах. Если аграрным законодательством 1963 г. предусматривалось сохранение за землевладельцами до 75 га поливных земель в рисоводческих районах, то к 1972 г. «потолок» был снижен до 7 га с целью передачи излишков сверх установленного максимума арендаторам-издольщикам участками от 3 до 5 га. Передача собственных прав издольщикам предусматривает относительно умеренный выкуп, в размере 2,5 годового урожая, выплачиваемый при 6% годовых равными ежегодными взносами в течение 15 лет⁴⁶. В этом законодательстве отчетливо отразилось стремление правящих кругов Филиппин перейти от попыток ускорить капиталистическую трансформацию крупного землевладения и основанного на нем издольного хозяйства к политике укрепления мелкособственного крестьянства. Вопрос, таким образом, сводится к тому, при каких условиях и в какой степени пауперизированное мелкое крестьянское хозяйство на Филиппинах может стать базой развития земледельческого капитализма в случае передачи арендаторам-издольщикам прав собственности на землю (если, конечно, провозглашенные меры будут проведены в жизнь достаточно полно).

В ряде случаев стремление снизить накал антифеодальной борьбы трудящихся и ускорить процесс капиталистической трансформации сельского хозяйства побуждает правящие про-буржуазные силы становиться на путь существенного ограничения крупной докапиталистической земельной собственности.

Так, аграрные преобразования в Иране, начавшиеся в 1951 г. изданием декрета о продаже крестьянам шахских земель, к середине 70-х годов приблизили иранскую деревню к ликвидации крупного помещичьего землевладения. Подрыв помещичьего землевладения и связанной с ним системы докапиталистической эксплуатации мелких арендаторов сопровождался ускорением становления крупного капиталистического хозяйства в земледелии. Он также способствовал расширению слоя крестьян — мелких землевладельцев, потенциальной базы формирования

⁴⁴ М. Яковлев. Шаги аграрной реформы. — «Азия и Африка сегодня». 1976, № 3, с. 30—31.

⁴⁵ Современная Азия. Справочник. М., 1977, с. 169.

⁴⁶ Central Bank of the Philippines. Twenty-Fourth Annual Report. 1972. Manila, 1973, с. 39.

класса сельской мелкой буржуазии. Такие мероприятия властей, как принудительное включение лиц, получивших владельческие права на землю, в кооперативы аграрной реформы и определенное расширение снабжения деревни современными агротехническими средствами, фактически имели в качестве одной из целей укрепление именно этого слоя.

Вместе с тем значительные группы крестьян так и не получили землю по реформе; деревня не освободилась от гнета торгово-ростовщического капитала; как и до реформы, для структуры землепользования оставалось характерным большое неравенство распределения хозяйственной площади между различными группами производителей. Более того, в пореформенный период наметилась тенденция к росту концентрации земли в капиталистически развивающихся хозяйствах. Крайне больно ударила по всему крестьянству, особенно по его неимущим слоям, инфляция. Все эти обстоятельства усилили миграцию значительных групп пауперизированного сельского населения в города, обострив проблему городской безработицы и нищеты⁴⁷.

В Пакистане в начале 70-х годов в целях борьбы с саботажем крупных землевладельцев центральное правительство было наделено полномочиями по пересмотру решений провинциальных земельных комиссий. Результаты проверок показали, что в ходе реформы помещикам удалось скрыть более 900 тыс. акров подлежащей изъятию земли. В 1975 г. был принят закон о ликвидации феодальной системы «сардари» в провинции Белуджистан. Отмена феодальных прав и привилегий племенных вождей — сардаров имела большое значение для развития аграрной реформы в этом районе страны⁴⁸.

В конфликт между правительством и помещиками вылилась борьба за осуществление охарактеризованной выше земельной реформы на Филиппинах. Если к середине 1974 г. были выданы сертификаты на владение землей 203,5 тыс. крестьян, то к сентябрю 1975 г. еще только примерно 2 тыс.⁴⁹. Правительством были приняты известные меры к ослаблению политической мощи класса крупных землевладельцев, начиная с роспуска со-державшихся ими вооруженных банд. Это ускорило ход реформы, но она еще не завершена.

Проведение более глубоких аграрных реформ тормозится эксплуататорской сельской верхушкой и связанными с ней консервативными группами городской буржуазии и правительственного аппарата в ряде развивающихся стран Востока. Большие трудности стоят на пути реализации реформ в Индии. Застопорилась объявленная в 1973 г. аграрная реформа в Тур-

⁴⁷ А. И. Демин. Социально-экономические преобразования в иранской деревне (60-е — первая половина 70-х годов). — Аграрные структуры стран Востока, с. 215, 223—227; «Правда», 13.IX, 12.XI.1978.

⁴⁸ «Правда», 19.XI.1975; 16.V.1976.

⁴⁹ «Правда», 14.IX.1975.

ции. Лишь частично претворен в жизнь закон об аренде земли в рисоводстве в Шри Ланке. Блокировал аграрную реформу пришедший к власти военный режим в Пакистане.

Приостановлена в настоящее время аграрная реформа в Индонезии, хотя аграрное законодательство 1960 г., предусматривающее ее осуществление, не отменено новым режимом. Реформа не только не была завершена, вследствие чего почти полностью сохранилось землевладение абсентеистов, но и достигнутые к 1965 г. результаты ее были аннулированы, поскольку основная часть перераспределенной земли насильственно возвращена бывшими землевладельцами. Сталкиваясь с серьезными трудностями в ходе распространения «зеленой революции», индонезийское правительство неоднократно официально декларировало свое намерение продолжать реформу⁵⁰. Однако никаких практических шагов в этом направлении пока не предпринимается. Видимо, правящие круги опасаются ослабить свою нынешнюю социально-политическую опору в деревне в лице сельской элиты и зажиточного крестьянства и ввергнуть деревню в обстановку острых социальных конфликтов, сопровождавших проведение реформы в первой половине 60-х годов.

Срыв или крайне медленное осуществление аграрных реформ во многих странах Востока в значительной мере обусловлены отстранением от участия в органах реформы представителей трудящихся деревни. Как подчеркивается в одной из официальных публикаций ООН, «признание важной роли организаций сельских трудящихся и обеспечение им свободы функционирования и роста является одним из важнейших средств преодоления сопротивления тех слоев и групп, которые заинтересованы в сохранении существующего положения, и осуществления перемен, которые служат предпосылкой для успеха развития»⁵¹.

Напротив, приход к власти революционно-демократических сил, опирающихся на широкие массы трудящихся, дает мощный толчок аграрным реформам. Так, в Афганистане после апрельской революции 1978 г. Народно-демократическая партия и революционное правительство приняли широкую программу социально-экономических мероприятий, направленных на ликвидацию экономической отсталости, создание самостоятельной национальной экономики и повышение уровня жизни народа. В рамках этой программы первостепенное значение придается проведению глубоких демократических антифеодальных преобразований, центральным пунктом которых является земельная

⁵⁰ См., например: The First Five Year Development Plan (1969/70—1973/74). Vol. 2A. Djakarta, 1969, с. 45; Rancangan Rencana Pembangunan Lima Tahun Kedua 1974/75—1978/79 Republik Indonesia. Buku 2A. [Jakarta], 1974, с. 48—49.

⁵¹ Международная Конференция Труда. Сессия 59-я. Доклад 6(1). Организации сельских трудящихся и их роль в социальном и экономическом развитии. Женева, 1973, с. 18.

реформа, призванная упразднить феодальное землевладение, передать землю крестьянам и на этой основе полностью ликвидировать реакционные социальные институты в деревне. На данном этапе реформы сохраняется принцип частной собственности на землю. Предусматривается расширение кооперативного движения крестьянства, причем снабженческо-сбытовые кооперативы рассматриваются как важная форма политического объединения крестьян и ремесленников.

В сельскую местность направлены активисты Народно-демократической партии, создаются деревенские комитеты. Их задача — организация и политическое воспитание трудящегося крестьянства, с тем чтобы оно активно включилось в проведение аграрных преобразований. Важное значение в этом смысле имеют также мероприятия по ликвидации неграмотности в деревне. Большую роль в проведении реформы и мобилизации крестьянства призваны сыграть различные массовые организации, создаваемые в стране.

В соответствии с изданным Революционным советом Афганистана декретом излишки земли сверх установленного максимума (для поливных земель, например, 30 джеривов, или 6 га) подлежат отчуждению у владельцев государством с целью последующей бесплатной передачи малоземельным и безземельным крестьянам и кочевникам. Право на пользование и владение землей предоставляется только тем, кто ее обрабатывает. При проведении реформы учитываются особенности экономического развития отдельных районов и местные традиции. Государство оказывает большую помощь крестьянским хозяйствам и кооперативам, предоставляет им на льготных условиях сельскохозяйственную технику и инвентарь, семена, удобрения⁵².

Значительный прогресс в преобразовании системы земельных отношений достигнут в Алжире. Широкая программа аграрных преобразований намечена здесь принятой в 1971 г. Хартией аграрной революции. Наряду с дальнейшим укреплением самоуправляемого сектора сельского хозяйства, охватывающего 28% обрабатываемой земли и 12% самодеятельного населения, Хартия предусматривает глубокое преобразование традиционного сектора сельского хозяйства на основе ликвидации крупного землевладения и массового производственного кооперирования крестьянства. С июня 1972 по январь 1975 г. крестьянам были переданы права собственности на 788 тыс. га бывших казенных, общинных, муниципальных и хабусных (церковных) земель. Кроме того, по закону о максимальных размерах земельного владения, у крупных землевладельцев было изъято в 1976 г. 560 тыс. га земли. Это позволило почти вдвое увеличить «фонд аграрной революции». На ноябрь 1978 г. среди 127 тыс. крестьян было распределено 1350 тыс. га земли. В ян-

⁵² «Правда», 11.V, 7.VI.1978, 15, 21.II, 8, 20.III.1979, 12, 27.XII.1980.

варе 1975 г. было объявлено о начале аграрной реформы на юге страны — в обширной степной зоне с 15 млн. га пастбищ, где крупные собственники (5% населения) владеют половиной поголовья скота и лучшими пастбищами. Намечается ввести ограничение на находящиеся в руках этих собственников стада и пастбища. Это позволит повысить жизненный уровень почти 170 тыс. сельских семей. Но проведение реформы осложняется сопротивлением внутренней реакции: верхушки землевладельцев и владельцев скота, местной буржуазии и связанных с ними бюрократических элементов⁵³.

Тенденция к активизации аграрных преобразований наметилась в середине 60-х годов в Сирии. В основном после прихода к власти в 1966 г. революционно-демократической группировки Партии арабского социалистического возрождения у крупных землевладельцев изъято более 1,5 млн. га, или около половины, земли. Максимальный размер землевладения составляет 15—55 га на орошаемых землях и 80—300 га на неорошаемых. Среди крестьян и батраков было распределено 818,8 тыс. га земли, которую получили 52,5 тыс. семей из 350 тыс. семей, имевших право на получение дополнительной земельной площади в ходе реформ. Кроме того, среди еще 32,1 тыс. сельских семей было распределено 379,3 тыс. га государственных земель. В результате этого укрепился слой мелких земельных собственников, которые владеют примерно 50% общей обрабатываемой площади. За счет экспроприации помещичьей земли расширился до 5,6 млн. га фонд государственных земель, из которых до 30% сдается в аренду крестьянам⁵⁴.

В Египте в период социалистической ориентации при правительстве Насера в результате аграрных реформ крупные владения [свыше 20 федданов (1 феддан=0,42 га)] сократились по сравнению с 1952 г. с 45,1 до 27,3% всех частновладельческих земель, в том числе крупнейшие владения (т. е. свыше 100 федданов) — до 6,5%. Напротив, мелкокрестьянское землевладение возросло с 35,4 до 57,1%. Основные позиции заняли владельцы 5—20 федданов земли, которые, составляя не более 5% землевладельцев, сосредоточили в своих руках около 20% земли, до 85% всей сельскохозяйственной техники и фактически стали играть ведущую политическую роль в деревне. Многие представители верхушки сельских землевладельцев вообще не занимались земледелием и являлись чиновниками государственного аппарата⁵⁵.

⁵³ П. П. Моисеев. Аграрные преобразования в Алжире. — Аграрные структуры стран Востока, с. 189—190; «Правда», 27.III, 18.XI.1978.

⁵⁴ Современная Азия. Справочник, с. 599.

⁵⁵ Statistical Handbook of the United Arab Republic 1952—1965. Cairo, 1966, с. 46, 50; В. К. Арискин. Экономическая политика государства по развитию интенсивного земледелия (Арабская Республика Египет). — Развивающиеся страны и «зеленая революция». М., 1974, с. 206—207.

Аграрные преобразования в условиях социалистической ориентации осуществляются в обстановке острой классово-политической борьбы их сторонников против прокапиталистических сил, препятствующих прогрессивным мероприятиям революционно-демократического руководства. В этой обстановке успех и конечные социально-экономические результаты реформ определяются последовательностью политической линии самого руководства этих стран и его готовностью опереться в проведении реформ на трудящееся крестьянство. В отдельных случаях наблюдается замедление темпов реформ, значительное ослабление наступления на капиталистические элементы в сельском хозяйстве, представленные в основном богатой деревенской верхушкой. Это создает опасность укрепления обуржуазивающейся сельской элиты, стремящейся к союзу с городской буржуазией и прокапиталистическими политическими силами.

В рамках общего комплекса аграрных преобразований, осуществляемых в странах Востока, важное место занимает развитие сельской кооперации. Массовое вовлечение крестьянства в систему кооперации в таких странах, как Алжир, НДРГ, Сирия, Бирма, представляет собой составную часть курса, имеющего целью создание и укрепление институтов, необходимых для движения по некапиталистическому пути. Государство здесь стремится осуществлять руководящую роль по отношению к кооперации как интегральной части единой системы общественного хозяйства.

Алжирская Хартия аграрной революции рассматривает кооперирование крестьянства как единственно возможный путь реализации в деревне лозунга ликвидации эксплуатации человека человеком. В соответствии с Хартией членами кооперативов могут быть только трудящиеся крестьяне. При этом главной целью провозглашено массовое производственное кооперирование крестьянства, осуществляемое поэтапно, начиная с создания многоцелевых кооперативов в сфере обращения и переходя постепенно к организации коллективных производственных товариществ. Основная цель кооперирования — не только способствовать экономическому укреплению крестьянского хозяйства, но и, как подчеркивается в официальных документах, открыть широкую перспективу для радикального изменения общественных отношений в деревне и вместе с развитием самоуправляемого сектора обеспечить условия для некапиталистического развития деревни. К началу 1975 г. в Алжире было создано свыше 5,3 тыс. сельских кооперативов, в том числе 1,7 тыс. производственных; в 1978 г. число кооперативов достигло 6,3 тыс. (производственных — 4,7 тыс.). Следует, однако, отметить, что программа массового кооперативного строительства наталкивается на значительные трудности, вызываемые как общими сложными условиями осуществления аграрной

реформы, так и отрицательным отношением к производственной кооперации части собственнического крестьянства⁵⁶.

Глубокие перемены произошли в деревне демократического Йемена. По закону об аграрной реформе национализированы и переданы в пользование крестьянам земли феодалов и других крупных земельных собственников. В деревне развернулось массовое кооперативное движение, охватившее почти 40 тыс. крестьянских дворов, на которые приходится около 70% всей обрабатываемой земли. На нынешнем этапе преобладают кооперативы сферы обращения, охватывающие сбыт продукции, кредит, снабжение и т. п. Вместе с тем в республике взят курс на постепенное вовлечение крестьян в сельскохозяйственные производственные кооперативы, в которых труд становится коллективным. Курс на преимущественное развитие производственной кооперации закреплен в новой конституции НДРИ⁵⁷.

Сеть многоцелевых кооперативов создается в Бирме. Правительство придает кооперации такого рода важное значение в борьбе за вытеснение частного капитала из сферы деревенской торговли и кредита. В 1970 г. в стране был принят кооперативный план, предусматривающий реорганизацию всех существующих типов кооперативов в систему потребительских кооперативных обществ (каждое из них должно обслуживать одну деревню), а также организацию 13 тыс. сельскохозяйственных производственных кооперативов с 5 млн. членов (эти кооперативы первоначально должны были выполнять в основном снабженческо-сбытовые функции, постепенно распространяя свою деятельность и на сферу производства). Ближайшая цель кооперирования в Бирме — углубление процесса социального переустройства деревни на базе вытеснения торгово-ростовщического капитала и общего ограничения развития капитализма в сельском хозяйстве. К началу 1975 г. в стране насчитывалось свыше 17,6 тыс. кооперативов с 5—6 млн. членов; в основном это были сельские снабженческо-сбытовые и кредитные организации⁵⁸.

В условиях социалистической ориентации сельская кооперация широко используется и как посредник государства в снабжении деревни средствами производства в рамках программ модернизации сельского хозяйства. Так, в начале 70-х годов через кооперацию в Сирии продавалось 70% удобрений⁵⁹. Концентрация функций снабжения деревни современными средствами производства в кооперации знаменует важный шаг на

⁵⁶ П. П. Моисеев. Аграрные преобразования в Алжире, с. 185—187, «Правда», 18.XI.1978.

⁵⁷ А. Чистяков. НДРИ: становление новой экономики. — «Азия и Африка сегодня». М., 1979, № 11, с. 17.

⁵⁸ А. Ф. Жабреев. Аграрные отношения в современной Бирме, с. 139—142, 148—149. Современная Азия. Справочник, с. 209.

⁵⁹ «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». FAO. Rome, 1973, № 12, с. 4.

пути создания единой государственно-кооперативной снабженческой сети в сельской местности.

В конечном счете формы, масштабы и социально-экономическое содержание кооперации в странах, провозгласивших социалистическую перспективу, определяются общими успехами этих стран на избранном ими пути.

Важная общая черта аграрной эволюции развивающихся стран заключается в том, что сельскохозяйственная кооперация получает все более широкое развитие и при капиталистической ориентации. Производственная кооперация в этом случае не играет сколько-нибудь заметной роли. Главный объект кооперативной деятельности — сфера обращения (кредит, торговля, снабжение). Быстрое расширение кооперативной сети в сфере сельского обращения при данной ориентации есть выражение общей линии правящих кругов на создание при руководящей на данном этапе роли государства экономически более эффективной организации хозяйства (при возрастающей роли государственно-капиталистических отношений) по сравнению с той структурой, которая возникает в ходе медленного, стихийного развития капитализма на базе существующих типов хозяйства и капитала.

Одновременно кооперация может использоваться правящими кругами для осуществления политического контроля над деревней. Такую функцию кооперация выполняла, например, в шахском Иране, где сельские кооперативы в 1975 г. охватывали около 70% деревенского населения. К концу 1975 г. в стране было 2849 таких кооперативов с 2609,7 тыс. членов⁶⁰.

В ходе «зеленой революции» государство в странах Востока, выступая в качестве главного агента внедрения в сельское хозяйство новой технологии при широком использовании кредитования верхушки производителей, начало активно подключать к этой деятельности сельскую кооперацию. В Иране через государственно-кооперативную сеть в 1973 г. распространялось 57% удобрений, в Турции — 90%, в том числе 70% — на условиях кредита⁶¹. В Индонезии главную роль в снабжении деревни средствами производства и в закупках риса для государства призвана играть сеть создаваемых ныне по всей стране (в первую очередь в районах проведения «зеленой революции») кооперативов, каждый из которых должен обслуживать хозяйственную территорию с площадью обрабатываемых земель 600—1000 га. К 1974 г. таких кооперативов было 1,7 тыс.⁶².

⁶⁰ Н. М. Мамедова. Кооперация в Иране. М., 1973, с. 43; А. И. Демирин. Социально-экономические преобразования в иранской деревне (60-е — первая половина 70-х годов), с. 228.

⁶¹ «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». 1973, № 12, с. 4.

⁶² Rancangan Rencana Pembangunan Lima Tahun Kedua... Buku 2B, [Jakarta], 1974, с. 13.

«ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Вместе с тем развитие сельской кооперации, как и всей государственно-кооперативной структуры, сопряжено с серьезными трудностями. Главная из них — исключительно упорное сопротивление торгово-денежной буржуазии усилиям ввести ее деятельность в те или иные институционные рамки, в систему государственного капитализма и экономического регулирования. В борьбе против государственной политики в сфере обращения частный капитал использует всевозможные способы срыва государственных монополий в торговле теми или иными товарами, проникает в сельскую кооперацию, усиливает нажим на крестьян, нуждающихся в текущем кредите, сочетает спекуляции с искусственным созданием товарных дефицитов. Это (как и положение в сфере земельных отношений) свидетельствует о том, что прогрессивное преобразование всей системы экономических и социальных отношений в деревне и ускорение развития сельского хозяйства даже в странах капиталистической ориентации требуют решительной борьбы не только с крупными землевладельцами, но и с группами буржуазии, олицетворяющими консервативный путь развития капитализма. А такая борьба объективно включает в себе важную тенденцию существенного ограничения сферы частнокапиталистического предпринимательства в целом.

«Зеленая революция» есть становление в сельском хозяйстве развивающейся экономики принципиально новой, индустриальной системы производительных сил (приходящей на смену прежней, доиндустриальной их системе) и образование соответствующих форм их социальной организации. Родившаяся в 40-х годах в Мексике, «зеленая революция» во второй половине 60-х годов перекинулась на азиатский регион: к началу 70-х годов зона ее распространения охватывала 10—15% территории развивающихся стран Азии¹.

В конкретных условиях этих стран переход к капиталоемкому сельскому хозяйству вызван в первую очередь настоятельной необходимостью ослабить бремя возникших диспропорций и восстановить на новой основе разорванные звенья в национальном воспроизводстве (прежде всего в сфере продовольственного обеспечения). Вместе с тем с развитием капиталоемкого производства в сельском хозяйстве консервативные классы связывают надежды на дальнейшую отсрочку назревших преобразований: в «зеленой революции» они стремятся найти выход из аграрного кризиса, рассматривают ее как способ радикального, наиболее быстрого приспособления старого аграрного строя к современному обществу.

Становление индустриальной системы производительных сил в сельском хозяйстве

Вплоть до 70-х годов XX в. сельское хозяйство азиатских и североафриканских стран представляло собой производство экстенсивного типа, базирующееся на методах агрикультуры, производственных навыках производителя, типичных для эпохи позднего феодализма и даже более отдаленных эпох. Такие системы земледелия, функционировавшие в условиях гнета докапиталистических общественных структур, уже давно утратили

¹ W. P. Falcon. The Green Revolution: Generations of Problems.— «American Journal of Agricultural Economics». Lexington. Vol. 52, 1970, № 5, с. 708.

Таблица 8
Долгосрочные изменения урожайности риса и пшеницы
в некоторых странах Азии*,
ц/га

Годы	Рис (падди)			Пшеница	
	Индия, Пакистан, Бирма	Таиланд	Филиппины	Индия	Пакистан
1909—1913	16,5	15,0	7,4	8,1	
1923—1927	14,3	18,6	11,7	7,5	
1934—1938	13,9	12,9	10,9	7,1	
1953—1957	13,2	13,6	11,6	7,4	7,5
1958—1962	14,8	14,0	11,7	8,0	8,0
1963—1967	15,3	16,3	13,2	8,3	8,1

* «The State of Food and Agriculture. 1968». FAO. Rome, 1968, с. 202, 204.

свои потенции к внутреннему поступательному развитию, к увеличению объема производства на единицу площади².

Кризисное состояние этих систем, анахронизм их существования в период, когда нехватка сельскохозяйственной продукции приобрела грандиозные масштабы, достаточно ярко отражаются в стагнации урожайности основных продовольственных культур (табл. 8). Урожайность такой культуры, как рис, динамика производства которого образует, по мнению ЭКАДВ (ныне — ЭСКАТО), «определяющую переменную в сельскохозяйственном, как и в общем экономическом росте» стран Азии³, была до последней трети 60-х годов XX в. на 20—40% ниже того уровня, который был достигнут в Японии на рубеже 70—80-х годов прошлого века (18—21 ц/га)⁴.

На протяжении по крайней мере семи десятилетий XX в. рост производства в ныне независимых странах Азии происходил главным образом в результате расширения обрабатываемых площадей. Но теперь эти резервы (без огромных капиталовложений) в значительной степени исчерпаны. Эпоха 70-х годов поставила перед развивающимися странами острейшую задачу — максимально быстро заменить традиционные, изжившие себя системы земледелия системами, опирающимися на современные техническую базу и методы агрикультуры.

² В Индии, например, рост урожайности в рамках традиционной системы земледелия, наблюдавшийся в течение нескольких веков до порабощения страны Англией (см.: Л. Б. Алаев. О системах земледелия Южной Индии в конце XVIII — начале XIX в. — Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. М., 1965, с. 408—421), прекратился в XIX в.

³ «Economic Survey of Asia and the Far East. 1968». ECAFE. Bangkok, 1969, с. 165.

⁴ J. I. Nakamura. Agricultural Production and the Economic Development of Japan 1873—1922. Princeton, 1966, с. 66, 233.

Проблема, таким образом, состоит в том, что развивающиеся страны нуждаются не только и не просто в резком увеличении общественной производительности труда в сельском хозяйстве (без этого, в частности, немыслимо устранить товарный голод), но и в решительном повышении продуктивности земли и возрастании на этой основе общего объема производства.

На достижение этих целей и направлена разработанная во многих азиатских странах в середине 60-х годов «новая сельскохозяйственная стратегия». Ее практическое внедрение было значительно облегчено таким достижением научно-технической революции, как выведение высокоурожайных сортов продовольственных культур, прижившихся на азиатской почве. В 1970/71 г. семенами высокоурожайных сортов риса засеивалось на Филиппинах 50,3% (против 22,5% в 1967/68 г.), в Пакистане (в нынешних границах) — 41,7 (против 24,7 в 1968/69 г.), в Полуостровной Малайзии — 24,5, в Индии — 14,7 (против 9,8 в 1968/69 г.), в Индонезии — 11,3, в Шри Ланке — 4,5 (против 2 в 1968/69 г.), в Бангладеш — 3,3% (против 2,7% в 1968/69 г.) всех земельных площадей, занятых под рисом. Под высокоурожайными сортами пшеницы было занято в этом же году в Пакистане 49,1% (против 20% в 1967/68 г.), в Индии — 32,9 (против 4,1 в 1966/67 г.), в Сирии — 10,1, в Турции — 5,8% всех посевов данной культуры⁵.

Во всех вместе взятых развивающихся странах в 1971 г. высокоурожайные сорта зерновых культивировались на площади 21,5 млн. га, что составляло примерно 7% всей площади, занятой под этими культурами, причем такие сорта использовались на 17,2% площади посевов пшеницы и 10,2% площади посевов риса⁶.

В результате в странах, переживающих «зеленую революцию», заметно увеличилась средняя урожайность основных зерновых культур (табл. 9).

Районы развивающихся новых систем земледелия начинают играть все более существенную роль в национальном производстве зерновых. Например, в Индии площади, занятые под высокоурожайными сортами пшеницы (33% посевов), дали в

⁵ «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». FAO. Rome, 1969, № 6, с. 2; K. Griffin. The Green Revolution: An Economic Analysis. Geneva, 1972, с. 4. Данные касаются посевных площадей под сортами, выведенными на основе семенного материала, созданного Международным исследовательским институтом риса и Международным центром селекции пшеницы и кукурузы. Некоторая (не учтенная здесь) часть посевной площади была занята под местными улучшенными сортами зерновых. В Шри Ланке она преобладала в посевах риса высокоурожайных сортов. В Индии высокоурожайные сорта пшеницы всех видов занимали в 1970/71 г. 35,6% площади посевов этой культуры (см.: Indian Agriculture in Brief. 12th ed. Delhi, 1973, с. 66, 176).

⁶ The Social and Economic Implications of Large-Scale Introduction of New Varieties of Foodgrain: Summary of Conclusions of a Global Research Project. Geneva, 1974, с. 4.

Таблица 9
Изменение урожайности пшеницы и риса
в некоторых странах Азии
в ходе «зеленой революции»*

Страна	Урожайность в 1974—1977 гг., ц/га	Прирост с 1961—1965 гг., %
<i>Пшеница</i>		
Пакистан	13,6	62,7
Индия	13,3	59,2
Турция	16,1	48,9
<i>Рис (неочищенный)**</i>		
Пакистан	23,0	62,5
Индонезия	27,0	53,1
Филиппины	17,8	41,2
Индия	17,4	17,6
Шри Ланка	20,2	15,8

* См.: «Production Yearbook 1971». FAO. Rome, 1972, с. 39, 40, 75—77; «Production Yearbook 1977». FAO. Rome, 1978, с. 94, 96, 97.

** Характерно, что в Бирме, где «зеленая революция» делает лишь самые первые шаги, средняя урожайность риса увеличилась за указанные в таблице годы с 16,4 до 18,0 ц с 1 га, или на 9,5% (Там же).

1970/71 г. 68% валового сбора зерна этой культуры, в Пакистане (49% посевов) — около 60% сбора⁷.

Становление новой технологии в сельскохозяйственном производстве опирается на радикальную перестройку всей его технической базы. Так, в Индии в 1961—1965 гг. на гектар обрабатываемой площади вносилось всего 3,7 кг минеральных удобрений (в действующем веществе); в 1972 г. этот показатель составлял 16,7, а в 1977 г. — 23,5 кг⁸. Рост применения удобрений сопровождается расширением орошаемых площадей, причем эти площади увеличиваются благодаря развитию не только крупных государственных ирригационных систем, но и малой частной ирригации (колодезное орошение), в которой широко используются механические двигатели. Если за 15 лет, предшествовавших «зеленой революции» (1950/51—1965/66), среднегодовой темп прироста чистой площади поливных земель составлял в Индии лишь 1,6%, то в 1965/66—1975/76 гг. — 2,6% (в 1965/66—1970/71 гг. — 3,6%), причем более 2/3 всего прироста приходилось на площади, орошаемые средствами механизиро-

⁷ Там же, с. 5.

⁸ «Fertilizer Yearbook 1978». FAO. Rome, 1979, с. 15.

ванной малой ирригации⁹. В результате доля поливных посевов заметно увеличилась. Об этом свидетельствуют следующие данные (в %) ¹⁰:

	1965/66 г.	1975/76 г.
Доля поливных посевов в общей посевной площади	19,9	25,1
Доля поливных посевов зерновых во всех посевах зерновых	20,9	26,6

Заметно выросло применение тракторов и других машин. В результате изменилась структура используемых в сельском хозяйстве энергетических мощностей. Например, в Индии начала 70-х годов машины давали, по некоторым оценкам, свыше 1/5 энергии, потребляемой в сельском хозяйстве (табл. 10).

Таблица 10
Изменение структуры энергетических источников
в сельском хозяйстве Индии*,
%

Источник энергии	1955/56 г.	1965/66 г.	1970/71 г.
Мускульная сила людей	35,2	34,9	32,2
Тягловый скот	60,8	53,6	45,7
Машины**	4,0	11,5	22,1
Все источники, млн. л. с.	34,9	43,9	52,5

* W. B. Dondе. Impact of Farm Mechanization on Employment. — «Agricultural Situation in India». Delhi, August 1971, с. 297.

** Двигатели внутреннего сгорания и электромоторы, используемые для различных хозяйственных целей; тракторы.

Значительно изменилась в Индии и структура текущих затрат материальных средств на воспроизводство в сельском хозяйстве. В общей массе продукта, расходуемого на производственное потребление в этой отрасли, существенно увеличилась доля продукта крупной промышленности. При этом данная доля быстрее росла в период, когда «зеленая революция» развивалась наиболее высокими темпами, — во второй половине 60-х годов (табл. 11). Напротив, удельный вес производственного потребления, для которого продукт доставляла сама сельскохозяйственная отрасль, значительно снизился, причем наиболее сильно — за ту же вторую половину 60-х годов. В результате

⁹ Подсчитано по: Indian Agriculture in Brief. 17th ed. Delhi, 1979, с. 31.

¹⁰ Подсчитано по: Там же, с. 31—34.

Таблица 11
Изменение структуры текущих затрат материальных средств
на воспроизводство в сельском хозяйстве Индии*,
%

Источник покрытия и вид затрат	Доля затрат по годам					Изменение за 1964/65—1974/75 гг.
	1950/51	1960/61	1964/65	1970/71	1974/75	
Сельское хозяйство	91,2	88,0	84,3	72,1	63,3	—24,8
В том числе:						
семена	18,9	18,1	17,7	15,6	13,1	—26,0
органические удобрения . .	11,4	10,5	10,3	7,6	6,8	—34,0
корм для скота	60,9	59,4	56,3	48,9	43,4	—23,0
Крупная обрабатывающая и энергетическая промышленность .	1,5	3,9	6,8	19,5	26,5	+289
В том числе:						
минеральные удобрения и пестициды	1,1	2,8	5,4	11,2	14,3	+165
электроэнергия и жидкое топливо	0,4	1,1	1,4	8,3	12,2	+771
Прочие сферы	7,3	8,1	8,9	8,4	10,2	+14,6
В том числе:						
плата за воду	1,1	1,4	1,8	1,8	3,0	+66,8
содержание и ремонт инвентаря	4,0	4,4	4,8	5,2	5,4	+12,4
затраты по реализации товарной продукции**	2,2	2,3	2,3	1,4	1,8	—21,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—

* Подсчитано по данным публикаций Центральной статистической организации Индии за соответствующие годы на базе цен 1960/61 г. советским экономистом-индологом Г. К. Широковым.

** В данную статью включаются как производственные расходы, так и не поддающаяся вычленению нормальная прибыль торговых агентов.

если в начале 50-х годов сельское хозяйство обеспечивало более 9/10 всего производительного потребления в отрасли, то через четверть века оно покрывало уже менее 2/3 этого потребления¹¹. Кроме того, качественно изменилась и определенная часть одного из элементов данного продукта, именно семенного фонда зерновых, в воспроизводстве которого достижения науч-

¹¹ При значительном сокращении доли сельскохозяйственного продукта в производительном потреблении в отрасли абсолютная его масса пока уменьшилась совсем незначительно. В 1964/65 г. затраты вещественных элементов на воспроизводство в сельском хозяйстве, покрытые за счет сельскохозяйственного продукта, составляли 18,6 млрд. рупий, а в 1974/75 г. — 17,9 млрд. рупий (цены 1960/61 г.) (Draft Fourth Plan. Material and Financial Balances 1964/65, 1970/71 and 1975/76. Delhi, 1966, с. 13; National Accounts Statistics. New Delhi, 1976).

Таблица 12
Динамика среднегодовых сборов
зерновых культур в развивающихся странах*,
млн. т

Период	Южная и Юго-Восточная Азия	Ближний Восток	Африка
<i>Пшеница</i>			
1966—1970	21,8	20,6	4,4
1976—1978	39,3	30,3	4,9
Прирост, %	80 (6,8)	47 (4,4)	11 (1,2)
<i>Рис (неочищенный)</i>			
1966—1970	139,7	4,4	4,5
1976—1978	167,6	4,8	5,6
Прирост, %	20 (2,0)	8 (0,9)	24 (2,4)
<i>Грубое зерно</i>			
1966—1970	38,4	16,4	31,4
1976—1978	42,6	18,7	34,4
Прирост, %	11 (1,2)	15 (1,6)	10 (1,1)

* Составлено и подсчитано по: FAO. Commodity Review and Outlook 1973—1974. Rome, 1974, с. 52, 58, 65; «Production Yearbook 1978». FAO. Rome, 1979, с. 97, 99, 101—108. В скобках — среднегодовой прирост.

но-технической революции сказались самым непосредственным образом.

Цифры, таким образом, свидетельствуют о заметно усилившейся в Индии с середины 60-х годов межотраслевой интеграции воспроизводственного процесса, непосредственно связанной с течением «зеленой революции»¹².

Под влиянием начавшейся интенсификации производства увеличился прирост сборов продовольственного зерна, прежде всего в странах Южной и Юго-Восточной Азии, где «зеленая революция» в целом продвинулась заметно дальше, чем в дру-

¹² Данная интеграция, впрочем, имеет ярко выраженный анклавный характер: она распространяется на сравнительно узкие подразделения (очаги) аграрной экономики, в которых развиваются новые капиталоемкие формы производства (подробнее см. ниже в данной главе).

гих районах развивающегося мира. Что касается отдельных культур, прирост их сборов прямо пропорционален степени внедрения новой технологии в практику их возделывания (табл. 12). Наиболее интенсивно растет производство пшеницы (недаром «зеленую революцию» иногда именуют «пшеничной революцией»). В гораздо меньшей степени увеличивается производство риса. Динамика же сборов прочих зерновых определяется в основном традиционными условиями производства.

Становление новых систем земледелия позволило к началу 70-х годов несколько ослабить острые кризисные явления в продовольственном обеспечении ряда афро-азиатских стран; в некоторых из них заметно сократился чистый импорт зерна (он, однако, вновь увеличился к середине 70-х годов, в частности, из-за снижения темпов «зеленой революции», объясняющегося причинами как технологического, так и социально-экономического характера¹³). К концу 70-х годов в отдельных странах «зеленая революция» даже позволяла временно добиваться примерного соответствия между внутренним предложением зерна и общим (весьма низким) платежеспособным спросом на него. Но существенных изменений в продовольственное потребление она не вносила: она не сопровождалась перераспределительной политикой и тем самым не стимулировала роста платежеспособного спроса у бедного населения.

В этой связи первостепенное значение приобретает вопрос о социальном климате, в котором протекает «зеленая революция», о ее социально-экономических последствиях и возможных перспективах.

Возникновение индустриальной формы аграрного капитала

В конкретной социальной обстановке афро-азиатских стран «зеленая революция» выступает как процесс капиталистического развития, однако развития особого рода: она детерминирована усилением не стоимостных, свободнорыночных отношений в аграрной экономике, а отношений внестоймостных и только на основании этих последних набирает силу. «Зеленая революция» не была здесь естественным результатом предшествующей социально-экономической эволюции деревни. Она родилась скорее

¹³ О временной неравномерности течения «зеленой революции» свидетельствуют, например, данные о затратах на современные средства производства. Согласно оценке Международного института риса (Манила), ежегодные капиталовложения и текущие затраты на ирригацию и минеральные удобрения в развивающихся странах Южной и Юго-Восточной Азии, составлявшие 1,2 млрд. долл. в период между 1965 и 1970 гг., понизились до 0,8 млрд. долл. в 1970—1974 гг. («The State of Food and Agriculture. 1978». FAO. Rome, 1979, с. II—21).

Таблица 13
Чистый доход с акра земли
при возделывании различных зерновых культур*,
долл.

Страна	Традиционные сорта	Высокоурожайные сорта
<i>Пшеница</i>		
Индия	17	76
Турция	32	80
Пакистан	13	54
<i>Рис</i>		
Бангладеш	30	119
Филиппины	81	140
Пакистан	25	45

* L. R. Brown. The Social Impact of the Green Revolution. N. Y., 1971, с. 15.

как отрицание всех общественных форм, опирающихся на традиционный технический базис, явилась «индустриальным всплеском», вызванным складыванием в центрах мирового технического прогресса новой системы производительных сил — производительных сил эпохи научно-технической революции. Соответственно «зеленая революция» означает, что капитализм в сельском хозяйстве претерпевает существенный качественный сдвиг; он начинает постепенно переходить в зрелую, индустриальную стадию развития; в ряде случаев «зеленая революция» вообще кладет начало становлению капиталистических производственных отношений в аграрной экономике.

Два общих обстоятельства необходимо отметить в связи с вторжением капитала в производство под влиянием развития в сельском хозяйстве новой системы производительных сил.

Становление интенсивной формы производства в сельском хозяйстве развивающихся стран на основе применения достижений биологической науки имело ту особенность, что неизбежный на первых этапах внедрения новой технологии рост затрат живого труда на единицу площади сопровождался еще более значительным ростом массы производимого продукта. Поэтому чистый доход от ведения хозяйства с использованием высокоурожайных сортов существенно увеличился. Согласно расчетам некоторых зарубежных авторов, уже к началу 70-х годов он поднялся примерно в 2—4 раза (табл. 13). И это сразу же обеспечило притяжение капитала в сферу производства в сельском хозяйстве, тем более что с повышением продуктивности земли расширились и пределы, в которых капиталист мог сокращать затраты перемен-

ного капитала на единицу площади и тем самым увеличивать свою прибыль.

Для сельского хозяйства, как известно, характерна большая разница между рабочим периодом и временем производства. Эта разница, обусловленная зависимостью процесса производства от природных факторов, особенно велика в экстенсивном земледелии, опирающемся на традиционную агрикультуру. Никакие технические нововведения, сокращающие рабочий период и соответственно обеспечивающие экономию живого труда, не могли здесь ощутимо уменьшить время производства. В результате капитал стремился избегать собственно сферу производства в сельском хозяйстве. Введение в земледельческую практику высокоурожайных сортов зерновых культур, вегетационный период которых составляет всего два-три месяца (по сравнению с четырьмя-пятью, характерными, например, для традиционных сортов риса), создало принципиально новую ситуацию: сокращение времени производства обеспечило условия для значительного ускорения оборота капитала. Сфера производства в земледелии становится отныне выгодным объектом для его приложения.

Как процесс капиталистического развития «зеленая революция» становится катализатором острейших социальных противоречий, значительно расширяя их диапазон.

Накопленный опыт «зеленой революции» с полной очевидностью свидетельствует о том, что социально-экономический фронт становления в ее рамках интенсивного земледелия остается весьма узким. Мы уже видели, что большие отряды производителей лишены важнейших условий для динамичного развития. Напротив, крупные производители, верхушку которых составляют капитализирующиеся крупные земельные собственники, гораздо более подготовлены к тому, чтобы немедленно принять «зеленую революцию». Действительно, как показало, например, обследование, проведенное Национальным советом прикладных экономических исследований Индии, в этой стране средний годовой доход хозяйств, применяющих новые средства производства (минеральные удобрения, высокоурожайные семена и т. п.), в 1968/69 г. составлял 3936 рупий, а у хозяйств, не использующих такие средства, он не превышал 2200 рупий; между тем 85% хозяйств обследованных районов имели доходы меньше 3600 рупий¹⁴. В главном рисопроизводящем районе «зеленой революции» в Индии — округе Танджавур концентрация стоимости валовой продукции риса в верхних 5% дворов за пять лет (1965/66—1970/71) возросла с 55,5 до 58%, а доля нижних 60% дворов понизилась с 5,8 до 5,6%¹⁵.

¹⁴ «The Economic Times». New Delhi, 1.X.1970.

¹⁵ C. G. Swenson. The Distribution of Benefits from Increased Rice Production in Thanjavur District, South India. A. D. C. N. Y., 1976, с. 4, 8.

Таким образом, резкая дифференциация производителей по их способности аккумулировать накопления, вытекающая из классовой природы распределения доходов, фактическое отсутствие накоплений у основной массы крестьянских хозяйств вызвали к жизни ситуацию, при которой на путь развития новых систем производства стала стремительно вырываться (пока, впрочем, лишь в отдельных районах) относительно небольшая, верхняя прослойка деревенского общества, главным образом крупные землевладельцы.

Однако эволюция этих эксплуататоров в крупных производителей современного типа — не плавный, автоматически нарастающий, а зигзагообразный, сопровождающийся попятными движениями процесс. Например, крупноземладельческая прослойка отвлекает часть своих накоплений в спекуляции, посредническую торговлю, ростовщичество под влиянием специфической конъюнктуры, складывающейся за пределами сферы производства в сельском хозяйстве. В середине 70-х годов эти процессы мы наблюдаем даже в некоторых наиболее развитых районах «зеленой революции» в Индии¹⁶.

Главным итогом такого развития была существенно усилившаяся тенденция к росту имущественного неравенства между различными группами сельского населения, к дальнейшей его социальной дифференциации.

Социальные отношения, имманентные традиционным структурам, когда их начинает взрывать плуг «зеленой революции», придают этим процессам специфическую окраску. Исследовательская группа Института социального развития ООН, изучавшая социально-экономические последствия «зеленой революции», свидетельствует: «Там, где сельское общество представляет собой систему сформировавшихся классов, основанную на неравенстве в распределении контроля над землей, мелкий земледелец обычно проявляет скептицизм и недоверие к государственным программам и предложениям о технических нововведениях и обнаруживает защитительную приверженность существующей практике и опыту, обеспечивающим некоторые гарантии. Любой мере, которая могла бы сократить предложение труда, поднять его цену или дать действенный толчок росту его устремлений к этому, непосредственно противостоит элита, в интересах которой — сохранение именно дешевизны труда»¹⁷. Сельское общество не просто дифференцируется — сама диф-

¹⁶ Например, в «самом сердце зеленой революции» в Пенджабе — округе Лудхьяна — вследствие резкого повышения к середине 70-х годов цен на средства производства современного типа (что отрицательно сказалось на размерах прибылей в капиталистическом хозяйстве) сельские предприниматели стали приостанавливать процесс технического перевооружения своих хозяйств, направляя массу свободных денежных накоплений в ростовщичество (Arrested Green Revolution. — «Economic and Political Weekly». Bombay. Vol. 10, 1975, № 25—26, с. 944—945).

¹⁷ The Social and Economic Implications..., с. 17.

ференциация одновременно выступает подчас как процесс «осовременивания» лишь эксплуататорской верхушки при удержании трудящегося населения деревни в рамках традиционных отношений производства.

Общая тенденция к дальнейшему росту имущественного неравенства и социальной дифференциации значительно усугубляется в ряде стран характером государственной политики распределения и мобилизации национального накопления.

Процесс перехода от традиционной материально-технической базы в сельском хозяйстве к современной и соответствующим ей производственным навыкам и знаниям, как известно, существенно увеличивает потребности в капиталовложениях. Углубляющиеся диспропорции, тормозящие рост национального хозяйства, и особенно продовольственный кризис, вынуждают планирующие органы многих стран Азии смещать центр тяжести программ развития в сторону развития сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей промышленности. Этим секторам с середины 60-х годов выделяется более значительная, чем прежде, доля национальных инвестиций, не говоря уже об их абсолютной массе¹⁸. Однако характер распределения национального накопления находится в вопиющем противоречии с интересами всеобщего перевода сельского хозяйства на путь технологического подъема.

Как показывает опыт многих стран, именно небольшим богатым группам, в том числе крупным полуфеодалным землевладельцам, удается утилизировать в свою пользу наибольшую часть государственных капиталовложений, поступающих в сельскохозяйственный сектор для целей форсирования «зеленой революции». В Пакистане на период действия третьего пятилетнего плана (1965—1970) государство выделило из бюджета огромную сумму — около 1,5 млрд. рупий — для субсидирования разницы между рыночной и потребительской ценами современ-

¹⁸ Так, в Индии удельный вес государственных ассигнований на нужды сельского хозяйства, развитие кооперации, «общинное развитие» и ирригацию составлял в 1967/68 г. 23% против 20% в 1961/62—1965/66 гг. По четвертому пятилетнему плану (1969—1974) на эти объекты было выделено 24% всех государственных капиталовложений. По пятому пятилетнему плану (1974—1979), доля таких ассигнований была сокращена до 21%, причем их номинальная масса увеличилась по сравнению с аналогичными ассигнованиями по четвертому пятилетнему плану более чем вдвое (с 38,2 млрд. до 80,8 млрд. рупий). В 1977/78 г. сельскому хозяйству с мелкой сельской промышленностью (получившей в предшествующие два плановых периода соответственно 1,9 и 1,4% государственных инвестиций) было выделено около трети всех государственных ассигнований на цели развития (Government of India. Planning Commission. Fourth Five Year Plan. Revised Outlay 1969-74. New Delhi, 1970, с. 15; Government of India. Planning Commission. Fifth Five Year Plan 1974-79. New Delhi, 1976, с. 52, 122, 150; «Правда», 30.VIII, 28.XII.1977). По долгосрочной программе развития Бангладеш сельскому хозяйству намечается предоставить в 1980—1985 гг. — 38, а в 1985—1990 гг. — 40% общей суммы капиталовложений, против 25% в 1973—1979 гг. (UNCTAD. TD/B/AC, 17/15. 16 January 1980, с. 5, 6).

ных сельскохозяйственных средств производства (минеральные удобрения, тракторы и др.). Но, как свидетельствуют факты, «весь сельский доход, порожденный сельскохозяйственными субсидиями и капиталовложениями, был присвоен небольшим числом крупных помещиков»¹⁹.

Другая сторона проблемы накопления, не менее острая, заключается в способе изъятия части все возрастающих в ходе «зеленой революции» доходов деревенской богатой прослойки в интересах ускорения подъема национальной экономики, в особенности сельского хозяйства. Устаревшая система поземельного обложения, по существу лишь формально (преимущественно в виде законотворчества, но не практических мер) дополненная системой подоходного обложения, не может служить достижению данной цели. Например, удельный вес подоходного налога в общей сумме только прямых сельскохозяйственных налогов составлял в бюджетном 1968/69 г. в Индии всего 7,8, а в 1975/76 г. — 8,1%. При этом в Индии, как и в других странах Азии, из всех имущих групп, подлежащих подоходному обложению, именно крупные землевладельцы несли минимальное бремя налогообложения. По нашим расчетам, в Индии 7% сельских хозяев, сосредоточивавшие не менее четверти чистого сельскохозяйственного продукта, должны были выплатить в 1975/76 г. в виде подоходного сельскохозяйственного налога сумму не более 1,9% величины этого продукта²⁰. Иначе говоря, сельская элита не только утилизирует в максимальной степени выгоды, порождаемые «зеленой революцией», но и перекладывает на другие слои общества (главным образом через систему косвенного налогообложения) бремя инвестиций, расходуемых на

¹⁹ Prices, Taxation and Agriculture. Karachi [1969], с. 36. Аналогичный процесс мы наблюдаем и в Индии. В ходе эволюции аграрной экономики мелкое производство оказалось отброшенным от «пирога» государственных капиталовложений, вливаемых в сельское хозяйство, воспроизводственный процесс в нем был «заморожен» в основном на старом техническом базисе. Непропорционально большой массой финансовых и материальных ресурсов, поступающих в деревню по каналам государственного сектора и кооперативных учреждений, воспользовались крупные землевладельцы (см.: В. Г. Растянников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, гл. VI).

²⁰ National Accounts Statistics 1970/71—1976/77. Delhi, 1979, с. 82; Indian Agriculture in Brief. 17th ed., с. 19; «Economic Survey of Asia and the Far East 1971». Bangkok, 1972, с. 51—54. Комитет по налогообложению богатства и доходов в сельском хозяйстве Индии рассчитал, что обложение в рекомендуемых им размерах прогрессивным подоходным налогом только хозяйств, получающих 5 тыс. рупий дохода и более в год, могло бы принести в бюджет государства дополнительно 1,5 млрд. рупий (см.: «Patriot». New Delhi, 2.XI.1972). Предпринятая властями штатов (по указанию центрального правительства) попытка увеличить поступления в государственную казну сельскохозяйственного подоходного налога для целей экономического развития должна была обеспечить за три года (1974/75—1976/77), по оценке Плановой комиссии, приток лишь 20 млн. рупий (повышение же поземельного налога должно было принести дополнительно 3690 млн. рупий) (Fifth Five Year Plan 1974—79, с. 107).

интенсификацию сельского хозяйства; свои же собственные чрезмерные доходы она зачастую использует не на расширение производства, а в целях паразитического обогащения (спекуляция и т. д.).

При весьма низкой норме накапливаемого продукта процесс воспроизводства в сельском хозяйстве стран Востока оказывается особенно чувствительным к условиям товарного обмена, т. е., с одной стороны, к условиям реализации части воспроизводимого национального продукта на мировом рынке, а с другой — к условиям товарного обмена на национальном рынке между городом (промышленностью) и деревней (сельским хозяйством). Изменения в условиях товарного обмена могут позволить либо увеличить накапливаемую часть прибавочного продукта, либо, напротив, еще больше сократить ее. И только частично (обмен на национальном рынке) эти изменения могут быть поставлены под контроль национального государства (см. гл. II).

Господство империалистических монополий на мировом капиталистическом рынке, преобладание худших форм местного капитала на рынках самих развивающихся стран, а в иных случаях политика правящих групп этих стран в области товарного обмена — все это создало ситуацию, при которой соотношение товарных цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию складывалось не в пользу сельского хозяйства. Так, чтобы приобрести 1 кг минеральных удобрений (в действующем веществе), земледельцы в Египте должны были реализовать на рынке в начале 60-х годов 7,1 кг необрушенного риса, в Индии — 5,2 кг, в Таиланде — 4,1 кг, на Филиппинах — 3,4 кг; в Японии и США данный показатель составлял соответственно 1,2 и 1,5 кг²¹. Естественно, что в такой обстановке использовать современные средства производства, изготовленные промышленностью, мог весьма ограниченный круг хозяйств.

На рубеже 60—70-х годов, однако, в некоторых странах, переживающих «зеленую революцию», положение стало существенно меняться — главным образом потому, что правящие круги этих стран перешли к политике поддержания национальных цен на зерно, пока единственный продукт развивающегося интенсивного земледелия, на очень высоком уровне. Например, в Индии и Пакистане (в его нынешних границах) государственные закупочные цены на пшеницу в конце 60-х годов почти в 2 раза превосходили мировые цены на этот вид зерна²². Высокие закупочные цены позволили сельским предпринимателям значительно уменьшить относительную долю затрат на внедряемый основной капитал (цены на который к тому же частично субсидируются государством).

²¹ «The State of Food and Agriculture. 1967». FAO. Rome, 1967, с. 111.

²² W. P. Falcon. The Green Revolution: Generation of Problems, с. 702.

Изменения в условиях товарного обмена, осуществленные государством, естественно наиболее остро сказались в тех районах, где общественная производительная сила труда возрастает, а индивидуальные (среднерайонные) издержки производства сокращаются по сравнению со средненациональными, т. е. в районах «зеленой революции». Но основная выгода от этих изменений досталась здесь относительно небольшой группе производителей товарного зерна — крупным хозяевам, интенсивно перестраивающим свою техническую базу. Большой выигрыш от государственной поддержки зерновых цен получили крупные полуфеодалы-землевладельцы, собирающие рентные платежи натурой, и торговцы, скупающие на корню крестьянский урожай²³. Согласно имеющимся оценкам, в Индии и Пакистане из каждых 10 долл., затрачиваемых государством на поддержку зерновых цен, лишь около одного доллара попадало в начале 70-х годов к мелким хозяевам²⁴.

Следовательно, в таких странах, как Индия или Пакистан, зерновой протекционизм способствует перемещению части национального дохода (прежде всего доходов основного покупающего сектора — трудящихся города и деревни) без последующего возмещения ко все более богатейшей землевладельческой элите (как хозяйствующей, так и откровенно паразитирующей) и узкой прослойке ростовщиков и купцов, а также обуржуазивающимся группам богатого крестьянства. Своеобразие ситуации середины 70-х годов состояло, однако, в том, что под влиянием энерго-сырьевого кризиса мирового капитализма эффективность воздействия зернового протекционизма на производство заметно понизилась: в результате скачкообразного повышения цен на ряд важнейших элементов производительного потребления (прежде всего жидкое топливо и минеральные удобрения), что в значительной степени явилось результатом деятельности транснациональных монополий, местный капитал замедлил движение в сферу сельскохозяйственного производства.

«Зеленая революция» коренным образом изменяет условия существования эксплуатируемой массы деревенского населения. Как процесс, предполагающий в качестве своей основы производство исключительно меновой стоимости, она проявляется прежде всего в том, что из аграрной экономики гораздо интенсивнее, чем раньше, вытесняются традиционные натуральные отношения: произ-

²³ Вполне закономерно поэтому, что «назойливые призывы к повышению закупочных цен на зерно, исходящие из Пенджаба... отражают требования даже не столько богатых крестьян-капиталистов, сколько торгово-ростовщических слоев города и богатых крестьян-хозяев, постепенно превращающихся в ростовщиков. С ростом закупочных цен увеличивается и ставка ростовщического процента» (Arrested Green Revolution, с. 944).

²⁴ W. P. Falcon. The Green Revolution: Generation of Problems, с. 707.

ходит распад различных форм натурального обмена между деревенскими производителями, срываются натуральные оболочки с отношений эксплуатации в аграрном обществе (например, разрушение системы «джаджмани», или «взаимных услуг», в районах «зеленой революции» в Индии, элементов традиционного патернализма в таких же районах на Филиппинах и в Индонезии). Труд, следовательно, высвобождается из системы традиционных связей, но это есть такое высвобождение, при котором у наибольшей (неимущей) массы людей отнимают последние, остаточные «гарантии существования, обеспеченные старинными феодальными учреждениями»²⁵. (Можно попутно отметить, что первые конфликтные ситуации на почве развития «зеленой революции» возникают именно в результате ломки традиционных институтов: неимущие цепляются за эти институты как за источник «социальных гарантий», пытаются предотвратить их развал, который осуществляют прежде всего «лидеры» «зеленой революции» — господствующие в традиционной иерархии богатые группы деревенского общества.)

Сам акт замены натуральных связей, определяемых строго регламентированной традицией, связями денежными дает сильный толчок процессам формирования экономического отношения господства и подчинения, вытесняющим внеэкономические формы такого отношения, и соответственно процессам становления нового общественного сознания эксплуатируемого деревенского населения²⁶.

Как процесс, проявляющийся в резком росте доходов на основе именно капитализации прибавочного продукта, «зеленая революция» становится мощным катализатором вытеснения с земли исконно хозяйствующего, традиционного крестьянского населения. Это вытеснение идет сразу по нескольким направлениям.

Во-первых, углубляющиеся различия в уровнях продуктивности земли между мелкокрестьянскими хозяйствами, которые базируются на традиционных методах, и крупными хозяйства-

²⁵ К. Маркс. Капитал. Т. I.— Т. 23, с. 727.

²⁶ Не касаясь сейчас этого вопроса подробно (он станет предметом исследования в гл. IV), приведем здесь оценку, данную упомянутой исследовательской группой Института социального развития ООН. Эта группа отмечала: «Образование такого сельского пролетариата примечательно в нескольких отношениях. Во-первых, семьи, отторгнутые от традиционного страхового фонда деревни, голодают теперь не тогда, когда случаются плохие урожаи, а тогда, когда они не имеют работы. Во-вторых, рост выставяемого напоказ богатства крупных землевладельцев может также усиливать у бедноты чувство, что она лишена всего; в результате скрытые конфликты превращаются в открытые. В-третьих, политический потенциал бедноты высвобождается из-под влияния факторов контроля, присущих традиционным отношениям, а это усиливает у нее сознание того, что коллективные действия лучше служат цели обеспечения средств к жизни, чем верность отношениям зависимости от не расположенного к уступкам патрона» (The Social and Economic Implications..., с. 25—26).

ми, которые все более применяют современную технологию, и как следствие возрастающие различия в уровнях валового и чистого дохода, получаемого с единицы площади, предопределили то обстоятельство, что земельные собственники все интенсивнее используют свою земельную монополию с целью присвоить максимум доходов от технологического прогресса в сельском хозяйстве. Отсюда — повсеместный рост арендной платы (и соответственно земельных цен). Например, в Пенджабе (Индия) и на Центральном Лусоне (Филиппины) ставка арендной платы при издольной аренде, ранее составлявшая 50% валового урожая, к концу 60-х годов повысилась до 70%²⁷. Рост арендной платы перекрывает доступ к земле беднейшему деревенскому населению.

Во-вторых, в противоположность официальным целям земельной реформы происходит дальнейшая экспроприация мелкой земельной собственности, расширяется крупное землевладение, которое становится основой роста не только кабальных форм мелкой аренды (издольщина и др.), но и крупного капиталистического землепользования. Так, в индийском Пенджабе земельная площадь, принадлежащая «крупным фермерам», увеличилась с 1956 по 1968 г. на 9,5%. Но в то время как хозяйства размером 20—25 акров расширили свое землепользование на 4%, землепользование хозяйств площадью 100—150 акров возросло примерно на 40%. Большая часть новой площади была приобретена путем покупки земли²⁸. Иначе говоря, расширили свое землепользование прежде всего крупнейшие землевладельцы. Экспроприация земли у мелких производителей, как и прежде, осуществляется сельской элитой посредством использования методов торговостоварищеского закабаления крестьянства. Данная черта капиталистической трансформации имущей верхушки деревенского общества, столь характерная для предшествующего периода, не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие в условиях «зеленой революции».

В-третьих, одно из наиболее драматических последствий «зеленой революции» состоит в том, что она стимулирует более интенсивную экспроприацию обширных групп непосредственных производителей — арендаторов, причем «чистка» земли «усиливается по мере того, как растет число крупных земельных собственников, переходящих к использованию новой технологии»²⁹.

«Зеленая революция», следовательно, усиливает первона-

²⁷ W. Ladejinsky. The Green Revolution in Punjab. A Field Trip.— «Economic and Political Weekly». Vol. 4, 1969, № 26, с. A-77.

²⁸ A. Rudra, A. Majid and B. D. Talib. Big Farmers of Punjab.— «Economic and Political Weekly». Vol. 4, 1969, № 39, с. A-145.

²⁹ W. Ladejinsky. The Green Revolution. Social Cost of the New Technology.— «The Statesman». New Delhi, 12.IX.1970.

чальное накопление в деревне, выражающееся в массовом отделении непосредственных производителей от объективных факторов их труда. Каждый шаг сельской элиты по пути экономического прогресса оказывает депрессивное воздействие на основную производительную силу сельского хозяйства, сопровождается регрессом в мелкокрестьянском секторе аграрной экономики.

Таким образом, вызревающее рациональное капиталистическое земледелие постепенно завоевывает все большие позиции посредством «чистки» земли, осуществляемой действием не законов товарного производства, а стоимостных отношений. Говоря иначе, процесс «вползания» капитала в зрелую стадию его развития, при которой общественное производство радикально преобразуется на всей его глубине,— этот процесс опирается на методы, свойственные именно консервативной тенденции становления капитализма.

Острота проблемы, создаваемой развалом традиционных структур вообще и «чисткой» земли в частности, заключается в том, что «освобождение» деревенского населения от условий труда отнюдь не сопровождается адекватным превращением его в наемных работников капитала. Согласно различным оценкам, в развивающихся странах Азии даже при существующем, традиционном в своей основе, техническом базисе земледелия не полностью используемые ресурсы сельской рабочей силы эквивалентны пятой-четвертой части всего работоспособного населения.

Как показывают обследования, проведенные в Индии, в различных ее районах средние потребности земледельческого хозяйства в собственном труде не превышают в год 20—40% общего фонда рабочего времени действительных семейных работников (т. е. даже не всех трудоспособных членов семьи); от одной до двух третей такого времени, а иногда и более, семейные работники не заняты ни в каком производственном процессе вообще³⁰. На Филиппинах в традиционных рисопроизводящих районах Центрального Лусона, где мелкое и мельчайшее производство занимает чрезмерно большое место, данные потребности опускаются до 10—13% рабочего времени семейных работников, а чистая безработица распространяется на две трети фонда этого времени³¹.

На своей нынешней стадии благодаря значительному увеличению производства продукта на единицу площади «зеленая революция» стимулирует рост спроса на чужой труд. Но одновременно вследствие внедрения в земледелие механизмов, сбе-

³⁰ В. Г. Растянников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе, с. 190—191.

³¹ О. Г. Барышникова. Сельское хозяйство Филиппин (генезис и развитие капитализма). М., 1972, с. 105.

регающих труд³², постепенно нарастает тенденция к вытеснению живого труда из производства. Данные процессы в существующей обстановке, естественно, распространяются почти исключительно на крупное землепользование.

Хотя суммарный итог указанных противоположных влияний зачастую выражается пока в чистом приросте потребления чужого труда, величина этого прироста (взятая в эквиваленте рабочего времени) составляет лишь незначительную часть даже того «свободного» рабочего времени, которым располагает уже имеющееся в деревне «избыточное» население. Усиливающаяся тенденция к введению машин с целью экономии затрат на рабочую силу, по-видимому, уже в ближайшем будущем приведет к вытеснению значительной части живого труда из земледельческого производства в районах «зеленой революции».

«Зеленая революция» в ее капиталистической форме все отчетливее проявляется, следовательно, как процесс, в ходе которого в расширенном масштабе воспроизводится не столько свободный наемный рабочий, сколько паупер. Она загоняет большую массу населения, исключаемую из традиционных связей, в «гетто» мелкого и мельчайшего производства в самой деревне, еще более перенасыщая его «избыточной» рабочей силой, и одновременно создает почву для исхода экспроприированных в города, где они пополняют ряды люмпен-пролетариата.

Таким образом, в условиях «периферийного» капиталистического развития назревшая задача повышения общественной производительной силы труда может быть решена лишь ценой ухудшения и без того тяжелого положения многочисленной массы людей, путем прямого исключения этой массы из производственного процесса, уничтожения традиционных источников ее средств существования без адекватной их замены новыми, превращения ее в категорию «лишнего» населения в масштабах,

³² Так, если в Турции тракторный парк насчитывал в 1956 г. 44 тыс. машин, а в 1965 г.—55 тыс., то в 1970 г. их число возросло до 106 тыс., а в 1976 г. достигло 281 тыс. В Индии в 1961 г. было зарегистрировано только 31 тыс. тракторов, в 1966 г.—54 тыс., к 1970 г. число их увеличилось до 100 тыс., а к 1976 г.—до 251 тыс., при этом ежегодный рост потребностей оценивается в 35—40 тыс. машин. В Пакистане в 1958 г. тракторный парк насчитывал лишь 2,3 тыс. машин, в 1968 г. число тракторов возросло до 19 тыс., а в 1976 г.—до 37 тыс. (нынешние потребности в машинах этого вида возрастают на 6—7 тыс. в год). Существенно увеличился тракторный парк в Иране. Здесь в 1961/62 г. он составлял лишь 6 тыс. машин, а в 1971/72 г.—23 тыс. В 1976 г. на полях страны работало уже 45 тыс. тракторов [Е. И. Миронова. Внедрение современных средств производства в сельское хозяйство (на примере стран Южной Азии).—Научно-технический прогресс и развивающиеся страны. М., 1976, с. 161—162; А. И. Демин. Современная иранская деревня (основные проблемы социально-экономического развития). М., 1977, с. 220; Agricultural Structure and Production 1968. Ankara, 1968, с. 3; «Production Yearbook 1977», с. 252; «Eastern Economist». New Delhi, December 26, 1969, с. XL; «Dawn», 22—28.IV.1968 (App.)].

каких никогда не знали нынешние центры мирового капитализма.

Под влиянием «зеленой революции» изменяется структура капиталистического уклада в сельском хозяйстве. Он становится полистадийным: в нем постепенно складывается стадияльно более высокая, индустриальная форма капитала, соседствующая с той, которая еще не оторвалась от «пуповины» мелкотоварного уклада (по характеру производительной силы труда), пребывая в основном в рамках традиционной агрикультуры. Хотя подобная тенденция находится пока в зародышевом состоянии, она несет в себе заряд потенциально огромной разрушительной силы.

Действительно, если до начала «зеленой революции» общественная производительность труда в сельском хозяйстве и соответственно общественная стоимость продукта определялись затратами труда в малопродуктивных укладах деревни, а конкурирующим контрагентом мелкого товаропроизводителя здесь был капитал, опирающийся на традиционную техническую базу, то теперь этому товаропроизводителю все больше противостоит капитал, непрерывно повышающий свое органическое строение и, значит, производительную силу труда. Индивидуальная (низкая) стоимость продукта этого капитала постепенно начинает во все большей степени определять общественную стоимость сельскохозяйственного продукта, что неизбежно должно оказывать гнетущее воздействие на мелкое товарное хозяйство, издержки производства продукта в котором чрезвычайно высоки. «Зеленая революция» в ее капиталистической форме проявляется, следовательно, как процесс, усиливающий тенденцию не к «нормальному» разложению мелкого товарного производства, а к его массовому разорению через действие закона стоимости (хотя на данном этапе отдельные подразделения мелкого товарного производства, особенно располагающие собственными факторами труда, получают определенные выгоды от развития «зеленой революции»).

Разорение мелкого товарного хозяйства через действие закона стоимости может значительно усилиться уже в ближайшем будущем — как только приток на внутренний рынок товарной сельскохозяйственной продукции достигнет предела медленно возрастающего платежеспособного спроса, а капитал высокого органического строения овладеет более прочными позициями в земледелии и, главное, если будет снят барьер высоких государственных закупочных цен (там, где они введены), предотвращающих пока конкуренцию между крупным и мелким производством.

В отдельных районах некоторых развивающихся стран Азии разорение мелкого хозяйства через действие закона стоимости уже приобрело широкие масштабы. К таким районам относится, например, Горган (в Иране).

В условиях неравномерного развития отдельных районов страны наиболее насыщенным машинами оказался именно этот прикаспийский район, отличающийся высоким уровнем торговой специализации земледелия. Сюда в 1957—1963 гг. было продано 30% всех тракторов и 55% комбайнов, хотя на долю этого района приходится лишь 1,5% обрабатываемой площади страны³³. Согласно данным сельскохозяйственной переписи Ирана 1971/72 г., 17,9% тракторного парка страны, 53,2% всех зерновых комбайнов и 49,5% других сельскохозяйственных машин было сосредоточено в провинции Мазендеран, прежде всего в Горгане, ныне являющемся «районом почти сплошной механизации»³⁴. «Рост применения в Горгане машин, которые в течение короткого времени широко проникли в застойное земледелие, сыграл важную роль в преобразовании методов ведения хозяйства, — отмечал японский исследователь Ш. Оказаки, изучавший вопрос о становлении механизированного хозяйства в земледелии Ирана. — Тягловых животных, которые были основным средством осуществления вспашки, в основном заменили тракторы; человеческий труд, использовавшийся на жатве, полностью вытеснили комбайны. Воли исчезли из поля зрения, исключая лишь горные районы, где нельзя применить машины». Сельскохозяйственные машины применяются «даже на землях, обрабатываемых бедными крестьянами», но лидирующее место в процессе механизации земледелия Горгана принадлежит тем «богатым крестьянам, которые распоряжаются достаточно обширными землями»³⁵.

Взлом традиционных общественных структур на базе механизации открывал широкий простор для действия в Горгане экономических законов товарного хозяйства. Имущественная дифференциация сельскохозяйственных производителей стала интенсивно приобретать черты капиталистического разложения. По свидетельству Ш. Оказаки, «многие крестьяне, не сумевшие перейти к новым методам хозяйствования, были вынуждены расстаться со своими землями, в то время как некоторые из них смогли расширить свои владения благодаря успешному применению новой техники и новых семян. Земли бедных крестьян сосредоточивались у богатых крестьян. С одной стороны, формировалась группа беднейшего крестьянства и сельского пролетариата, с другой — было положено начало образованию слоя богатых крестьян, проявивших способности ко все более прогрессивному управлению хозяйством»³⁶.

Однако сохранившиеся в этом развитом районе докапиталистические структуры вносили свои коррективы в разложение

³³ Sh. Okazaki. The Development of Large-Scale Farming in Iran. The Case of the Province of Gorgan. Tokyo, 1968, с. 38.

³⁴ А. И. Демин. Современная иранская деревня..., с. 220—221.

³⁵ Sh. Okazaki. The Development of Large-Scale Farming in Iran, с. 36.

³⁶ Там же, с. 45—46.

производителей на основе действия закона стоимости, в той или иной степени смещая этот процесс в сторону его худших форм. Получившая достаточно широкое распространение практика кредитования менее самостоятельного крестьянства купеческим капиталом под урожай на корню приводила к тому, что с гектара посевов хлопка заемщики получали «чистого дохода» меньше, чем с гектара посевов пшеницы, хотя затраты на возделывание гектара хлопка более чем вдвое превышали затраты на возделывание гектара пшеницы³⁷. Такого рода процесс разорения крестьянства через действие монополии докапиталистической собственности означал, что пауперизация части беднейшего населения была характерной чертой капиталистической эволюции этого развитого земледельческого района Ирана.

В социальной обстановке, сложившейся в деревне развивающихся стран Востока, «зеленая революция» может быть только очаговой формой развития. Такую форму она может принимать прежде всего в результате особой социальной политики правящих групп. Яркий пример «творения» островов капиталистического «прогресса» среди моря отсталых традиционных хозяйств являл до революции 1978—1979 гг. Иран, где шахский режим, стимулируя экспроприацию у крестьянства наиболее плодородных земель, насаждал две формы крупного капиталистического хозяйства: земледельческие акционерные компании (объединявшие местных деревенских эксплуататоров) и «агроиндустриальные комплексы» (АИК) с их громадным, латифундистского типа, землевладением (их собственниками становились местные дельцы и иностранные монополии). АИК даже официально именовались «полюсами земельно-водных ресурсов»³⁸.

Эти две формы хозяйства, занимая в середине 70-х годов менее 16% (фактически, видимо, не более 10—12%) поливных земель (около 4% всей обрабатываемой площади), поглощали непропорционально большую часть наличного фонда современных средств производства. При этом особо привилегированное детище шахского режима — латифундистские «полюсы» (6—8% поливных земель) получали ежегодно свыше 40% общей суммы инвестиций государственного Банка сельскохозяйственного развития³⁹.

Между тем огромный крестьянский сектор традиционного хозяйства, на который приходится подавляющая часть производства основных зерновых культур — пшеницы и ячменя (они

³⁷ Там же.

³⁸ M. A. Katouzian. Oil Versus Agriculture. A Case of Dual Resource Depletion in Iran — «Journal of Peasant Studies». L., Vol. 5, 1978, № 3, с. 361—366; С. М. Алиев. Иран 60—70-х годов: социальные и политические сдвиги. — Иран. Проблемы экономического и социального развития в 60—70-е годы. М., 1980, с. 272—274, 301, 302.

³⁹ По данным: А. И. Демин. Современная иранская деревня..., с. 146, 209, 214—217.

занимают $\frac{3}{4}$ посевной площади страны), не претерпел заметных технологических изменений. Например, урожайность пшеницы в 1973—1977 гг. была в Иране столь же низкой, как и за два десятилетия до того (1954—1957 гг.), — 9,6 ц/га, а урожайность ячменя значительно сократилась (до 8,5 ц/га, или на 20%), хотя использование минеральных удобрений в сельском хозяйстве резко возросло (с 24,3 тыс. т в год в 1962—1966 гг. до 336,8 тыс. т в 1974—1978 гг., или в 14 раз)^{39а}. Данная «диспропорция» закономерна: почти весь поток таких удобрений направлялся в узкую зону интенсивного производства, прежде всего в акционерные компании и высокоэффективные АИК. «Именно эти крупнокапиталистические хозяйства несут ответственность за неправдоподобно низкую производительность сельского хозяйства Ирана»⁴⁰.

Очаговый характер «зеленой революции» проявляется, в частности, в резком усилении неравномерности регионального развития. Как правило, «зеленая революция» распространяется преимущественно на районы с поливным земледелием. Между тем площади поливных земель в Южной и Юго-Восточной Азии составляли в 1975 г. только 22,4% обрабатываемых земель, на Ближнем Востоке (включая Египет и Судан) — 22,6%. Предполагается, что к 1990 г. их доля увеличится соответственно до 25,6 и 29,5%^{40а}. Но даже в районах с поливным земледелием относительно устойчивый прогресс в рамках нынешнего аграрного строя может быть достигнут лишь примерно на четверти или трети, в лучшем случае — на половине всех обрабатываемых площадей, т. е. преимущественно в пределах относительно крупного (отчасти среднего) земледелия. Но прежде всего именно на эти скромные очаги формирующегося интенсивного земледелия стремятся опереться правящие классы в своей политике увеличения объема сельскохозяйственного производства, в частности товарного выхода зерновых⁴¹.

И такая политика избирательного развития новой системы производительных сил, осуществляемая в условиях уже имеющих глубоких хозяйственных различий между отдельными районами, приносит свои плоды. Например, в Индии на долю посевной площади, на которой стоимость валового продукта

^{39а} «Production Yearbook. 1977», с. 94, 98; «Fertilizer Yearbook. 1978», с. 77; А. И. Демин. Сельское хозяйство современного Ирана. М., 1967, с. 115.

⁴⁰ M. A. Katouzian. Oil Versus Agriculture..., с. 366.

^{40а} Agriculture: Toward 2000. FAO, с. 249 [С 79/24. July 1979].

⁴¹ В главном районе «зеленой революции» в Индии, Пенджабе, товарный выход основной зерновой культуры — пшеницы (без зернового фонда, поступающего в обмен в самой деревне) в 1955/56 г. составлял 36%, а в 1976/77 г. — 50,8%. За тот же период товарный выход пшеницы во всей Индии сократился с 32,7 до 31,7% (см.: Indian Agriculture in Brief. 7th ed. New Delhi, 1965, с. 163; То же. 17th ed., с. 149).

превышала 1500 рупий с га (14,5% всей посевной площади страны), приходилось в 1970/71—1972/73 гг. 38,9% общей массы потребленных минеральных удобрений, 46,8% тракторов, 40,7% механических насосов для орошения и 34% всех поливных земель. С посевной площади этого класса Индия получала 27,8% валового сельскохозяйственного продукта. В то же время на посевной площади, где стоимость валового продукта была меньше 1000 рупий с га (59,7% всей такой площади), сосредоточивалась лишь треть всех современных средств производства и поливных земель, хотя она обеспечивала стране 40,5% валового сельскохозяйственного продукта. Закономерным следствием этих различий были крупные межрайонные перепады в темпах прироста сельскохозяйственной продукции. В 12,4% дистриктов (13,9% всей посевной площади) этот прирост в 1963—1973 гг. составлял свыше 5% в год, а в 24,8% дистриктов (26,9% такой площади) — менее 1% ⁴².

Помимо технико-экономических факторов неравномерность регионального сельскохозяйственного развития объясняется неодинаковым воздействием социально-экономических структур на производство по различным районам. Не случайно, а закономерно, что в Индии «зеленая революция» основной «прорыв» осуществляет пока преимущественно в пшеницепроизводящих районах северных областей, особенно в Пенджабе и Харьяне ⁴³, где, в частности, достаточно высок по сравнению со среднеиндийским показателем удельный вес хозяйств, способных осуществлять накопление, а земельная собственность, сосредоточенная в значительной своей части в руках исконно хозяйствующего населения, менее, чем во многих других районах, обременена «традиционными придатками». И напротив, достижения «зеленой революции» пока весьма скромны в рисосеянии, охватывающем, как правило, области с более высокой концентрацией пауперизированных производителей, мелкого и мельчайшего землепользования, с более прочной в целом системой традиционных отношений. В Пакистане «зеленая революция» наиболее активно прокладывает себе путь на новоорошаемых землях Пенджаба в пределах главным образом крупного землепользования (прежде всего в помещичьих хозяйствах) ⁴⁴.

⁴² Fifth Five Year Plan 1974—79, с. 6—7.

⁴³ В этих двух штатах в 1972 г. было сосредоточено 60 тыс. тракторов, или более 2/3 их общендийского парка в то время. В 1971 г. в Пенджабе и Харьяне соответственно 88 и 95% всей подземной воды для полива поднималось на поверхность механическими устройствами против 58% в Индии в целом («Patriot», 28.VII.1968; B. D. D h a w a n. Economics of Groundwater Utilisation.—«Economic and Political Weekly». Vol. 10, 1975, № 25—26, с. A-35; Indian Agriculture in Brief. 17th ed., с. 51).

⁴⁴ Так, в начале 70-х годов в пакистанском Пенджабе концентрировалось 80% артезианских колодцев и 80% всех тракторов страны, при этом 97% обрабатываемой с их помощью площади приходилось на хозяйства с землепользованием свыше 20 га (2% общего числа хозяйств) (М. Яковлев. Шаги аграрной реформы.—«Азия и Африка сегодня». М., 1976, № 3, с. 30).

Закрепляется же очаговый характер «зеленой революции» узостью рынка, т. е. весьма ограниченным платежеспособным спросом, который в итоге и определяет пределы роста интенсивного земледелия на новом технологическом базисе.

Например, по подсчетам индийского ученого Б. С. Минхаса, в 1967/68 г. около половины населения Индии имело доход даже ниже минимального прожиточного уровня. И хотя удельный вес этой группы населения к середине 70-х годов несколько сократился (1973/74 г.—39%), абсолютная численность ее изменилась в ничтожной степени (соответственно 238 млн. и 232 млн. человек). В 1977/78 г., по оценке Плановой комиссии Индии, за чертой бедности находилось 46% населения страны, причем в деревне — 48% ⁴⁵. В сельских местностях Индии наиболее бедные группы населения потребляют в месяц на душу всего 10—15 кг зерна — основного продукта питания, тогда как богатые группы — 25—32 кг ⁴⁶.

В таких условиях «зеленая революция» способна сравнительно быстро развиваться до тех пор, пока не будут устранены диспропорции в продовольственном обеспечении, т. е. пока национальное производство не достигнет уровня медленно расширяющегося платежеспособного спроса. (В частности, объем этого спроса может несколько увеличиться в результате возможного снижения цен на продовольственную продукцию в ходе «зеленой революции».) Но как только данный уровень будет достигнут, неизбежно возникнут трудности на пути реализации произведенного продукта, которые окажут тормозящее воздействие на дальнейший технологический сдвиг в сельском хозяйстве. И этот закон обратной связи сработает тем быстрее, чем интенсивнее разовьется производство в очагах «зеленой революции».

По всем указанным причинам процесс становления индустриальных производительных сил в их капиталистической оболочке не способен охватить весь сельскохозяйственный сектор. В данных социально-экономических условиях ему суждено быть явлением не всеобщим, а местным, оказывающим, однако, сильное «возмущающее» воздействие на все национальное общество, в частности на различные социальные группы деревни.

И в исторической перспективе (если не будут осуществлены глубокие аграрные реформы и другие социально-экономические преобразования, выводящие освободившиеся страны на некапиталистический путь развития) «зеленая революция» не ослабит, а закрепит укладную дробность сельскохозяйственной экономики. Под влиянием «зеленой революции» уже сейчас все более отчетливо формируется дуалистическая структура

⁴⁵ B. S. Minhas. Planning and the Poor. New Delhi, 1974, с. 52—54; Draft Five Year Plan 1978—83. New Delhi, 1978, с. 50.

⁴⁶ The National Sample Survey. 15th Round: July 1959—June 1960. № 104. Tables with Notes on Consumer Expenditure. Delhi, 1966, с. 31, 32.

ра аграрного строя развивающихся стран Азии. Ее основные элементы: с одной стороны, сравнительно неширокие очаги капиталистического производства, покровительствуемого государством, непрерывно модернизирующего свою техническую базу и обеспечивающего основную массу товарного сельскохозяйственного продукта, словом, динамичный «центр» аграрного развития; с другой стороны, аграрная «периферия», т. е. эксплуатируемое преимущественно дорогостоящими методами, обескровливаемое мелкое и мельчайшее производство, образующее огромный резервуар пауперизма и отчаяния и вместе с тем неисчерпаемый источник дешевого наемного труда для капитала.

Это та модель, которая весьма рельефные очертания приобрела в Мексике. Под влиянием неравномерного развития различных звеньев экономики мексиканское общество переживает интенсивный процесс социальной поляризации особого типа: на одном полюсе общества сосредоточивается «сравнительно богатая группа лиц, связанная с современной промышленностью и коммерческим подразделением сельского хозяйства», на другом — большая масса населения, «кое-как зарабатывающего себе на жизнь в застойном полунатуральном сельском хозяйстве»⁴⁷. Стадиально различные формы экономической деятельности четко обособлены и территориально: развитые индустриально-аграрные районы сосредоточиваются в северной половине страны, южная же ее половина — сельскохозяйственное «болото»; в сельском хозяйстве южных районов занято 75—80% имеющейся в них рабочей силы, причем заработная плата работников здесь едва составляет треть той, какую получают земледельческие рабочие северных районов⁴⁸.

Рост производства в очагах капиталоемкого земледелия привел в Мексике к устранению диспропорций между спросом и предложением зерна. За два десятилетия (1950—1970) производство пшеницы (вторая по значению в стране зерновая культура) выросло в 3,5 раза — с 0,6 млн. до 2,2 млн. т, а средняя урожайность ее увеличилась с 9,4 до 29 ц с 1 га. Страна стала экспортером пшеницы⁴⁹. Но 80% всего прироста сельскохозяйственного производства, например в 50-х годах, приходилось лишь на 3% хозяйств, «большие сегменты населения новой технологией затронуты не были»⁵⁰. Именно существованием крупнейших пластов полунатуральной, застойной экономики объясняется тот факт, что к началу 70-х годов в сельском хозяйстве Мексики было занято целых 47% самодеятельного населения,

⁴⁷ E. W. Coward, W. A. Schutjer. The Green Revolution: Initiating and Sustaining Change.—«Civilisation». Bruxelles. Vol. 20, 1970, № 4, с. 477.

⁴⁸ L. R. Brown. The Social Impact of the Green Revolution, с. 40.

⁴⁹ The Social and Economic Implication..., с. 5.

⁵⁰ L. R. Brown. The Social Impact of the Green Revolution, с. 18.

а производило оно лишь 11% валового отечественного продукта⁵¹.

Различия в производительности труда между аграрным «центром» и аграрной «периферией» в Мексике — разительные. В капиталистических хозяйствах Северо-Запада на обработку гектара земли в 1971 г. затрачивалось всего 6 человеко-дней (соответственно 48 час.). Из них 3 человеко-дня были представлены затратами труда механизаторов и неквалифицированных рабочих. А, например, в Пуэбла (один из южных районов страны) на возделывание гектара посевов кукурузы (главная зерновая культура) требовалось 48—60 человеко-дней (соответственно 384—480 час.)⁵². Урожай же кукурузы в крестьянских хозяйствах не превышали 5 ц с га, в то время как в крупных хозяйствах на поливных землях Северо-Запада они достигали 40—70 ц с га⁵³. Таким образом, на производство одной тонны зерна кукурузы в капиталистических «центрах» аграрной экономики затрачивалось 7—12 час. рабочего времени, а на аграрной «периферии» — 770—960 час., т. е. примерно столько же, сколько затрачивалось в традиционном хозяйстве стран Южной и Юго-Восточной Азии на производство тонны очищенного риса в период до начала «зеленой революции».

К этому нужно добавить, что индустриальный аграрный капитал в ходе своего развития создает собственную резервную армию наемного труда. В упомянутом северо-западном районе Мексики местные земледельческие рабочие, живущие в особых поселениях, представляют собой тип полубезработного поденщика: в течение шести месяцев в году они вообще не имеют никакой работы. Пауперизм сельскохозяйственного пролетариата — имманентная черта и процветающих «центров» аграрного развития в этой стране.

Сформировавшуюся в Мексике дуалистическую модель сельскохозяйственного развития некоторые зарубежные исследователи называют моделью «незавершенного развития» — незавершенного в том смысле, что «модернизация экономического сектора не оказывает благотворного влияния на социальные и политические условия»⁵⁴. (Другое популярное определение такой модели — «рост без развития».)

В перенаселенной деревне развивающихся стран Азии «зеленая революция» в ее нынешней форме может вызвать еще более тяжелые последствия. Известный шведский специалист по проблемам развивающихся стран Г. Мюрдаль в целом дал

⁵¹ «Monthly Bulletin of Agricultural Economics and Statistics». 1975, № 1, с. 4.

⁵² См.: The Social and Economic Implications..., с. 23.

⁵³ Сельское хозяйство и аграрные отношения в странах Латинской Америки. М., 1971, с. 273.

⁵⁴ E. W. Coward, W. A. Schutjer. The Green Revolution: Initiating and Sustaining Change, с. 476—477.

реальную оценку такой ситуации, отметив, что здесь «рабочая сила людей, занятых в натуральном секторе сельского хозяйства, и рабочая сила безземельных рабочих, а также населения городских трущоб будет использоваться все меньше, и, следовательно, будет расти нищета среди них, в то время как незначительный современный сектор в еще большей степени, чем в колониальное время, примет характер анклава»⁵⁵.

Развивая эту мысль, голландский исследователь В. Ф. Вертгейм пишет, что в связи с «зеленой революцией» «традиционный способ производства в сельском хозяйстве потерял свою способность к адаптации», экономическое влияние, которое оказывают развитые капиталистические страны на плотно населенные районы Азии, часто служит фактором «торможения, а не стимулирования» развития. Осуществляемая здесь аграрная политика «ставки на сильных», которая дополняет политику «пусть горе постигнет неудачников», лишь усугубляет одну из самых животрепещущих проблем XX в. — проблему деревенской нищеты в этих районах. Поэтому в целом «вызванный к жизни процесс нужно охарактеризовать не как развитие — *эволюция*, а как нечто противоположное — *инволюция*»⁵⁶.

«Зеленая революция» есть такая форма капиталистической эволюции земледелия, которая широко опирается на внестоимостные методы стимулирования экономической системы, утверждаемые государством и его собственностью. Именно потому, что складывание нормальных товарных связей, образующих естественную, адекватную капитализму почву, оказалось в аграрной экономике афро-азиатских стран нарушенным либо эти связи еще находятся на ранних этапах становления, капитал может перейти на индустриальную стадию развития лишь при помощи вне его и над ним существующего института собственности.

Действительно, при всем обилии форм внестоимостных отношений вообще и внестоимостного обмена в частности, порождаемых функционированием государственной собственности, выделяются те, на основе которых, как отмечалось ранее, обеспечивается безвозмездное перемещение части национального дохода в «критические» подразделения сельскохозяйственной отрасли, а в этих подразделениях — прежде всего в сравнительно узкий капитализирующийся сектор производства. (Помимо упомянутого выше поддержания высоких государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, субсидирования цен на поступающие в деревню средства производства внестои-

⁵⁵ G. Murdal. Agricultural Development and Planning in the Underdeveloped Countries outside Socialist Sphere.— Fourteenth International Conference of Agricultural Economists. Minsk, USSR. August 1970. Theme Papers. Oxford, 1970, c. 12.

⁵⁶ W. F. Wertheim. Evolution, Involution and Revolution in Southern Asia.— «Bulletin of Peace Proposals». Stockholm, 1973, № 2, c. 161.

мостные отношения, способствующие росту капитала, проявляются в использовании им элементов инфраструктуры по ценам ниже стоимости.) Устранение подобного протекционизма, перевод «зеленой революции» в русло свободных рыночных отношений неизбежно вызвали бы катастрофические последствия для процесса перехода аграрного капитала на индустриальную стадию даже в тех районах, где этот переход уже наметился (резкое замедление процесса капиталонакопления, существенное сокращение числа капитализирующихся участников «зеленой революции» и т. д.). (Напомним попутно, что эффективность аграрного протекционизма была в середине 70-х годов существенно подорвана энерго-сырьевым кризисом мирового капитализма, засильем на мировом капиталистическом рынке транснациональных монополий.) Капитал может осуществлять преобразовательную функцию в сфере производства в своих анклавах исключительно благодаря созданному для него искусственному климату, который, однако, лишь частично компенсирует отсутствие естественных, адекватных капиталу условий — нормальных товарных связей. Тем самым государственная собственность является регулятором процесса капиталистического развития, а потенциально — и его ограничителем.

«Зеленая революция» в условиях капиталистически ориентированного развития не устраняет, а, наоборот, усиливает объективную потребность в коренном преобразовании аграрного строя. Она выступает катализатором роста такого важнейшего общественного движения в деревне, как борьба за землю.

Именно потому, что «зеленая революция» — очаговая форма общественно-экономического процесса, она усугубляет противоречие, развившееся на почве неравномерного распределения собственности на землю, не только тем, что способствует абсолютному увеличению аграрного перенаселения, но и тем, что концентрирует его в постепенно сокращающихся доиндустриальных подразделениях аграрной экономики. Чем интенсивнее происходит становление рационального капиталистического земледелия, распространяясь на все новые территории, и, следовательно, чем сильнее вытесняется с земли крестьянское население, сосредоточиваясь в «гетто» мелкого и мельчайшего полунатурального производства, тем болезненнее экспроприированные производители, неимущие люди вообще ощущают гнет крупной земельной собственности, тем больше растет напор «снизу», преследующий цель уничтожения ее монополии. Иначе говоря, капитал вкупе с крупной земельной собственностью, выполняющей для него «черную» работу «чистки» земли, будет во все растущих масштабах воспроизводить своих основных социальных антагонистов, причем не только в лице непосредственно эксплуатируемых им наемных работников, но и в лице насыщающих низшие уклады пауперов как «побочного» продукта его развития.

Радикальная аграрная реформа коренным образом изменяет всю модель общественно-экономического развития деревни. Сокрушая крупное землевладение, она тем самым ликвидирует главный оплот господствующей аграрной структуры, основной депрессор экономического роста в сельском хозяйстве. В одном из документов ЭКАДВ метко подмечено: «Любые принимаемые развивающимися странами меры по стимулированию развития сельского хозяйства неизбежно наталкиваются на монополистические барьеры, действие которых в этих обществах проявляется с такой огромной силой... Поощрение при помощи цен приводит не к росту производства, а всего лишь к спекуляции зерном; субсидирование капиталовложений связывается пороками распределения, а предоставление государственных кредитов становится орудием ростовщичества. При этих обстоятельствах аграрная реформа является не просто попыткой обеспечить справедливое распределение, но и важной предпосылкой успешного осуществления планов»⁵⁷.

Очевидно, что в развивающихся странах Востока аграрному капитализму исторически не дано «переработать» в полном объеме весь тот социальный материал, в рамках которого он складывается. Рожденный как низшая и худшая — «периферийная» — форма мирового капиталистического уклада, аграрный капитал на Востоке на своей доиндустриальной стадии развивается не как «самовоспроизводящаяся» система, а как система, воспроизводство которой в преобладающей степени зависит от функционирования комплексов докапиталистических отношений. На индустриальной же стадии этот капитал все более попадает в сферу определяющего воздействия национальной государственной собственности. Именно в создаваемых государственной собственностью внестоимостных отношениях, все интенсивнее охватывающих аграрную экономику и используемых прежде всего капиталом, — секрет его способности осуществлять расширенное воспроизводство на этой стадии развития.

В своем движении на индустриальной стадии аграрный капитал не только углубляет собственные, присущие ему противоречия (между трудом и капиталом), но и нагнетает те противоречия, которые обусловлены существованием старых форм собственности и лежат в основе «тупиковых» ветвей социально-экономической эволюции. Пауперизация громадных масс населения, исключение обширнейших подразделений национальной экономики из процессов освоения результатов научно-технического прогресса, «замораживание» их на допромышленной стадии, концентрация экономического роста на предельно узких участках экономики — таковы явления, сопровождающие движение «периферийного» капитала на индустриальной стадии.

⁵⁷ Планирование и осуществление планов в районе ЭКАДВ 1951/52—1967/68. Бангкок, 1969 (Е/АС; 54L 34), с. 4—5.

Данный тип общественной эволюции ярко свидетельствует о том, что на основе действия законов частной собственности не могут быть решены насущные задачи национального возрождения афро-азиатских стран, в частности острейшие проблемы общественного воспроизводства. Самир Амин несомненно прав, подчеркивая, что «зеленая революция» именно как процесс капиталистического развития «вписана в основные противоречия» мировой капиталистической системы в целом. И поскольку «центр» господствует над своей «периферией», то в отношении освободившихся стран не может быть и речи об «окончательном капиталистическом решении», означающем «всестороннее и одновременное развитие и сельского хозяйства, и промышленности», когда последняя становится самостоятельным центром развития, а не отраженной формой иного центра развития (в данном случае — индустриального капитализма стран Запада). Если одно из условий «двустороннего комплекса» (взаимовлияние промышленного и сельскохозяйственного развития) отсутствует, «блокируется весь процесс развития». «Зеленая революция не является детерминантой всеобщего развития — сельскохозяйственного и промышленного. Можно ходить только на двух ногах»⁵⁸.

Решение сложного комплекса социальных противоречий в деревне современного Востока — в формировании таких общественных условий и такой политики, которые постепенно перекрывают путь для воспроизводства отношений неравноправия между развивающимися странами и странами развитого капитализма, ликвидируют эксплуатацию развивающихся стран мировым капиталом и ведут к преодолению зависимого капиталистического развития. А это означает для развивающихся стран становление типа общественно-экономической эволюции, выводящей их за пределы капитализма. И растущая государственная собственность, само усиление которой вызывается неспособностью капитала решать коренные задачи общественного развития, есть потенциально (а в странах социалистической ориентации — уже и реально) мощное средство для такого решения.

⁵⁸ Samir Amin. Green Revolution: Walking on One Leg.— A Study of the Social and Economic Implications of the Large-Scale Introduction of High-Yielding Varieties of Foodgrains. A Selection of Readings. Geneva, 1971, с. 34.

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Современная действительность Востока дает нам многочисленные примеры огромного, «взрывного» роста социальной напряженности в деревне ряда стран. Эта напряженность все чаще прорывается на поверхность общественной жизни открытыми вспышками крестьянского недовольства, ее усиление сопровождается расширением сельских очагов классовой борьбы в наиболее острых формах. В отношении некоторых стран рубеж 60—70-х годов возвестил об окончании затянувшегося примерно на полтора десятилетия относительного спада крестьянского движения.

Крестьянство, эта самая многочисленная часть населения развивающихся обществ Востока, было и остается главным, наиболее массовым союзником рабочего класса в революционной борьбе. При оценке его роли в революционном процессе на современном этапе необходимо иметь в виду несколько основных факторов, которые образуют «векторы сил», действующих в ряде случаев по несовпадающим направлениям.

Опыт социально-политической активности крестьянства за прошедший после второй мировой войны период показывает, что было бы недостаточно (и односторонне) оценивать эту активность исходя лишь из объективных, классовых интересов крестьянства (или тех или иных его слоев). Деревенское население на Востоке в массе своей еще тесными узами связано с традиционными социальными структурами, которым соответствуют особые целевые установки экономической деятельности производителей, особые формы идеологии, специфическая шкала ценностей, своя система взглядов на окружающий мир. Поэтому закономерно, что комплекс причин, влияющих как на формирование общественного сознания афро-азиатского крестьянства, так и на степень его политической активности (содержание требований, массовость и формы участия в конкретных действиях), гораздо более разнообразен, чем в обществах, свободных от традиционных форм отношений. И именно многослойностью общественного сознания крестьянства в деревне

стран Востока объясняется довольно частое несоответствие характера конкретных действий крестьянских масс в сфере социально-политической борьбы характеру их коренных, классовых интересов¹.

Весьма сильное влияние, оказываемое на трудящихся деревни традиционными формами отношений, живучесть традиционных форм общественного сознания позволяют понять, почему в ряде стран Востока крестьянское движение организационно не оформилось на базе крестьянских интересов и требований, в том числе тех, осуществление которых образует первостепенное условие общественного прогресса.

Процесс становления самостоятельного крестьянского движения, который начинается на определенной ступени классового самосознания крестьянства (и выделяющихся из него слоев), протекает неравномерно в различных районах тех или других стран. Там, где развитие классового самосознания трудящихся деревни на основе их интересов именно как трудящихся протекает замедленно, политический раскол крестьянства происходит нередко не по классовым, а по внеклассовым признакам (племенное, кастовое, религиозное и иное традиционное разделение крестьянства), лишь частично и в искаженной форме представляющим социально-экономические различия.

Вместе с тем в 40—70-е годы в ряде стран либо в отдельных их районах (в частности, в Бирме, на Филиппинах, в Индии, в Турции) можно наблюдать процессы превращения крестьянства в активную самостоятельную силу прогрессивной общественной борьбы. В некоторых государствах Востока (например, в Индии) в рамках крестьянского движения, формирующегося на основе общенациональных аграрных требований, происходит одновременно организационное оформление различных его потоков. Наиболее существенными проявлениями этих процессов следует считать выделение в самостоятельный поток движения сельскохозяйственного пролетариата, возглавляемого его собственными классовыми организациями.

¹ Это положение весьма ярко сформулировал индийский социолог Балджит Сингх на примере действия кастовой системы в Индии: «Внутрикастовые связи, поддерживающие феодальную систему и после того, как она устранена законом, образуют... широкий фронт сопротивления всяким прогрессивным движениям за землю. В каждой деревне пара кастовых групп господствует над всеми остальными, и это всегда землевладельческие группы. Вождями также становятся те, кто имеет больше всех земли. Частные интересы вождей и кастовых групп элиты находятся в противоречии с общими интересами всех остальных жителей. Но поскольку данные вожди и группы господствуют в деревенском обществе в целом, они обычно втягивают в борьбу против создания земледельческих кооперативов, введения максимума землевладения и перераспределения земли все группы населения. Такова уж ирония общества, распадающегося на кастовые группы: горстка лиц, сидящих наверху, может сопротивляться любым ограничениям своих привилегий, опираясь на поддержку как раз тех людей, которые страдают от факта самого ее существования» (B. Singh. Next Step in Village India. Bombay, 1961, с. 66).

В целом движения, в которых крестьянство принимает участие в качестве одной из составляющих эти движения сил либо является их главной силой, представлены широким спектром общественных потоков. В этом спектре выделяются потоки, еще не освободившиеся от влияния традиционных форм отношений и сознания, интересов различных эксплуататорских слоев общества, но различающиеся по степени освобождения от такого влияния, по степени своего приближения к движениям, отвечающим интересам общенационального общественного прогресса, и в частности интересам участвующей в них крестьянской массы. Одновременно все большую силу начинают набирать потоки, формирующиеся на базе коренных интересов тех или иных слоев крестьянства.

В условиях резко усилившегося социального расслоения в деревне развивающихся стран Востока чрезвычайно важное значение приобретает развитие у трудящегося крестьянства прогрессивных форм общественного сознания, которые в современной обстановке могут быть выработаны, как правило, лишь вне рамок деревенского общества.

Накопленный опыт крестьянского движения свидетельствует о том, что крестьянское недовольство тем легче выливается в русло исторически прогрессивных течений общественной борьбы, чем активнее деятельность в деревне этих стран демократических партий, особенно коммунистических, распространяющих здесь новую идеологию, формулирующих программы действий сельских трудящихся, создающих построенные по классовому принципу крестьянские организации. Специфическая трудность приобщения крестьянства к прогрессивной идеологии состоит в том, что в коммунистических партиях некоторых стран Востока произошел раскол, вызванный появлением в них ультралевых течений и затормозивший организационное оформление различных слоев трудящегося крестьянства.

Ныне условия и возможности для внедрения в крестьянство новых форм общественного сознания все более расширяются. Социально-экономическая трансформация общества, которая идет нарастающими темпами почти во всех странах Востока и в которой существенное место занимает аграрная реформа, подрывает (хотя и в разной степени в различных странах) традиционные структуры — базис существования старых форм общественного сознания в деревне. Развитие капитализма в аграрной экономике, особенно в такой динамичной форме, как «зеленая революция», разлагает традиционное крестьянство, ведет к образованию новых общественных классов — сельской буржуазии и наемных рабочих, создавая принципиально новые возможности для становления прогрессивных форм сознания у эксплуатируемых. Как сама стихийная социальная дифференциация крестьянства, так и продолжающиеся процессы экспроприации и эксплуатации трудящихся масс деревни через меха-

низм внеэкономических отношений господства и подчинения приводят к тому, что ведущая роль в совокупности социальных сил в деревне, уже борющихся (и потенциально способных к борьбе) за коренное изменение существующих в ней общественно-экономических порядков, все более переходит к низшим, наиболее эксплуатируемым группам деревенского общества. И это в огромной степени повышает значение идеологической борьбы сил социального прогресса, коммунистических партий в первую очередь, за трудящееся крестьянство, за его сплочение в рамках классовых организаций, отстаивающих интересы трудящихся масс.

По мере укрепления национального государства, активизации его вторжения в экономику и усиления его роли как силы, преобразующей общество, государство берет на себя функции разностороннего контроля над деревней, используя для этого создаваемые им в сельской местности различные общественные и хозяйственные учреждения (местные органы самоуправления, кооперацию и др.). В некоторых странах главным образом именно непосредственно правящие слои, представляющие государство и опирающиеся на его собственность, внедряют в крестьянство новые формы общественного сознания и выполняют функции его политической консолидации на базе их собственной идеологии. По мере того как в различных странах повышается роль государства в трансформации общества, распространенным явлением становится ликвидация самостоятельных крестьянских организаций, в особенности руководимых коммунистами. Нередко предпринимаются усилия к тому, чтобы и в будущем предотвратить возникновение независимых от государства организаций. Социальную активность крестьянства непосредственно правящие слои стремятся ввести в русло деятельности создаваемых государством общественных институтов. Массовые крестьянские организации в таких случаях возникают только как «государственные».

То, что функции политической и идеологической консолидации крестьянских масс берут на себя социальные группы, представляющие государство сразу в двух его качествах — как надстроечный институт и как субъект отношений собственности, порождает при капиталистической ориентации тенденцию к приглушению действительного (или потенциально возможного) движения крестьянства на базе его коренных интересов. При социалистической ориентации такая консолидация отражает процесс втягивания в борьбу за социальный прогресс самых широких крестьянских масс, нередко даже еще не свободных от различных форм внеэкономического угнетения, раздробленных политически и социально, закрепощенных духовно; здесь сам институт организации, зачастую впервые охватывающий громадные пласты сельских трудящихся и действующий в рамках демократической аграрной программы, становится мощнейшим

фактором изживания традиционного общественного сознания, пробуждения к активной деятельности доселе пассивных крестьянских масс.

Изменения в аграрной структуре и крестьянское движение

Практически все развивающиеся страны Азии и Северной Африки до сих пор переживают эпоху аграрной реформы. В некоторых из них (например, в Египте, в Индии, на Филиппинах) преобразование старого аграрного строя длится уже 25—30 лет и еще далеко от завершения. При этом в целом реформа все более радикализируется (последовательное снижение «потолка» земельного владения, сокращение либо отмена выкупа за землю, уменьшение арендной платы и др.) и охватывает все новые пласты сельского населения.

В совокупности тех факторов, которые вызвали к жизни аграрную реформу, определенное место занимает борьба крестьянства. В разных странах и на разных исторических этапах их общественно-экономического развития после достижения политической независимости действие этого фактора было далеко не одинаковым. Лишь в немногих районах (и в еще меньшем числе стран) крестьянское движение, особенно когда оно принимало вооруженные формы, оказывалось на стремнине борьбы общественных сил за уничтожение пережитков феодализма, выделялось в самостоятельный поток. Фактически решая в той или иной степени земельную проблему, крестьянская борьба в этих случаях вынуждала правящие круги срочно проводить земельные преобразования. Так было, например, в бывшем индийском княжестве Хайдарабад после Телинганского восстания и в Бирме после массовых захватов крестьянами земель, экспроприированных у них индийскими ростовщиками-четтиярами. В большинстве же случаев крестьянские выступления, как правило локальные и разновременные, были частью борьбы иногда весьма широкого, социально разнородного, но политически не расчлененного фронта общественных сил, составляли поток, подчиненный обычно руководству некрестьянских и пролетарских групп (городской буржуазии, деревенской элиты — земледельческой, кастовой, административной и т. п.).

На первом этапе общественная борьба была направлена главным образом (но не исключительно) против той формы добуржуазных земельных и иных традиционных отношений, в которой в данный момент воплощались аграрные противоречия, подлежащие самому неотложному разрешению (с точки зрения потребностей развития вырывающегося из колониальной неволи национального общества). Это были противоречия, порожденные не только (и в ряде случаев даже не столько) внутренними (национальными), но и внешними (интернациональ-

ми) процессами, а именно процессами, обусловленными включением стран Востока в мировую капиталистическую систему на условиях тягчайшей зависимости (колониальное порабощение). Вот почему в борьбе за разрешение данного, колониального комплекса противоречий участвовали многочисленные и неоднородные национальные общественные силы, включая политически недифференцированную сельскую массу (трудящееся крестьянство, выделившиеся в ходе разложения общины крупные землевладельцы, эксплуатирующие его докапиталистическими методами, и др.). Как правило, напор этих сил был столь значителен, что местные традиционные «приводные ремни» колониализма в аграрной сфере удавалось ликвидировать сравнительно легко. Так были почти полностью устранены иерархические феодальные структуры (типа заминдари) в странах южноазиатского субконтинента, иностранное землевладение в Бирме, Индонезии, Тунисе, Марокко (в Алжире, однако, оно было уничтожено лишь в результате многолетней вооруженной борьбы национальных сил против колонизаторов).

Но чем глубже развивался процесс ликвидации той части старой аграрной структуры, которая воплощала худшую форму зависимости Востока от развитых капиталистических стран, тем быстрее распадался прежний фронт участников борьбы. Теперь на передний план все рельефнее выдвигались аграрные противоречия, которые вытекают из социальных диспропорций, порожденных неравномерным распределением собственности на землю и утвердившимися на этой основе дорогостоящими формами эксплуатации и экспроприации непосредственных производителей, а также противоречия, которые развиваются на почве сохранившихся традиционных отношений господства и подчинения и обусловленных ими личной зависимости и угнетения сельских трудящихся масс. Все эти противоречия усугублялись и еще больше нагнетались под влиянием развития консервативной формы аграрного капитала. Два полюса этих социальных противоречий представляли трудящиеся крестьяне, пауперизированные и пролетаризированные слои деревни, с одной стороны, и местные крупные землевладельцы, ростовщики, купцы, воротилы финансового и торгово-промышленного бизнеса — с другой.

Следовательно, основной социальный итог уже первого этапа трансформации старого аграрного строя состоял в том, что задача осуществления дальнейших прогрессивных сдвигов в аграрной структуре объективно возлагалась на новые комбинации общественных сил: на сельские трудящиеся массы, поддерживаемые прежде всего промышленным пролетариатом (там, где он сложился), либо — вследствие социально-политической незрелости трудового крестьянства, его неспособности активно воздействовать на ход аграрных преобразований — на общественные группы, представляющие государство и его собствен-

ность и обладающие в данной обстановке определенной свободой действий по отношению к антагонистическим классам общества. При этом объективно прогрессивная аграрная политика этих групп в одних случаях могла получить немедленную и активную поддержку крестьянства, в других такая поддержка могла быть слабой и пассивность эксплуатируемых масс деревни еще предстояло преодолеть в самом процессе аграрных преобразований и развития крестьянских организаций.

Два основных фактора нужно иметь в виду в связи с участием (действительным и потенциально возможным) крестьян развивающихся стран Востока в борьбе за изменение характера земельной собственности, за уничтожение внеэкономических отношений господства и подчинения.

Во-первых, аграрная ситуация, сложившаяся ныне в этих странах, показывает, что там еще не выделился в массовом масштабе слой крестьянства, хозяйствующий в основном ради производства меновой стоимости как меновой стоимости, т. е. слой мелкобуржуазного крестьянства. Значительная часть сельских хозяев относится к категории непосредственных производителей, ведущих натуральное и полунатуральное хозяйство или даже мелкое товарное хозяйство такого типа, к которому, как и к первому, приложимы слова К. Маркса: «Ограниченность производства рамками данного потребления есть здесь закон»². При этом в соответствии с традиционной системой ценностей процесс потребления воспроизводимого в хозяйстве продукта выступает в определенной своей части в архаических одеждах — в формах традиционного коллективного потребления (культы, обряды, поддержка немущих — представителей той же социальной общности, к которой принадлежит производитель, и т. п.). А отношение такого традиционного крестьянства к объективным условиям своего существования (в том числе к проблеме собственности на природные факторы производства) существенно отличается от отношения мелкобуржуазного крестьянства. Эти два типа хозяев различаются по целевым установкам своей производственно-экономической деятельности и соответствующей им социальной психологии.

Во-вторых, господство консервативной формы разложения крестьянства, проявляющейся в образовании огромной массы пауперов на одном полюсе и выделении относительно небольшой группы многоликих деревенских богатеев (ростовщиков, купцов, получателей земельной ренты, экспроприаторов крестьянской земли, эксплуататоров сельскохозяйственных рабочих) — на другом, предопределило то обстоятельство, что в борьбе за землю, за устранение внеэкономических форм гнета

² К. Маркс. [Капитал. Книга первая]. Глава шестая. Результаты непосредственного процесса производства. — Т. 49, с. 85.

крестьянство, как правило, не может выступать единым фронтом. Иначе говоря, та фаза борьбы за преобразование старого аграрного строя, для которой характерно единство крестьянства (типичная, например, для революционного движения в России с 1905 до лета 1918 г.), выпала из революционного процесса в странах Востока, или, точнее, как уже говорилось, она существовала лишь как момент борьбы широкого фронта общественных сил против непосредственных «приводных ремней» колониализма в аграрной сфере, т. е. против части, но не всего старого аграрного строя. А это означает, что на этапе борьбы за радикальное изменение аграрного строя главной социально активной силой в деревне объективно призваны стать малоземельные и безземельные слои крестьянства.

Но именно эти слои, скованные системой традиционных отношений и соответствующих им форм мировоззрения, зачастую оказываются слабо подготовленными к тому, чтобы принять «вызов времени». Из данной категории деревенского населения наиболее активными в социальных, собственно крестьянских движениях нередко являются издольщики и прочие не имеющие никаких прав на землю арендаторы, причем те их группы, которые традиционно владели землей, но были впоследствии экспроприированы (бывшие тягловые общинники, кастовое землевладельческое крестьянство и др.). Поэтому районы массового распространения бесправной аренды, где типичный производитель — мелкий пауперизированный крестьянин, а также районы высокой концентрации безземельного предпролетариата и пролетариата становятся, как правило, основными очагами крестьянского движения, особенно если в них ослабевают традиционные институты, а главное — размывается традиционная общественная психология в результате идеологического влияния и практической деятельности прогрессивных политических организаций. Таковы, например, на Филиппинах — Центральный Лусон³, в Бирме — Нижняя Бирма, в Индии — Керала, Западная Бенгалия, прибрежные районы Андхра-Прадеша.

В некоторых странах, однако, в составе социально активных сил сельских трудящихся ныне происходят существенные изменения. Так, в Индии 70-е годы ознаменовались повсеместным втягиванием в ожесточенную классовую борьбу наиболее бес-

³ Международная Организация Труда, касаясь территориальной амплитуды активности сельских трудящихся масс на Филиппинах в 50-х годах, подмечает следующую закономерность: «В тех провинциях, в которых арендаторы составляют менее 30%, фактически нет волнений; в провинциях, где удельный вес арендаторов колеблется от 30 до 50%, крестьянские волнения не составляют особой проблемы; там, где арендаторов 50—60%, волнения становятся постоянным фактором; там же, где они превышают 60% населения, происходят крупные социальные волнения, часто влекущие за собой применение вооруженных методов подавления» (Conditions of Life and Work of Share-croppers, Tenant Farmers and Similar Categories of Semi-Independent and Independent Workers in Agriculture. ILO. Geneva, 1957, с. 55).

правных, задавленных гнетом личной зависимости групп сельского населения, занимающих в традиционных иерархических структурах место на самом «дне» деревни (сельскохозяйственные рабочие из каст «неприкасаемых» и др.).

Как указывалось выше, аграрная реформа выдвигается на повестку дня отнюдь не только как непосредственный результат борьбы крестьянства. Потребности общественно-экономического развития освободившихся стран формируются не только под влиянием их внутренних процессов, но все более и под влиянием процессов, происходящих вне этих стран, причем возникающая в итоге качественно новая система потребностей становится мощным катализатором проведения в них аграрных преобразований. И чем большее воздействие на развивающиеся страны будет оказывать всемирно-историческая борьба двух мировых общественных систем, чем интенсивнее станет происходить научно-техническая революция в мире и чем болезненнее внутри самих развивающихся стран отставание сельского хозяйства будет сказываться на воспроизводстве всего национального экономического организма, тем более решительные меры будут вынуждены предпринимать непосредственно правящие слои этих стран в области аграрных отношений, причем даже вне зависимости от степени давления заинтересованных в реформе и выигрывающих от нее групп местного общества. Пожалуй, яркий пример реформы, вызванной к жизни не только давлением «изнутри» — классовой борьбой эксплуатируемого народа, но в немалой степени и влиянием «извне», дает аграрная реформа начала 70-х годов на Филиппинах; это влияние сказалось и на принятии довольно радикальных аграрных законов начала 70-х годов в Алжире.

В то же время несомненно, что массовое движение крестьян там, где оно есть, ускоряет принятие аграрного законодательства, способствует его радикализации. Более того, в странах, где государство сравнительно слабо непосредственно вмешивается в ход аграрной реформы, принятые аграрные законы проводятся в жизнь в тех районах, где существует организованное крестьянское движение, и, наоборот, их осуществление задерживается там, где это движение отсутствует⁴. В таких странах

⁴ Касаясь вопроса о зависимости между степенью осуществления принятого аграрного законодательства и размахом организованного крестьянского движения, Национальный совет Коммунистической партии Индии подчеркивал: «...борьба за землю (имеется в виду общенациональная кампания 1969—1970 гг. в пользу осуществления законов о земельном максимуме.— В. Р.) доказала, что выполнение мероприятий по аграрной реформе не может быть обеспечено просто принятием законодательства и работой административной машины. Необходимо, чтобы само трудящееся крестьянство пришло в движение и стало организованно действовать против помещиков с целью гарантировать надлежащее выполнение этих мероприятий» (Resolutions of the National Council of the Communist Party of India. New Delhi 1 to 5 October 1970. New Delhi, с. 28). Аналогичную зависимость между степенью претворения закона в жизнь и размахом общественного движения в его пользу мы

именно борьба «снизу» позволяет добиваться изменения социальной формы общественного труда в интересах общественного прогресса.

Вместе с тем радикально проводимая «сверху» аграрная реформа сама может являться определенным фактором пробуждения политического сознания и активности забитых, обездоленных, задавленных помещичьим произволом крестьянских масс.

При всем многообразии проявлений социальной активности крестьянства в разных странах можно выделить следующие типичные ситуации:

1) по завершении ликвидации колониальных наростов в аграрном строе крестьянское движение переживает более или менее длительную полосу спада. Сельские трудящиеся массы, и особенно беднейшие их слои, еще слишком слабо втягиваются в борьбу за устранение сохранившихся докапиталистических аграрных институтов. Такая ситуация характерна, в частности, для районов с сильными пережитками добуржуазных форм производства, где процессы высвобождения личности из традиционных отношений господства и подчинения протекают пока вяло (например, обширные районы в Марокко, Судане, Саудовской Аравии, Пакистане);

2) сельские трудящиеся, опираясь на исторически накопленный опыт массовых движений, постепенно втягиваются в организованную борьбу за радикальное изменение аграрных отношений. Этот процесс, происходящий на фоне интенсивного размежевания политических сил в обществе, сопровождается организационным оформлением потока сил, представленных наиболее эксплуатируемыми слоями деревни (например, Индия, Филиппины);

3) инициатива в реорганизации аграрного строя переходит на определенный период к непосредственно правящим слоям, которые пытаются преодолеть пережиточные формы социальных отношений при сравнительно слабом давлении «снизу» (особенно показательны Египет 50—60-х годов, Алжир начала 70-х годов);

4) при превращении правящего режима в защитника и проводника глобальных военно-стратегических интересов империализма, форсировании этим режимом капиталистического развития, зависимого от «центров» мирового капитализма, осуществляемая «сверху» аграрная реформа «спрессовывает» процесс

видим и в других сферах бытия эксплуатируемого населения. Индийский союз сельскохозяйственных рабочих в 1976 г. констатировал: «В отсутствие эффективного исполнительного механизма официально установленные минимальные ставки заработной платы в большинстве штатов оказались невозможными ввести только в тех районах, где было сильное движение сельскохозяйственных рабочих» [Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, Ashoknagar (West Bengal) 11 to 14 November 1976. New Delhi, 1977, с. 51].

развития общественных противоречий и тем самым расчищает почву для «взрывного» формирования нового (прежде всего национального и политического) сознания крестьян, превращения их в политически активную силу (именно это происходило, например, в 1978—1979 гг. в Иране, где в развернувшемся «народном, демократическом и революционном» движении, приведшем к свержению монархического режима, определенную роль сыграли нахлынувшие в города после аграрной реформы разоренные крестьяне^{4а});

5) у крестьянских масс возникает состояние социальной апатии как результат тяжелого поражения сил, представляющих интересы этих масс, и следствие утверждения диктатуры победивших консервативных групп общества, устанавливающих непосредственный контроль над деревней через созданные ими учреждения (Индонезия);

6) при широкой реформе земельных отношений, явившейся результатом предшествующей мощной крестьянской борьбы, временно возникают тенденции к становлению политического консерватизма ранее политически активных крестьянских масс (как это было, например, в Южной Корее со второй половины 50-х до конца 60-х годов).

Проблема роста крестьянского консерватизма в связи с аграрной реформой несомненно заслуживает особого внимания. Такой консерватизм может иметь два источника. Во-первых, он может проистекать из того, что на общественное сознание крестьянства огромное влияние оказывают традиционные формы отношений. По мере распространения демонстрационного эффекта, вызываемого становлением передовых видов производства в сельском хозяйстве, по мере расширения хозяйственных связей деревни с городом, формирования в ней системы потребностей, рожденных и утвердившихся во внешнем для нее мире, наконец, по мере привнесения в деревню прогрессивного сознания извне (прежде всего коммунистическими партиями) консерватизм такого рода неизбежно будет изживаться. Во-вторых, крестьянский консерватизм может быть следствием наделения крестьян землей, превращения их в мелких собственников (даже с условными правами собственности) в процессе аграрной реформы,— так сказать, «хозяйский» консерватизм. И если в аграрную сферу одновременно интенсивно вторгается государство (как это происходит в большинстве стран Востока), принимая на себя ряд важнейших хозяйственных функций в деревне (поставки средств производства, предоставление кредита и т. д.), создавая в ней различные подчиненные ему институты (сельскохозяйственная кооперация, организации «общинного развития» и др.), выгоды от укрепления которых в той

^{4а} См.: И. Искендери. Кризис режима в Иране.— «Проблемы мира и социализма», 1978, № 11, с. 44; «Правда», 13.IX, 12.XI, 24.XII.1978, 2.I, 10.II.1979.

или иной степени перепадают трудящемуся крестьянству, то это может усугублять социальную апатию мелкого хозяина. Иначе говоря, «хозяйский» консерватизм в развивающемся обществе проявляется в пореформенное время тем больше, чем значительнее удовлетворяются чаяния мелкого крестьянина как самостоятельного хозяйствующего производителя.

В странах различных общественно-экономических ориентаций отношение правящих слоев к такому консерватизму принципиально различно. При социалистической ориентации общественно-экономического развития правящие слои через «огосударствленные» деревенские организации стремятся мобилизовать («сверху») крестьянские массы на выполнение общенациональных хозяйственных задач (например, Бирма). Напротив, в условиях капиталистически ориентированного развития мы наблюдаем попытки максимально использовать консерватизм наделенного землей крестьянина в целях сохранения реакционного режима (например, Южная Корея).

«Хозяйский» консерватизм крестьянства — явление, безусловно, преходящее. Во многих странах он подвергается размыванию, поскольку происходит ущемление хозяйственных интересов мелких производителей (в частности, возрастает эксплуатация наделенного землей крестьянина через механизм «третичной» сферы, в результате чего ухудшаются условия воспроизводства в мелком хозяйстве). Именно отсюда ведут свое происхождение столь популярные среди хозяйствующего крестьянства требования «справедливых цен» и уничтожения монополии купеческого капитала на рынке, дешевого кредита и запрещения ростовщичества, более справедливого распределения средств производства, используемых в сельском хозяйстве, и национализации производящих их отраслей промышленности и др. Неизбежные процессы размывания «хозяйского» консерватизма создают объективные возможности для вовлечения в русло организованного крестьянского движения широких слоев самостоятельно хозяйствующих производителей⁵.

Разностороннее воздействие на социальную активность сельского трудящегося населения оказывает «зеленая революция», выступающая как процесс становления в аграрной экономике

⁵ Из недооценки противоречий между самостоятельно хозяйствующим трудовым крестьянством и эксплуататорами деревни и города вытекает и недооценка революционного потенциала такого крестьянства, как это имело место, например, у ряда деревенских организаторов из параллельной компартии Индии. В 1968 г. тогдашний генеральный секретарь Всеиндийского крестьянского союза З. А. Ахмад отмечал, что они «стали проповедовать теорию, согласно которой крестьянство Индии в результате капиталистического развития деревни на протяжении последних двадцати лет стало консервативной силой... Единственной силой, от которой зависят революционные действия в сельской местности, являются сельскохозяйственные рабочие» (Nineteenth Session of the All-India Kisan Sabha. Amravati 10—12 January 1968. Report of the General Secretary Z. A. Ahmad. Delhi, 1968, с. 5).

капитала индустриального типа. Протекающая в условиях еще не изжитой до конца старой аграрной структуры, она вызывает скачкообразное обострение общественных противоречий, значительно нагнетая социальную напряженность в деревне.

Стихийно революционизирующее влияние «зеленой революции» проявляется прежде всего в том, что, как отмечалось ранее (см. гл. III), труд насильственно высвобождается из системы традиционных (натуральных по своему характеру) связей и на этой основе постепенно начинает формироваться экономическое отношение господства и подчинения. Социальный результат этого крупнейшего сдвига — интенсивный процесс поляризации сельского населения по классовым признакам; традиционные взгляды о «взаимозависимости» эксплуататоров и эксплуатируемых усиленно вытесняются «новыми представлениями о противостоящих экономических и классовых интересах»⁶. И если многие крупные земельные собственники (например, на Филиппинах) начинают обзаводиться машинами не вследствие экономической выгоды их применения на нынешнем этапе, а исключительно для того, чтобы избежать конфронтации с сельскохозяйственными рабочими и представляющими их организациями, то это лишь доказывает, насколько широко идет процесс выработки классового сознания в деревне под влиянием «зеленой революции».

Взрывая застойный уклад деревенской жизни, «зеленая революция» интенсивно формирует новую систему потребностей. Но она отнюдь не всем социальным группам предоставляет средства их удовлетворения, она не приносит плодов неимущему населению деревни, не смягчает, а, наоборот, значительно усиливает неравенство в распределении дохода. Растущее личное потребление все более жиреющих деревенских богачей резко усиливает тот самый демонстрационный эффект, который преобразуется в социальной психологии эксплуатируемых в настоятельную потребность осуществления коренных изменений в своем собственном потреблении; отсюда — накапливающийся протест и становление нового типа социальной активности у неимущих. Традиционное личное потребление, регламентируемое исторически сложившимся кругом окостеневших жизненных притязаний, ограниченное и своими размерами, и своей номенклатурой, выступающее зачастую в форме коллективного потребления, в значительной степени скрывает глубину пропасти между богатством и нищетой в деревне. «Зеленая революция» не просто углубляет эту пропасть, форсируя рост относительно разрыва в уровнях получаемых теми или иными группами доходов, но, формируя у неимущих новые жизненные потребности, стимулирует и процесс поисков средств их удовлетво-

⁶ F. Frankel. India's Green Revolution. Economic Gains and Political Costs. Princeton, 1972, с. 198.

ния. И в этом смысле «зеленая революция» проявляет себя как «революция растущих ожиданий»⁷.

Одно из крупнейших общественных последствий «зеленой революции» состоит, таким образом, в том, что вслед за углублением неравенства в распределении дохода и как непосредственный результат становления новой системы потребностей в массовом масштабе развивается новая социальная психология эксплуатируемого народа⁸. В области классовообразования ее важнейший результат заключается в том, что она дает мощный импульс формированию качественно нового типа наемного работника. Высвобождающийся из-под гнета традиционных отношений сельскохозяйственный пролетариат, эксплуатируемый капиталом индустриального типа, с дальнейшим развитием «зеленой революции» может стать боевым авангардом эксплуатируемой деревенской массы, ведущим за собой, в частности, огромные отряды сельскохозяйственных рабочих, пребывающих в сфере еще не очищенного от традиционных придатков хозяйства. (Именно это типично, например, для стран Латинской Америки.) И конечно, такой пролетариат коммунистическим партиям гораздо легче объединить в построенные на классовых принципах организации, чем рабочих, скованных узами добуржуазных отношений и еще не изживших традиционные формы сознания. Закономерно, что одна из наиболее прочных и активно действующих организаций Индийского союза сельскохозяйственных рабочих — организация сельскохозяйственного пролетариата Пенджаба, самого развитого в Индии района «зеленой революции». Пенджабская сабха (союз) имеет постоянно функционирующие ячейки в более чем 1,5 тыс. деревень, а ее влияние распространяется на 5 тыс. деревень. (Всего в Пенджабе, по переписи 1971 г., 12,9 тыс. деревень⁹.) Число ее членов составляло 40 тыс. в 1972 г. и 74 тыс. в 1974 г.; в 1976 г. ее численность достигла 160 тыс. человек. Сабха организует массовые выступления рабочих за повышение заработной платы, за рас-

⁷ См.: P. C. Aggarwal. Impact of Green Revolution on Landless Labour. — «Economic and Political Weekly». Bombay. Vol. 6, 1971, № 47, с. 2365.

⁸ Весьма любопытна трактовка причин этого процесса в зарубежной социологии. Так, американка Ф. Фрэнкел писала: «Именно социальная слепота современной технологии поощряет наиболее обездоленные группы сельскохозяйственного населения оспаривать справедливость (освященной традицией. — В. Р.) неравенства, веками преграждавшего им путь к получению доходов, которые без этой преграды оказались бы в пределах досягаемости. Именно безликость научных методов производства... дает толчок формированию представлений, что все касты и классы имеют законное право на присвоение своей доли плодов от нового процветания. По сути дела, быстрое распространение марксистской идеологии, оказывающей все более сильное влияние на опыт самых обездоленных слоев крестьянства, есть... реакция на суровую реальность, проявляющуюся в насильственном их отбрасывании от этого процветания» (F. Frankel. India's Green Revolution, с. 202).

⁹ Indian Agriculture in Brief. 12th ed. Delhi, 1973, с. 5.

пределение изымаемых по реформе у помещиков земель среди деревенской бедноты, за предоставление безземельным участков земли для жилья, против бойкота «неприкасаемых», осуществляемого помещиками и богатыми крестьянами. В 1974 г. сельскохозяйственные рабочие Пенджаба в борьбе за увеличение заработной платы впервые стали использовать орудие забастовки¹⁰. И это — хороший показатель зрелости классового самосознания наемных рабочих, ибо такая забастовка происходит в стране, деревня которой перенасыщена «избыточным» населением. Более того, руководство организации сельскохозяйственного пролетариата Пенджаба стремится решать и такую насущную задачу, как «политическое образование активистов и боевых рабочих», путем создания специальных школ для них¹¹.

Двойное воздействие «зеленая революция» оказывает на социальное поведение хозяйствующего крестьянства. То обстоятельство, что утверждение в сельском хозяйстве индустриальной формы капитала сопровождается вытеснением с земли исконно трудящегося на ней населения, радикализирует обширные слои крестьянства. Стремление крупных землевладельцев-рентополучателей вкушать от благ, даруемых «зеленой революцией», посредством «чистки» своих земель порождает остроконфликтные ситуации в сельских местностях, втягивающихся в русло технологического прогресса. Все более громкими становятся крестьянские требования аннулировать ростовщические долги как средство экспроприации мелкой земельной собственности. Крестьянское сопротивление помещичье-ростовщическому насилию, расчищающему путь становлению интенсивного капиталистического земледелия, нарастает во многих районах стран, переживающих «зеленую революцию». Вместе с тем «зеленая революция» подталкивает процесс развития социального консерватизма в определенных слоях мелкобуржуазных производителей, именно землевладельцев, которым удается (в иных случаях — с помощью государства) улучшить свое хозяйственное положение благодаря переходу к интенсивным методам возделывания земли (это наблюдается, например, в индийском Пенджабе).

Таким образом, «зеленая революция», резко усиливая динамику социального расслоения крестьянства и соответственно рост противоречий внутри него, высвобождает крестьянское сознание из плена традиционных представлений и ценностных ориентаций. И, что особенно важно, в зонах ее распространения эксплуатируемые низы деревни вступают в общественную борьбу со значительно более зрелым пониманием своих коренных, классовых интересов, нередко значительно лучше организованными, чем когда-либо прежде.

¹⁰ «New Age» (Weekly), 13.IV.1975, 5.XII.1976.

¹¹ Там же, 13.IV.1975.

Структурный аграрный кризис, проявляющийся, в частности, в наличии огромной массы пауперизированного, постоянно недоедающего, голодающего населения, создает для коммунистических партий развивающихся обществ специфические сложности в организации борьбы сельского трудящегося населения одновременно за достижение важнейшей экономической цели — обеспечения устойчивого роста производства в сельском хозяйстве и за разрешение насущной социальной задачи — увеличения потребления деревенских тружеников, коренного изменения условий их существования. Данная борьба разворачивается в аграрных системах, опирающихся в основном на доиндустриальные производительные силы, при которых фонд личного потребления охватывает подавляющую часть воспроизводимого продукта, а его количественный объем неизбежно жестко ограничен низким уровнем производительной силы труда. Вследствие сохранения в аграрной экономике эксплуататорской собственности, выступающей в различных формах, воспроизводимый в сельском хозяйстве продукт распределяется весьма неравномерно, при этом основная часть фонда личного потребления обеспечивает лишь голодный минимум потребления трудящихся. Поэтому источник немедленного увеличения этого фонда — такое изменение социальной организации общественного труда, которое последовательно сокращает массу продукта, присваиваемую различными эксплуататорскими группами общества. В первую очередь именно в данном направлении разворачивается стихийная борьба эксплуатируемых низов деревни, и коммунистические партии и возглавляемые ими крестьянские организации формулируют лозунги этой борьбы, внося в нее организующее начало. Главные лозунги, касающиеся изменения природы собственности в аграрной сфере, — радикальная земельная реформа, отмена ростовщических долгов, уничтожение монополии купеческого капитала, аннулирование системы эксплуатации сельских производителей крупным капиталом через товарный обмен, повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих, уничтожение всех традиционных, внеэкономических форм зависимости и эксплуатации деревенских трудящихся¹².

Вместе с тем компартии отчетливо понимают, что в сложившейся критической обстановке (весьма медленные темпы роста сельскохозяйственного производства, не отвечающие потребностям развития национальной экономики в целом, и возникающие на этой основе глубокие хозяйственные диспропорции, наиболее остро проявляющиеся, в частности, в хронической нехватке товарного продовольствия) борьба за перераспределение существующей массы воспроизводимого в сельском хозяй-

¹² См., например: Some Problems Concerning the Agrarian Movement and Our Tasks. Adopted by the National Council of the Communist Party of India. New Delhi 1—5 April 1975. New Delhi, 1975.

стве продукта не должна расшатать и без того хлипкий фундамент расширенного воспроизводства в этой отрасли (чрезмерно низкая норма накопления при допромышленной форме труда). Они исходят из того основополагающего факта, что в ходе этого перераспределения фонд накопления не должен быть «съеден» (использован на личное потребление), но должна быть коренным образом изменена социальная оболочка данного фонда. Объявляя увеличение сельскохозяйственного производства важнейшей общенациональной задачей, коммунисты видят ее решение в коренной переориентации всей политики государства, касающейся воспроизводственного процесса в сельском хозяйстве, с поддержки узкой, верхней, обуржуазивающейся группы деревенских богачей на поддержку главной массы крестьянских хозяйств, на обеспечение условий для ее экономического подъема. Крестьянское хозяйство, и прежде всего хозяйство трудящихся крестьян, должно стать основным агентом экономического роста в сельском хозяйстве — именно такое содержание несут в себе основные требования нынешних аграрных программ компартий по данному кругу вопросов¹³.

В выработке и осуществлении двуединой политики на аграрном фронте компартии ведут борьбу как против «левого» экстремизма, так и против сил правой реакции. Опасность «левого» экстремизма состоит в том, что он, прикрываясь «мнимой заботой о народном благе», пытается «увлечь массы нереальными требованиями»¹⁴. Тем самым он обрекает борьбу крестьянства на поражение. «Идейные зубры» местной правой реакции, то апеллируя к «традиционным ценностям», то противопоставляя цели экономические и цели социальные, стремятся обосновать ненужность аграрной реформы, в частности введения «потолка» землевладения и перераспределения «излишков» помещичьей земли в пользу неимущих, якобы неизбежным при дроблении крупных владений падением производства, пытаются найти альтернативу аграрной реформе в развитии новой технологии (естественно, лишь в группе богатых хозяйств) под знаменем «зеленой революции»¹⁵. К идейным защитникам крупных землевладельцев из развивающихся стран примыкают многие западные теоретики аграрной политики, хотя взгляды их имеют свои существенные оттенки. Некоторые из таких теоретиков тоже стремятся утвердить тезис о первоочередной значимости достижения прогресса в производстве на путях «зеленой революции» вне каких-либо политических движений кре-

¹³ См.: Там же; Agrarian Programme of the Lebanese Communist Party.— «Information Bulletin». Peace and Socialism Publishers. Prague, 1974, № 8.

¹⁴ Ф. Балагтас. Тенденции перемен на Филиппинах.— «Проблемы мира и социализма». 1975, № 7, с. 87.

¹⁵ См. об этом, например: Н. Кришнан. Новая ситуация в Индии и задачи КПИ.— «Проблемы мира и социализма». 1977, № 11, с. 61.

стьянства за изменение ее социальной формы¹⁶. Но, поскольку, считают эти теоретики, без реформы «зеленая революция» непрерывно будет генерировать социальную напряженность, ставящую под угрозу само ее развитие и тем самым утверждение капиталистического способа производства в сельском хозяйстве, определенная аграрная реформа как условие распространения «зеленой революции» вширь должна быть проведена «сверху». «Беспристрастные» западные идеологи гораздо лучше и дальновиднее, чем местные твердолобые, оценивают факторы, необходимые для расширения хозяйственного базиса развивающихся в аграрной экономике капиталистических порядков и сохранения той самой «политической стабильности», которая способствовала бы удержанию развивающихся стран в мировом капиталистическом хозяйстве. Именно поэтому мы наблюдаем такие удивительные на первый взгляд явления, как исходящие от определенной части правящих кругов развитых капиталистических стран требования проведения в развивающихся странах довольно широкой земельной реформы, предполагающей наделение правами собственности значительного контингента сельских хозяев — бесправных арендаторов, и яростное сопротивление этим требованиям со стороны тех местных правящих групп, которые отстаивают интересы крупных землевладельцев¹⁷.

В нынешнюю эпоху развития остроконфликтных ситуаций в деревне некоторых стран Востока (например, в Индии, а также на Филиппинах) особенно большое значение приобретает организационное и политическое сплочение различных слоев сельских трудящихся на основе программных требований компартий по аграрному вопросу. Слабое организационное и политическое влияние компартий во многих районах таких стран чревато тем, что руководство стихийно поднимающимися на борьбу огромными массами крестьянства может быть захвачено силами контрреволюции, добивающимися утверждения открытой диктатуры монополистической буржуазии и помещиков.

¹⁶ «Попытки усилить политическое влияние и социальный статус мелкого земледельца путем, например, крестьянских социальных движений могут отвлекать значительную энергию, знания, волю от выполнения задач развития сельскохозяйственного производства, а также непосредственно воспрепятствовать деятельности тех, кто занят производством. В любом случае все это ослабляет дальнейшую диффузию „зеленой революции“ и угрожает ее течению» (E. W. Coward, W. A. Schutjer. The Green Revolution: Initiating and Sustaining Change.— «Civilisation». Bruxelles. Vol. 20, 1970, № 4, с. 480).

¹⁷ Впечатляющая история о том, как бывшее правительство бывшего штата Мадрас отвергло рекомендации американского аграрного эксперта о некотором углублении аграрной реформы в штате, изложена в документе Плановой комиссии Индии: Implementation of Land Reforms. A Review by the Land Reforms Implementation Committee of the National Development Council. Delhi, 1967, с. 208. О полемике местных властей с американскими экспертами на Филиппинах по данному вопросу см. гл. V, с. 173—174.

Именно на устранение этого «узкого места» ныне направляется энергия коммунистических партий этих стран¹⁸.

Традиционные связи в деревне и общественное сознание крестьянства

Формы и проявления общественной борьбы в деревне Востока во многом связаны с особенностями крестьянского сознания. Без реалистического представления о важнейших чертах духовной жизни крестьян, их видении мира, понятиях об обществе, социальных идеалах нельзя установить действительные причины их общественного поведения — активности или апатии, протеста или конформизма; в конечном счете невозможно достоверно прогнозировать ход классовой борьбы в деревне и даже в стране в целом.

Крестьянство — наиболее многочисленный из древних классов, доживших до наших дней. Древность его происхождения явно дает себя знать в области общественного сознания. К. Маркс и Ф. Энгельс писали об отставании изменения отдельных элементов общественного сознания (например, философских и религиозных систем) от изменения условий, их породивших¹⁹. В крестьянском сознании, особенно в такой его сфере, как социальная психология, вплоть до настоящего времени сохраняется множество унаследованных от прошлого представлений и стереотипов общественного поведения. Этот груз прошлого действует в качестве реального и весомого фактора в общественной борьбе, развертывающейся в деревне Востока сегодня. Чем меньше в крестьянском сознании наследие прошлых эпох, тем четче крестьянство осознает свои насущные социально-экономические, классовые потребности и интересы, а также врагов этих интересов и тем в большей степени его ориентация и общественная борьба определяются этими потребностями и интересами.

¹⁸ «В современной обстановке особенно необходимо развязать активность „снизу“ крестьянских масс, организованных в сельские барангаи и кооперативы, и — что еще более важно — активность рабочих в контролируемых правительством профсоюзах. Мы должны действовать без промедления, ибо иностранные монополисты, их местные союзники из числа помещиков и буржуазии спешат превратить эти организации в орудие своего экономического и политического господства» (Ф. Балагтас. Тенденции перемен на Филиппинах, с. 87). «В преимущественно аграрной стране, такой, как Индия, реакция находит себе массовую базу именно в сельских районах — при условии, если левые и демократические силы слабы, а Коммунистическая партия Индии не берет на себя роль организатора широкого объединенного фронта всех демократических классов и слоев, включающих крестьян и сельскохозяйственных рабочих» (Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 26). О понятии «барангай» см. с. 177.

¹⁹ См., например: К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». — Т. 45, с. 242; Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — Т. 21, с. 36.

Чтобы лучше понять особенности проявления традиционных факторов крестьянского сознания и поведения в современную эпоху, целесообразно прежде всего охарактеризовать саму архаическую модель общественного поведения, столь долго сохраняющуюся в крестьянстве, а затем исследовать элементы традиционного наследия в современном крестьянском сознании, рассматривая их — для удобства анализа — как бы «нетронутыми», в том виде, в котором они сложились к эпохе существенных социально-экономических и политических преобразований 50—60-х годов XX в.

«Чем дальше назад уходим мы в глубь истории, — пишет К. Маркс, — тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому», а именно, перечисляет К. Маркс, к семье, роду, общине²⁰. Действительно, эпоха возникновения первых общественных связей — эпоха абсолютной зависимости человека от стихийных сил природы — была и эпохой полного растворения индивида в первобытном коллективе в качестве условия его выживания; она наложила существенный отпечаток на последующую эволюцию общественных связей «ограниченного человеческого конгломерата»²¹ в деревне и в обществе в целом, обусловив их архаичность, традиционность.

Под традиционными связями понимаются устойчивые, регламентированные, закрепленные в многовековой практике, обычном праве и сознании сельских жителей общественные взаимоотношения членов общности (хозяйственные, административные, культурные, культово-религиозные, нередко переплетающиеся между собой); как правило, они носят императивный характер и находятся вне критического осмысления индивида, входящего в общность.

Традиционные связи, взятые в их исторически сложившихся формах, включают родовые, племенные, клановые, архаико-общинные, кастовые и некоторые другие отношения. Наличие такого рода связей и соответствующих им форм сознания оказывается важным фактором, определяющим характер основных социальных конфликтов в соответствующей общности. На ранних этапах эволюции общества зарождающиеся отношения господства и подчинения еще не в силах существенно расчленить общность; в ней преобладает внутренняя солидарность, сплоченность естественно сложившегося коллектива — рода, племени, позднее — касты и т. д. Эту сплоченность гарантируют и сама структура общности, воспроизводящая в конечном счете патриархальную семью; и архаические институты контроля и руководства; и специфические формы общественного сознания,

²⁰ К. Маркс. Экономические рукописи 1857—1859 годов. Ч. 1. — Т. 46. Ч. 1, с. 18.

²¹ Там же, с. 17.

ориентированные на единство; и коллективные ритуалы, благодаря которым все традиционные нормы и институты в глазах членов коллектива, по выражению Ф. Энгельса, «священны и неприкосновенны»²². Соответственно доминирующий тип социальных конфликтов — конфликты не внутри данной общности, не между ее верхами и низами, не столкновения, порожденные эксплуатацией верхами «своих» низов, а конфликты между традиционными, внутренне сплоченными общностями (родами, племенами и т. п.).

Эти черты почти целиком присущи ранним этапам родо-племенного строя, когда зарождающиеся отношения господства и подчинения носят еще сугубо патриархальный характер: господство совпадает с руководством, и это «верховодство» воспринимается всеми членами общности не только как право, но и как обязанность; подчинение «священным и неприкосновенным» учреждениям рода и племени есть своего рода добровольное, точнее, неосознанное подчинение и распространяется, как подчеркивал Ф. Энгельс, на чувства, мысли и поступки человека²³. Соответственно сохраняется прочная основа для внутренней солидарности рода, племени во всех военных и политических конфликтах.

Многовековую историческую эволюцию социальных отношений сельского общества можно рассматривать в самых общих чертах как переход доминирующей роли в рамках общности от отношений солидарности к отношениям враждебности, классового антагонизма. Предпосылкой такого процесса была дифференциация различных по функциям отношений в процессе разделения труда, переход от тесного переплетения хозяйственных, военно-административных, культово-религиозных связей, характерного для самых ранних этапов, к их обособлению; результатом было постепенное освобождение хозяйственных связей от традиционных духовных (в частности, ритуальных) приращков. Сама эта эволюция с точки зрения отношений между непосредственными производителями и их эксплуататорами предстает как процесс формирования зрелых отношений господства и подчинения, суть которого — постепенное освобождение их от традиционных оболочек, патриархально-личностных оттенков вплоть до превращения их в отношения голого насилия. Отношения голого насилия наносят решающий удар по архаической солидарности, формируя и катализируя антагонизмы классового типа. В области общественного сознания этот процесс предстает как процесс освобождения человека от архаических ориентаций, от императива «священных норм», унаследованных от прошлого, процесс перехода к реалистическому осознанию

²² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, с. 99.

²³ Там же.

существующих общественных отношений как классово антагонистических.

В силу ряда исторических обстоятельств во многих сельских районах Востока данный процесс еще не завершился. До настоящего времени не все крестьянство²⁴ стран Востока освободилось от сложившихся в далеком прошлом форм сознания и общественного поведения.

Различия в уровне социально-экономического развития отдельных районов Востока являлись в прошлом и продолжают оставаться до настоящего времени основой для существенных различий в сфере общественного сознания крестьянства. Сохранение на значительных территориях традиционных форм социальных отношений является базой для воспроизводства консервативных форм крестьянского сознания.

В современном крестьянстве можно выделить отряды, существенно различающиеся по исторически сложившимся формам сознания и общественного поведения и по степени приближения к превращению в «класс для себя». Так, мы найдем значительные различия в общественном сознании и поведении таких групп традиционного крестьянства, как трудовые сельские массы племен, общинное крестьянство, кастовое крестьянство.

Сельское население племен — при самой общей характеристике социальной структуры развивающихся обществ Востока — нередко относят к крестьянству. Действительно, в процессе вовлечения отсталых районов в общенациональные хозяйственные связи, осуществления аграрных преобразований, наконец, в процессе миграций значительная часть рядовых членов племен становится — по своему экономическому положению — крестьянами или сельскохозяйственными рабочими. Между тем перестройка племенного сознания не может идти быстрыми темпами, и с точки зрения сознания это крестьянство в значительной своей части составляет особую, традиционную группу.

Нужно при этом иметь в виду, что до сих пор в странах Востока существуют периферийные районы, население которых находится на самых первых ступенях общественного развития. Нередко в них еще не сложился даже институт вождей. Здесь сохраняется архаический базис общности — первобытное совместное владение всеми угодьями. Примитивному этапу общественного развития соответствуют архаические формы общественного сознания: вера в духов, магию и т. п. Вследствие отсталости и относительной изолированности этих территорий их на-

²⁴ Термин «крестьянство» употребляется нами в самом широком смысле; сюда включаются и безземельные слои, ибо традиционные формы общественного сознания присущи как землевладельческому, так и безземельному трудовому сельскому населению.

селение не влилось еще в магистральные потоки общественного развития деревни Востока.

Большая часть племенных общностей стран Востока давно уже миновала свою начальную стадию; у них существует институт вождей, выделилась племенная верхушка, оформились связи господства-подчинения. Общая племенная собственность находится на различных ступенях разложения. Это, однако, не означает одновременного преодоления всех форм племенной солидарности. Возникающие в рамках племенных структур, а также в малых этнических группах отношения господства и подчинения, порой перерастающие в отношения угнетения и насилия, как правило, осмысляются далеко не сразу и оттесняются в сознании рядовых соплеменников на второй план традиционными представлениями об общих судьбах и единстве интересов.

Племенные связи на Востоке в современную эпоху почти повсеместно подвергаются эрозии, особенно под влиянием внешних для них факторов. Однако нередко одновременно воспроизводятся формы традиционных связей, аналогичные племенным: например, семейно-родовые, клановые и т. п. Крестьянство, сохраняющее эти связи, тоже, как правило, можно отнести к традиционному. Существование в сельской местности больших семейно-родовых коллективов, кланов, сохраняющих в тех или иных масштабах коллективные формы труда, потребления, спланированных на основе поклонения общему предку, — типичная черта для многих территорий Востока. Такие группы могут сосуществовать с различными типами традиционной соседской общины, с кастовым строем. Они, наконец, обретают особо важные функции при отсутствии в деревне общины. В некоторых случаях эти коллективы имеют и хозяйственные функции, в других они занимаются разрешением морально-этических, бытовых, культово-религиозных вопросов и, как правило, играют исключительно важную роль в общественно-политической жизни сельской местности. Принадлежность к крупному семейно-родовому объединению традиционного типа, к клану резко ограничивает возможность выработки крестьянином самостоятельной, классовой линии общественного поведения.

Общинное крестьянство Востока также нередко остается в современную эпоху традиционным по своим основным ориентациям. Даже соседская община, не сцементированная кровными узами, может быть преемником архаических представлений и питательной средой для воспроизводства традиционных норм поведения. Примером может служить общинное крестьянство некоторых территорий Центральной и Восточной Явы 50-х и начала 60-х годов XX в. Согласно многовековым представлениям яванцев община-деревня (деса) выступала как единая семья. Немалую роль в закреплении таких представлений сыграл культ предков. В крестьянстве не было изжито представление о равенстве всех общинников как членов этой семьи,

о единстве их интересов. Нормой общественной жизни считалось отсутствие открытых конфликтов, споров, единогласие в решении общинных дел, подчинение рядовых жителей деревни общинной администрации, рекрутировавшейся из наследственной элиты и сохранявшей ряд ритуальных функций²⁵.

Особенностью этой стадии эволюции общественных связей являлось то, что отношения господства и подчинения носили здесь патриархальный, неразвитый характер; поскольку крестьянство зачастую было склонно рассматривать себя, всех общинников как единую семью, общность (община) продолжала оставаться внутренне сплоченной на доклассовой основе.

К другому отряду традиционного крестьянства можно отнести значительную часть трудовых сельских масс, включенных в кастовую систему индийского общества периода 50—60-х годов. Здесь — при относительно давно разложившейся первобытной коллективной собственности на землю — в производственной, административной, политической, культурной и религиозной жизни деревни продолжали сохраняться многие специфические черты, унаследованные от прошлых эпох, существенно видоизменяющие связи господства-подчинения.

Крестьянство, включенное в кастовую систему²⁶, в высшей степени неоднородно по классовой зрелости. Однако в целом ему присущи две важные черты: представление об обществе как разделенном на неравноправные социальные группы — касты (и подкасты) и невычлененность индивида из своей традиционной социальной группы — касты (и подкасты). Индуизм санкционировал и освятил социальное неравенство, связав рождение человека в той или иной касте с его «заслугами» в «прошлых рождениях». В самом низу социальной лестницы оказались «неприкасаемые».

Сохранение кастовой обособленности и иерархии в конкретных условиях Индии с ее пестрым социальным и этническим составом населения влекло за собой консервацию практически в каждой ячейке общества архаических общественных институтов, прежде всего традиционных органов руководства — панчаятов (советов старейшин), совмещающих хозяйственные, социальные и ритуальные функции.

Со своеобразием исторических и социально-экономических условий развития различных районов Индии связано формирование в кастовом крестьянстве различных по ориентации групп. На значительных территориях Северной Индии эволюции об-

²⁵ Подробнее см.: Ж. Д. Смирнская. Наследие традиционного общества и общинное крестьянство: особенности общественного сознания (на примере некоторых районов Явы середины XX в.). — Аграрные структуры стран Востока. М., 1977.

²⁶ Речь идет о всем трудовом населении индийской деревни, часть которого, в лице социально приниженных групп — «неприкасаемых», никогда не была владельческим крестьянством.

щественного сознания сельских масс в направлении осознания классовых антагонизмов препятствовала широко распространенная в прошлом и сохранившаяся в остаточной форме и поныне — в районах, не подвергшихся разрушительному воздействию «зеленой революции», — практика джаджмани, представляющая собой систему регламентированного натурального обмена услугами и продуктами труда между представителями различных профессиональных групп в общине как между социально неравноправными, кастовыми группами²⁷. Эта практика содействовала укреплению традиционных представлений о врожденных, наследственных взаимных обязанностях и правах всех членов сельской общины, о всеобщей взаимной зависимости. Такие представления оказались чрезвычайно устойчивыми.

По мере развития крупного, среднего и мелкого частного землевладения отношения между землевладельцем и его работниками (зачастую «неприкасаемыми») принимали — под воздействием практики джаджмани — характер связей типа «патрон—клиент»²⁸. Дело было не только в том, что домохозяин-землевладелец должен был обеспечить своего работника продуктами первой необходимости, одеждой, в ряде случаев жильем — эта практика имела распространение во всей Индии. Но взамен землевладелец рассчитывал иметь и нередко имел в лице работника преданного, послушного «клиента». Соответственно «патрон» выступал естественным «представителем интересов» всех экономически и морально зависящих от него лиц в политической жизни деревни.

В некоторых районах, прежде всего в районах распространения землевладения представителей высшей в иерархии касты — брахманов (например, в Керале, в Восточном Уттар-Прадеше), кастовая иерархия развилась до особенно суровых форм «неприкасаемости» и сегрегации.

Таким образом, значительная часть эксплуатируемых сельских масс была обречена на многовековую социальную и культурную изоляцию. Однако сама эта насильственная отчужденность социально приниженных слоев таила в себе возможность взрыва: при политическом пробуждении эти массы неизбежно должны были стать (и стали в современной Индии) базой для борьбы за радикальные преобразования в обществе.

Определенную часть кастового крестьянства составляли «полноправные» наследственные землевладельцы, относительно свободные от вертикальных связей господства-подчинения как патерналистского, так и насильственного типа (например, джа-

²⁷ Подробнее см.: М. К. Кудрявцев. Община и каста в Хиндустане (из жизни индийской деревни). М., 1971.

²⁸ Следы такого рода связей между землевладельцем и зависимыми от него работниками — арендаторами, батраками прослеживались в ряде районов Индии (Пенджаб, Западная Бенгалия, Уттар-Прадеш и др.) вплоть до начала 70-х годов.

ты Пенджаба). В среде этого крестьянства вплоть до середины — конца 60-х годов XX в. активно функционировали органы кастово-общинного самоуправления, существовали патерналистские отношения между крестьянами, использующими чужой труд, и их постоянными работниками из социально приниженных каст, сохранялась традиционная система ценностей и внутрикастовая солидарность крестьян.

Кастовые отношения выступали (и в определенной степени продолжают выступать) как связи господства-подчинения особого типа: специфической чертой их являлось идеологически обоснованное неравенство между различными группами сельского населения, жесткая регламентация отношений между этими группами, наконец, сохранение определенных элементов патриархальности в личных взаимоотношениях представителей некоторых каст. Поскольку общество выступало здесь как общество неравных, то имелась важная предпосылка для выработки классовых форм сознания: сорвать оболочку святости с закрепленного традицией социального неравенства значило сделать видимыми эксплуататорские отношения и тем самым привести в действие потенции массового пробуждения угнетенных слоев индийской деревни, и прежде всего «неприкасаемых».

В отдельный отряд крестьянства стран Востока можно выделить те группы трудового сельского населения, у которых уже к 50—60-м годам имелось представление о сельском обществе как о классово-антагонистическом, разделенном на два противоположных по экономическим и социальным интересам лагеря, класса, причем это представление было относительно мало затуманено традиционными понятиями кланового, кастового и иного подобного типа. Наиболее благоприятные условия для формирования относительно четких классовых представлений сложились в прошлом в районах распространения крупного помещичьего землевладения, например в Иране, Пакистане, на Филиппинах.

При этом надо иметь в виду, что часть крестьянства в районах помещичьего землевладения оставалась включенной в систему патерналистских связей; патриархальные отношения между помещиком и крестьянами могли подолгу сохраняться, тем более что помещики нередко были чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы выдавать внеэкономическое принуждение за благотворительную деятельность. Однако, что очень важно, в этом случае «добрые» взаимоотношения были не императивны, а стихийны, временны и, как правило, легко разрушались при изменении обстоятельств.

Другая же часть крестьянства этих районов была прямо включена в отношения господства и подчинения, характеризующиеся обнаженностью их классово-антагонистической сущности; отношение помещиков к крестьянам-арендаторам выступало здесь в форме голого принуждения.

Например, в Иране (в его западных и южных районах) помещик был полновластным диктатором; помимо практически подчиненного ему местного полицейского и чиновничьего аппарата он нередко располагал собственной вооруженной бандой, готовой подавить в зародыше любой протест. В этих условиях крестьяне (в основном издольщики) были вынуждены нести ряд феодальных повинностей, выплачивать различные подати натурой и деньгами. Самовластие помещиков в некоторых удаленных районах доходило до того, что они сопротивлялись прокладке дорог к своим имениям, ликвидации неграмотности крестьян, запрещали крестьянам читать газеты, а в национальных районах — говорить на родном языке²⁹.

Ответом на это была явная враждебность крестьян к помещикам. Не случайно исследовательница Э. Лэмбтон, характеризуя отношения между крестьянами и помещиками в Иране 50-х годов, подчеркивала, что «ни в коей мере здесь не присутствует дух сотрудничества или чувство участия в общем деле. Их отношения в целом, хотя и не без исключения, характеризуются взаимным недоверием»; любое улучшение положения крестьянства помещик расценивал как симптом ослабления собственной власти³⁰.

В этот же отряд крестьянства стран Востока периода 50—60-х годов входили группы трудового сельского населения, которое не только обладало относительно зрелыми классовыми представлениями об обществе, но и имело за спиной большой опыт длительной, непрерывной классовой борьбы за свои интересы. Такое крестьянство сложилось в районах, где процесс размытия архаических связей в деревне и разложения отношений типа «патрон — клиент» между помещиками и крестьянами шел интенсивно на протяжении длительного времени и в основном был уже завершен к 20—30-м годам нынешнего века. В этом отношении показательны некоторые провинции Центрального Лусона на Филиппинах: Нуэва Эсиха, Булакан, Пампанга³¹. Важно подчеркнуть исторически сложившуюся активность крестьянства Центрального Лусона, сохранившего со времен филиппино-испанской и филиппино-американской войн 1898—1906 гг. дух независимости и представление о святости Революции³² и явившегося главной движущей силой антияпонской борьбы 1942—1945 гг. Непосредственная близость указан-

²⁹ A. K. S. Lambton. *Landlord and Peasant in Persia. A Study of Land Tenure and Land Revenue Administration*. L., 1969, с. 330—334. А. И. Демин. *Сельское хозяйство современного Ирана*. М., 1967, с. 152—155; Р. А. Сеидов. *Аграрный вопрос и крестьянское движение в Иране (1950—1953)*. Баку, 1963, с. 97—100, 120—121, 177.

³⁰ A. K. S. Lambton. *Landlord and Peasant in Persia*, с. 263.

³¹ См.: A. Takahashi. *Land and Peasants in Central Luzon. Socio-Economic Structure of a Bulacan Village*. Tokyo, 1969, с. 107, 117—118.

³² Г. И. Левинсон. *Филиппины на пути к независимости (1901—1946)*. М., 1974, с. 49.

ных районов к политическому центру страны — Маниле довершала комплекс предпосылок, содействовавших ускоренному проявлению классовых антагонизмов в сельской местности.

Таким образом, крестьянство стран Востока подошло к важнейшим социально-экономическим и политическим сдвигам середины XX в. далеко не однородным по своим общественным ориентациям, стереотипам общественного поведения, опыту общественной борьбы.

Социально-экономические процессы и административно-политические преобразования периода 50—60-х и начала 70-х годов, имевшие место в деревне ряда стран Востока (аграрные реформы, «зеленая революция», реформы органов сельской власти), а также усиленное идеологическое воздействие на крестьянство со стороны различных политических сил оказали существенное, в основном разрушительное влияние на систему традиционных связей в деревне и на традиционные формы крестьянского сознания, в целом усилив тенденции к формированию классовых ориентаций. Вместе с тем эффект новых явлений оказался далеко не одинаковым для различных отрядов крестьянства.

Аграрные и административные преобразования демократического характера встретили большие трудности при их осуществлении в районах, где крестьянство было включено в систему архаических родовых и племенных связей. Здесь традиционная верхушка, имеющая в глазах такого крестьянства наследственное право на руководство и господство, как правило, автоматически становилась лидером новых институтов и организаций. В этих случаях нередко вносился лишь новый формальный элемент в старую систему управления. Так, на племенных территориях зачастую именно племенные вожди определяли в 60-е годы состав органов управления и все население послушно голосовало за назначенных кандидатов. Это было типично для подавляющего большинства районов, сохраняющих родовую, племенную и клановую структуру общества.

Очевидно, что лидерство вождя рода, племени, клана в новых институтах (кооперативах, выборных органах власти) не может не тормозить разрушения всей традиционной системы господства и подчинения; эти институты могут стать орудием для дальнейшей концентрации власти и экономического богатства в руках традиционной элиты, что способствует сохранению ее влияния на общественное поведение сельских масс. Во многих странах Востока клановая, племенная верхушка, нередко окруженная ореолом святости, становится «манипулятором» настроений и поведения отсталых трудовых масс на политической арене. В этих случаях традиционная солидарность, сохраняющаяся несмотря на прогрессирующую социально-экономическую дифференциацию, начинает играть все более консервативную роль: подчинение трудовых сельских масс наследственной знати, подкрепленное архаическими представлениями о долге, че-

сти, братстве и соответствующими нормами общественного поведения, превращает общность в организованную на традиционных принципах политическую силу, имеющую авторитарный тип руководства³³.

Традиционное общественное сознание некоторых отрядов общинного крестьянства сыграло определенную негативную роль в период проведения аграрных преобразований. Пример тому дают упоминавшиеся выше районы Центральной Явы в конце 50-х — начале 60-х годов. Предпринятое в Индонезии под давлением прогрессивных сил значительное сокращение (и ликвидация) земельных наделов администрации обернулось здесь тем, что для содержания администрации стала изыматься часть продукции крестьян; экономическая и административно-политическая власть верхушки отнюдь не ослабевала³⁴.

Нередко вступление крестьян в кооператив было здесь принудительным. В него по решению старосты преобразовывалась вся община. Руководство, естественно, продолжало оставаться в руках все той же общинной администрации, а традиционные эталоны общественного поведения широко использовались для нажима на крестьянство при уплате налогов и выполнении всех других обязанностей³⁵.

Преобразование старой системы управления и появление в деревне новых органов власти также могло прийти в столкновение с привычными стереотипами крестьянского сознания. Так, после достижения Индонезией независимости правительство предприняло попытки демократизации управления в общинных деревнях: речь шла о распространении на безземельное крестьянство права участия в решении общинных дел и о выборах старосты, об образовании выборных деревенских комитетов контроля, о введении практики выборов помощников старосты (по традиции они назначались самим старостой). Однако в традиционных районах Явы эти нововведения, нарушавшие вековую практику, не привились.

Традиционный характер сознания крестьянства этих районов проявлялся в сохранении в пережиточной форме не только веры в духов, в магию, но и связанной с таким мирозерцанием идеи сакральности, сверхъестественного характера всякой власти вообще, как местной, так и центральной, — идеи, усиленно

³³ Вспомним недавний опыт Ирана, где в прошлом на племенных территориях сформировались квазигосударственные образования, проводившие вплоть до 50-х годов XX в. собственный политический курс — нередко антинациональный, проимпериалистический; при этом военная сила таких квазигосударств (например, бахтиаров) неоднократно использовалась властями для подавления прогрессивных движений в стране. См.: В. В. Трубецкой. Бахтиары (Оседло-кочевые племена Ирана). М., 1966, с. 3—4 и др.

³⁴ См.: *Selosoemarjan. The Dynamics of Community Development in Rural Central Java*. Ithaca — New York, 1962, с. 20, 21, 28.

³⁵ Там же, с. 27—30; Ю. Г. Александров. Политика Индонезийской республики в сельском хозяйстве. М., 1964, с. 114—115.

насаждавшейся правящей элитой еще в эпоху средневековья. Многие аспекты политики Сукарно на рубеже 50—60-х годов свидетельствовали о том, что его идеологическая программа была направлена на закрепление ряда средневековых представлений о государстве и архаико-коллективистских ценностей и ориентаций крестьянства³⁶.

Внутренняя монолитность десы указанных районов сыграла в этот период отрицательную роль и при вовлечении яванского крестьянства в массовые организации (крестьянские, молодежные, женские и др.), значительная часть которых находилась под влиянием компартии³⁷. Здесь наблюдались случаи коллективного членства, т. е. вся община-деса во главе с администрацией и по ее инициативе вступала в организацию. Очевидно, что следствием этого должно было стать появление в ряде массовых крестьянских организаций, где управленческая верхушка деревни, т. е. наиболее зажиточный слой, заняла руководящие позиции, скрытого противодействия многим радикальным предложениям относительно аграрных и иных преобразований.

Драматические события в Индонезии, особенно на Яве, в 1965—1967 гг. показали, насколько шаткой, внутренне слабой опорой было традиционно ориентированное крестьянство для компартии страны. Далеко не случайно силы, пришедшие к власти, не замедлили максимально использовать архаические формы связей, сохранившихся в яванской деревне. Адат (обычное право) был восстановлен в своих старых прерогативах, демократию прямо объявили не соответствующей крестьянским привычкам и идеалам, а традиционные формы солидарности и взаимопомощи в рамках общины, нередко носившие императивный характер и сковывавшие крестьянскую инициативу, стали широко рекламироваться как «образец общественной сознательности», высоконравственного поведения, которому должны следовать «эгоистичные» горожане³⁸.

Но все-таки кровавая бойня 1965—1967 гг. нанесла сильнейший удар по традиционной психологии крестьянства: иллюзия общественной гармонии оказалась во многом безвозвратно утраченной, а это — одна из важных предпосылок пробуждения общественной активности яванского крестьянства традиционных районов.

Социально-экономические и административно-политические преобразования 50—60-х годов оказали большое влияние на раз-

³⁶ См.: А. И. Ионов. Об эволюции «национальной идеологии» в Индонезии (60—70-е годы). — «Народы Азии и Африки». 1974, № 2.

³⁷ Показательно, что массовость в охвате крестьянства этими организациями была в немалой степени присуща именно Центральной и Восточной Яве — ареалу сохранения наиболее значительных отрядов традиционного крестьянства (см.: Н. А. Симония. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1964, с. 134).

³⁸ См., например: S. Hadiwijono. Sambatan — Mutual Help among People. Habiting Village's Life. — «The Djakarta Times», 29.XI.1969.

личные группы кастового крестьянства Индии. В ряде районов страны часть «полноправного» кастового крестьянства вступила в период аграрных преобразований как сплоченная консервативная сила. Так, в Пенджабе, где существовал крепкий слой относительно зажиточных хозяев, все сколько-нибудь существенные попытки перераспределения земли в интересах безземельных масс, представленных в основном «неприкасаемыми», были блокированы сопротивлением крупных землевладельцев, увлекших за собой большинство крестьянства, включая и мелких землевладельцев, из «полноправных» каст.

В целом же по стране обстановка реформ (выявление земельных излишков, юридическое оформление арендаторских прав, установление новых размеров арендной платы), повсеместно рождая конфликты, несомненно стимулировала классовую переориентацию сознания сельских тружеников и разрывание классовых антагонизмов в деревне. Разрыв отношений типа «патрон — клиент» и переход к открытой враждебности между непосредственными производителями и эксплуататорскими слоями были особенно характерны для районов распространения издольной аренды³⁹ (подробнее см. гл. V).

Важную роль в переориентации индийского крестьянства сыграла «зеленая революция», ставшая существенной вехой в перестройке сознания по крайней мере двух крупных групп сельских масс: состоятельного крестьянства и сельскохозяйственного пролетариата.

Например, она оказала существенное воздействие на сознание сельских хозяев-джатов в Пенджабе, где получила сильный импульс во второй половине 60-х — начале 70-х годов. Новая технология производства заставила практически каждого хозяина вести учет издержек производства. Ориентация на рынок, переход к строгому учету издержек, существенные изменения в понимании целей производства явились важнейшими чертами процесса психологической перестройки пенджабских хозяев, суть которого — вытеснение традиционных ориентаций интересами экономической выгоды. В свою очередь, экономический расчет поставил на повестку дня вопрос о замене натуральной оплаты труда привлекаемых со стороны работников денежной. Перемена же в формах оплаты сразу разрушила патерналистские, «добрые» отношения между землевладельцами и их постоянными работниками — там, где эти отношения существовали. Вместе с тем в условиях, исключительно благоприятных для сбыта пшеницы (высокие цены, поддерживаемые государством), среди хозяев-джатов до начала 70-х годов не наблюдалось сколько-нибудь значительного роста расслоения. Соответственно сохраняла свою силу общекастовая солидар-

³⁹ В. Г. Растянников. Аграрная эволюция в многоукладном обществе. Опыт независимой Индии. М., 1973, с. 305—306.

ность, выражавшаяся и в активности органов кастового управления (кастовых панчаятов).

В другом направлении шла перестройка сознания сельскохозяйственных рабочих, в частности из «неприкасаемых», ставших свидетелями необычайно быстрого обогащения крупных землевладельцев. Появление в деревне новых товаров (одежда, транзисторы, велосипеды и т. п.), доступных всем, кто может заплатить, впервые как бы уравнило притязания всех сельских жителей — от брахмана до «неприкасаемого». Для сельскохозяйственных рабочих и другой бедноты деревни «зеленая революция» стала одновременно, как уже отмечалось, «революцией растущих ожиданий», давшей толчок классовой ориентации их сознания и относительно быстрой радикализации общественного поведения.

Общественное поведение индийских сельских масс в 50—60-х годах, т. е. до указанных социально-экономических сдвигов, еще испытывало сильное воздействие многовековой практики кастового общества, кастовых отношений. Это проявлялось, например, в ходе первых этапов введения новой системы сельского управления — «панчаяти раджа», которая гарантировала право участия в выборах и «неприкасаемым». Традиционный механизм управления оказывался доминирующим: решающий голос принадлежал старосте деревни — представителю «высокой» касты и крупному землевладельцу, которому, как правило, никто не решался возразить⁴⁰. Лишь активная работа в деревне прогрессивных политических партий и организаций «неприкасаемых» позволила в некоторых районах постепенно преодолеть косность традиционного механизма власти на местах.

Общественно-политическая борьба относительно зажиточного «полноправного» кастового крестьянства вплоть до «зеленой революции» складывалась преимущественно под воздействием кастовых ориентаций. В Пенджабе состоятельные хозяева-джаты, в массе своей являющиеся сикхами, поддерживали партию сикхских коммуналистов «Акали дал».

Часть крестьянства (издольщики, батраки, поденные рабочие), включенного в систему патерналистских отношений, нередко оказывалась втянутой в междоусобные конфликты главенствующих семейств деревни через так называемые дхары — межкастовые деревенские группы, имеющие как хозяйственные, так и политические функции и включающие семью землевладельца и его арендаторов, батраков, слуг. На политической арене деревни дхар выступает как единая группа, выдвигающая своего кандидата. Поскольку дхар возглавляется «авторитетным лицом», как правило представителем «высокой» касты и

⁴⁰ Классовая борьба в современной индийской деревне (1947—1965). М., 1969, с. 201.

относительно крупным землевладельцем, то он нередко является средством «вертикальной» мобилизации бедных слоев деревни в интересах зажиточных ее слоев⁴¹.

В 50—60-х годах продолжала нарастать политическая активность социально приниженных слоев индийского общества, и прежде всего «неприкасаемых». Хотя законом кастовый строй был отменен в 1947 г. и «неприкасаемым» были предоставлены все гражданские права, на первых порах в ряде районов им пришлось вести упорную борьбу за реальное осуществление провозглашенных в законах прав (пользование общественными колодцами в деревне, посещение деревенской школы, почты, медпункта, лавки). По мере активизации политической жизни в сельской местности появилось множество подразделений кастовых (т. е. образованных по кастовому принципу) организаций «неприкасаемых» с центрами в городах⁴². Деятельность этих организаций носила в значительной степени традиционный характер: борьба за повышение кастового статуса своей группы, создание школ, медпунктов для ее членов, выделение стипендий для обучения в средних и высших учебных заведениях, участие в выборных кампаниях с выдвижением своих кандидатов⁴³.

Кастовые связи и кастовая психология, таким образом, с одной стороны, укрепляли солидарность всех членов кастовой группы в рамках деревни, района, штата, с другой — изолировали эту группу от других, имеющих сходное социально-экономическое положение. Кастовое крестьянство (включая землевладельческие и безземельные слои) поэтому оказывалось внутренне разобщенным, разделенным на множество групп. Показателем живучести кастовой психологии среди трудящихся масс деревни может служить тот факт, что в 50—60-е годы даже крестьянские организации, руководимые коммунистами, в рамках отдельных штатов объединяли преимущественно сельских тружеников с относительно сходным кастовым статусом; это были либо в основном «неприкасаемые», либо собственно кастовые крестьяне, но, как правило, не те и другие вместе⁴⁴.

В общественной борьбе, развертывавшейся в индийской деревне в конце 60-х — первой половине 70-х годов как результат

⁴¹ См.: М. И. Кудрявцев. Община и каста в Хиндустане, с. 220—234; A. K. Datta. Politics in Village India: An Enquiry into the Structure of Power in Jagannathbarh. — «Tropical Man» (Yearbook). Leiden, 1970, с. 141, 155. Показательно, что индийский ученый Балджит Сингх назвал сельское общество своей страны «обществом враждующих групп» (Балджит Сингх. Пути развития индийской деревни. М., 1963, с. 33—42).

⁴² Как правило, кастовые организации «неприкасаемых» объединяли многих представителей данной кастовой группы в масштабах района, части штата или всего штата; при этом внутренние иерархические деления, связанные со степенью «чистоты» конкретной подгруппы, на первых порах давали себя знать в сфере лидерства, брачных связей, повседневных контактов.

⁴³ См.: Классовая борьба в современной индийской деревне, гл. VI.

⁴⁴ См.: Там же, с. 182—183, 186 и др.

существенных социально-экономических сдвигов, нашла отражение определенная многослойность сознания сельских масс, сохраняющего, во-первых, элементы кастового самосознания, во-вторых, следы отношений типа «патрон — клиент», в-третьих, классовые социально-экономические ориентации, причем роль последних на этом этапе все более возрастала. В определенном смысле можно сказать, что начало 70-х годов ознаменовало скачок, новую веху в формировании и укреплении классовых ориентаций индийского крестьянства.

В группе относительно состоятельных крестьян сущность перестройки заключалась во все большем проявлении черт мелкобуржуазности. Отмеченные выше сдвиги в социальной психологии пенджабского крестьянства в процессе «зеленой революции» не сразу нашли отражение в общей политической ситуации в штате, однако уже в начале 70-х годов были заметны некоторые изменения. Так, имела место известная переориентация значительных масс пенджабских сельских хозяев с коммуналистской партии на партии, которые проводят политику интенсификации сельскохозяйственного производства, обеспечивающую существенный рост доходов этих хозяев (прежде всего на партию Индийский национальный конгресс). Сельские хозяева штата (включая мелких землевладельцев) отстаивают — и довольно успешно — сохранение льготной налоговой политики и высоких цен на пшеницу. Однако и при том, что стремление к экономической выгоде стало играть первостепенную роль в обуржуазивающемся пенджабском крестьянстве, в нем продолжали сохраняться традиционные, в данном случае кастовые, связи, что, в свою очередь, в какой-то степени задерживало дальнейшую социально-экономическую дифференциацию внутри самой традиционной группы.

Особенно значительны были сдвиги в сознании сельской бедноты, в частности представленной «неприкасаемыми», а также адиваси (населением отсталых племен и малых этносов). Пролетарское социально-экономическое положение «неприкасаемых» в сочетании с не преодоленной их социальной угнетенностью создавали широкую и прочную основу для перехода их на позиции непримиримой борьбы за выполнение важнейших социальных требований: повышения заработной платы, наделения землей, прекращения социального угнетения. Для подавления этой борьбы крупные землевладельцы прибегли к организации вооруженных банд и вооруженному насилию⁴⁵ (подробнее см. гл. V). В наиболее развитых в политическом отношении штатах, и прежде всего в Керале, где в составе прогрессивных правительств 60—70-х годов неоднократно работали коммунисты, сельскохозяйственным рабочим удалось добиться наиболее существенных побед в экономической борьбе.

⁴⁵ См.: Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union.

В этом же штате начали в указанный период изживаться кастовые барьеры между представителями относительно «высоких» каст и частью «неприкасаемых», объединенными общей борьбой⁴⁶.

Относительно благоприятными были условия для дальнейшего роста общественного сознания в период социально-экономических преобразований у крестьянства районов крупного помещичьего землевладения, где отношения между непосредственными производителями и их эксплуататорами не были затуманены кастовыми связями, где в крестьянском сознании сложилось устойчивое представление о существующем обществе как обществе борющихся враждебных сил и где крестьянство видело в крупном землевладельце своего врага. Здесь, однако, формы и успешность выступлений крестьянства, активность его в условиях свершающихся социальных преобразований зависели от степени изживания в сельской местности патерналистских отношений, преодоления всесилия помещиков, от размаха демократического движения в стране.

В Иране, например, как уже отмечалось, крестьянство находилось в обстановке постоянных враждебных отношений с помещиками. Эта враждебность могла носить как открытый, так и скрытый характер, но в целом она была нормой и в 50-х годах (фактически дореформенный период), и в первой половине — середине 60-х годов (период аграрных реформ пресловутой «белой революции»). В 50-е годы крестьянство районов, удаленных от основных политических центров страны, разобщенное в своих выступлениях, лишенное поддержки городских демократических сил, нередко не могло дать отпор всевластным помещикам⁴⁷. Там, где крестьяне были экономически и политически сильнее, они отвечали на наступление помещиков, на невыполнение законодательства волнениями, демонстрациями, вооруженным сопротивлением⁴⁸. В некоторых, наиболее развитых, примыкающих к крупным городам, районах крестьяне смогли в разгар общественно-политической борьбы 50-х годов оказать воздействие на местные выборы в депутаты или выработать цельную программу социально-экономических и политических требований⁴⁹. В обстановке аграрных преобразований

⁴⁶ Такое стирание кастовых барьеров пока еще не стало общендийским явлением (см., например, там же, с. 35).

⁴⁷ Так, известны факты, когда крестьяне давали расписку в том, что они «добровольно» отказываются в пользу помещика от льгот, введенных аграрным законодательством; известны случаи, когда они уклонялись даже от безвозмездного получения скота, распределяемого некоторыми благотворительными организациями, чтобы не вызвать гнев местных скотовладельцев — гаубандов (см.: А. И. Демин. Сельское хозяйство современного Ирана, с. 188, 194—199; Р. А. Сеидов. Аграрный вопрос..., с. 183).

⁴⁸ Р. А. Сеидов. Аграрный вопрос..., с. 149—150.

⁴⁹ Там же, с. 154.

60-х годов классовые антагонизмы в иранской деревне проявились с новой силой. Повсеместно в деревне возникали конфликтные ситуации: помещики стремились обойти новые мероприятия, требовали от крестьян выполнения повинностей и т. п.; крестьяне с большим или меньшим успехом сопротивлялись этому. Тяжбы крестьян с помещиками, отказы выплачивать арендную плату, протесты против поборов — характернейшие черты общественно-политической жизни Ирана 60-х годов⁵⁰.

В сходном направлении развивалось в 50—60-е годы крестьянское движение на Филиппинах. Здесь, однако, многие условия, особенно в наиболее развитых в общественном отношении сельских районах Центрального Лусона, были намного благоприятнее, нежели в Иране: больший опыт классовых битв и, следовательно, большая четкость классовых позиций крестьян-издольщиков, большая вовлеченность их в массовые выступления, наконец, исторически сложившееся тяготение к активным формам протеста вплоть до вооруженной борьбы. Однако вооруженные выступления крестьянства в неблагоприятной общеполитической ситуации на Филиппинах в конце 40-х — начале 50-х годов привели к гибели лучшие силы крестьянского авангарда, что положило начало длительному периоду спада в крестьянском движении страны, преодоленному лишь на рубеже 60—70-х годов (подробнее см. гл. V)⁵¹.

Осуществление на Филиппинах широких аграрных преобразований в первой половине 70-х годов кладет начало принципиально новому этапу крестьянской борьбы в этой стране, связанному с неизбежной социально-экономической дифференциацией и размежеванием классовых позиций в рядах самого крестьянства.

В целом широкие аграрные и административные реформы, активное проникновение в деревню современных политических веяний способствуют повсеместному размытию традиционных связей и традиционных общественных ориентаций крестьянства, обрекавших большие его отряды либо на конформизм, либо на выступления неклассового типа. Значительная и все возрастающая часть трудовых сельских масс переходит на классовые позиции.

При этом, однако, важно отдавать себе отчет в том, что тра-

⁵⁰ См.: A. K. S. Lambton. The Persian Land Reform. 1962—1966. L., 1969, с. 100—101, 110, 172—174 и др.; А. И. Демин. Социально-экономические преобразования в иранской деревне (60-е — первая половина 70-х годов). — Аграрные структуры стран Востока, с. 217.

⁵¹ Важно отметить, что гибель значительной части крестьянского авангарда и уход другой части крестьянских лидеров в партизаны сопровождалась в 60-е годы некоторым ростом традиционных, мистических настроений в среде более отсталых слоев филиппинских сельских масс на территориях, удаленных от исторически сложившихся центров классовых выступлений крестьян (см.: D. R. Sturtevant. Popular Uprisings in the Philippines. Ithaca and London, 1976, с. 257—258).

диционные типы консолидации нередко искусственно возрождаются на тех более зрелых этапах, когда социально-экономическая дифференциация разлагает общность, вследствие чего в ней выделяются буржуазные (или предбуржуазные) и пролетарские (предпролетарские) элементы. Именно эксплуататорская, обуржуазивающаяся верхушка становится ярким защитником отживших традиций, гарантирующих ей наибольшие возможности не только для обогащения и экономического процветания, но и для лидерства на политической арене. Племенное и этническое самосознание сельских масс (как и кастовое) может стать действенным орудием формирующейся буржуазии в политической борьбе. О реальности такой ситуации говорит опыт Индонезии, где во второй половине 50-х — начале 60-х годов сельские массы различных районов не раз вовлекались «своей» буржуазией в политическую борьбу в ее интересах, а также в сепаратистские мятежи (например, сунданцы, минангкабау и др.)⁵².

Преобразование исторически сложившихся традиционных связей в деревне, общественной психологии трудовых сельских масс составляет, следовательно, одну из самых трудных, «долгосрочных» проблем, стоящих перед прогрессивными силами, разрешение которой возможно лишь при максимальной демократизации всей общественной системы в странах Востока и сосредоточении больших усилий на работе среди крестьянства, на всемерной активизации его участия в общественно-политической жизни и борьбе.

* * *

В современную эпоху направленность и формы проявления социальной активности крестьянства в развивающихся странах Востока продолжают определяться процессами двух типов, находящимися в сложном взаимодействии между собой. Первую группу составляют процессы, характерные для традиционных укладов и вытекающие из развивающихся в ходе их разложения общественных противоречий: эксплуатация непосредственных производителей путем реализации земельной монополии; экспроприация их методами голого насилия, а также торговлоростовщического закабаления; угнетение деревенских трудящихся на основе различных форм личной зависимости; эксплуатация труда капиталом с широким использованием традиционных методов внеэкономического принуждения и др. Вторую группу образуют процессы, воплощающие современные тенденции развития и общественные противоречия: становление новой системы потребностей под влиянием импульсов, исходящих из

⁵² См.: Н. А. Симония. Буржуазия и формирование нации..., с. 117—133.

внешнего для деревни мира, и формирование новых целевых установок социально-экономической деятельности; «зеленая революция» и аграрная реформа, прокладывающая путь развитию новых производительных сил и становлению новых форм социальной организации общественного труда; воздействие на крестьянские массы различных новых политических институтов — новых органов власти в деревне, политических партий и организаций и др.

Движение сельских масс в различных районах стран Востока дает нам примеры разных стадий формирования общественного сознания крестьянства. Значительное большинство трудящихся масс деревни, «вписанное» в традиционные уклады, еще не освободилось полностью от пут обусловленного этой «вписанностью» сознания. Вместе с тем постепенно и все активнее формируется у этой трудящейся части сельского населения классовое общественное сознание. Примечательная черта данного процесса — становление классового сознания у наиболее забитой, наиболее эксплуатируемой массы сельского населения, занимающей самые нижние ступени в деревенской социальной иерархии, унаследованной от прошлого. Этот процесс развивается прежде всего в странах, где коммунистические партии имеют более или менее широкую социальную и организационную базу в деревне.

Крупные социально-экономические и политические сдвиги, происходящие с середины XX в. в ряде стран Востока, в том числе аграрные преобразования, осуществляемые как под давлением «снизу», так и по инициативе «сверху», объективно создают условия для становления новых, современных форм политической активности крестьянства.

В некоторых случаях размах аграрных преобразований опережает степень зрелости сознания крестьянства, еще не вырвавшегося из плена традиционных ориентаций; тогда эти преобразования, осуществляемые «сверху», сами становятся мощным фактором вовлечения крестьянства в общественную жизнь. Вместе с тем аграрные реформы ускоряют в отдельных странах процесс классовой дифференциации в деревне, что создает основу для организационного оформления — при наличии благоприятных условий — самостоятельных потоков движения различных классовых слоев крестьянства.

Все эти процессы постепенно расширяют объективные возможности для становления союза рабочего класса и крестьянства в борьбе за социальное и экономическое обновление развивающегося общества, в частности за решение насущных общенациональных проблем, порожденных структурным аграрным кризисом (огромное аграрное перенаселение, пауперизм больших масс людей, хронический недостаток продовольственных ресурсов, чрезмерно низкая норма накопления и др.). Закономерно поэтому, что коммунистические партии развивающихся

стран Востока чрезвычайно остро ставят вопрос о конкретных формах реализации этих расширяющихся возможностей⁵³.

Вместе с тем связанный с реформой рост крестьянской активности и организованности существенно трансформируется во многих странах Востока под воздействием активного вторжения государства в сферу экономики и политической жизни деревни, превращения государства в основную силу, преобразующую аграрные отношения и активно изменяющую естественный процесс классового образования в сельской местности. И это не может не влиять на пути решения проблемы союза рабочего класса и крестьянства. Предпосылки для такого союза закладываются, и он все больше укрепляется в ходе борьбы рабочего класса и других сил социального прогресса за демократизацию государственного сектора, за такое выполнение государством его расширяющихся экономических и социальных функций, при котором общественные интересы получают примат над частными и труд начинает господствовать над капиталом. Как подчеркивает Л. И. Брежнев, «союз рабочего класса и крестьянства позволит довести до конца национально-освободительные революции, полностью ликвидировать наследие колониализма, сделать движение к социализму более уверенным и целеустремленным»⁵⁴.

⁵³ Коммунистическая партия Индии, например, специально выделяет организационный аспект данного вопроса. На своем X съезде (1975) она подчеркивала: «Партия располагает большим числом пролетарских баз. Однако если партия не имеет крепких позиций в окружающей эти базы сельской местности, то эти опорные пункты предстают отдельными пролетарскими островками. Рабочий класс оказывается лишенным поддержки своего естественного и ближайшего союзника — крестьянства...»

Таким образом, задача создания рабоче-крестьянского союза должна получить конкретную организационную форму. Пролетарские базы должны быть укреплены путем усиления влияния партии в крестьянских массах» (X съезд Коммунистической партии Индии. Виджаявада, 27 января — 2 февраля 1975 г. М., 1975, с. 195—196).

⁵⁴ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., 1973, с. 386.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ КРЕСТЬЯНСТВА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ОРИЕНТАЦИЯХ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Крестьянское движение в условиях капиталистической ориентации

Политика правящих кругов афро-азиатских стран капиталистически ориентированного развития по отношению к сельским трудящимся имеет ряд особенностей, определяемых социальной природой и политическими устремлениями этих кругов в разных странах. Но общая характерная черта здесь — стремление воспрепятствовать росту классового самосознания и самостоятельной политической активности трудящихся деревни и обеспечить их интеграцию в существующий политический режим, используя как реформирование аграрной структуры, так и прямое подавление проявлений этой активности крестьянства, сочетаемое с его усиленной идеологической обработкой через особые, создаваемые государством общественные институты. Такая политика в огромной степени затрудняет развитие в этих странах организованного самостоятельного движения сельских трудящихся¹.

¹ Рассматривая положение в деревне развивающихся стран, Международная Организация Труда охарактеризовала его следующим образом: «Для сельских районов в этих странах по-прежнему характерны экономический застой, громадное количество неиспользуемой рабочей силы и широко распространенная неграмотность; сельские трудящиеся, как и прежде, страдают от отсутствия достаточных или допускающих выбор возможностей занятости, ужасающей бедности и задолженности, а также из-за того, что не имеют соответствующего социального и политического статуса. Во многих случаях они не могут даже воспользоваться свободой высказать свои претензии или возможностью оказать влияние на правительственную политику, которая могла бы привести к необходимым изменениям в условиях их жизни и труда; не существует также достаточного признания их прав участвовать в усилиях, направленных на развитие, и пользоваться их плодами». При этом было подчеркнуто, что «еще большим препятствием, чем любые внутренние трудности, с которыми сталкиваются организации сельских трудящихся, является желание некоторых правительств сохранить их слабыми и неспособными оказывать давление» [Международная Конференция Труда, Сессия 59-я. Доклад

Развитие организованного движения трудящихся деревни наталкивается и на целый ряд объективных препятствий, которые сказываются на степени и характере участия в движении не только крестьянской бедноты, но и сельскохозяйственного пролетариата, включая его передовой отряд — постоянных рабочих плантаций и крупных капиталистических ферм. Численность постоянных сельскохозяйственных рабочих (особенно занятых в крупном капиталистическом хозяйстве) относительно невелика. Массы сельскохозяйственного пролетариата расплывлены. Недостаточна зрелость его классового самосознания. Он сохраняет более или менее прочные связи с традиционными деревенскими социальными институтами и формами традиционного крестьянского сознания. Отсутствие необходимых политических свобод и гарантий профессиональных прав сельскохозяйственных рабочих в большинстве развивающихся стран Востока серьезно затрудняет преодоление данных объективных трудностей, задерживая развитие самостоятельного движения деревенского пролетариата.

Во многих из этих стран трудовое законодательство не распространяется на наемных рабочих в сельском хозяйстве. В ряде стран существующее законодательство в принципе признает их право на объединение, однако зачастую это имеет лишь формальный характер и не подкрепляется конкретными законодательными актами. Нередко трудовое законодательство содержит положения, ограничивающие права сельскохозяйственных наемных рабочих или исключающие из сферы своего действия их значительные отряды, прежде всего рабочих, занятых в мелком земледельческом хозяйстве (например, в Бангладеш трудовое законодательство распространяется только на рабочих чайных плантаций, в Иордании — на рабочих крупных капиталистических хозяйств).

По мере роста отряда наемных сельскохозяйственных рабочих и обострения классовой борьбы усиливается их стремление к объединению. Это начинает находить отражение и в аграрной политике правящих кругов некоторых стран Востока. Например, в 1963 г. на Филиппинах в аграрное законодательство впервые были включены положения о правах сельскохозяйственного пролетариата. Законом о земельной реформе 1963 г. сельскохозяйственным рабочим были предоставлены права на организацию профессиональных союзов, на забастовки, оплату по болезни и некоторые другие права и гарантии. Были установлены также 8-часовой рабочий день и минимум заработной платы. Основные положения закона распространялись только на постоянных сельскохозяйственных рабочих, занятых в крупных и средних капиталистических хозяйствах (размером не менее 12 га). С 1965 г. положение о гарантиро-

6 (I). Организации сельских трудящихся и их роль в социальном и экономическом развитии. Женева, 1973, с. 5, 48].

ванном минимальном уровне оплаты труда стало применяться и к рабочим-поденщикам во всех категориях хозяйств².

Существующие в развивающихся странах Востока профессиональные организации сельскохозяйственных рабочих (за исключением профсоюзов плантационного пролетариата) обычно немногочисленны, слабы и нередко не примыкают к общенациональным или крупным региональным профессиональным организациям трудящихся. Правящие круги зачастую стремятся установить контроль над профсоюзным движением, в том числе и среди сельскохозяйственных рабочих, использовать их профессиональные организации в качестве инструмента проведения своей экономической и социальной политики, а также для распространения своей идеологии. Такова, например, роль в современной Индонезии созданной в 1973 г. Всеиндонезийской федерации рабочих («Федераси бурух селурух Индонесиа» — ФБСИ), в которую входят и организации рабочих крупных плантаций³.

Лишь в отдельных странах (таких, например, как Индия, Малайзия) существуют крупные самостоятельные организации сельскохозяйственных рабочих. Так, в Малайзии действует возникший еще в 1954 г. в результате слияния пяти различных организаций Национальный союз трудящихся плантаций. Эта организация входит в Конгресс профсоюзов Малайзии, составляя 60% его общей численности⁴.

Тот факт, что в целом в странах Востока с капиталистически ориентированной общественно-экономической эволюцией организация сельскохозяйственных рабочих еще недостаточно высока, неизбежно отражается на крестьянском движении.

Крестьянское движение в странах с контролируемой правящей политической группой организациями сельских трудящихся масс. С обострением классовой борьбы в странах капиталистической ориентации наблюдается тенденция к смене буржуазно-парламентских систем авторитарным правлением политических сил, представляющих интересы тех или иных эксплуататорских классов или их коалиций. Это ведет к ослаблению или подрыву самостоятельного организованного крестьянского движения там, где оно уже сформировалось. В тех случаях, когда политическая борьба достигает особой остроты, поражение левых сил может привести к авторитарной власти сил правого радикализма. Результатом этого обычно является подавление политической активности крестьянства, в первую очередь организован-

² О. Г. Барышникова, И. Ф. Жулев. Особенности формирования и структуры сельскохозяйственного пролетариата на Филиппинах. — Сельскохозяйственные рабочие в странах Азии и Африки. М., 1969, с. 46.

³ А. Моертопо. Strategi Politik Nasional. Jakarta, 1974, с. 90—91.

⁴ Международная Конференция Труда. Сессия 59-я. Доклад 6 (I), с. 20—21, 29.

ного крестьянского движения, руководимого левыми силами, установление жесткого политического контроля государственной власти над деревней. Так случилось, например, в Индонезии.

Основным социальным противоречием индонезийской деревни в первой половине 60-х годов было противоречие между массой мелких арендаторов и сельского пролетариата, с одной стороны, и верхушкой землевладельцев — с другой. Однако расстановка социально-политических сил в деревне приняла чрезвычайно сложный и противоречивый характер ввиду недостаточной четкости социального расслоения крестьянства, низкого уровня его классового самосознания и широкого распространения докапиталистических форм социального и религиозного сознания. Коммунистической партии Индонезии и руководимой ею крестьянской организации «Барисан тани Индонесиа» (БТИ) удалось повести за собой в те годы значительную часть крестьянской бедноты и сельского пролетариата, особенно в районах, где аграрные противоречия были наиболее остры, — в Центральной и Восточной Яве.

По данным руководства компартии, в состав БТИ вошло до 8,5 млн. человек⁵. Вместе с тем верхушка землевладельцев, а также руководство таких крупных партий, как Национальная и «Нахдатул улама», и их крестьянских организаций («Петани» и «Петану»), поддерживавшее сельскую эксплуататорскую верхушку, сумели увлечь за собой, используя религиозные лозунги и опираясь на традиционное мировоззрение крестьянства, значительную часть трудящихся деревни.

По мере того как усиливалась роль государства в политической жизни страны, все больше ограничивалась самостоятельность левых массовых организаций, включая крестьянские. В обстановке, когда проведение аграрной реформы, провозглашенной в 1960 г., фактически срывалось реакционными силами, ограничение исполнительной властью самостоятельных политических действий КПИ затрудняло работу партии среди крестьянства. Это особенно ярко проявилось после запрещения властями в 1964 г. односторонних акций по осуществлению реформы, проводившихся крестьянами под руководством КПИ и БТИ. Прекращение этих акций под давлением политических сил, выступавших против КПИ под покровом официально созданного единого национального фронта и всячески саботировавших проведение реформы, сковало действия революционных сил в деревне.

За переходом власти после 30 сентября 1965 г. в руки антикоммунистического руководства армии последовало запрещение КПИ, был развязан жестокий террор, особенно массовый в деревне, началось подавление политической активности трудящегося крестьянства в любых формах.

⁵ G. Huizer. Peasant Mobilisation and Land Reform in Indonesia. The Hague, 1972, с. 28.

Новый авторитарный режим начал проводить последовательный курс на создание и укрепление политико-административной структуры, позволяющей держать деревню под жестким политическим контролем, не допускать возрождения не только руководимых коммунистами, но и любых других самостоятельных организаций крестьянства. Была фактически запрещена деятельность местных ячеек легальных крестьянских организаций «Петани» и «Петану», «Сарекат тани ислам Индонесиа», «Геракан тани Индонесиа» и поставлено под строгий контроль их руководство. Особое внимание было уделено укреплению сельской администрации, слившейся в основном с богатой деревенской верхушкой.

В дальнейшем, после парламентских выборов 1971 г., правящие круги Индонезии усилили деятельность по упрочению своей социальной опоры в деревне. Отказавшись в интересах сельской верхушки от проведения в жизнь принятого в начале 60-х годов законодательства об аграрной реформе, правительство разработало и осуществляет широкую программу укрепления мелкобуржуазной прослойки крестьянства на базе «зеленой революции». Одновременно правящие круги сочетают курс на пресечение любых форм оппозиции в деревне с мероприятиями по интеграции крестьянских масс в политическую структуру под руководством власти. В стране официально провозглашен курс на «деполитизацию» деревни. Политическим партиям фактически запрещено создавать ячейки в деревнях и принимать крестьян в свой состав. Допускается создание в деревне только неполитических организаций, деятельность которых направляется «Голкар» — органом проведения правительственной политики в массах. Вместо существовавших ранее многочисленных крестьянских организаций, примыкавших к различным политическим партиям, в 1973 г. была создана единая организация — ХКТИ («Химпунан керукунан тани Индонесиа» — Объединение индонезийского крестьянства), главная задача которой — оказание помощи правительству в проведении его экономической и социальной политики в деревне⁶.

Объективная необходимость ускорения модернизации экономической и социальной структуры общества все чаще толкает авторитарные политические режимы в странах Востока на проведение разных, иногда широких, антифеодальных социально-экономических реформ. Одновременно важное значение придается установлению политического и идеологического руководства крестьянством при лишении его возможности проявления какой-либо политической самостоятельности. Такая политика на первых порах может задерживать развитие социального самосознания различных отрядов крестьянства и поддерживать

⁶ Almanak Negara Republik Indonesia. Djakarta, 1971, с. 385—391; A. Moertopo. Strategi Politik Nasional, с. 88—89.

дух «хозяйского» консерватизма довольно широких слоев мелких производителей. Однако усиливающееся в результате реформы развитие капитализма, сопровождаемое вытеснением с земли ряда групп крестьянства (при уже существующем аграрном перенаселении и пауперизме многочисленных отрядов сельского населения) и другими процессами, непосредственно затрагивающими положение деревенских трудящихся (прежде всего инфляция), действует как фактор дестабилизации политической обстановки в деревне, дает импульс накоплению недовольства сельских трудящихся масс.

Так произошло, например, в Иране. Пореформенные процессы в политической жизни этой страны, широкое народное демократическое движение 1978—1979 гг., приведшее к революционному свержению шахского режима, показали, в частности, что в крестьянстве вызревало политическое общественное сознание. Особенно быстро это происходило в тех слоях крестьянства, на которые распространялось разностороннее влияние урбанистических центров (в первую очередь среди сельских мигрантов в города, пополнявших здесь в наибольшей своей части армию безработных)⁷.

Специфическая ситуация сложилась в Южной Корее, где правящие круги в интересах самосохранения и поддержания установившегося политического режима были вынуждены прибегнуть к тактике широкого социального маневрирования.

В результате аграрных реформ в Южной Корее было полностью ликвидировано крупное и в значительной мере даже среднее землевладение. Это позволило превратить большинство крестьян (до $\frac{3}{4}$) из арендаторов и полуарендаторов во владельцев парцелл. Были приняты меры к тому, чтобы сохранить сложившиеся в результате реформ отношения землевладения и землепользования и затормозить имущественное и социальное расслоение сельского общества: запрещена купля-продажа земли, ограничена площадь земли, которая может быть занята под индивидуальным хозяйством. Была запрещена также краткосрочная аренда земли и приняты меры к тому, чтобы несколько облегчить крестьянам выплату задолженности ростовщикам и государству. Деревня была охвачена сетью многоцелевых кооперативов, объединенных в контролируемую государством Национальную сельскохозяйственную кооперативную федерацию. Вступление в эти кооперативы крестьян, наделенных землей по реформе, рассматривалось как обязательное. Под контролем правящих групп началось «движение за новую деревню» — типа распространенного в странах Южной и Юго-Восточной Азии движения «общинного развития».

⁷ См.: А. И. Демин. Современная иранская деревня (основные проблемы социально-экономического развития). М., 1977, с. 225—227; И. Искендер. Кризис режима в Иране. — «Проблемы мира и социализма», 1978, № 11, с. 45—46.

Широкое государственное воздействие на экономические и социальные процессы препятствует свободному развитию товарных отношений в южнокорейской деревне, а следовательно, замедляет имущественную и классовую дифференциацию крестьянства, хотя, разумеется, не может приостановить ее полностью (к 1975 г. уже до 30% крестьян потеряли землю и превратились в полных или частичных арендаторов; деревенская верхушка, со своей стороны, всячески обходит закон об ограничении площади землепользования одного хозяйства 3 га). В то же время правящие круги, превращая кооперированное крестьянское хозяйство в органическую часть системы государственного капитализма, стараются обеспечить за счет эксплуатации деревни ускорение развития капиталистических отношений в городе.

Наряду с этим всемерно подавляется самостоятельная политическая активность сельского населения. Над деревней установлен жесткий контроль через систему административных органов, а также через руководимые государством кооперативные организации⁸.

Буржуазные правящие круги стремятся использовать в своих интересах политическую пассивность мелкособственнического крестьянства, объединяя его в организации, деятельность которых контролируется и направляется правительством или правящей политической партией. Например, в Тунисе в 1970 г. на базе распущенных Национального союза тунисских земледельцев (действовал в 1955—1970 гг.) и Национального союза кооперации (1969—1970 гг.) создан Национальный союз земледельцев (НСЗ), который объединяет крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, и работает под руководством правящей Социалистической дестуровской партии. На IV съезде НСЗ (1975 г.) обсуждались главным образом вопросы экономического укрепления крестьянского хозяйства. Специфические условия сложились в Таиланде, где крестьянам — земельным собственникам принадлежит 82,5% всех хозяйств — чаще всего мелких и мельчайших. Из-за относительного обилия легко осваиваемых свободных земель долгое время не наблюдалось заметной активизации борьбы крестьянства за быстрее уничтожение докапиталистических форм эксплуатации даже в центральных районах страны, где существует крупное землевладение и широко развита крестьянская аренда, поскольку происходила массовая миграция малоземельных крестьян на колонизируемые окраины. Правящие круги, связанные с крупными землевладельцами, пользуются крестьянской пассивностью. Они также поощряют создание в деревне всевозможных «фермерских клубов» и других подобных организаций, осуществляя над ними

⁸ Б. В. Синицын. Очерки экономики Южной Кореи (1953—1964). М., 1967, с. 89—92; Area Handbook for South Korea. Wash., 1975, с. 247.

политический контроль и используя их в качестве инструмента распространения своей идеологии⁹.

Крестьянское движение в странах с независимыми от государства организациями сельских трудящихся масс. При капиталистически ориентированной общественной эволюции рост социально-политической активности крестьянства и его организованного движения наблюдаются ныне в тех развивающихся странах, где непосредственно правящие слои не ликвидировали крестьянские организации и не установили над ними свой прямой контроль. К числу таких стран относятся, например, Индия, Филиппины.

Главная черта обстановки, сложившейся в деревне Индии в конце 60-х — первой половине 70-х годов, — переход от, так сказать, контролируемой (правлящими кругами) напряженности и относительно неопасного (для эксплуататорских классов) течения общественной борьбы, ограничивавшейся локальными вспышками крестьянского недовольства (это было типично для второй половины 50-х — первой половины 60-х годов), к формированию ситуации, чреватой массовыми взрывами возмущения эксплуатируемого населения в крупных районах страны и уже частично начинающей разряжаться такими взрывами¹⁰. В течение нескольких лет начиная с 1969 г. Западная Бенгалия переживала «аграрную мини-революцию», в ходе которой неимущее население деревни, ломая сопротивление вооруженных банд крупных землевладельцев и полиции, овладевало земельными «излишками» помещиков, т. е. самостоятельно осуществляло аграрные законы, принятые, но не выполненные государственной властью, одновременно добиваясь более глубоких изменений в аграрном строе в свою пользу¹¹. Значительно участились столкновения трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих с крупными землевладельцами и кастовой элитой во многих других районах. В середине 70-х годов в некоторых местностях ряда штатов шла «настоящая гражданская война»¹².

⁹ Тунис (Справочник). М., 1978, с. 134; В. И. Искольдский. Таиланд. Экономические очерки. М., 1971, с. 96, 136—137.

¹⁰ 12 декабря 1969 г. министерство внутренних дел докладывало нижней палате парламента Индии: «Проблему (нарастающего аграрного недовольства.— В. Р.) нужно решать на широком фронте — эффективно и с большим воображением. Провалы в этой области могут привести к развитию ситуации, при которой разочарованные элементы будут вынуждены создать собственные организации, и чрезмерные напряжения, возникшие внутри „сложной молекулы“, каковой является деревня Индии, разрядятся взрывом» [The Causes and Nature of Agrarian Unrest. A Summary. New Delhi, 1969, с. 12 (mimeo)].

¹¹ См.: Second Conference of the Bharatiya Khet Mazdoor Union, Mannargudi 12—14 May 1972. New Delhi, 1972, с. 11—12; Documents of the Ninth Congress of the Communist Party of India. Ghatenagar (Cochin) 3 to 10 October 1971. New Delhi, 1972, с. 307, 400.

¹² Some Problems Concerning the Agrarian Movement and Our Tasks. Adopted by the National Council of the Communist Party of India. New Delhi 1—5 April 1975. New Delhi, 1975, с. 30.

Общественная борьба в индийской деревне разворачивается на почве противоречий, свойственных, по определению КПИ, переходной аграрной структуре; эта переходность характеризуется «взаимопроникновением сильных пережитков феодализма и растущих капиталистических отношений и усилением эксплуатации крестьянства крупным промышленным и торгово-спекулятивным капиталом»¹³. Такое сочетание общественных отношений и есть содержание капитализма консервативного типа, при котором внеэкономические отношения господства и подчинения, вытекающие из сохранившихся добуржуазных форм собственности, являются ферментом становления самого капитала.

Природа противоречий переходной аграрной экономики предопределяет три главных направления прогрессивного общественного движения в индийской деревне. Это: 1) борьба за радикальную аграрную реформу, включая перераспределение земли, уничтожение ростовщичества, различных форм крепостнической зависимости, кастового и социального гнета; 2) борьба за увеличение сельскохозяйственного производства и за реорганизацию системы товарного обмена в интересах крестьянского хозяйства; 3) борьба за коренные изменения условий жизни сельскохозяйственных рабочих, включая повышение заработной платы, наделение землей, освобождение от крепостнической зависимости и долгового рабства¹⁴. Следовательно, экономическое содержание этих «перекрещивающихся» прогрессивных общественных движений состоит, с одной стороны, в создании и упрочении условий для существенного перераспределения национального дохода в пользу эксплуатируемого населения деревни и, с другой — в расчистке социальной почвы в деревне для ускорения экономического роста в сельском хозяйстве, когда главным агентом роста становится хозяйство непосредственного производителя.

Основными силами прогрессивных общественных движений в индийской деревне стали ныне неимущие сельские массы (издольщики, сельскохозяйственные рабочие, в том числе из каст «неприкасаемых», эксплуатируемые слои племен — адиваси и другие аналогичные категории деревенского населения), а также трудящееся хозяйствующее крестьянство. Особенность современного этапа этих движений — растущее организационное оформление различных потоков борьбы деревенских трудящихся в общенациональных масштабах, начало которому было положено образованием под руководством КПИ в 1968 г. Индийского союза сельскохозяйственных рабочих (ИССР) — первой общенациональной классовой организации деревенского пролетариата. Всеиндийский крестьянский союз (ВКС), ранее включавший сельских рабочих (теперь объеди-

¹³ Там же, с. 7.

¹⁴ Там же.

ненных в ИССР), стал «классовой организацией крестьян — земельных собственников и арендаторов», выражающей «устремления всего крестьянства»¹⁵.

Насколько велико значение создания самостоятельной классовой организации сельскохозяйственных рабочих для судеб классовой борьбы в индийском обществе, можно полностью понять в свете того факта, что эти рабочие составляют 30,7% всего работающего населения в сельских местностях (по данным переписи 1971 г.). Если учесть и беднейших крестьян (у которых менее 2,5 акра земли), являющихся «наполовину сельскохозяйственными рабочими», удельный вес сельскохозяйственных пролетариев и предпролетариев составит около 50% деревенского работающего населения¹⁶. По оценке ВКС, на долю только «профессиональных» сельскохозяйственных рабочих приходится 40% всего объема физического труда, потребляемого в сельском хозяйстве Индии¹⁷.

Организационное оформление различных потоков прогрессивных массовых движений в деревне, и в частности выделение движения сельскохозяйственных рабочих в самостоятельный поток общественной борьбы, было предопределено как продолжающимся социальным расслоением сельскохозяйственного населения, и крестьянства в особенности, развитием консервативной формы аграрного капитализма (экспроприация и эксплуатация деревенских низов с широким использованием методов внеэкономического принуждения), так и постепенным стихийным освобождением сельских трудящихся, прежде всего из каст «отверженных», от оков традиционного мировоззрения, формированием у них новой общественной психологии (особенно под влиянием «зеленой революции»), при которой социальный протест начинает все более отчетливо выражать классовые интересы вступающих в борьбу эксплуатируемых. Существенно важную роль в становлении организаций сельских трудящихся масс сыграла деятельность демократических политических организаций, в первую очередь КПИ, по внесению в эти массы передовых форм сознания.

Организованное движение крестьян и сельскохозяйственных рабочих постепенно начинает приобретать характер общенациональных действий, и в этом велика заслуга КПИ. Так, Коммунистическая партия Индии сразу же оценила всю важность изменения обстановки в деревне к концу 60-х годов и стала организовывать сельские неимущие массы на борьбу за земельную реформу. В 1969—1970 гг. под руководством КПИ была проведена первая (и пока единственная) общенациональная кампания «борьбы за землю», по масштабам самая крупная из

¹⁵ «New Age» (Weekly). New Delhi, 30.IX.1975.

¹⁶ Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 19.

¹⁷ «New Age» (Weekly), 19.V.1974.

всех земельных кампаний, осуществленных КПИ¹⁸. Впервые в большинстве штатов безземельные крестьяне и сельскохозяйственные рабочие провели массовый организованный захват государственных пустующих земель, а также — избирательно — земель крупных собственников, причем строго соблюдали действующее аграрное законодательство¹⁹. Важной особенностью общенациональной земельной кампании было то, что «в большинстве штатов рабочий класс впервые выступил в поддержку борьбы трудящихся крестьян за землю, способствуя созданию рабоче-крестьянского союза»²⁰.

Под руководством ИССР сельскохозяйственные рабочие ряда штатов провели в 1974—1975 гг. массовые кампании борьбы за увеличение заработной платы. Благодаря этим кампаниям, принявшим общенациональный характер, рабочим удалось добиться некоторого (местами — значительного) улучшения условий оплаты их труда.

Примечательно, что организованные сельскохозяйственные рабочие не ограничивались выступлениями за свои непосредственные интересы, они все больше включались в общественно-политическую борьбу на стороне сил демократии. Сельскохозяйственные рабочие составили свыше 50% участников организованной КПИ в октябре 1972 г. общенациональной «сатьяграхи» протеста против роста цен, безработицы и отступления правительства от провозглашенного им же курса экономической политики. В 1973 г. благодаря их активной поддержке удалось нанести поражение реакционному сепаратистскому движению в штате Андхра-Прадеш, возглавленному помещиками и другими эксплуататорскими слоями²¹.

В 1974—1976 гг. организации сельскохозяйственных рабочих, объединяемые ИССР, принимали активное участие в общенациональных кампаниях борьбы за укрепление общественной си-

¹⁸ «New Age» (Weekly), 21.V.1972. Вторую аналогичную кампанию, тщательно подготовленную КПИ и руководимую ею организациями сельских трудящихся масс, провести не удалось: намеченные сроки этой кампании (середина 1975 г.) совпали с введением в стране тогдашним правительством Индии чрезвычайного положения и провозглашением социально-экономической «программы из 20 пунктов» (см. ниже).

¹⁹ В сфере частного землевладения захвату подверглись преимущественно земли, принадлежащие индийским монополистам («чужакам» в деревне), личные угодья бывших князей (также «чужаков» в деревне) и, наконец, земельные участки высших чинов администрации штатов (министров). Многие частновладельческие земли были захвачены лишь символически (на них водрузили красный флаг). В основном лишь в Западной Бенгалии, как отмечалось ранее, захват неимущими «излишков» земель крупных собственников, проживающих в деревне, принял массовый характер. Всего в организованном движении по захвату земли в 1970 г. участвовало 1,5 млн. человек, крестьяне заняли площадь в 334 тыс. акров, из которых 213 тыс. акров запахали (см.: Resolutions of the National Council of the Communist Party of India. New Delhi 1 to 5 October 1970. New Delhi, 1970, с. 27, 98).

²⁰ Там же, с. 29.

²¹ См.: «New Age» (Weekly), 28.I.1973; 19.V.1974.

системы распределения, за национализацию ряда отраслей промышленности, производящих товары широкого потребления, за укрепление и дальнейшее расширение государственного сектора. В Тамилнаде союз рабочих, входящий в ИССР, совместно с другими демократическими организациями участвовал в политических выступлениях против сепаратистских тенденций в штате; в Керале местное отделение ИССР взяло на себя роль инициатора государственных мероприятий по развитию территорий штата, населяемых отсталыми племенными народами; в Раджастанхана местный союз организовал выступления сельскохозяйственных рабочих в поддержку движения трудящихся крестьян против повышения водного налога²².

На арене социально-политической жизни страны Коммунистическая партия Индии — главный организатор сельских трудящихся масс. Как такой организатор КПИ ставит задачи, неотложное разрешение которых является условием развертывания мощного движения деревенских тружеников, самой предпосылкой образования широких классовых союзов, заинтересованных в коренных преобразованиях всей общественно-экономической структуры — таких преобразованиях, которые в конечном итоге могут вывести страну, и в частности деревню, на некапиталистический путь развития.

Одну из своих важнейших задач на нынешнем этапе КПИ видит в укреплении массовых организаций сельских трудящихся.

Степень организованности эксплуатируемого населения деревни пока далеко не соответствует сложившейся обстановке, весьма благоприятной для развития организованного движения. Такая ситуация имеет свои исторические корни. В 60-х годах крупнейшая крестьянская организация — Всеиндийский крестьянский союз — пережила острейший кризис, вызванный расколом в КПИ. Этот раскол на шесть лет затормозил развертывание массового организованного движения в деревне. Лишь с 1968 г., когда был возрожден ВКС, руководимый КПИ, это движение стало выходить из «умирающего состояния»²³. Образование в том же году ИССР дало сильный импульс активизации массового организованного движения. В 1968 г. местные организации ВКС, руководимого КПИ, насчитывали в своих рядах свыше 700 тыс. членов (примерно такой же была и численность ВКС, руководимого параллельной компартией), в 1970 г. — 750 тыс., в 1974 г. — 772 тыс. Местные организации ИССР имели в 1968 г. 251 тыс., в 1971 г. — около 200 тыс., в

²² Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union. Ashoknagar (West Bengal) 11 to 14 November 1976. New Delhi, 1977, с. 52—53.

²³ Nineteenth Session of the All-India Kisan Sabha. Amravati 10—12 January 1968. Report of the General Secretary Z. A. Ahmad. New Delhi, 1968, с. 3.

1972 г. — 284 тыс., в 1974 г. — немногим более 400 тыс. членов²⁴. Хотя одна из двух крупнейших сельских организаций, руководимых КПИ, к середине 70-х годов заметно выросла, общая их численность была весьма незначительна для страны, где эксплуатируемое население деревни составляет сотни миллионов людей (одних только сельскохозяйственных рабочих в стране насчитывалось тогда 50 млн.).

X съезд КПИ (1975) подчеркивал: «Самым слабым местом нашей деятельности является аграрный фронт»; «существует явный разрыв между влиянием партии и организационной силой массовых организаций в деревне... Во многих организациях все еще отсутствует ясность в отношении основного направления аграрного движения»²⁵. Апрельская (1975) сессия Национального совета КПИ особое внимание обратила на то, что «слабость организаций сельских масс стала крупным политическим фактором, препятствующим дальнейшему росту самого массового движения», и поставила в качестве неотложной задачи увеличить уже в 1975 г. численность рядов обеих руководимых КПИ организаций — ВКС и ИССР — до 2 млн. человек в каждой²⁶. К тому времени в стране уже значительно выросли некоторые местные союзы сельскохозяйственных рабочих, объединяемые ИССР. В штате Андхра-Прадеш численность организованных в союз рабочих увеличилась со 155 тыс. в 1972 г. до почти 300 тыс. в начале 1975 г.; в штате Пенджаб местный союз рабочих, насчитывавший в 1972 г. 40 тыс. членов, в 1976 г. охватывал до 160 тыс. человек²⁷. В 1976 г. ИССР объединял свыше 1 млн. сельскохозяйственных рабочих, а в 1978 г. — 1,5 млн.; его оплот составляли союзы в штатах Андхра-Прадеш, Керала, Пенджаб, Бихар и Западная Бенгалия²⁸.

Пробуждение к активной борьбе новых отрядов сельских трудящихся все острее ставит перед КПИ задачу укрепления сельских массовых организаций партийными кадрами, решительной переориентации кадров партии на работу в этих организациях²⁹.

²⁴ Documents of the Ninth Congress..., с. 309, 310; Second Conference of the Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 37; Nineteenth Session of the All-India Kisan Sabha, с. 45; Gwalior to Muzaffarnagar. Report and Resolutions of the All-India Kisan Council (11 to 14 November 1975). New Delhi, 1975, с. 23; Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 59.

²⁵ X съезд Коммунистической партии Индии. Виджаявада, 27 января — 2 февраля 1975 г. М., 1975, с. 99, 194.

²⁶ Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 25, 29.

²⁷ Там же, с. 26; «New Age» (Weekly), 13.IV.1975, 5.XII.1976.

²⁸ Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 59; «New Age» (Weekly), 21.V.1978.

²⁹ См. апрельский (1975) документ Национального совета КПИ по аграрному вопросу «Some Problems Concerning the Agrarian Movement...», с. 27—28, а также резолюцию ноябрьской (1974) сессии Национального совета КПИ «О массовых сельских организациях», опубликованную в «New Age» (Weekly), 1.XII.1974.

Одновременно КПИ борется с тенденциями в самой партии, которые она характеризует как проявления «буржуазного парламентаризма и ревизионизма». Она решительно выступает против «тенденции представлять себе национально-демократический фронт как возникшую на основе выборов комбинацию нескольких партий, а не как борющийся союз классов, партий и массовых организаций, выковываемый в самом ходе массовых боевых действий, классовой и политической борьбы, сочетаемой с совместными акциями этих сил в парламентской сфере». При такой тенденции «предвыборные кампании и парламентские комбинации становятся главной формой деятельности, тогда как мобилизация и организационное сплочение масс для массовых акций... отступают на второй план». А это, в свою очередь, усугубляет непонимание «роли массовых организаций и необходимости их строительства, в особенности в сельских местностях»³⁰. От того, в какой степени удастся наладить работу этих «приводных ремней» между партией и массами, как вытекает из апрельского (1975) документа Национального совета КПИ по аграрному вопросу, зависят сами судьбы нарастающей стихийной борьбы сельских трудящихся масс: возглавят ли ее силы демократии, или руководство ею захватят силы правой реакции³¹.

Другой важнейшей задачей партии КПИ считает консолидацию различных потоков движения сельских трудящихся масс вокруг требований демократической программы по аграрному вопросу. Эта проблема имеет множество аспектов — политических, социальных, организационных.

Кампания «борьбы за землю» (1969—1970), например, показала, что в некоторых местах крестьяне-землевладельцы (прежде всего богатые и, что гораздо опаснее, середняки и даже мелкие хозяева) под влиянием партий эксплуататорских классов препятствовали захвату неимущими земель крупнейших помещиков³². При этом «противостояние» обеих категорий

³⁰ Documents of the Ninth Congress..., с. 256—257; Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 24, 27. Указанная тенденция подверглась острейшей критике еще на VI съезде КПИ (1961). Выступая с политическим отчетом Национального совета, Аджой Гхош говорил: «Среди многих партийных руководителей, работающих в деревне, наблюдаются заметные колебания относительно того, проводить ли агитацию среди сельских масс, организовывать ли массовые кампании и борьбу. Имеется тенденция рассматривать представительство в законодательных органах, получение постов в министерствах и других органах власти как *заменитель* такой массовой активности. Созданные нашими успехами на выборах большие возможности для того, чтобы продвинуть дело защиты интересов крестьянства и добиться удовлетворения его требований, используются лишь частично, поскольку невыковываются средства наступления в форме массового крестьянского движения и массовых крестьянских организаций» (A. Ghosh. New Situation and Our Tasks. — «New Age». New Delhi, 1961, № 5, с. 41).

³¹ См.: Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 25, 26.

³² Resolutions of the National Council..., October 1970, с. 64, 88.

сельских трудящихся зачастую определялось традиционным (прежде всего фактически сохраняющимся кастовым) разделением деревенского общества и присущей такому разделению социальной психологией землевладельческого населения (принадлежащего, как правило, к «вышним» кастам).

В связи с пробуждением классового сознания у наиболее обездоленных слоев деревенского населения, в частности у сельскохозяйственных рабочих из каст «неприкасаемых», и растущим стремлением этих слоев активно отстаивать свои права «ортодоксальные эксплуататоры» деревни пытаются (и в ряде случаев им это удается) организовывать «тотальный общественный бойкот» хариджанов («неприкасаемых»), объединяя против них крестьянство из «полноправных» каст. Отсюда, как подчеркивал ИССР в 1972 г., вытекает необходимость «позаботиться о том, чтобы под видом сохранения единства крестьянства мелкие и средние крестьяне, принадлежащие к так называемым высшим кастам, не были перетянуты на сторону помещиков и кулаков»³³. Только растущая мощь организаций трудящегося населения деревни, тесное взаимодействие между ними вокруг четко сформулированных конкретных целей борьбы, систематическое политическое просвещение втягивающихся в борьбу сельских тружеников могут быть противопоставлены усиливающимся попыткам сельских эксплуататоров использовать в своих интересах социальную разобщенность различных слоев деревенских трудящихся, сохраняющуюся как результат влияния традиционной общественной психологии. Поэтому закономерно, что важнейшей линией политики КПИ в отношении организации сельских масс является провозглашенный на апрельской (1975 г.) сессии Национального совета партии курс на то, чтобы ИССР и ВКС развивали «тесное братское сотрудничество... выковывая единый фронт объединяемых ими сил в борьбе против помещиков, ростовщиков, спекулянтов, монополистов и т. п. и способствуя преодолению разногласий между крестьянами и сельскохозяйственными рабочими путем дружеских дискуссий и переговоров»³⁴.

В связи с обострением классовой борьбы в деревне КПИ в своей организационно-политической работе все большее внимание сосредоточивает на системе партийного руководства в сельской местности. КПИ стремится преодолеть всякого рода негативные влияния в рамках самого движения, направляемого и

³³ Second Conference of the Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 32. В 1976 г. на своей сессии в Ашокнагаре (Западная Бенгалия) ИССР вновь отмечает, что «имущие классы и реакционные силы используют все средства — такие, как кастовые и религиозные предрассудки, региональные и политические преубеждения — для того, чтобы разрушить союз сельскохозяйственных рабочих и крестьян... ИССР призывает эти группы сельского населения быть бдительными перед лицом данной опасности» (Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 96).

³⁴ Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 23.

возглавляемого партией. Еще IX съезд КПИ (1971) констатировал, что в сельских районах работа партии «не опирается на сельскохозяйственных рабочих и сельскую бедноту, как это должно было бы быть. В некоторых местах кулацкое влияние препятствует работе и расширению деятельности партии среди сельской бедноты»; это влияние охватило «сферы крестьянского движения, даже находящиеся под руководством партии»; хотя основная масса членов партии в большинстве сельских районов состоит из представителей «угнетенных классов», руководящие кадры в низовых звеньях партийной организации (отдельная деревня или тахиль — самая мелкая территориально-административная единица) «формируются главным образом из верхних слоев крестьянства»³⁵. Именно непролетарским характером общественных интересов таких людей, занимавших руководящее положение в некоторых деревенских партийных организациях, объяснялось наблюдавшееся в партии в начале 70-х годов «молчаливое сопротивление борьбе сельскохозяйственных рабочих за удовлетворение их насущных требований, таких, как повышение заработной платы и предоставление земли»³⁶.

Освобождение низовых организаций КПИ и руководимых ею крестьянских организаций от влияния эксплуататорских элементов, преодоление тяжкого наследия прошлого — кастового сознания — среди части партийного руководства в сельских местностях, изменение его социального состава во «многих штатах» путем выдвижения на «руководящие посты всех уровней» кадров из сельскохозяйственных рабочих и бедных крестьян, осуществление мер по воспитанию сельских партийных кадров в духе марксистско-ленинской идеологии и резкое усиление партийной работы среди трудящихся крестьян и в отсталых районах — таковы неотложные задачи, поставленные IX съездом КПИ³⁷. Речь шла, таким образом, о широкой социальной перестройке и переориентации системы партийного руководства поднимающимся на борьбу сельским трудящимся населением с целью втягивания его в русло организованного движения, развивающегося на очищенном от традиционных придатков, подлинно классовом базисе³⁸.

³⁵ Documents of the Ninth Congress..., с. 194, 195, 205, 308, 309.

³⁶ Там же, с. 306.

³⁷ Там же, с. 309.

³⁸ Мысль о необходимости усиления партийного влияния среди сельских трудящихся через их организации прозвучала и на X съезде КПИ, подчеркнувшем, что «различные партийные комитеты и прежде всего Национальный совет... должны безотлагательно обратить внимание на задачу выработки правильной ориентации в партии в отношении массовых организаций в деревне» (X съезд Коммунистической партии Индии, с. 194). XI съезд КПИ (1978 г.) особое внимание вновь обратил на то, что «строительство крестьянских союзов и организаций сельскохозяйственных рабочих является задачей первостепенной важности», при этом «необходимо приложить все усилия, чтобы воспрепятствовать буржуазному влиянию на крестьянские организации...» (Political Resolution Adopted by the Eleventh Congress of the Commu-

Создание прочных организаций эксплуатируемых слоев деревни становится все более неотложной задачей и потому, что крупные землевладельцы, образующие самый многочисленный отряд реакционных сил в индийском обществе, предпринимают все более ожесточенное наступление против социально-экономических преобразований в деревне (см. ниже). Этот класс гораздо лучше организован, чем сельские трудящиеся массы: с конца 60-х годов, как грибы после хорошего дождя, растут различные «надпартийные» союзы «фермеров», представляющие собой «помещичьи классовые организации насилия»; эти союзы создают «особые отряды вооруженных гангстеров», которые пытаются терроризировать поднимающихся на борьбу крестьян и сельскохозяйственных рабочих, прежде всего «неприкасаемых», адиваси и издольщиков, принадлежащих к «низшим» кастам³⁹. Обладающий реальной властью в деревне, тесно связанный с государственной машиной штатов, класс крупных землевладельцев преуспевает в подавлении эксплуатируемых масс тем больше, чем меньше сопротивление их классовых организаций⁴⁰.

Своеобразие политической обстановки в Индии в первой половине 70-х годов состояло в том, что под воздействием возросшего давления «снизу» правящей партии — Индийскому национальному конгрессу, который в 50-х и 60-х годах, по существу, служил политическим щитом для деревенских крупных землевладельцев, все больше приходилось считаться с настроениями сельских трудящихся масс. Развитие аграрной ситуации, чреватой открытым взрывом недовольства сельских экс-

nist Party of India, Bhatinda, 31 March to 7 April 1978. New Delhi, 1978, с. 24—25).

³⁹ Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 25.

⁴⁰ Развязываемые помещиками кампании открытого террора поставили КПИ перед необходимостью организации непосредственной защиты деревенских трудящихся от них. Анализируя случаи нападения вооруженных банд крупных землевладельцев на участников земельных кампаний 1969—1970 гг., Национальный совет КПИ сделал тот важный вывод, что «должны быть организованы отряды добровольцев с целью защиты движения от нападений наймитов помещиков...» (Resolutions of the National Council..., October 1970, с. 92). В Тамилнаде такие отряды, формируемые из «неприкасаемых», создавались уже в 1969 г. Организованное сопротивление помещичьему насилию, в частности над хариджанами, стремился осуществлять ИССР силами своих местных союзов с помощью демократических политических организаций. Симптоматичным было то, что во время проведения XXI сессии ВКС в Бхатинде (сентябрь 1973 г.) крестьянский союз, руководимый параллельной компартией, впервые со времени организационного оформления раскола прежнего Всеиндийского крестьянского союза (1968) выступил с предложением об организации совместных действий обоих союзов против «яростного и террористического наступления классового врага» [«New Age» (Weekly), 30.IX.1973]. Это предложение соответствует политике КПИ, направленной на создание в сельских местностях широкого фронта сил, который объединил бы на основе борьбы за осуществление демократической аграрной программы трудящиеся массы, находящиеся под влиянием самой КПИ и ряда других партий.

плуатируемых масс, влияние в индийском обществе демонстрационного эффекта, рожденного аграрными преобразованиями в штате Керала, а также, по-видимому, в какой-то степени и земельные кампании 1969—1970 гг. предопределили становление «нового курса» в аграрной политике индийского правительства. На протяжении 1970—1975 гг. в штатах Индии (сначала в Тамилнаде и Западной Бенгалии, а затем и в других) разрабатываются и принимаются новые аграрные законы, дающие возможность глубже трансформировать систему земельной собственности. Главная черта этих законов — дальнейшее (в некоторых случаях — значительное) сокращение максимума земельного владения, предоставление юридических возможностей более широким группам сельских трудящихся стать собственниками земли. Реализация существенно важного принципа «нового курса» — «10—18 акров земли с обеспеченным орошением на семью из пяти душ» (с земельным максимумом «ближе к 10 акрам, а не к 18») либо эквивалентное количество более низких по плодородию земель⁴¹ — могла бы сильно подорвать старые аграрные структуры.

Наконец, в середине 1975 г. правительство Национального конгресса выдвинуло «программу из 20 пунктов», в числе которых были: осуществление намеченного ввода земельного максимума и ускорение распределения отчуждаемых «излишков» земли среди безземельных; уничтожение и объявление вне закона варварской практики использования любой формы крепостного труда; предоставление в широких масштабах беднейшему сельскому населению участков земли для устройства жилищ; поэтапная ликвидация сельской ростовщической задолженности с осуществлением на первом этапе отсрочки платежей по такой задолженности сельскохозяйственных рабочих, мелких крестьян и ремесленников и предоставление им кредита из организованных источников; повышение в законодательном порядке минимума заработной платы в сельском хозяйстве; проведение мер по снижению цен на товары первой необходимости и усовершенствование системы их распределения; повышение темпов роста производства и увеличение объема государственных заготовок сельскохозяйственной продукции; расширение площади поливных земель на 5 млн. га и развитие источников электроэнергии⁴².

Эти пункты частично отражали насущные требования демократической аграрной программы, вокруг которой КПИ развертывала борьбу трудящихся масс деревни на протяжении десятилетий, и особенно с конца 60-х годов. В течение ряда лет они эффективно осуществлялись правительством Объединенного фронта (включающего представителей КПИ) в штате Керала.

⁴¹ «Mainstream», New Delhi, 30.VIII.1975, с. 23.

⁴² См.: Gwalior to Muzaffarnagar, с. 8—10.

В ходе организованной и стихийной борьбы сельских трудящихся масс многие из этих пунктов претворялись в жизнь в Западной Бенгалии и некоторых других районах страны.

В результате проведения «нового курса» несколько ускорилось изъятие земельных «излишков» у крупных землевладельцев и распределение их среди безземельных. Если общая площадь «излишков», выявленных к 1970 г. за полтора-два десятилетия, составила 2,4 млн. акров, то с 1971 до августа 1976 г. на основании новых земельных законов их было выявлено 2,5 млн. акров. К 1970 г. среди лиц, имеющих право на получение земельного надела, было распределено только 1,2 млн. акров отчужденной у крупных землевладельцев земли (причем 450 тыс. акров в одном маленьком штате — Джамму и Кашмир), или 3,4% общей площади весьма крупных по индийским условиям земельных владений (по 50 акров и более), а за одно лишь пятилетие 1971—1976 гг. — 0,9 млн. акров⁴³. Существенная часть общей распределенной за четверть века (с начала 50-х годов) земельной площади приходится на два штата — Кералу и Западную Бенгалию, в которых как радикализация земельных законов, так и само их осуществление является результатом многолетней ожесточенной борьбы деревенских низов на землю⁴⁴.

Не дожидаясь принятия соответствующих постановлений властями штатов, президент Индии провозгласил в 1975 г. ордонанс, согласно которому «любой закрепощенный работник объявляется свободным и освобождается от всяких обязательств по выполнению труда, вытекающих из крепостнических отношений»⁴⁵. Во многих штатах были приняты постановления о повышении минимальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих (однако официального механизма для их реального выполнения еще нет). Была разработана и стала осуществляться программа по выделению безземельным участков для постройки жилищ.

Во исполнение «программы из 20 пунктов» предпринимались

⁴³ См.: Government of India. Planning Commission. Fourth Five Year Plan 1969-74. New Delhi, 1970, с. 179—180; «New Age» (Weekly), 28.XI.1976.

⁴⁴ Например, в Западной Бенгалии законом 1971 г. земельный максимум был снижен с 25 до 12,5 акра. Землевладения свыше 12,5 акра здесь охватывали, согласно 17-му национальному выборочному обследованию (1961/62 г.), 2,24 млн. акров земли; к концу 1975 г. было распределено среди безземельных трудящихся штата 480 тыс. акров отчужденных у крупных землевладельцев земельных «излишков», т. е. 21,4% общей земельной площади, принадлежавшей таким землевладельцам. Впредь до выкупа земли в собственность получатели наделов должны будут выплачивать в виде арендной платы 25% валового урожая вместо прежней фактической половины (по предыдущему закону от 1955 г., который обычно не соблюдался, эта плата составляла 40%) (The National Sample Survey. 17th Round, September 1961 — July 1962. Tables with Notes on Some Aspects of Landholdings in Rural Areas. Calcutta, 1966, с. 49; «Patriot», 21.X.1975).

⁴⁵ «Patriot», 25.X.1975.

попытки к сокращению бремени ростовщических долгов, опутывающих беднейшие слои сельского населения. В качестве первого шага власти многих штатов объявили одно-двухгодичный мораторий на выплату долгов ростовщикам. В некоторых штатах (например, в Бихаре, Западной Бенгалии, Уттар-Прадеше, Мадхья-Прадеше, Махараштре, Пенджабе) были провозглашены ордонансы или приняты законы, согласно которым долги ряда групп беднейшего населения деревни частным лицам резко сокращаются либо, как это имеет место в отношении прежде всего долгов безземельных сельскохозяйственных рабочих, «неприкасаемых», адиваси, других представителей наиболее бесправных беднейших слоев деревни, полностью аннулируются (эти законы и постановления не распространяются на долги государственным и кооперативным учреждениям)⁴⁶. Одновременно государство предприняло срочные попытки заполнить вакуум, образующийся в деревенском кредитовании, организацией сети региональных сельских банков, особенно в отсталых районах; данные банки были призваны подкрепить антиростовщическую политику, предоставляя займы лишь мелким (с земельной площадью до 5 акров), особенно мельчайшим (с земельной площадью до 2,5 акра) хозяевам, мелким ремесленникам и безземельным сельскохозяйственным рабочим⁴⁷.

Курс на глубокие аграрные преобразования осуществляется в штате Керала. Его аграрный закон 1969 г. — первый из серии новых аграрных законов Индии — был признан широкими кругами общественности наилучшей «моделью» аграрного законодательства для всех штатов страны. Принятие этого закона явилось результатом упорной многолетней борьбы трудящихся масс деревни, завоеванием организованного движения, возглавляемого коммунистами. Главное достоинство закона 1969 г. (с последующими дополнениями) состоит в том, что при снижении максимума земельного владения до 12 акров на семью из пяти душ повсеместно устраняется зло кабальной крестьянской аренды: полностью разрываются всякие отношения между землевладельцем и его арендатором. Арендная плата, уменьшен-

⁴⁶ О том, насколько значительно в некоторых случаях могло быть облегчено положение бедных слоев деревни, если бы антиростовщические меры были полностью осуществлены, свидетельствуют, например, следующие данные. По официальной оценке, антиростовщический ордонанс 1975 г. в Западной Бенгалии распространяет свое действие на 5,5 млн. сельских семей (около 27 млн. из 33,3 млн. сельских жителей, по переписи 1971 г.); из них 3,45 млн. семей полностью освобождаются от выплаты долгов частным лицам. Из общей суммы сельской ростовщической задолженности штата в 815 млн. рупий (данные Резервного банка на 1971/72 г.) полностью списывается 349 млн. рупий, или 43%. Лишь 20% от суммы долга в размере 324 млн. рупий должно быть выплачено в рассрочку в течение семи лет. Частные долги на сумму 142 млн. рупий, приходящиеся на относительно состоятельных сельских хозяев, в сферу действия ордонанса не попадают. («Patriot», 24.VIII; 27.VIII; 6.IX; 8.IX; 31.X.1975; Indian Agriculture in Brief. 12th ed. Delhi, 1973, с. 2).

⁴⁷ «Patriot», 2.IX.1975.

ная вдвое против прежнего (примерно до 20% урожая на рисовых землях), вносится государству, которое выплачивает землевладельцу выкуп. Тем самым арендующее крестьянство получает официально признанные арендные права на землю, которую обрабатывает⁴⁸. Приобрести землю в полную собственность оно может за особый выкуп, выплачиваемый в рассрочку. Государство, таким образом, становится прямым агентом аграрных отношений, ликвидируя базис социально-политического господства класса крупных землевладельцев в деревне.

С января 1970 г., когда закон стал претворяться в жизнь, около 2,5 млн. прежних арендаторов стали собственниками обрабатываемых ими земель. Уничтожение кабальной аренды позволило сохранить в руках крестьянства довольно значительную массу продукта, ранее выплачивавшуюся в виде арендной платы помещикам (190 млн. рупий ежегодно)⁴⁹. Кроме того, к концу 1975 г. правительство штата изъяло у крупных землевладельцев и распределило среди трудящихся крестьян и сельскохозяйственных рабочих 325 тыс. акров земельных «излишков», или 41% общей площади землевладений свыше 12,5 акра⁵⁰.

Другая важнейшая черта аграрного закона Кералы — удовлетворение заветной мечты огромной массы (0,5 млн.) сельскохозяйственных безземельных рабочих о предоставлении им небольших участков земли для устройства жилья. Это существенно подорвало личную зависимость рабочих от использующих их труд землевладельцев⁵¹. Более того, правительство штата

⁴⁸ Аграрный закон штата Керала является первым (и пока единственным) законом, где использована принципиально новая презумпция арендного права. Арендатору не нужно здесь документально доказывать, что он действительно является арендатором, для того чтобы получить гарантированные права аренды (в других же штатах отсутствие официальных записей с регистрациями аренд образует мощный «легальный» заслон на пути приобретения арендующими крестьянами гарантированного законом арендного права). По закону 1969 г. «согласие землевладельца» на признание арендующего землепользователя арендатором «предполагается, если земля в действительности обрабатывается». Тем самым все не признанные ранее субарендаторы и издольщики «автоматически становятся арендаторами», т. е. юридическими лицами, на которые может быть распространено действие закона (см.: K. T. Jacob. Tiller Gets Land in Kerala. New Delhi, 1970, с. 4, 5).

⁴⁹ Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 54.

⁵⁰ См.: The National Sample Survey. 17th Round..., с. 40; «Patriot», 21.X.1975.

⁵¹ Как известно, отношения личной зависимости (и соответственно повышение нормы эксплуатации работника) сплошь и рядом возникают в индийской деревне вследствие того, что рабочие «неприкасаемые» во многих районах (особенно в Южной Индии) вынуждены селиться на землях крупных землевладельцев, не получая, естественно, никаких прав на занимаемые ими под жилье участки. В некоторых штатах требования предоставления владельческих прав на такие участки были главными в крупных выступлениях сельскохозяйственных рабочих. В Бихаре, например, в результате таких выступлений, организованных местным союзом сельскохозяйственных рабочих в 1968 и 1969 гг., владельческих прав на участки под жилье добились тысячи рабочих «неприкасаемых».

успешно претворяло в жизнь программу строительства 100 тыс. домов для сельскохозяйственных рабочих. К середине 1975 г. семьям рабочих было бесплатно предоставлено уже 55 тыс. домов⁵².

Всего от аграрной реформы по закону 1969 г. выиграло в Керале 95,6% населения, занятого в сельском хозяйстве, включая земледельческих рабочих⁵³.

Существенных успехов добились сельскохозяйственные рабочие Кералы в борьбе за улучшение условий найма. Ставки заработной платы в сельском хозяйстве штата с 60-х годов — одни из самых высоких в Индии. Постановление 1975 г. о размерах минимальных ставок заработной платы, распространяющееся на 2,5 млн. сельских рабочих, закрепило это завоевание деревенских трудящихся масс. Трудовое законодательство штата предоставляет рабочим определенные гарантии в области обеспечения занятости, регулирует продолжительность рабочего дня, определяет порядок разрешения трудовых конфликтов. Керала к тому же — единственный в Индии штат, где законодательно учрежден страховой фонд для сельскохозяйственных рабочих⁵⁴.

Гарантией эффективности действия весьма емкого (в условиях Индии) сельского трудового законодательства Кералы является активная повседневная деятельность местных союзов сельскохозяйственных рабочих⁵⁵.

Аграрная политика до последней трети 70-х годов, в которой на передний план выдвинулись мероприятия по облегчению условий существования пауперизированных слоев деревенского населения, — достаточно яркое свидетельство происходящего изменения соотношения сил различных потоков в крестьянском движении Индии, свидетельство определенных побед наиболее эксплуатируемых групп трудящихся⁵⁶. В своей совокупности эти мероприятия отчетливо отразили стремление правящего слоя парализовать в ряде подразделений аграрной экономики самовоспроизводящееся действие механизма внеэкономических отношений господства и подчинения, и прежде всего традиционные формы внеэкономической зависимости и эксплуатации

⁵² Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 9.

⁵³ Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 55.

⁵⁴ См.: «Patriot», 5.IX; 8.IX.1975.

⁵⁵ Землевладельцы Кералы, ведущие предпринимательское хозяйство, кипят яростью по поводу того, что «неистовый тред-юнионизм» нарушил прежние «отношения между фермерами и земледельческими рабочими... Главным образом именно союз решает, сколько рабочих должно быть занято на тех или иных сельскохозяйственных операциях, и устанавливает величину их рабочего дня. Во многих случаях приходится нанимать мужчин и женщин больше, чем это требуется, так что они получают больше зарплаты...» («The Motherland», Madras, 15.X.1973).

⁵⁶ ИССР, в частности, считает провозглашение «экономической программы из 20 пунктов» «крупной победой движения сельскохозяйственных рабочих» (Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 78).

деревенской бедноты. Иначе говоря, вновь (через два с половиной десятилетия после принятия конституции Индии), но теперь уже на основе специальных законов была предпринята попытка вырвать эксплуатируемую личность из архаической системы гнета, освободить ее от крепостной зависимости, т. е. попытка методами государственного принуждения достигнуть того, что не могла дать стихийная эволюция аграрного строя по пути консервативного капиталистического развития.

Экономическое содержание новой аграрной политики было двойко. Во-первых, она была призвана существенно усилить тенденцию к становлению типа свободного наемного рабочего, степень эксплуатации которого частными собственниками регулируется государством (в этом направлении действовал весь комплекс мероприятий, касающихся сельскохозяйственных рабочих, включая, в частности, законодательное повышение и регулирование ставок заработной платы). Во-вторых, она предусматривала дать толчок расширению зоны мельчайшего индивидуального производства такого вида, при котором работник являлся бы владельцем применяемых им средств и условий производства, причем это расширение намечалось осуществить в более крупных масштабах, чем оно происходило ранее⁵⁷.

⁵⁷ Действительные масштабы аграрных преобразований в рамках «программы из 20 пунктов», однако, разительно отставали от намеченных. Так, хотя земельную реформу планировалось завершить в течение года после провозглашения этой программы (т. е. в июне 1976 г.), фактически среди безземельных была распределена к концу 1976 г. лишь 1/5 оцененной площади земельных «излишков» (которая, в свою очередь, составляла примерно лишь 6,2% общей площади земельных владений в 30 акров и более); из нескольких десятков миллионов деревенских жителей, имеющих право на земельный надел, землю получили всего 611 тыс. человек. Весьма слабо были подкреплены реальными мерами и прочие аграрные пункты программы. Хотя минимальные ставки заработной платы в сельской местности были законодательно повышены на 20—50%, в большинстве штатов они не были реализованы из-за отсутствия надлежащего механизма государственного контроля. Из многомиллионной массы закрепощенных сельскохозяйственных рабочих к сентябрю 1976 г. официально было признано таковыми за пределами штата Керала лишь 74 тыс., а формально освобождено от крепостной зависимости 55,5 тыс. рабочих (причем данная идентификация была проведена лишь в восьми штатах страны); обеспечено же условиями для новых форм экономической деятельности (кочок земли, кредит и т. д.) было только 3 тыс. рабочих. Кредиты, выдаваемые региональными сельскими банками, оставались столь незначительными (всего несколько десятков миллионов рупий), что государство практически не смогло высвободить деревенскую бедноту из цепких объятий ростовщика. Из 12 млн. сельских семей, не имевших собственных участков для устройства жилья (среди этих семей почти половина принадлежала к «неприкасаемым» и отсталым племенным народностям), документы («патта») на владение такими участками получили к концу 1976 г. 6,8 млн. семей; но во многих случаях дальше выдачи «патта» дело не продвинулось: сами участки предоставлены не были. Программа претворялась в жизнь при яростном сопротивлении землевладельческой и кастовой элиты и других реакционных сил общества. Эти силы использовали суды, административную машину, все свое политическое и экономическое влияние, для того чтобы сорвать выполнение программы. И действительно, во многих штатах проведение земельной реформы было приостановлено судами; последние

КПИ и возглавляемые ею массовые организации сельских трудящихся боролись за то, чтобы процесс утверждения безземельных предпролетариев в качестве ведущих собственное хозяйство производителей с самого начала был направлен по пути развития коллективных форм владения средствами производства и организации коллективных форм труда. ИССР требовал не просто бесплатного предоставления земли сельскохозяйственным рабочим, «неприкасаемым» и другим безземельным трудящимся деревни, но и запрещения отчуждать в любой форме перераспределенные в их пользу земли во избежание перехода последних к богатым земельным собственникам⁵⁸. (Принятие этой меры знаменовало бы, по существу, частичную национализацию земли.) ВКС в качестве одного из своих важнейших требований выдвинул осуществление принципа «коллективной основы» в землеустройстве деревенской бедноты: государство должно содействовать развитию кооперативных форм обработки земли, распределенной среди безземельных⁵⁹. Такие кооперативы деревенской бедноты КПИ рассматривает как «модель будущего строя в сельском хозяйстве», подчеркивая необходимость защищать их путем организации мощного массового движения, «иначе они утонут в море капиталистической стихии, наступающей со всех сторон»⁶⁰.

Аграрная политика, кульминационной точкой которой было провозглашение «программы из 20 пунктов», с одной стороны, отразила, а с другой — подтолкнула процессы становления классового самосознания у наиболее забитой, бесправной, беднейшей массы сельского населения, знаменовала, в частности, превращение больших отрядов «неприкасаемых» и адиваси из

также блокировали либо задерживали исполнение многих правительственных постановлений, касающихся облегчения положения сельскохозяйственных рабочих [Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 80, 81; «New Age» (Weekly), 26.IX; 10.X; 21.XI; 28.XI.1976; 30.I; 17.IV; 22.V.1977]. Непосредственность, проявленная Национальным конгрессом в его попытках реально осуществить собственную социально-экономическую программу, несомненно, сыграла определенную роль в том, что этой партии не удалось удержать бывшее влияние среди жаждущих перемен беднейших слоев сельского населения и она была временно отстранена от власти в марте 1977 г.

⁵⁸ Second Conference of the Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 50; Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 86.

⁵⁹ «Patriot», 3.IX.1975.

⁶⁰ Some Problems Concerning the Agrarian Movement..., с. 31. Уместно здесь отметить, что еще в середине 50-х годов Плановая комиссия Индии в качестве важнейшей цели аграрной политики провозглашала массовое развитие кооперативов по совместной обработке земли, которые должны были занять значительную часть хозяйственной площади страны. К концу 60-х годов положения о производственном кооперировании крестьян были практически полностью изъяты из аграрной программы правящих кругов. Задача массового производственного кооперирования мелкого крестьянства ныне во весь рост ставится в Керале, где ее решение, образующее второй — после перераспределения земли — этап реформы, преследует двоякую цель: укрепить крестьянское хозяйство, наделенное землей, и предотвратить рост монополий в экономике штата [«New Age» (Weekly), 5.XII.1976; 27.III.1977].

«класса в себе» в «класс для себя». И этот переворот в сознании эксплуатируемых, свершившийся впервые со времени достижения страной независимости в столь крупных масштабах, существенным образом влияет на расстановку классовых сил в деревне, увеличивая потенциал сил демократии. Реакцией на рост классового самосознания деревенских трудящихся явились развернувшиеся еще до введения чрезвычайного положения и усилившиеся в период пребывания у власти «Джаната парти» репрессии крупных землевладельцев и кастовой элиты индийской деревни против сельской бедноты (включая убийства «неприкасаемых»). Сельские эксплуататоры вступили в новую фазу развязывания классовой войны против эксплуатируемого народа⁶¹.

Существенно важную роль в современных аграрных движениях Индии играет борьба самостоятельно хозяйствующих крестьян (прежде всего бедных и средних) за кардинальное изменение условий воспроизводства в своих хозяйствах. Такое изменение включает не только расширение крестьянского землепользования, очищенного от частнособственнической рентной эксплуатации, но и перестройку отношений, влияющих на все фазы воспроизводственного процесса. Как следует из данной Всеиндийским крестьянским союзом оценки ситуации в «третьей» сфере, товарные потоки из деревни и обратно в подавляющей своей части все еще находятся в руках торгово-спекулятивного капитала, монопольные цены которого увеличивают

⁶¹ Национальный совет КПИ на своей июльской (1977) сессии подчеркивал, что жестокие репрессии против сельскохозяйственных рабочих и других деревенских бедняков представляют собой попытки подавить «многомиллионные массы этих сельских тружеников, с тем чтобы усилить их эксплуатацию, отобрать у них их скромные завоевания и укрепить могущество помещиков и деревенских богачей под покровительством правительства „Джаната парти“» («National Herald». Patna, 15.VII.1977). Как отмечал в конце 1977 г. секретарь Национального совета КПИ Н. Кришнан, «землевладельцы развернули ожесточенное наступление против хариджан и сельскохозяйственных рабочих, в сговоре с полицией чинят над ними зверские расправы. В некоторых штатах помещики начали сгон крестьян с земель, полученных ими при прежнем правительстве в соответствии с законом об аграрной реформе. Сельскохозяйственным рабочим грозят, что, если они будут продолжать выступать за претворение в жизнь закона о минимуме заработной платы, принятого в некоторых штатах, их подвергнут репрессиям» (Н. Кришнан. Новая ситуация в Индии и задачи КПИ. — «Проблемы мира и социализма». 1977, № 11, с. 64). Бывший видный конгрессист, бывший лидер «Джаната парти», являвшейся с весны 1977 г. до середины 1979 г. правящей, Джагдживан Рам, осенью 1977 г. разъяснял характер борьбы в деревне так: «Нынешняя волна зверств против сельской бедноты есть не что иное, как классовая борьба, и те, кто говорит, что репрессии направлены против неприкасаемых, вольно или невольно пытаются приуменьшить значение этой борьбы». Он заявил, что «бедняки даже из так называемых высших каст должны сделать выбор в этой борьбе... и чем скорее они определят свою классовую позицию, тем лучше это будет для страны, для бедноты и для них самих». Джагдживан Рам призвал «деревенских бедняков объединиться и оказывать сопротивление любым оружием, каким они располагают: ведь даже закон разрешает насилие в целях самозащиты» [«New Age» (Weekly), 9.X.1977].

издержки производства, сокращают накопление, в конечном счете существенно ограничивают масштабы и производительного, и личного потребления в крестьянском хозяйстве; обильную дань взимают ростовщики, которые эксплуатируют свыше 90% крестьянских хозяйств.

Именно отсюда вытекают такие формулируемые ВКС крестьянские требования, как национализация отраслей промышленности и торговли, непосредственно связанных с воспроизводством крестьянского хозяйства, и утверждение принципиально новой, «огосударствленной» системы товарного обмена (национализация всей оптовой торговли зерном, в частности торговли рисом; национализация промышленности минеральных удобрений, сахарной, джутовой; запрет на предоставление оптовым торговцам товарами первой необходимости банковских кредитов, распределение этих товаров через учреждения государственного сектора под наблюдением народных комитетов; примерное наказание спекулянтов и барышников; введение такого соотношения регулируемых государством цен на сельскохозяйственную продукцию, с одной стороны, и промышленную — с другой, которое обеспечивало бы рост производства в крестьянском хозяйстве); коренная реорганизация сферы деревенского кредита (демократизация сельскохозяйственных кооперативов и изгнание из них помещиков, ростовщиков и торговцев; осуществление коренных изменений в кредитной политике, а именно перелив 50% всех банковских ресурсов в сельское хозяйство, распределение 80% всех кредитных средств банков и кооперативов среди мелких и мельчайших сельскохозяйственных производителей при ставке, не превышающей 5%; ограничение максимальной ставки ростовщического процента 12% годовых и аннулирование всех ростовщических долгов сверх двойной суммы основного займа); широкая перестройка материально-производственной базы крестьянского хозяйства (осуществление общенациональной программы по увеличению площади поливных земель с примерно 25% в начале 70-х годов до 50% к концу десятилетия; передача в собственность центрального правительства всех энергетических предприятий, как введенных в строй, так и строящихся; обеспечение крестьян водой и электроэнергией по ценам, субсидируемым государством)⁶².

Таким образом, именно в интенсивном «огосударствлении» всех звеньев национального экономического механизма, определяющих условия воспроизводства в аграрной сфере, видит крестьянство современной Индии возможности для роста производительных сил в своем хозяйстве. Оно борется за укрепление в аграрной экономике государственной собственности в противовес частной, причем такой формы государственной собст-

⁶² Эти требования были выдвинуты, в частности, на XXI сессии ВКС в Бхатинде (1973). См. «New Age» (Weekly), 30.IX.1973.

венности, при которой общественные интересы доминируют над частными, пока, однако, не устраняя их целиком; оно стремится к подчинению государственной собственности не просто интересам производителей в противовес интересам паразитических прослоек общества, представителей капитала консервативного типа, но прежде всего интересам непосредственных производителей из числа бедных и средних крестьян.

В обстановке, существующей в индийской деревне, как и в деревне ряда других развивающихся стран Азии, рост товарного производства и обмена в сельском хозяйстве обостряет противоречия между хозяйствующим крестьянством и эксплуататорскими группами общества, представляющими «голую собственность» в ее добуржуазной и капиталистической формах. Не свободный рынок нужен трудящемуся крестьянству (и не только ему, но и крестьянам обуржуазивающимся), а рынок несвободный — такой, с которого выбита монополия частной собственности и на котором утверждена государственная монополия как единственная в сложившихся условиях альтернатива ограбления крестьянства представителями «голой собственности». Ведь именно за «огосударствление» важнейших видов товарного обмена при установлении его пропорций, гарантирующих рост производства, ведет борьбу хозяйствующее крестьянство Индии^{62а}.

Полное осуществление требований по аграрному вопросу, выдвигаемых КПИ и конкретизируемых ВКС и ИССР, перекрыло бы каналы роста консервативной формы аграрного капитализма, «окультурив» вместе с тем капитал, формирующийся «снизу», в самом крестьянском хозяйстве (т. е. устранило бы различные внеэкономические формы эксплуатации, вызвало бы повышение заработной платы и т. д.). При реализации этих требований не только и не просто ликвидируются наиболее одиозные формы частной собственности и она сокращается количественно, но и происходит включение капитала, существенно ослабленного в своем базисе, обеспечивающем ему рост, в сферу жесткого контроля и регулирования со стороны доминирующей над ним государственной собственности; более того, государство овладевает важнейшими экономическими рычагами контроля над мелкобуржуазными тенденциями в среде крестьянства, вызревающими по мере становления товарного производства в середняцком крестьянском хозяйстве. Следовательно, в этом случае не только резко ограничиваются базисные основы

^{62а} Широкий комплекс проблем, связанных с борьбой демократических сил Индии против роста тенденций, стимулирующих развитие «свободной рыночной экономики», за расширение и упрочение государственного воздействия на рыночный механизм, за повышение роли распределительной политики государства в экономике в целом и аграрной сфере в частности, нашел яркое отражение в Политической резолюции XI съезда КПИ (см. Political Resolution Adopted by the Eleventh Congress...).

капиталистического развития, не только изменяется социальная форма капитализма, но и закладываются новые условия для устранения частного капитала как общественного уклада на последующих этапах революционного процесса в обществе.

Часть требований трудящегося крестьянства Индии предусматривает такую социальную трансформацию ряда подразделений аграрной сферы, которая ведет к образованию в деревне коллективных форм труда и коллективной собственности, при которых, говоря словами К. Маркса, «уничтожается противоположность между капиталом и трудом»⁶³ (создание на распределяемых среди безземельных тружеников землях производственной кооперации), к подчинению деятельности государственных политических и экономических институтов в деревне интересам трудящихся масс и др. Некоторые такие формы, возникающие уже сейчас, в конкретных условиях сегодняшней Индии занимают в аграрной экономике подчиненное положение по отношению к частной собственности, еще не становятся системообразующими формами.

Особую настойчивость Коммунистическая партия Индии и руководимые ею сельские массовые организации проявляют в борьбе за практическое осуществление аграрных преобразований. Здесь главную задачу КПИ, ВКС и ИССР видят в максимально полном вовлечении в процесс аграрной реформы всех слоев, выигрывающих от нее⁶⁴, и вместе с тем в отделении этого процесса от существующих институтов исполнительной власти, подверженных влиянию реакционных сил индийского общества, и прежде всего их головных отрядов — крупных земельных собственников и монополистов. Решение данной задачи становится тем более актуальным, что за годы независимости произошло, по определению КПИ, «чрезвычайное усиление бюрократической верхушки», которая стремится «занять положение чуть ли не „параллельного центра власти“ в таких жизненно важных сферах, как госсектор, а также в сфере управления и непосредственного претворения в жизнь принятых решений»⁶⁵.

⁶³ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 1. — Т. 25. Ч. 1, с. 483.

⁶⁴ Одной из основных причин весьма неудовлетворительного осуществления «программы из 20 пунктов» ИССР считает то, что, «несмотря на свою антифеодальную направленность и большие благоприятные возможности, предоставленные прежде всего сельскохозяйственным рабочим и другим беднякам деревни», выполнению этой программы не был придан характер «объединенных массовых действий» данных слоев и она проводилась в жизнь «преимущественно бюрократической машиной» (Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 81).

⁶⁵ X съезд Коммунистической партии Индии, с. 228. Опасения по поводу небывалого роста влияния индийской бюрократии, парализовавшей выполнение курса политического руководства страны, охватывали многих ведущих деятелей партии Индийский национальный конгресс в 70-е годы. Бывший главный министр штата Химачал-Прадеш, например, прямо требовал «положить конец основательной защите, обеспечиваемой бюрократией Конституцией» («Patriot», 30.VIII.1975).

В качестве конкретной меры КПИ и руководимые ею организации сельских трудящихся масс отстаивают создание в законодательном порядке наделенных властью народных комитетов (popular statutory committees) по реализации принятого аграрного законодательства, по осуществлению контроля за распределением зерна и других товаров первой необходимости; такие комитеты, которые действовали бы в пределах штата, округа и более мелкой административной единицы, должны включать представителей организаций сельских трудящихся масс и политических партий, заинтересованных в реальном осуществлении аграрной реформы⁶⁶. Пример (пока единственный) в развитии этих новых, демократических элементов в административно-политической структуре страны показала Керала, где в середине 70-х годов создавались народные комитеты, наделенные в законодательном порядке полномочиями проводить в жизнь аграрную реформу.

В курсе КПИ на образование признанных законом народных комитетов нашла яркое отражение замечательная ленинская мысль: «...между размахом аграрных и политических преобразований не может не быть соответствия... экономический переворот предполагает соответствующую политическую надстройку»⁶⁷.

Другой страной, где исторически сложились традиции активных крестьянских выступлений, являются Филиппины.

К середине XX в. крестьянское движение на Филиппинах, и прежде всего на Лусоне, уже в течение примерно одного-полутора десятилетий характеризовалось относительной классовой зрелостью. С 20-х годов на Лусоне — в рисовой житнице страны — в ответ на наступление помещиков (отмена закрепленной традицией системы беспроцентного кредитования крестьян продовольственными продуктами в «голодный» сезон, повышение арендной платы и др.) арендаторы-издольщики, беднота деревни стихийно объединяются в союзы, братства для отстаивания своих требований к помещикам. Эта антипомещичья направленность значительно отличала Лусон от тех районов Востока, где во главе общественных движений в сельской местности стояли традиционная элита либо религиозные лидеры деревни.

⁶⁶ См.: X съезд Коммунистической партии Индии, с. 243, 258; Swalior to Muzaffarnagar, с. 32; Fourth Conference of Bharatiya Khet Mazdoor Union, с. 52, 86. По своим функциям названные народные комитеты представляют собой, по существу, органы исполнительной власти, реализующие государственные законоположения в интересах деревенских тружеников и нейтрализующие сопротивление (либо бездействие) бюрократической машины. Характерно, что требование о создании наделенных властью народных комитетов зафиксировано в первом пункте «программной платформы» КПИ, выдвинутой на XI съезде (см.: Political Resolution Adopted by the Eleventh Congress..., с. 28—29).

⁶⁷ В. И. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Т. 16, с. 324.

Соответственно уже первые союзы и выросшие на их основе к 30-м годам крестьянские организации на Лусоне и некоторых других островах выдвигали требования классового типа. В конце 30-х годов на Центральном Лусоне эту крестьянскую борьбу возглавила интеллигенция марксистской ориентации, что положило начало ряду организованных классовых битв крестьянства (стачки, манифестации, митинги, осуществление реформ явочным порядком)⁶⁸.

Именно относительно высокий уровень классового сознания крестьянства Центрального Лусона лежал в основе того обстоятельства, что борьба против японской оккупации в 1942—1945 гг. стала перерастать на Лусоне в антипомещичью крестьянскую войну и была лишена традиционных ориентаций и форм лидерства. Антияпонская, крестьянская по основному составу армия «Хукбалахап», в организации и руководстве которой огромную роль играли филиппинские коммунисты, уже в процессе вооруженной борьбы с японцами выступила орудием социальных преобразований, за которые крестьянство боролось еще в довоенный период.

После окончания второй мировой войны крестьянство Центрального Лусона в лице Национальной конфедерации крестьян и Лиги ветеранов «Хукбалахапа» проявило себя как самостоятельная политическая сила, ведущая переговоры с правительством и важнейшими политическими группировками страны, выдвигающая своих кандидатов в местные и центральные органы власти⁶⁹, готовая до конца отстаивать интересы сельских тружеников. Однако этот этап наибольшей политической зрелости и организованности авангарда филиппинского крестьянства пришелся на период проведения США и их ставленниками на Филиппинах реакционного курса поддержки консервативной помещичье-буржуазной олигархии с ее политикой насильственного искоренения крестьянской оппозиции и разоружения крестьянской армии. Широкая вооруженная борьба крестьян, вспыхнувшая в 1948 г. прежде всего как стихийный ответ на карательные меры, закончилась тяжелым поражением в начале 50-х годов основных партизанских сил, истреблением либо изоляцией наиболее активного и зрелого крестьянского авангарда, установлением в сельской местности Лусона режима репрессий, наступлением помещиков и потерей крестьянством его завоеваний.

Массовое радикальное крестьянское движение на Филиппи-

⁶⁸ См.: Г. И. Левинсон. Филиппины на пути к независимости (1906—1946). М., 1971, с. 86—87, 123—160, 211—261.

⁶⁹ Во время избирательной кампании в мае 1946 г. прогрессивные силы Центрального Лусона с опорой на крестьянство одержали внушительную победу, добившись избрания подавляющим большинством голосов семи депутатов в палату представителей из восьми баллотировавшихся там кандидатов (Э. Абайя. Нерассказанная история Филиппин. М., 1970, с. 80).

нах вступило в полосу кризиса. Своего рода вакуум в руководстве крестьянством после разгрома «хуков» и ухода Коммунистической партии Филиппин в подполье был «заполнен» католическими деятелями, основавшими в 1953 г. реформистскую Федерацию свободных земледельцев (ФСЗ)⁷⁰.

Карательные меры в деревне и внесение в крестьянство Филиппин, и прежде всего Центрального Лусона, реформистской идеологии надолго затормозили проявление активных форм протеста сельских масс. Определенный подъем крестьянского движения начинается лишь со второй половины 60-х годов, в новых исторических условиях, и тесно связан с ходом аграрных преобразований в стране.

Борьба в деревне в 40-е и в начале 50-х годов, как никогда ранее, обнажила всю остроту и актуальность аграрно-крестьянского вопроса на Филиппинах. Однако стоявшая у власти реакционная помещичье-бюрократическая (и помещичье-буржуазная) политическая группировка всемерно противилась принятию каких бы то ни было радикальных аграрных законов, а в сельской местности крупные землевладельцы, контролируя после разгрома крестьянских отрядов ситуацию, с помощью вооруженных банд блокировали все попытки реализации робких аграрных нововведений.

Существенное значение для изменения аграрной политики филиппинских правящих кругов имела переориентация США в начале 50-х годов на новые социальные силы на Филиппинах — преимущественно на «новую» буржуазию, на реформистские группировки. Эта переориентация диктовалась стремлением США расширить социальную базу капитализма на Филиппинах, с тем чтобы не только удержать страну в рамках мировой капиталистической системы, но и превратить ее в рекламное «детище США» в Юго-Восточной Азии⁷¹. Такая установка требовала прежде всего перестройки отсталой аграрной системы. Однако задача эта оказалась далеко не простой. Подготовленные экспертами США, работавшими на Филиппинах, два доклада, в которых давалась резкая характеристика существующей в стране системы землевладения и землепользования и предлагались радикальные меры по ее перестройке, вызвали столь яростный отпор олигархии, что были положены под сукно⁷².

⁷⁰ S. D. Cater. The Philippine Federation of Free Farmers. A Case Study in Mass Agrarian Organizations. N. Y., 1959, с. 2—4.

⁷¹ Э. Абайя. Нерассказанная история Филиппин, с. 96—97.

⁷² Филиппинские правители предложили проверить «благонадежность» составителей докладов. Специально сформированная Либеральной партией комиссия опубликовала в январе 1953 г. свое «авторитетное» мнение: «Оба доклада... имеют марксистскую идейную ориентацию... Они рассматривают социальную, экономическую, политическую и культурную жизнь на Филиппинах в свете марксистских теорий классовой борьбы и экономического детерминизма... видят причину политических беспорядков в так называемой

Законодательные меры 50-х годов, так и не проведенные в жизнь, касались в основном некоторых улучшений в арендных отношениях. Первый шаг в направлении ликвидации (хотя и частичной) самой системы издольщины относится к 1963 г. Принятие в 1963 г., в обстановке спада крестьянского движения, закона об ограничении издольщины свидетельствовало о том, что правящие круги начали осознавать необходимость структурных реформ.

Крестьянство не смогло принять активного участия в реализации этого закона. Помещики, располагая вооруженными отрядами, все еще были полновластной силой в деревне, а Федерация свободных земледельцев не стала действенным орудием защиты крестьянских интересов. Массовую базу ФСЗ составляли издольщики, мелкие земельные собственники, сельскохозяйственные рабочие, наемные работники рыболовецкого промысла, а у руководства стояли в основном деятели левого христианско-реформистского направления, в их числе представители имущих классов. Основными целями и принципами, провозглашенными организацией, были улучшение экономического положения крестьянства, осуществление лозунга «Земля — земледельцу», легальность, неучастие в политической борьбе, пропаганда христианских заповедей и борьба с коммунистическими идеями. Появление местных ячеек даже такой организации проходило в острой борьбе ее местных активистов с помещиками, представителями власти, а нередко и с представителями церкви. Тем не менее ФСЗ отказывалась от вмешательства в конфликты между крестьянами и помещиками. Лозунг «Земля — земледельцу» не связывался с проблемой перераспределения земли. Организация отвергала такие усвоенные крестьянством еще в 30-е годы методы борьбы, как забастовка, самовольный раздел урожая. Практическая деятельность ее развертывалась в основном в плане сотрудничества с различными правительственными организациями по проведению аграрной реформы⁷³. Исключительная бюрократизация и централизация аппарата ФСЗ, установка на политическую пассивность превратили эту организацию в эффективное средство нейтрализации революционных потенций значительной части филиппинского крестьянства.

Общеполитическая обстановка в стране изменяется в пользу крестьянства лишь к середине—концу 60-х годов. С середи-

феодальной системе землепользования, а не в коммунистической деятельности; в обоих докладах признается необходимость уничтожения арендной системы и крупного землевладения». И далее об одном из докладов: он «подрыывает уважение к нашей Конституции и разжигает классовую ненависть в народе, и это оказывает серьезную помощь коммунистам и подвергает угрозу нашу безопасность» (Э. Абайя. Нерассказанная история Филиппин, с. 129—130).

⁷³ См.: S. D. Cater. The Philippine Federation of Free Farmers..., с. 21, 41, 45—47, 53—54 и др.

ны 60-х годов на Центральном Лусоне начинает работу созданный по инициативе и под руководством КПФ, находившейся в подполье, легальный Свободный союз крестьян, который поставил своей целью мобилизовать крестьянство на осуществление контроля над аграрной реформой, содействовать кооперированию крестьян⁷⁴.

К концу 60-х годов с требованием ускорить аграрные преобразования выступали демократические силы в городах, различные группы национальной буржуазии, не связанные с помещичьей олигархией. Активизируется работа ряда городских демократических организаций, учрежденных сторонниками борьбы за осуществление аграрных законов. В направлении скорейшей реализации преобразований, используя публикации, конференции, радио- и телепередачи, организуя «марши», действовало основанное в 1969 г. Филиппинское движение за аграрную реформу (ФДАР) — организация, в состав которой входила в основном прогрессивно настроенная интеллигенция. Члены ФДАР активно взялись помогать крестьянам, получившим землю в соответствии с аграрным законодательством, налаживать хозяйственную жизнь. ФДАР вошла в созданную в 1970 г. Федерацию ассоциаций фермеров, получивших землю по аграрной реформе. К 1969 г. относится также создание Лиги сельскохозяйственных кооперативов Филиппин, провозгласившей одной из задач представительство интересов кооперированного крестьянства в государственном аппарате и также выступавшей организатором массовых демонстраций. Активную деятельность продолжал развивать Свободный крестьянский союз, насчитывавший на рубеже 60—70-х годов 50 тыс. членов⁷⁵.

На этом этапе крестьянство снова становится значительной политической силой, хотя и раздробленной и не столь самостоятельной, как в конце 30-х и в 40-х годах. После долгого периода апатии крестьянство, объединенное в многочисленные организации представителями самых различных социальных групп, выступающих против землевладельческой олигархии, включается в легальную борьбу за ускорение аграрных преобразований (митинги, петиции, походы и т. п.).

Одновременно продолжалась вооруженная борьба с правительственными войсками. Еще в 50-е годы, в условиях спада массового крестьянского движения, возник значительный разрыв между основной крестьянской массой и «новым поколени-

⁷⁴ Поле деятельности Союза было ограничено в основном провинцией Тарлак на Центральном Лусоне. Росту влияния и единству этой организации во многом мешали разногласия в коммунистическом движении Филиппин (в 1967 г. в КПФ и примыкавших к ней массовых рабочих, крестьянских и других организациях произошли расколы). W. J. Pomeroy. An American Made Tragedy. Neo-colonialism and Dictatorship in the Philippines. N. Y., 1974, с. 84.

⁷⁵ W. J. Pomeroy. The Philippines Neo-colonialism in Crisis.—«Marxism Today». L., vol. 16, 1972, № 3, с. 79.

ем хуков» — той частью крестьянства, для которой вооруженная борьба стала профессией, а также отдельными группами интеллигенции, люмпен-пролетариями, все более пополнявшими ряды «хуков». Эти слои, уже далекие от крестьянства и его исконных интересов, стали благоприятной почвой для распространения маоистских взглядов, в частности теории «окружения города деревней». Группе экстремистов (в основном маоистов), удаленных в 1967 г. из КПФ, удалось увлечь за собой значительную часть «новых хуков» и создать в 1969 г. в провинции Тарлак так называемую Новую народную армию. Идеи и иные разногласия среди руководителей вооруженной борьбы привели к раздроблению сил и ликвидации значительной части отрядов, базой которых становятся все более удаленные, малонаселенные районы. К началу 70-х годов деятельность возглавляемых экстремистами групп превращается в изолированное движение не столько крестьянских, сколько деклассированных элементов, проходящее в стороне от магистральных путей общественно-политической, в том числе и крестьянской, борьбы⁷⁶.

Активизация демократических сил в стране, новый подъем массовой легальной крестьянской борьбы на рубеже 60—70-х годов послужили питательной почвой для провозглашения президентом Ф. Маркосом — выразителем интересов «новой» националистической буржуазии, относительно мало связанной с помещичьей олигархией и империалистическими кругами США, — программы глубоких аграрных преобразований. Новые законодательные акты касались самых болезненных проблем Филиппин — издольщины и «потолка» земельного владения. Закон об аграрной реформе 1971 г. предусматривал автоматическую ликвидацию издольщины по всей стране и перевод издольщиков на фиксированную арендную плату (программа этого перевода должна быть завершена в 1983 г.). Еще более решительные шаги (в частности, декрет о «потолке» земельного владения в 7 га на последнем этапе реформы) были предприняты после введения в стране чрезвычайного положения в сентябре 1972 г.⁷⁷.

Помещики оказали ожесточенное сопротивление реформам. Как подчеркнул V съезд КПФ, конфликт между крестьянами и помещиками был главной чертой политической ситуации в деревне в начале 70-х годов⁷⁸.

В течение многих лет реализация принятых законов упиралась на Филиппинах в проблему отстранения землевладельческой олигархии от контроля над аппаратом власти на местах и

⁷⁶ Р. Балагтас. Маоисты на Филиппинах. — «Проблемы мира и социализма». 1973 г., № 6, с. 58; см. также: A. Guerrero. Philippine Society and Revolution. Hong Kong, 1971, с. 111.

⁷⁷ О. Г. Барышникова, И. Ф. Жулёв. Филиппины. М., 1975, с. 88—92.

⁷⁸ Political Resolution Adopted by the Fifth Congress of the Communist Party of the Philippines. December 1973. New Delhi, [Б. г.], с. 38.

в проблему усиления организованности, активности, сознательности крестьян. В этой связи чрезвычайно важны меры правительства Ф. Маркоса, принятые для разоружения наемных банд, состоявших на службе у крупных землевладельцев. Программа передачи земли арендаторам (к ноябрю 1978 г. около 300 тыс. крестьян получили соответствующие документы на владение землей, всего же число таких крестьян должно было составить за пореформенное пятилетие 1 млн.⁷⁹) при одновременном лишении помещиков аппарата насилия на местах создала предпосылки для участия крестьянства в процессе преобразований. Таким образом было положено начало выполнению той задачи, за которую боролось крестьянство по крайней мере с 40-х годов (в 30-е годы борьба велась преимущественно за улучшение условий аренды).

Вместе с тем запрещение массовых движений и политических партий ставило под вопрос реальную возможность использования крестьянством и демократическими силами новой ситуации в деревне. Созданные Маркосом сельские барангаи (собрания местных жителей), предназначенные для мобилизации населения на участие в различных официальных кампаниях⁸⁰, и кооперативы не смогли стать действенным средством проведения реформ в деревне. Нуждаясь в доведении до конца начатых аграрных преобразований, Маркос пошел на такой шаг, как привлечение коммунистов к их осуществлению. В октябре 1974 г. он заключил с КПФ соглашение; коммунисты получили возможность вести работу в созданных правительством организациях, хотя и с известными ограничениями⁸¹.

Начавшаяся реализация радикального аграрного законодательства объективно расчищает дорогу для становления буржуазных отношений в сельской местности, для классовой дифференциации крестьянства. В 1973 г. удельный вес сельскохозяйственных рабочих в земледельческом населении превысил удельный вес дотоле наиболее весомого отряда — издольщиков⁸². Соответственно меняется политическая ситуация в деревне. На повестку дня встают вопросы объединения сельскохозяйственных рабочих, сплочения беднейших крестьян, их привлечения в кооперативы, их борьбы с засильем в кооперативах зажиточных слоев.

⁷⁹ W. Pomeroy. Martial Law and the National Democratic Struggle in the Philippines — «Political Affairs». N. Y., vol. 65, 1975, № 5, с. 21; «Правда», 2.XI.1978.

⁸⁰ Ф. Балагтас. Тенденция перемен на Филиппинах. — «Проблемы мира и социализма». 1975, № 7, с. 85.

⁸¹ Там же. Перед организованным коммунистами в Алиаге (провинция Нуэва Эсика) 15 ноября 1974 г. массовым собранием, на котором присутствовало 50 тыс. крестьян, Маркос заявил, что при поддержке компартии его программа будет иметь успех в борьбе с сопротивлением землевладельцев (W. Pomeroy. Martial Law..., с. 22).

⁸² Political Resolution Adopted by the Fifth Congress..., с. 39—40.

КПФ уже поставила эти проблемы как наиболее актуальные. После заключения соглашения с КПФ Маркос признал неудовлетворительность положения сельской бедноты и принял меры по переориентации кооперативного движения с целью улучшения положения именно бедных крестьян (в частности, было несколько расширено кредитование этих групп производителей)⁸³.

Активное включение КПФ, имеющей богатый опыт борьбы за интересы крестьянства, в работу в деревне является гарантией дальнейшего роста политической активности филиппинского крестьянства.

Организация крестьянских масс при социалистической ориентации

В развивающихся странах социалистической ориентации сложились особые условия для развития крестьянского движения. В этих странах, как известно, проводятся демократические и антикапиталистические преобразования. Здесь действует чаще всего однопартийная политическая система, при которой все основные сферы жизни страны контролирует государство. Непосредственно правящие слои берут на себя и функции политической и идеологической консолидации крестьянства.

В странах социалистической ориентации уже проведен ряд демократических аграрных реформ, как правило, более радикальных, чем подобные преобразования в странах капиталистической ориентации. Однако для оценки перспектив решения крестьянского вопроса здесь недостаточно учитывать только наличие таких реформ. Необходимо определить, насколько эти реформы имеют антибуржуазную направленность, в какой мере правящие круги осуществляют курс на политическую изоляцию сельской верхушки и объединение трудящихся слоев крестьянства, как своими мероприятиями государство содействует развитию социального самосознания этих слоев. Не менее важно учитывать и антибуржуазные мероприятия в других областях социально-экономической жизни страны, а также характер внешнеполитической ориентации ее правительства.

Проведение руководством стран социалистической ориентации в аграрной сфере и вне ее социально-экономических и политических мероприятий, отвечающих интересам трудящегося крестьянства, создает объективную возможность для завоевания режимом поддержки большей части сельского населения. Однако следует учитывать, что реализация этой возможности зависит от многих факторов, и прежде всего от того, насколько последовательно проводится провозглашенный курс.

⁸³ W. Pomeroy. *Martial Law...*, с. 21—22.

Весьма остра проблема взаимоотношений новой власти с зажиточными слоями сельского населения. Эти слои противятся тем мероприятиям государства, которые препятствуют эксплуатации ими трудящейся крестьянской бедноты докапиталистическими методами, а также ограничивают частное предпринимательство. Зажиточные сельские группы противостоят попыткам осуществления централизованного планирования и противодействуют курсу политического руководства на укрепление мелкого крестьянского хозяйства. Богатая деревенская верхушка ведет борьбу против таких экономических мер правительства, как государственная монополия на торговлю сельскохозяйственными продуктами, ограничение размеров землевладения и землепользования и др.

Власти, со своей стороны, принимают экономические и политические санкции против деревенских богатеев, проводят меры, направленные на политическую нейтрализацию сельской верхушки, стремясь опереться на трудящиеся низы сельского населения.

Практика показывает политическому руководству стран социалистической ориентации, что необходима организация сельского населения в таких формах, которые позволили бы режиму укрепить свою социальную опору в деревне и мобилизовать крестьянство на выполнение выдвигаемых этим руководством экономических и политических программ.

Организационная и массово-политическая деятельность государства в деревне стран социалистической ориентации предусматривает привлечение трудящихся крестьян и сельского пролетариата к участию в новых органах местной власти, к работе в комитетах по проведению земельных реформ, вовлечение их в местные ячейки правящей политической партии, создание массовой крестьянской организации, непосредственно руководимой правящей партией.

Учитывая, что эксплуататорские элементы в той или иной мере все еще сохраняют экономическую силу и политическое влияние в деревне, руководство ряда стран социалистической ориентации стремится ослабить эти элементы экономически и политически. Этим также преследуется цель укрепления социальной опоры власти в среде трудящегося крестьянства, что имеет большое значение в условиях обострения классовой борьбы в деревне. В ряде стран, например, ограничено избрание в руководящие органы кооперативов представителей зажиточных слоев деревни. В Алжире Хартией аграрной революции, принятой в 1971 г., наложен полный запрет на вступление в кооперативы эксплуататорских элементов. В Бирме крестьянской бедноте созданы льготные условия вступления в кооперативы; сельские богачи в принципе не допускаются к руководству кооперативами, кроме того, ограничены их возможности получать кредиты по государственным каналам. Вместе с тем

кооперативам в странах социалистической ориентации предоставляется все большая часть государственного кредита. Налицо, таким образом, стремление государства сочетать экономическую защиту мелких производителей с укреплением политического влияния на них через кооперацию. Руководство Алжира, кроме того, придает важное значение политике опоры на постоянных сельскохозяйственных рабочих, значительная часть которых занята в контролируемых государством самоуправляемых хозяйствах.

В ряде стран социалистической ориентации развернулась также работа по вовлечению масс сельского населения в организованную политическую деятельность под руководством правящих партий. Так, в Алжире устав партии Фронт национального освобождения (ФНО) определил, что трудящиеся деревни являются, наряду с трудящимися города, солдатами, революционно-патриотическими элементами, одной из социальных основ и движущих сил революции. Членом ФНО может быть только тот, кто живет своим трудом, подчеркивалось в уставе.

Хартия аграрной революции провозгласила право всех сельских трудящихся на создание своих организаций. Кроме того, была предусмотрена обязанность вступления в кооперативы для лиц, получающих землю в ходе аграрной реформы. На основании Хартии в стране создаются крестьянские союзы, входящие в единую организацию — Национальный союз алжирских крестьян (НСАК). Имеется в виду, что крестьянские союзы, объединяя неэксплуататорские слои крестьянства, должны мобилизовать их (в первую очередь деревенскую бедноту) на проведение в жизнь экономической и социальной аграрной политики революционного руководства. В 1974 г. в рядах крестьянских союзов насчитывалось 600 тыс. членов. При этом, однако, на повестку дня выдвинулась острая проблема недопущения на практике к руководству этими союзами представителей эксплуататорской сельской верхушки и обеспечения активизации участия в союзах, а также в органах аграрной реформы — народных коммунальных собраниях — представителей деревенской бедноты. В соответствии с Хартией, крестьяне, непосредственно заинтересованные в проведении аграрной реформы, должны составлять не менее половины всех членов народных коммунальных собраний и принимать активное участие в проведении аграрной реформы и в организации кооперативов. В апреле 1978 г. проходил очередной съезд Национального союза алжирских крестьян (к этому времени НСАК объединял в своих рядах уже около 800 тыс. человек). Решения съезда мобилизуют трудящихся феллахов на борьбу за углубление прогрессивных преобразований в деревне. В качестве важнейших задач съезд выдвинул завершение ликвидации крупного землевладения, преобразование традиционного скотоводческого хозяйства, укрепление государственно-кооперативного сектора, увеличение

сельскохозяйственного производства, усиление борьбы против реакционных элементов в стране⁸⁴.

В Бирме с 1963 г. стали проводиться районные, а с 1965 г. (по 1968 г.) — всебирманские крестьянские семинары, на которых представителям крестьян разъяснялась аграрная политика Революционного совета. С 1967 г. началось создание под руководством Революционного совета массовых организаций — народных крестьянских советов. Они были призваны мобилизовать крестьян на осуществление аграрных мероприятий и сельскохозяйственных программ правительства, вести организационную, политико-воспитательную и просветительскую работу в деревне. Было установлено, что $\frac{2}{3}$ членов крестьянского совета должны избираться сельским населением, а $\frac{1}{3}$ — назначаться правительством. Право избирать членов районных крестьянских советов было предоставлено всем сельским жителям, но зажиточные крестьяне, имевшие свыше 20 акров земли, были лишены права быть избранными в них. В 1974 г. в стране насчитывалось около 11,3 тыс. первичных народных крестьянских советов, объединявших почти 7 млн. человек. В 1977 г. после принятия новой конституции Бирмы народные крестьянские советы были переименованы в крестьянские организации. При этом был введен принцип полной выборности их руководства⁸⁵.

В Сирии в 1964 г. была создана Всеобщая федерация крестьянских ассоциаций (ВФКА), руководимая правящей Партией арабского социалистического возрождения. Крестьянские ассоциации начали создаваться в каждой деревне с населением свыше 400 человек по классовому принципу: право вступления в них было предоставлено только крестьянам, не эксплуатирующим чужой труд (мелким земельным собственникам и арендаторам), и сельскохозяйственным рабочим. Главная задача ВФКА — мобилизация трудящихся деревни на поддержку политической линии руководства страны, на борьбу за осуществление принятой программы социально-экономических и политических преобразований. ВФКА вошла в Прогрессивный национальный фронт, объединивший ряд партий и организаций⁸⁶.

В Египте 60-х годов, в условиях социалистической ориентации, правом иметь свою организацию пользовались в сельском хозяйстве только наемные рабочие. Союз сельскохозяйственных трудящихся, в который принимались как постоянные, так и сезонные сельскохозяйственные рабочие, вошел во Всеобщую фе-

⁸⁴ П. П. Моисеев. Аграрные преобразования в Алжире. — Аграрные структуры стран Востока. М., 1977, с. 191—192; «Правда», 30.IV.1978, 1.II.1979.

⁸⁵ Ю. Н. Гаврилов. Борьба за независимость и прогрессивные преобразования в Бирме. М., 1970, с. 102—106; Современная Азия. Справочник, М., 1977, с. 221; В. Ф. Васильев. Рабочий класс Бирмы. М., 1977, с. 200.

⁸⁶ «Правда», 1.VIII.1968; Международная Конференция Труда. Сессия 59-я. Доклад 6(1), с. 32, 59.

дерацию трудящихся, в которую было включено 27 различных профсоюзных объединений. Политическое руководство выдвинуло задачу создать профсоюзные комитеты сельскохозяйственных рабочих во всех селах страны. Массовая крестьянская организация не была создана. Единственной формой организации крестьянства стали кооперативы. Конференции кооперативных организаций использовались правительством для пропаганды в массах своей аграрной политики. По закону представителям рабочих и крестьян должно было предоставляться не менее половины мест в законодательных органах всех ступеней⁸⁷.

Создание руководимых «сверху» крестьянских организаций еще не решает проблему укрепления социальной опоры политического руководства стран социалистической ориентации в деревне. Добиться действительно прочного политического и идеологического влияния на трудящееся крестьянство правительствам этих стран удастся только в том случае, если они оказываются способными найти правильные формы экономических отношений с непосредственными производителями, последовательно проводят прогрессивные аграрные преобразования.

Как показывает, например, опыт работы крестьянских организаций в Бирме, на их деятельность оказывает глубокое влияние сложная классово-политическая обстановка в деревне, характерная для нынешнего этапа развития стран социалистической ориентации. Новосозданные крестьянские организации нередко превращаются в арену борьбы различных социальных сил. Вместе с тем в работе руководства крестьянских организаций проявляются бюрократизм и коррупция, отсутствие опыта и неспособность разобраться в сложной обстановке деревни. Немалые трудности вызывает и то, что среди трудящихся крестьян все еще сильны пережитки традиционного социального сознания. Все это требует планомерной работы в деревне для создания там прочной классовой опоры социалистической ориентации, обеспечения последовательного революционно-демократического курса в руководстве сельским населением.

Весьма сложное дело — формирование в деревне массовой базы правящей политической партии. Это во многом связано с нехваткой кадров партийных функционеров, преданных идеям революционной демократии, с отсутствием у многих представителей политического руководства организационного опыта, понимания объективных законов развития экономики. Политика форсирования развития современных секторов экономики, предполагающая увеличение нормы накопления, порой сильно ударяет по традиционным секторам, в частности по интересам широких слоев мелких производителей. В качестве примера можно привести установление Революционным советом в Бирме в

⁸⁷ Международная Конференция Труда. Сессия 59-я. Доклад 6 (1), с. 21—22.

60-х годах низких государственных закупочных цен на рис при резком ограничении его свободной продажи на рынке.

При создании массовой базы революционной демократии в деревне существует реальная опасность растворения ее ядра в мелкобуржуазной и вообще мелкокрестьянской стихии. Это заставляет политическое руководство стран социалистической ориентации с большой осторожностью подходить к вопросу о расширении рядов партии за счет крестьянства, что, например, отчетливо проявилось в Бирме в процессе организации Партии бирманской социалистической программы.

Политическое объединение сельских трудящихся нередко затрудняется, когда экономические и политические реформы в деревне оказываются недостаточно эффективными, для того чтобы защитить трудящихся крестьян и сельскохозяйственный пролетариат от эксплуатации и политического давления со стороны деревенской верхушки. Иногда имеет место несоответствие практических результатов аграрных преобразований их ранее провозглашенным конечным целям, к которым относится прежде всего упразднение эксплуатации сельских трудящихся. Так случилось, например, в Египте. Проведенные в 50—60-х годах аграрные реформы, ликвидировав слой крупнейших землевладельцев, в то же время способствовали экономическому укреплению и консолидации кулачества, которое стало доминировать в экономической жизни деревни и оказывать сильное политическое давление на сельские низы. Вместе с тем значительная часть представителей этого слоя (с наделами до 25 федданов) рассматривалась, согласно существующему законодательству, как «трудящиеся крестьяне». Такая обстановка не могла не отразиться отрицательным образом на развитии политической активности сельских трудящихся, что ярко проявилось в 70-е годы. «Деревенские массы, жизненный и культурный уровень которых очень низок, полностью аполитичны. Они не интересуются тем, кто правит в Каире, не осознают своих интересов и не знают, как их защищать», — отмечалось в одном из исследований о положении в египетской деревне⁸⁸.

Совершенно очевидно то большое значение, которое имеет для создания прочной социальной опоры политического руководства в деревне его способность последовательно идти по пути реализации и углубления прогрессивных преобразований. Крестьянские организации в странах социалистической ориентации обычно интегрированы в широкий фронт социально разнородных слоев, руководимый революционно-демократическим правительством, и только при последовательном развитии революционного процесса трудящиеся деревни этих стран могут сыграть активную роль в таком фронте.

⁸⁸ Social Stratification and Development in the Mediterranean. The Hague—Paris, 1973, с. 47.

В свою очередь, развитие революционного процесса в странах, провозгласивших социалистическую ориентацию, может быть обеспечено, только когда во главе общества становится последовательно революционная авангардная партия. Сегодняшний опыт таких стран, как Афганистан, демократический Йемен, Ангола, Мозамбик, Эфиопия, показывает, что руководство со стороны авангардной партии, все более стремящейся опираться на марксистско-ленинскую теорию и ориентирующей на социалистическое содружество, позволяет не только обеспечить мобилизацию масс на решение общедемократических задач, но и успешно перейти к ликвидации отношений частной собственности в ведущих подразделениях национального хозяйства и выработке у трудящихся, включая широкие слои населения, новой идеологии — антисобственнической и коллективистской по своему содержанию.

Раздел четвертый

Национальный вопрос

СОВРЕМЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ
И ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕЕ РАЗВИТИЯ

Постановка проблемы

Национальный вопрос был и остается одним из самых важных и сложных явлений социальной жизни человечества. В широком понимании национальный вопрос включает в себя взаимоотношения различных этнических общностей, в первую очередь сложившихся и складывающихся наций, в их экономическом, социальном, юридическом, политическом, языковом, идеологическом и психологическом выражении. Этнические противоречия сопровождали человечество на всем пути его исторического развития. Однако национальный вопрос в собственном смысле слова возник в эпоху становления капиталистической формации и с середины прошлого века играет огромную роль в жизни подавляющего большинства стран и народов земного шара, в том числе и афро-азиатского региона.

В современную эпоху, особенно за последние 15—20 лет, наблюдается резкое обострение национального вопроса в освободившихся странах зарубежного Востока. Он имеет первостепенное значение и для внутривосточного развития многих освободившихся государств, и для их международного положения. Национальные конфликты подчас принимают драматический характер, серьезно влияя на судьбы народов, на общественный прогресс.

В чем же главная причина нынешнего обострения национальной ситуации во многих освободившихся странах Востока? Западная социология распространяет теории о наступлении «века национализма», о «диффузии национальных идей» и т. п.¹ По существу, к ней примыкают и те буржуазные и мелкобуржуазные националисты из стран Востока, которые при изучении национальных процессов и национального вопроса вообще принижают или вовсе отрицают основополагающую роль социально-экономических факторов и выдвигают на пер-

¹ См.: К. Н. Брутенц. Особенности современного национально-освободительного движения.—Идеология современного национально-освободительного движения. М., 1966, с. 5.

вый план в качестве объединяющих различные этнические общности расовое родство, общность религии и т. п. Марксисты отвергают причисление этих категорий к разряду собственно национальных, хотя они и оказывают на национальные отношения большое влияние.

В действительности, эту причину следует искать в коренных экономических, социальных и политических сдвигах современной эпохи, в ее переходном для всех развивающихся стран характере. К середине 50-х — началу 60-х годов текущего столетия подавляющее большинство стран Азии и Северной Африки добились политической независимости, решив тем самым главную общенациональную задачу периода антиколониальной борьбы. Тогда многие внутренние проблемы, в том числе национальная, закономерно отходили на второй план. Но теперь видно, что сама независимость только создает предпосылки к всестороннему прогрессу общества, не более того. Нужна еще долгая и упорная борьба всех прогрессивных сил для реализации этих предпосылок.

После завоевания и упрочения независимости, после отражения реваншистских поползновений вчерашних колонизаторов перед молодыми государствами Востока встали новые сложные задачи, в том числе проблема национально-государственного строительства. Между тем опыт первых лет самостоятельного существования показал, что развитие по капиталистическому пути, проложенному еще в колониальную эпоху, заводит эти страны в тупик, грозит отложить до греческих календ удовлетворение насущных материальных и духовных потребностей отставших в своем развитии народов. Стал назревать кризис, глубоко поразивший как социально-экономический базис, так и политическую и идеологическую надстройку большинства освободившихся государств и поставивший перед этими странами вопрос о выборе дальнейшего пути развития. Этот кризис непосредственно и весьма болезненно сказался на национальных отношениях.

Обострение национального вопроса на Востоке было вызвано факторами общими и специфическими.

Первые объясняются исторической закономерностью, согласно которой при всяком кризисном состоянии общества всегда выходят на поверхность национальные противоречия, может быть, вследствие того, что они касаются всех сторон его жизни — экономических, социальных, политических, идеологических, психологических. В такой момент национальные конфликты обычно обладают и наиболее эффективным обратным воздействием на общественно-политическую надстройку. Они могут в зависимости от конкретных условий ускорять или тормозить развитие общества, но никогда не играют пассивную, созерцательную роль.

Вторые были вызваны наличием в большинстве стран Во-

стока объективных условий для возникновения национальных противоречий в антагонистической форме. Именно эти условия и создают основу для драматического обострения национального вопроса.

Развивающиеся страны Азии и Северной Африки, при всем их разнообразии по расовым, языковым, культурным признакам, по уровню социально-экономического развития, по типам государственного и общественного строя и т. п., образуют в национальном отношении единое целое.

Объясняется это главным образом относительной синхронностью основных этапов исторического развития всего Востока, которая существовала искони. На Востоке находились древнейшие на нашей планете очаги мировой цивилизации. Восток дал классические формы рабовладельческих деспотий. Восток — родина всех мировых религий: буддизма (с его позднейшими вариантами и модификациями), христианства, ислама, распространенных ныне по всей земле. Востоку были присущи весьма своеобразные, специфические формы феодализма, существовавшие одновременно с образованием и распадом (вследствие грандиозных завоевательных походов) гигантских, разноплеменных и более или менее эфемерных империй. Почти одновременно (в историческом масштабе) страны Азии и Северной Африки стали подвергаться колониальной экспансии европейских капиталистических держав. Все этапы кризиса и распада колониальной системы империализма также проходили на всем Востоке синхронно и в характерных только для него формах. Наконец, и основные современные проблемы развивающихся стран Востока, как социально-экономические и внутривнутриполитические, так и внешние, главным образом в плане борьбы с империализмом и неокOLONIALИЗМом, имеют много общих, родственных черт.

Это типологическое родство исторического прошлого и современного положения специфически отразилось на состоянии национальных отношений в странах Азии и Северной Африки. Так, большинство из них — многонациональны или имеют в составе своего населения этнические меньшинства. Далее, крупнейшие народы Востока, особенно составляющие костяк независимых государств, уже прошли в своем этническом развитии, правда, в недавнем прошлом, «донациональную» стадию или находятся в конце этого пути. Иными словами, большинство народов Востока являются консолидирующимися или складывающимися нациями со всеми присущими им главными признаками. В этом отношении Восток значительно отстает от Европы, где формирование наций давно уже завершено, и несколько отстает от Америки, где этот процесс окончился позже. В то же время по уровню этнического развития Восток опередил большинство стран Тропической и Южной Африки, а также Океании, в которых процесс складывания наций из народностей

только начинает происходить на наших глазах. Наконец, нетрудно проследить общие черты и в постановке национального вопроса (внутри- и внешнеполитической) в странах Востока, и в формах национальных движений. Все это оправдывает выделение стран Азии и Северной Африки в национальном отношении в единый комплекс (не исключающий, разумеется, присущего этому району разнообразия).

В то же время при конкретном исследовании национальной ситуации возникает необходимость классификации стран Востока в зависимости главным образом от характера их общественного строя и направления современных национальных процессов. Для познания современного Востока существенно не только то, что объединяет входящие в него страны. Акцент на общее, похожее неизбежно приведет к односторонности, искажающей всю картину. Не менее важна и другая сторона, включающая все многообразие развивающихся стран Азии и Северной Африки. Они отличаются друг от друга по самым различным признакам весьма разнообразного свойства и значения. Эти различия имеют прямое отношение к сущности национального вопроса. При этом имеются в виду не очевидные, сразу бросающиеся в глаза различия: географические, расовые, этнические, языковые и т. п. Ведь могут, к примеру, бок о бок существовать две совершенно различные по своему облику и основным этническим показателям общности и никакого национального вопроса при этом не возникает, по крайней мере в настоящий момент. Гораздо существенней для данной темы и для познания современного Востока проследить, в каком соотношении находится национальный вопрос с дробностью социально-экономических укладов и вытекающим в конечном счете из нее разнообразием политических и идеологических систем, какая здесь существует связь — прямая или опосредованная?

Иными словами, основное методологическое требование при рассмотрении национального вопроса на современном Востоке состоит в правильном и всестороннем учете соотношения общего и особенного (в пределах каждой отдельной страны или группы стран). Выделяя общие закономерности в развитии и современном состоянии всех аспектов национального вопроса, роднящие Восток (в целом и в отдельных его частях) с остальным миром, надо видеть его специфику и характерные черты. Особенно неприемлемо догматическое игнорирование присущих только Востоку особенностей (одна из главнейших — генетическая связь между дробностью социально-экономической и национальной) и в то же время — идеалистическое выпячивание «восточного колорита», акцент на некую азиатскую исключительность, отрицающую всеобщность законов исторического развития.

Говоря о многообразии Востока, следует учитывать не толь-

ко сложную социально-экономическую и политическую структуру каждой отдельно взятой страны, но и пестроту политической географии региона. И в окружающей Восток среде, на других континентах представлены самые различные экономические и общественно-политические системы, от аналогичных отдельным странам Азии и Северной Африки до антагонистичных. Все это, естественно, предполагает не только контакты, которые в современном мире с каждым годом растут в геометрической прогрессии, но и взаимное влияние систем друг на друга. Последнее особенно сильно сказывается именно в сфере национальных отношений, вероятно, в силу ее универсального характера.

Можно выделить различные виды влияния на национальные отношения, от прямого (особенно когда одна и та же национальность или родственные национальности населяют одновременно территории нескольких государств) до крайне опосредованного (например, в области идей). Они различаются и по силе воздействия, а главное — по их классовому характеру и объективным результатам. Так, крайне негативное влияние на национальную ситуацию в Азии и Африке оказывает неокOLONиалистская политика и идеология современного империализма. (В. И. Ленин в свое время указывал, что империализм «означает расширение и обострение национального гнета на новой исторической основе»².) Этому вопросу будет уделено должное внимание ниже, главным образом в связи с анализом национальных движений. Напротив, само существование социалистического содружества и его политика оказывают благотворное воздействие на национальную ситуацию в развивающихся странах Востока. Особенно велика роль первой страны победившего социализма — Советского Союза.

Социализм и национальный вопрос

Весь опыт истории доказал, что при капитализме национальный вопрос практически неразрешим. В лучшем случае возможно некоторое смягчение национального гнета под напором долгой и упорной борьбы меньшинств за свои права. Но любой прогресс в национальных отношениях носит при капитализме относительный и временный характер, как показывает пример многих западных и восточных стран. Напомним также, что именно современный капитализм дал образцы наиболее гипертрофированных и бесчеловечных форм шовинизма и национализма, проявляющихся в известных эксцессах геноцида.

Только социализму как антиподу и единственной альтерна-

² В. И. Ленин. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. — Т. 27, с. 62

тиве капитализму было по плечу приступить к эффективному и реальному решению крайне сложных, обремененных предрассудками и традициями национальных проблем. 60-летний опыт Советского Союза — наглядный и убедительный тому пример.

Национальные проблемы были одной из самых первоочередных и вместе с тем тяжелых и трудноразрешимых задач, доставшихся нашей стране от царизма, воплощавшего в себе систему многовекового деспотизма с порожденными ею традициями национального гнета, вражды, предрассудков. Необходимо было в кратчайший срок коренным образом перестроить национальные отношения в огромной, населенной десятками народов стране, ибо от этого зависели и судьба самой социалистической революции, и свобода, и независимость нашего государства.

Первое крупное достижение национальной политики советской власти — не только юридическое, но и фактическое предоставление всем народам бывшей Российской империи права на самоопределение. Успех и эффективность этой беспрецедентной в мировой истории и присущей только социалистическому обществу акции были обеспечены прежде всего демократическими методами ее проведения, благодаря чему национальные меньшинства России получили возможность сами избрать формы своей суверенной жизни от полной государственной независимости (Польша, Финляндия) до различных ступеней автономии, выбор которых зависел от степени национального развития того или иного народа.

Следующее важнейшее завоевание социализма в решении национального вопроса состояло в ликвидации фактического неравенства между народами нашей страны в области экономики, социальных отношений и культуры. Это было достигнуто благодаря проводимому государством сознательному курсу на опережение темпов развития бывших колониальных, главным образом азиатских, народов России сравнительно с более передовыми русским и некоторыми другими народами европейской части страны. В национальных отношениях, таким образом, был проведен истинно интернационалистский принцип. В этом заключается коренное отличие социалистического, марксистско-ленинского подхода к решению национального вопроса в многонациональной стране от буржуазно-демократического подхода, в лучшем случае ограничивающегося установлением юридического равенства между нациями.

Чтобы выполнить эту гигантскую по объему задачу, потребовалось огромное напряжение сил, многолетний самоотверженный труд всех народов нашей страны. В бывших отсталых окраинах царской России была проведена коренная ломка старофеодальной социальной структуры, преобразовано натуральное или мелкотоварное хозяйство в современную высокоразвитую индустриальную экономику, преодолено реакционное влия-

ние религии на социальные отношения и общественную мысль, осуществлено грандиозное культурное строительство.

Социалистический строй позволил применить наиболее эффективные и безболезненные методы для преодоления в кратчайший исторический срок отсталости восточных районов. Особое значение имели неоспоримые преимущества, которые дает плановое хозяйство, в частности возможность мобилизации значительных средств из государственного бюджета на самые важные с точки зрения интересов всего общества цели.

Общественные отношения, характерные для строя развитого социализма, благотворно влияют и на специфическую сферу этно-национального развития всех типов этнических общностей, от этнографических групп и народностей до сложившихся наций. Превосходство социалистического типа наций (в наиболее законченной форме представленного в СССР, но уже отчетливо видного и в других социалистических странах как Европы, так и Азии) над буржуазными нациями всех видов и оттенков является непреложной истиной, ибо социалистическую нацию прежде всего характеризует отсутствие антагонистических классовых противоречий, разделяющих и ослабляющих любую буржуазную нацию. Все члены социалистической нации получают равные возможности для своего материального, социального, политического и культурного развития, от чего выигрывает в целом весь данный этнический коллектив независимо от его величины. Особенно важно отметить, что при социалистическом строе все виды национально-этнических процессов, как интеграционных, так и дезинтеграционных, протекают наиболее естественным и безболезненным образом; это относится и к такому крайне сложному (порой принимающему уродливые и человеконенавистнические формы в буржуазном обществе) процессу, как национальная ассимиляция³.

Окончательное решение национального вопроса в Советском Союзе имеет важное международное значение, особенно для развивающихся стран Востока. Тому были две основные причины.

Первую можно отнести к категории демонстрационных. Речь идет о силе воздействия чужого опыта или примера. Главный урок, который извлекают народы Азии и Африки из советского опыта решения национального вопроса, заключается в том, что только общество, переустроенное на принципах научного социализма, способно наиболее быстро и эффективно ликвидировать конфликтные национальные противоречия и обеспечить народам наиболее благоприятные условия для национального развития. Большое впечатление на зарубежном Востоке произвели конкретные мероприятия Советского правительства, на-

³ См.: Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1974.

правленные к преодолению провинциальной и национальной замкнутости, налаживанию социалистического разделения труда, кооперации и взаимопомощи, т. е. проведение последовательной интеграции на основе принципов подлинного интернационализма, исключающей всякую дискриминацию меньшинств и их эксплуатацию, помогающей быстро преодолеть исторически сложившуюся экономическую и культурную отсталость. При этом практика решения национальных проблем в СССР наглядно продемонстрировала, что научный социализм не только не мешает развитию специфически национальных форм существования этнических общностей, но всемерно этому содействует, приводит к подлинному расцвету наций и их культуры, помогает выделить и сохранить общечеловеческое в национальном⁴.

Впечатляющие результаты национальной политики советской власти служат сильным аргументом в пользу социалистической ориентации для прогрессивных сил на зарубежном Востоке, даже если они сами не стоят на платформе научного социализма. Как писал Неру, «только Советская Россия разрешила национальную проблему и проблему национальных меньшинств, создав то, что называется многонациональным государством»⁵.

Другую причину можно назвать актуально-практической. Здесь надо различать две стороны вопроса. Первая касается непосредственной помощи, оказываемой нашей страной народам Востока в решении национально-колониального вопроса, главным образом во внешнем плане (в период борьбы против колониализма), а затем все больше и во внутреннем (поддержка местных прогрессивных сил в их борьбе за социально-политические реформы, в том числе и в области национальных отношений). На заре советской власти эта помощь оказывалась преимущественно соседям нашей страны, потом, по мере роста экономического, политического и военного могущества СССР, ее масштабы, объем и, следовательно, эффективность значительно возросли.

Вторая определяется факторами, относящимися к прямому влиянию национальной ситуации в СССР на таковую в странах зарубежного Востока. Речь идет о пригодности для этих стран конкретного опыта национального строительства в нашей стране, причем различия в социальных системах не могут здесь служить непреодолимым препятствием. В этой связи следует обратить внимание на три основных момента.

Во-первых, для большинства стран афро-азиатского мира необходимость органического объединения и тесного взаимодействия борьбы за социальное и национальное (в аспекте внутриполитической проблемы) освобождение в условиях современно-

⁴ Подробнее см.: Ленинская национальная политика и борьба против ее фальсификаторов. Ашхабад, 1975.

⁵ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955, с. 263.

го развития мирового революционного процесса стала конкретнo-исторической и актуально-политической задачей. Поэтому прогрессивные силы на зарубежном Востоке вправе воспринимать опыт национального строительства в СССР (а также и в более «молодых» социалистических странах — в Чехословакии, Югославии, Вьетнаме), естественно, с учетом специфических особенностей своих стран.

Во-вторых, наличие этнической близости, а то и прямого родства между многими народами Советского Союза, населяющими Поволжье, Кавказ и Закавказье, Среднюю Азию и Казахстан, Сибирь и Дальний Восток, и некоторыми народами сопредельных стран зарубежной Азии является важным объективным фактором, способствующим не только этнокультурным контактам, но и позитивному восприятию последними огромных достижений в этнонациональном развитии социалистических наций и народностей.

В-третьих, современная национальная ситуация в СССР и в некоторых многонациональных государствах зарубежного Востока типологически имеет ряд сходных черт. И дело здесь не в формальной многонациональности, а главным образом в том, что и у нас (в большей степени) и в некоторых странах Востока (в меньшей) в ходе исторического развития проявилась тенденция к консолидации всего полиэтнического населения государства в новую этнополитическую общность. Это обстоятельство представляется особенно существенным в связи с рассматриваемой темой.

Образование новой исторической общности — советского народа — впервые было отмечено на XXIV съезде КПСС. Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Могучим объединяющим началом стали общность исторических судеб всего советского народа, всех составляющих его наций и национальных групп, совместные традиции, взгляды, жизненный опыт, рожденные полувековой совместной борьбой и совместным трудом»⁶. Из этого положения вытекает, что в понятие «советский народ» входят не только социально-политические и идеологические категории, но также и этнонациональные («общность исторических судеб»). По мере дальнейших успехов коммунистического строительства роль последних несомненно будет возрастать (в основном благодаря усилению межнационального общения, приводящему, в частности, к увеличению числа смешанных браков, росту двуязычия и т. п.), однако это отнюдь не ведет к перспективе какой-либо национальной унификации. Напротив, 63-летний опыт советской федеративной системы показывает, что в рамках этой исторической общности (зафиксированной в Конституции СССР 1977 г.) развитие от-

⁶ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, с. 60.

дельных больших и малых народов нашей страны проходит в наиболее благоприятных условиях.

Процесс формирования советского народа как исторической общности и ее дальнейшая консолидация оказывали и будут оказывать благотворное влияние на зарубежный Восток как в широком социальном, так и в конкретном национальном аспектах в особенности еще и потому, что в ряде стран региона существует похожая национальная ситуация. Например, на Южноазиатском субконтиненте, как и в России, за десятки веков совместного исторического развития между различными народностями возникли достаточно прочные национальные связи, а политические катаклизмы отдаленного прошлого и современности, несмотря на образование в регионе нескольких государств, не привели к такому резкому нарушению этих связей, которые имели бы необратимые последствия. Примерно то же самое можно сказать об Иране и некоторых других странах Азии и Африки.

Таким образом, путь, пройденный советским народом как новой исторической общности за 60 лет, может служить образцом для тех многонациональных государств Востока, которые борются за укрепление своего государственно-национального единства.

* * *

Преимущество социализма перед капитализмом в национальных отношениях прежде всего носит объективный характер. Установление социалистических производственных отношений создает только основные и необходимые предпосылки для ликвидации исторически сложившейся системы национального неравноправия и гнета. Решение же национального вопроса целиком зависит от проведения правильной политики в регулировании национальных отношений в данной социалистической стране. Успехи национального строительства в СССР говорят о достижении тесного и органического взаимодействия указанных объективных и субъективных факторов.

В то же время, поскольку социалистическое, как и всякое другое, общество — постоянно изменяющийся организм, происходящие в нем сдвиги, как показывает опыт СССР и других социалистических стран, приводят к появлению новых моментов, а подчас и трудностей в национальных отношениях, которые учитываются и успешно преодолеваются, так как необходимость поддерживать и укреплять указанное взаимодействие всегда находится в центре внимания Коммунистической партии и Советского правительства.

Однако появился и отрицательный опыт в этом жизненно важном для народов вопросе, когда это взаимодействие нарушается и политический курс в национальном вопросе деформи-

руется. Именно такого рода явления отмечены в последние 15—20 лет в Китайской Народной Республике.

Победа народной революции в Китае и образование Китайской Народной Республики в 1949 г. были встречены с энтузиазмом всем прогрессивным человечеством, породили большие надежды, особенно в борющихся против колониализма странах Азии и Африки. Ведь впервые после 1917 г. революция победила в самой многонаселенной стране мира, уровень развития и социально-экономические характеристики которой были сравнительно близки к условиям других стран Востока. Особое значение для прогрессивной общественности развивающихся стран имело то обстоятельство, что в Китае социалистический путь развития с самого начала был объявлен единственным.

Международное значение китайского опыта социалистического переустройства многоаспектно; важное место в нем занимает и национальная политика руководства КНР и КПК. Особый интерес к ней объясняется, во-первых, многонациональностью самого Китая; во-вторых, наличием значительного китайского меньшинства в странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии; в-третьих, незавершенностью национальной консолидации (особенно языковой) самих китайцев КНР — ханьцев. В первую очередь, понятно, привлекало внимание отношение руководства КНР к своим национальным меньшинствам⁷.

Обстановка, в которой победила китайская революция, была благоприятна для развития страны по пути социализма главным образом благодаря существованию крепнувшего содружества социалистических стран во главе с Советским Союзом, оказывавшим китайскому народу огромную и всестороннюю помощь. В частности, советский опыт решения национального вопроса значительно облегчал китайскому руководству выработку наиболее благоприятных политических и иных решений. Поэтому в первое десятилетие своего существования КНР добилась известных успехов в своей национальной политике.

В районах расселения национальных меньшинств Китая были проведены социально-экономические и культурные преобразования: осуществлена аграрная реформа с одновременной

⁷ При общей численности населения КНР свыше 800 млн. на долю не-китайских народов приходится примерно 50 млн. (до 6%), населяющих больше 60% современной территории страны. В абсолютном выражении эти данные довольно внушительны, но и они представляются устаревшими (так как основываются на переписи 1953—1957 гг.) и сильно приуменьшенными в политических целях. До 1949 г. считалось, что меньшинства составляют не 6, а около 10% всего населения. В отношении таких народов, как дунгане и монголы, последние официальные данные в 3—4 раза меньше общепринятых, в отношении других не-китайских народов — в 1,5—2 раза. См.: Т. Рахимов. Национализм и шовинизм — основа политики группы Мао Цзэ-дуна. М., 1968, с. 44; Великодержавная политика маонистов в национальных районах КНР. М., 1975, с. 3, 28, 75.

ликвидацией класса помещиков-феодалов и остатков крепостничества (распространенного в наиболее отсталых районах), приступлено к коллективизации, сопровождавшейся борьбой с кулачеством, достигнут подъем производительных сил в сельском хозяйстве, началось промышленное строительство. В национальных районах КНР в первые годы после революции наблюдался подъем культуры и образования, многие отставшие в своем развитии меньшинства получили письменность (часто на основе латинского алфавита), школы с преподаванием на родном языке и т. п.⁸.

Однако уже в те годы в национальной политике китайского руководства обнаружились некоторыестораживающие моменты. Тревогу внушали не отклонения от каких-либо «образцов», применявшихся в других социалистических странах. Напротив, у друзей нового Китая не вызывала сомнения допустимость и даже объективная необходимость творческого использования компартией Китая общих принципов социалистической революции и социалистического строительства с учетом исторически конкретных условий страны. Однако выяснилось, что возглавлявшееся Мао Цзэдуном китайское руководство под предлогом учета национальных особенностей полностью отказалось от основополагающих принципов марксистско-ленинской теории и практики. С конца 50-х годов, когда «особый» (в сущности, антисоветский и антисоциалистический) курс китайских лидеров начал выходить на поверхность, их шовинизм и национализм в идеологии и политике особенно отчетливо выразились именно в национальном вопросе.

Антимарксистские деформации по национальному вопросу в полной мере проявились как во внешнеполитическом курсе маоистов, так и в их внутренней политике. В первом случае пыльным цветом расцвела великодержавная амбициозность, питающаяся исконной китаецентристской традицией, прикрытой марксистской фразеологией. Идея мировой гегемонии была не очень глубоко запрятана в доктрине о Китае как о вожде мирового коммунистического движения, возглавляющего революционные силы на всех континентах. Конкретно экспансионистская сущность внешнеполитической концепции пекинского руководства сводилась к притязаниям на территории, когда-либо находившиеся в зависимости от китайской империи или входившие в состав государств, созданных иностранными завоевателями Китая (монголами, маньчжурами). Такими землями в Китае считают Вьетнам, Таиланд, Лаос, Кампучию, Бирму, Непал, Бутан, часть Индии, всю МНР, Корею и обширную часть СССР (территории на Дальнем Востоке, в Сибири, Казахстане и Средней Азии).

Эта агрессивная доктрина была густо настояна на самом

⁸ См.: Народы Восточной Азии. М., 1965, гл. I—XII.

махровом национализме и шовинизме, когда китайцам отдавалось предпочтение перед всеми другими народами мира. Для идеологического обоснования этого курса особенно охотно привлекались псевдоисторические аргументы, среди которых китайская официальная пропаганда первостепенное значение придавала возвеличению Чингисхана и его исторического «наследия»⁹.

Таковыми же принципами руководствовались китайские лидеры и при решении национального вопроса внутри страны. Практически их политика была направлена на насильственную китаизацию национальных меньшинств страны. При этом было полностью предано забвению марксистско-ленинское положение о том, что национальная ассимиляция есть сугубо естественный исторический процесс, которому должен предшествовать длительный период всестороннего расцвета национальной жизни меньшинств. Как писал орган ЦК КПК журнал «Хунци» в 1964 г., цель национальной политики — «полная ликвидация национальных различий и особенностей», которая, по словам газеты «Синьцзян жибао», якобы «является марксистской и коммунистической ассимиляцией, неизбежной тенденцией развития общества».

В соответствии с подобными установками власти в районах расселения национальных меньшинств проводили конкретные административные мероприятия. Они были нацелены не на объединение, а на разобщение народов, торможение процессов национальной консолидации. Созданные в большом количестве автономные административные единицы (до 70) распыляли и расчленяли единые народы, которые во многих из них очутились не только в абсолютном, но и в относительном меньшинстве. Автономные округа, уезды и волости (в провинциях Цинхай, Сычуань, Гуйчжоу и др.) фактически никакой автономии не обеспечивали. Проживающие там меньшинства были лишены даже возможности пользоваться родным языком в школах и средствах массовой информации¹⁰.

Что касается основных национальных районов страны — Тибета, Синьцзяна и Внутренней Монголии, то и там вследствие антидемократических, грубо шовинистических действий властей выросла стена недоверия и прямой вражды между местным, коренным населением и ними. Проводился сознательный курс на китаизацию этих районов путем массовых переселений в них китайцев. Каждодневно нарушались демократические принципы

⁹ Возвеличение Чингисхана современными китайскими историками носит не только антинаучный характер (игнорирование опустошительных последствий монгольских нашествий, в том числе на Китай в XIII в.), но и явный расистский (Чингисхан — представитель желтой расы), и скрытый ассимиляторский оттенок (монгол Чингисхан как бы сопричисляется к китайцам).

¹⁰ См.: Китайская Народная Республика. М., 1970, с. 169, 177, 183, 186; Великодержавная политика маоистов в национальных районах КНР, с. 75, 109, 119.

автономного управления, грубо попирались права коренного населения. Особенно усилились преследования национальной культуры и традиций в этих районах в период «культурной революции». Фактически тогда там была установлена военно-полицейская диктатура, вызвавшая огромное недовольство и открытое сопротивление народных масс. Хозяйственная и культурная жизнь пришла в состояние застоя.

Итак, национальная политика маоистских руководителей Китая вследствие их разрыва с марксистско-ленинскими принципами восприняла многие худшие традиции императорского и гоминьдановского режимов. С полным основанием можно сказать, что это случай, когда «мертвый хватает живого».

Дискриминационная, ассимиляторская политика руководителей КНР и КПК в отношении национальных меньшинств не может рассматриваться как явление локальное, изолированное. Она составляет неотъемлемую часть их антиленинского социально-политического курса. Эта политика подогревает атмосферу шовинизма, дает простор для разгула националистических страстей, межнациональной вражды, взаимной подозрительности и отчужденности, сводит к фикции конституционные гарантии и делает невозможным функционирование демократических институтов.

Естественно, что от такой политики страдают жизненные интересы не только национальных меньшинств Китая, но и самого китайского народа. Деформации в политическом курсе руководства КНР, в том числе и в его национальной политике, в значительной степени сводят на нет многие завоевания китайской революции для всех народов Китая, больших и малых.

Вред, нанесенный проводимой китайским руководством политикой великодержавного шовинизма, не ограничивается, однако, одними народами Китая. Она имеет большой международный резонанс, безусловно отрицательно влияя на освободившиеся страны, в особенности на регион Юго-Восточной и Южной Азии. Вместе с тем империалистические, феодально-клерикальные и правобуржуазные националистические круги воспринимают такую политику как неожиданный, но весьма ценный подарок.

Негативное влияние маоистской политики великодержавного шовинизма на внешний мир многозначно. Во-первых, она отравляет международную атмосферу в Азии, вызывая напряженность во взаимоотношениях Китая с теми его соседями, население которых родственно населению его национальных окраин (например, МНР, страны «гималайского пояса»). Во-вторых, она подчас вызывает нежелательные эксцессы во внутренней жизни тех стран, в которых проживает компактное китайское меньшинство, в значительной своей части находящееся под влиянием Пекина. В-третьих, и это главное, она способствует проведению антикоммунистической пропаганды как сре-

ди трудящихся масс Востока, отличающихся низким культурным уровнем и неискушенностью в политике, так и в особенности в мелкобуржуазной среде, склонной к националистическим предрассудкам.

Широкие и довольно влиятельные круги общественности в молодых развивающихся странах Азии и Африки не всегда могут отделить истинный марксизм-ленинизм от его «правых» и «левых» подделок, подчас принимают видимое за сущее и видят в нынешнем шовинистическом и националистическом курсе Пекина закономерность, а не частную деформацию, к тому же в значительной степени субъективного характера, порожденную крайне уродливыми проявлениями культа личности Мао Цзэ-дуна. Разумеется, все это создает благоприятные условия для злонамеренных спекуляций со стороны самых реакционных и черносотенных сил как на Востоке, так и на Западе.

Таким образом, идеология и политика руководства КНР в национальном вопросе стали играть отрицательную роль на всем Востоке, особенно в последние 15—20 лет. Скорейшее изменение этой идеологии и политики, возвращение их в русло марксизма-ленинизма — насущная задача современности, осуществление которой поможет разрешению национальных проблем на Востоке, будет соответствовать коренным интересам не только народов Китая, но и всех других народов развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Основные черты национального развития освободившихся стран Востока

«Национальное развитие» — понятие широкое, емкое и многосоставное. Оно включает в себя и собственно этническую динамику (т. е. интеграционные и дезинтеграционные процессы у отдельных общностей людей на всех стадиях их этнической истории), и сопутствующие ей изменения социально-экономического, политического и идеологического характера¹¹.

В этническом отношении зарубежный Восток представляет собой весьма пеструю и многообразную картину, но в этом кажущемся хаосе можно увидеть определенную систему. Напомним, что источник ее происхождения — общность исторических

¹¹ Ср. определение акад. Ю. В. Бромлея: «Учитывая наличие двух форм существования этнических явлений, одно из которых выражено этносом, другое — этносоциальным организмом, представляется важным различать собственно этнические и этносоциальные процессы. К первым относятся изменения в сфере этнического, ко вторым — также разнообразные преобразования в социально-экономической и политико-идеологической сферах жизни людей, входящих в те или иные этносы... Основной разновидностью современных этносоциальных процессов являются национальные процессы, понимаемые как изменения, касающиеся и социально-экономических и этнокультурных компонентов нации». — «Советская этнография». 1977, № 1, с. 7.

судеб и сравнимость основных показателей социально-экономического, политического и культурного развития.

Главная черта, характеризующая этнический фон изучаемого региона, состоит, как уже отмечалось, в молодости сформировавшихся здесь наций, в существовании значительного числа народностей, еще не консолидировавшихся в нации, а во многих местах и племенной структуры, т. е. в динамичности всего этнического процесса в целом. Иными словами, этнонациональное развитие в странах Азии и Северной Африки еще не завершено в отношении подавляющего большинства народов этого района, не только малых, но и крупных. На Востоке в настоящее время сосуществуют (иногда в рамках одного региона или даже страны) все три главные его стадии: складывание племен в народности, формирование наций из народностей и внутренняя консолидация уже сложившихся наций, превращение их в развитые нации в современном понимании.

Следующая особенность современных национальных процессов на Востоке — преобладание именно второй стадии («формирование наций из народностей») как наиболее типичной и распространенной, отражающей в национальном плане нынешний уровень развития большинства народов Азии и Северной Африки. «Дух времени» — это появление на восточной арене молодых, бурно развивающихся и динамичных наций, что, заметим кстати, служит одной из важнейших причин многих катаклизмов, происходящих ныне на Востоке.

Наконец, еще одна общая особенность — это необычайная быстрота (конечно, в сравнительно-историческом разрезе) протекающих ныне на Востоке национальных процессов, которая служит источником многих острых политических конфликтов. Если в Западной и Восточной Европе формирование современных наций растянулось на века, то в развивающихся странах этот процесс по вине колониализма начался гораздо позже, а протекает в наше время значительно быстрее. Исчезает еще недавно распространенная на всем Востоке племенная структура, многие народности уже в современную эпоху вызревают в молодые нации, последние консолидируются и крепнут на глазах наших современников. Акселерация национальных процессов на современном Востоке (вызванная факторами социально-экономического и политического характера) приводит, в частности, к тому, что грани между различными, быстро сменяющимися друг друга их стадиями для непосредственного наблюдения становятся трудно различимыми. Кстати, отсюда проистекают и затруднения в распространении на современные народы Азии и Африки общепринятых понятий этнической таксономии и иерархии, когда надо, например, отличить народность от складывающейся нации и т. п.

Из всего этого можно сделать вывод о крайней сложности проблемы изучения национальных процессов на современном

Востоке. Наиболее актуальной задачей будет изучение, как проявляется частное в общем, т. е. как на фоне главных закономерностей и указанных выше факторов происходит национальный процесс в конкретной ситуации определенной страны или региона.

Основной вопрос, который возникает при изучении современного состояния национальных процессов на Востоке, — это установление характера их зависимости от социально-экономического базиса и типов общественного устройства. Наличие такой зависимости — азбучная истина для марксистов, но ее механизм и социальное содержание в разные эпохи разные.

За исключением нескольких социалистических государств, во всех остальных странах зарубежного Востока господствуют капиталистические отношения разной степени развитости. Для исследования специфики современных национальных процессов этой констатации явно недостаточно. В данном случае особое научно-практическое значение имеют социально-политическое устройство и направление развития отдельных государств.

Общепринятая группировка развивающихся стран, в том числе Азии и Северной Африки, по типу и направлению социально-экономических и социально-политических процессов дает основу и для характеристики их современного национально-го развития. Однако, беря в качестве основополагающего классовый критерий, в каждом отдельном случае необходимо будет самым серьезным образом учитывать четыре фактора, оказывающих огромное влияние (чаще не прямое, а опосредованное) на национальные процессы:

1. Уровень социально-экономического развития. (Чем более развита страна по основным показателям своего экономического положения и социальной структуры, тем на более высокой ступени находятся населяющие ее народы.)

2. Характер общественно-политического строя. (Чем более прогрессивными являются социальный строй и общественные отношения, тем в более благоприятных условиях идет естественноисторический процесс этнонационального развития.)

3. Исторически сложившаяся национальная структура данного государства. (В многонациональных государствах этот процесс протекает не только своеобразно, но и с большими затруднениями, чем в странах с относительно однородным населением.)

4. Степень и особенности влияния местных традиций, исторических воспоминаний, психического склада данных этнических коллективов и особенно распространения определенных религиозных систем. Религия до сих пор остается важным этнообразующим фактором на Востоке.

Указанные факторы дают только основу для классификации национальных процессов на Востоке, не более того, по двум основным причинам.

Во-первых, существуют и в любой момент могут возникнуть важные привходящие моменты, не поддающиеся учету и прогнозированию. Во-вторых, эти факторы находятся не в изолированном, чистом виде, а в смешении и органическом взаимодействии друг с другом. Так, есть страны с довольно прогрессивными порядками, но крайне отсталые в хозяйственном и культурном отношении. Поэтому при конкретном анализе приходится выделять один из факторов как ведущий или группу основных факторов.

Первый фактор — уровень экономического и социального развития — имеет наиболее фундаментальное значение для социально-политической характеристики национальных процессов. Сама собой напрашивается следующая закономерность: чем выше уровень, чем более развитой является та или иная страна — тем дальше продвинулся национальный процесс в ней до своего логического завершения — окончательно консолидированной и оформившейся нации (или наций, если государство многонациональное).

Конечно, эта закономерность имеет всеобщий характер, относится ко всем странам и континентам. Специфичность же ее проявления на Востоке заключается в том, что именно там она выражена наиболее четко. Объясняется это наличием значительного перепада в уровне экономического и социального развития развивающихся стран Азии и Северной Африки.

На современном Востоке высокоразвитых стран почти нет. Исключение составляют лишь Япония и в известной мере Израиль, для которых характерны очень высокие темпы национальных процессов (в Японии — в недавнем прошлом, в Израиле — в настоящее время). В исторически кратчайший срок здесь сформировались типично буржуазные нации со всеми специфическими чертами, что было вызвано комбинацией своего рода исключительных условий и обстоятельств (экономического и политического свойства) главным образом на международной арене. Однако и в этих странах национальные процессы отличаются от классических образцов, которые дал буржуазный Запад, и не могут считаться завершенными даже в рамках буржуазной системы. В этнопсихологическом облике японского народа, во внутрисоциальной структуре японского общества и в присущих ему идеологических воззрениях видны сильные пережитки недавнего феодального прошлого и традиционных, типично азиатских (точнее, восточноазиатских) структур. Еврейская нация в Израиле еще не может считаться на текущий момент достаточно консолидированной и устойчивой как вследствие своей этнокультурной и лингвистической разнородности, так и по причине хронической нестабильности политических, в особенности внешнеполитических, условий ее существования.

Другую и весьма многочисленную на современном Востоке группу составляют страны со средним уровнем развития со-

циально-экономических структур (с широкой шкалой градации развития). Сюда относятся две категории стран со своими особенностями национальных процессов.

Первая категория — это государства с давно сложившейся и устоявшейся капиталистической структурой (хотя и отягощенной более или менее значительным грузом докапиталистических пережитков), которые особенно быстро развивались в 50—70-е годы исключительно по капиталистическому пути, превратившись за этот период из аграрных в аграрно-индустриальные государства. На Ближнем Востоке это, например, Турция, Иран, Ливан, в Юго-Восточной Азии — Таиланд, Филиппины, Малайзия, Сингапур. Эти страны в национальном отношении объединяют важные особенности их исторического развития и современного экономического и политического положения.

Так, часть стран указанной группы (Турция, Иран, Таиланд) в прошлом были не колониями, а полуколониями главных капиталистических держав. Они раньше большинства колоний добились полной независимости (после первой мировой войны), вступили на путь самостоятельного развития (в относительном, конечно, смысле). Другие (Ливан, Сингапур) занимали исключительно выгодное географическое положение на перекрестках торговых путей, поэтому там создались особо благоприятные условия для процветания богатой и влиятельной торгово-компраторской буржуазии. Наконец, государства этой группы были еще в недавнем прошлом наиболее тесно связанными и экономически, и политически, и идеологически с империалистическими державами Запада, особенно с Соединенными Штатами Америки, состояли членами находившихся под эгидой политических блоков.

Условия формирования наций в этих странах имели свои особенности. Во-первых, оно в бывших полуколониях началось сравнительно давно (в Турции, например, с середины XIX в.) и протекало в относительно более благоприятном идейно-политическом климате, чем в некоторых колониях. Во-вторых, в таких полуколониях основные нации (турецкая, персидская и т. д.) начали выступать именно как господствующие по отношению к национальным меньшинствам (чем они существенно отличались от формирующихся наций в Индии, Индокитае, Индонезии и других чисто колониальных районах, которые в колониальный период выступали только как угнетенные империализмом, а не как угнетающие нации). В-третьих, на социальную жизнь этих государств большое влияние оказывали реакционные тенденции в их внутренней и внешней политике, отчасти вызванные империалистическим нажимом.

Отсюда вытекают характерные признаки национальных процессов в странах Востока, быстро развивавшихся по «западному» образцу. К их числу прежде всего следует отнести довольно высокую степень этнической консолидации в господст-

вующих нациях, особенно в сравнении с национальными меньшинствами, в большинстве из этих стран. Здесь мы видим развитые нации, в которых центробежные тенденции в основном уже преодолены, со сложившимися традициями, богатой культурой, с устоявшейся идеологией и политикой национализма. Вместе с тем и эти нации нельзя считать вполне консолидированными, процесс внутреннего сплочения еще продолжается на наших глазах за счет естественной и насильственной абсорбции различных этнических компонентов. Еще одним признаком можно считать заметное ускорение темпов этнической консолидации за последние четверть века, главным образом за счет таких сопутствующих бурному экономическому развитию явлений, как индустриализация с неизбежными миграциями населения и урбанизацией. Наконец, признаком того, что национальный процесс в господствующих нациях указанных стран близится к завершению, является все растущая и углубляющаяся классовая стратификация этих наций. Они быстро идут к тому, чтобы стать типично буржуазными нациями со всеми присущими им противоречиями.

Другую группу «среднеразвитых» стран современного Востока составляют недавние колонии, социально-экономические структуры которых отличаются особой контрастностью уровней. К числу таких стран можно отнести Индию, Пакистан, Бирму, Египет и ряд других арабских стран. Их можно условно объединить в национальном отношении по следующим признакам.

Во-первых, политическое, в частности государственно-национальное, развитие этих стран далеко еще не завершено, главным образом потому, что они сравнительно поздно обрели политическую независимость, в основном только после второй мировой войны, и то многие из них не сразу. Это отставание (в сравнении с предыдущей группой), разумеется, сказалось на состоянии национального вопроса в них в целом, на ходе этнических процессов в частности.

Во-вторых, интенсивность, темпы национальных процессов в этих странах находятся на более низком уровне. Функционально это связано с замедленными темпами развития экономики и вообще производительных сил общества (особенно относительно к росту населения) со всеми непосредственно влияющими на национальные процессы факторами (имеется в виду степень разложения традиционных социальных структур, урбанизация, миграции населения и т. д.).

В-третьих, социальное направление национальных процессов в некоторых из этих стран альтернативно. Конечно, в них, как правило, объективно развиваются и крепнут капиталистические отношения, но это не дает основания все сформировавшиеся и формирующиеся нации этой группы безоговорочно зачислять в разряд буржуазных. Перед многими странами рассматриваемой группы остро стоит проблема выбора пути дальнейшего

развития. Практически для некоторых из них существует возможность перехода в настоящее время на путь социалистической ориентации, а другие уже вступили на него. Поэтому допустима вероятность коренного или частичного изменения социального содержания того или иного национального процесса.

В-четвертых, для указанных стран Востока особенно характерна неравномерность как в уровнях национального развития отдельных народов, так и в темпах и интенсивности основных этнических процессов. Таким образом, многообразие национальных ситуаций в этой группе стран Востока выражено значительно больше, чем в других группах.

Наконец, на современном Востоке представлена группа стран и народов (на островной части Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока, Непал и другие пригималайские районы, дореволюционный Афганистан, районы Аравийского п-ова, Южного Судана, присахарской части Магриба), находящаяся на крайне низком уровне развития (характерном для большинства стран Африки), где можно встретить лишь отдельные анклавные современного производства и соответствующих ему социально-экономических отношений. Интенсивность, характер и направление национальных процессов в этих странах отличают низкие темпы, примитивный уровень и архаичный облик. Часто бывает трудно определить, какого рода национальная общность формируется в данной стране, и по ее этнической принадлежности, и по степени стадияльной зрелости. Несомненно установленными могут считаться только два обстоятельства:

1. Современная эпоха с ее динамизмом и всеохватывающей мобильностью способствует ускорению национальных процессов даже в самых отставших в своем развитии обществах зарубежного Востока, так что «донациональные» этнические общности во многих странах рассматриваемого региона можно считать в наше время пережиточными категориями, неизбежно обреченными на исчезновение.

2. Национальным процессам в слаборазвитых странах Востока также присуща социальная альтернативность, порожденная воздействием переживаемой эпохи, т. е. отсутствует providенциальная неизбежность формирования в таких странах именно буржуазных наций по западным моделям; теоретически и практически возможно появление там стадияльно более высоких и зрелых этнонациональных общностей.

При наличии перечисленных общих черт, характеризующих современные национальные процессы в разных по уровню развития странах зарубежного Востока, остальные факторы, влияющие на эти процессы, а также конкретные особенности национального развития можно проследить только по отдельным региональным подгруппам, каждая из которых обладает определенным географическим, историческим, этнолингвистическим и культурным единством.

Глава II

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ АЗИЯ)

Океания¹

В современном мире Океания стоит несколько особняком. Это объясняется как своеобразным географическим положением региона, так и сохранностью архаичных форм социального и этнического развития, а также значительным влиянием до самого последнего времени колониализма и неоколониализма.

Однако политическое развитие стран Океании приобрело в 70-е годы столь стремительные темпы, что ситуация меняется на глазах. Идея освобождения стала наиболее характерной чертой политической жизни последнего десятилетия. Подавляющая часть населения Океании 1980 г. уже живет в условиях независимости (Западное Самоа, Науру, Фиджи, Тонга, Папуа-Новая Гвинея, Тувалу, Соломоновы острова, Кирибати, Новые Гебриды). И хотя ряд территорий Океании еще остаются в колониальной зависимости разного типа, несомненно, что ее существование ограничено ближайшим будущим.

Интенсивное политическое развитие протекает на фоне общей социально-экономической отсталости, широкой распространенности ранних форм социальной, в том числе этнической организации общества. Это определяет особенности национального развития народов Океании.

Национально-этническая ситуация в Океании прежде всего обусловлена такими особенностями географического положения региона, как островная дробность, крайняя незначительность в абсолютном выражении территориально-административных единиц и их населения и т. п., своеобразием политической обстановки, исторически сложившимися специфическими чертами этнической структуры. При общей небольшой численности населения (примерно 4,6 млн. человек) и абсолютном преобладании

¹ Здесь не рассматриваются географически входящие в Океанию Новая Зеландия и Гавайи, а также принадлежащий Индонезии Западный Ириан.

аборигенов этническая картина Океании характеризуется, во-первых, чрезвычайной дробностью этнических коллективов (подразделяемых весьма условно по расовым и лингвистическим признакам на папуасов, меланезийцев, микронезийцев и полинезийцев)²; во-вторых, низким, начальным уровнем их национального развития (в этом отношении Океания отчасти схожа с большинством африканских стран); в-третьих, и это главное, относительным динамизмом этнонациональных процессов, их наглядностью для современников.

Для Океании характерны этнообъединительные процессы как консолидационного, так и ассимиляционного типов, однако в настоящее время преобладает первый тип.

Течение консолидационного процесса в Океании зависит от ряда факторов: от уровня социально-экономического развития, от географической среды, от степени изолированности или контактности с соседними народами, от внутри- и внешнеполитических условий, в которых протекает развитие, от особенностей этнической структуры населения.

Более благоприятные условия для консолидации существуют в Полинезии, на Фиджи и в меньшей степени в Микронезии, которые имеют сравнительно простую этническую структуру. Что касается Меланезии вместе с Новой Каледонией и Папуа-Новой Гвинеей, отличающихся сложным этническим составом, то консолидационные процессы относительно легче идут в тех районах, где население близко в языковом, культурном и антропологическом отношении. В этом случае Меланезия (с Новой Каледонией), большая часть населения которой говорит на родственных языках, имеет преимущество перед Папуа-Новой Гвинеей, где представлены несколько групп языков, генетически совершенно между собой не связанных.

Наконец, существенный фактор национального развития — политические условия. В первых независимых государствах Океании и в районах наиболее развитого национально-освободительного движения консолидационные процессы идут в относительно более благоприятном политическом климате; там, где пока сохраняются колониальные режимы разных типов, сдвиги в национальном развитии совсем незначительны или малозаметны.

Важнейшим фактором, стимулирующим этнонациональные процессы, является государственная политика. Наиболее ясно прослеживается ее воздействие там, где вследствие сложной этнической структуры и особенностей ландшафта национальная консолидация находится на ранних стадиях, на Папуа-Новой Гвинее в частности. Формирование территориально-админи-

² UNESCO. Statistical Yearbook 1975. T. 1, c. 27, 31. P., 1976. Annuaire démographique 1972. Nations Unies. N. Y., 1973, T. I, c. 119; П. И. Пучков. К анализу этнической ситуации в Океании. — «Вопросы истории». 1968, № 10, с. 91—92.

«стративных образований с выборными органами управления, создание автономных правительств в районах, где еще не сложились свои органы власти, регулирующие отношения между родовыми общинами и этническими образованиями, находящимися на ранних стадиях племенной организации, может привести к тому, что этническое развитие, минуя племенную стадию, приблизится к формированию народности.

В целом процесс этнической интеграции, т. е. сближения внутри одной страны автономных этнических единиц в социально-политическую и этнополитическую общность, протекает под воздействием современных перечисленных выше факторов в 60—70-е годы гораздо интенсивнее, чем прежде.

Роль политических стимулов, воздействие революции в области просвещения, развернувшейся в Океании с 60-х годов нашего века, влияние средств массовой информации очень значительны в пробуждении национального самосознания, осмысления места своего народа в жизни страны и мира³. На примере наименее этнически и социально развитых районов Папуа-Новой Гвинеи и архипелага Новые Гебриды отчетливо видно, как процесс формирования национального и этнического самосознания как бы опережает объективные этноконсолидационные процессы.

Консолидационные процессы в различных районах Океании отличаются по своей стадильности, структуре, масштабам. Так, на одних архипелагах этнонациональная консолидация только намечается, в других — налицо завершающий этап этого процесса.

На ранней стадии находится этническое развитие на Папуа-Новой Гвинее. Среди советских зарубежных океанистов существует мнение, что во многих районах Папуа-Новой Гвинеи не всюду еще сложился даже племенной строй⁴.

В Южной и Юго-Восточной Меланезии процессы этноконсолидации протекают довольно интенсивно (Новая Каледония вместе с архипелагом Луайоте, Фиджи.) Здесь заметно выше уровень социально-экономического развития (сказывается проникновение капиталистических отношений), территория более компактна, этническая структура населения однородна.

Еще дальше зашел процесс консолидации на архипелагах Полинезии, поскольку факторы, способствующие ускорению этнонациональных процессов, здесь выражены сильнее всего. Во многих районах Полинезии происходит дальнейшее сплочение уже сложившихся народностей.

В Океании представлено несколько вариантов внутренней структуры процесса консолидации. В одних случаях на первый

³ Politics of Melanesia. Port Morsby, 1970; An. Clunie Ross and J. Laugmore. Alternative Strategies for Papua New Guinea. Melbourne, 1973; H. J. Hogbin. Social Change. L., 1958, с. 209, 210.

⁴ Национальные проблемы современного Востока. М., 1977, с. 178—196.

план выступает языковое единство, а затем уже возникает представление об этнической близости. В других — у контактирующих групп населения сперва возникает общее этническое самосознание, подчас до установления единого языка. Вообще в Океании более распространен второй вариант, особенно на большинстве архипелагов Меланезии и Микронезии.

Наконец, консолидационные процессы в Океании заметно различаются между собой по своим масштабам. Здесь можно наблюдать и явления национального сплочения всего аборигенного населения данной страны или даже его части. Часто эти два процесса — макроконсолидация и микроконсолидация — сочетаются. Это можно отчетливо наблюдать, например, на Соломоновых островах, Новых Гебридах, и особенно в Микронезии и во Французской Полинезии, где наряду с окончательным этническим оформлением таитян, тубуайцев, туамотуанцев, мангареванцев, хиванцев и других одновременно наступила ранняя стадия макроконсолидации, в первую очередь выражающаяся в широком распространении таитянского языка.

Из неаборигенных народов Океании процесс национальной консолидации коснулся главным образом выходцев из Индии, почти целиком проживающих на Фиджи. У них широкое распространение в качестве языка межгруппового общения получил хинди; солидарно они выступают и в национально-освободительном движении.

Процессы этнической ассимиляции имеют в Океании меньшее распространение; они идут в основном в тех районах, где развиты промышленность или плантационное хозяйство и куда, следовательно, ввозится рабочая сила. Ассимиляция происходит быстрее, когда процент иноплеменной группы в населении района невелик или если инородная группа расселена не компактно, а дисперсно (потомки выходцев с Соломоновых островов и Новой Каледонии, а также ротуманцы, самоанцы, тонганцы среди фиджийцев⁵).

Из всех этнических групп Океании легче и быстрее всего подвергаются взаимовлиянию полинезийские народы, ибо они близки между собой в языковом, культурном и расовом отношении. Но полинезийцы, попадающие в чужеродную этническую среду (например, в Меланезию, как это происходит с выходцами с о-вов Уоллис, выезжающими на заработки на Новые Гебриды), ассимилируются мало. Вообще на примере народов Океании видно, что этнической ассимиляции благоприятствуют приблизительно одинаковые уровни культуры или когда ассимилирующая среда несколько выше (но не очень значительно) ассимилируемого этноса. Так, выходцы с Соломоновых островов сравнительно легко ассимилируются более культурными фиджийцами, но не наоборот.

⁵ A. Burns. Fiji. L., 1963, с. 111.

В целом более интенсивное развитие в ближайшем будущем этнообъединительных процессов в Океании не вызывает сомнения. В основной же части Меланезии и на Папуа-Новой Гвинее этническое развитие пойдет на нескольких уровнях. Микропроцессы — на отдельных островах, макроконсолидация — в пределах более крупных территорий. Впрочем, это дело трудно прогнозируемого будущего.

Таким образом, существеннейшим моментом нынешней национальной ситуации в Океании является органическая и функциональная связь динамично протекающих этнонациональных процессов с антиимпериалистической борьбой народов этого региона за национально-государственное самоуправление. неизбежное в ближайшем будущем появление там новых суверенных государств внесет важные коррективы в этнические процессы, в частности создаст условия для формирования и последующей консолидации в Океании высшего типа этнических общностей — наций.

Юго-Восточная Азия

Юго-Восточная Азия выделяется в наше время крайней напряженностью внутреннего и международного положения. Именно здесь оказались сфокусированными многие острейшие социально-классовые, внутри- и внешнеполитические противоречия эпохи, как местного, так и глобального значения. Одновременно и следствием и отчасти причиной такого положения явились присущие этому региону различия социально-политических структур и идеологических систем, хотя не вызывает сомнения географическая, этнолингвистическая, историко-культурная близость, а то и родство народов и стран Юго-Восточной Азии. Естественно, что столь разительные контрасты не могли не сказаться на ходе национальных процессов и на общем состоянии национального вопроса в этом районе.

По социально-политической ориентации национальных процессов страны Юго-Восточной Азии делятся на две примерно равные группы. К первой из них принадлежат государства, быстро развивающиеся по капиталистическому пути, с более или менее четко выраженным прозападным курсом и относительной политической стабильностью. Это — Таиланд, Малайзия, Сингапур, Филиппины.

При всем разнообразии местных условий каждой из перечисленных стран в них можно заметить сходные черты и в национальной ситуации, и в специфике национальных процессов. Главная причина этого заключается в наличии одного общего знаменателя, влияющего на национальные процессы, — ускоренные темпы развития капитализма и производительных сил в 50—70-е годы XX столетия. Это приводило к консолидации господствующих наций на буржуазной основе, к переходу нацио-

нальных меньшинств на более высокую ступень этнического развития и как следствие этого — к общему обострению национального вопроса.

В Таиланде формирование господствующей нации — тайской (кхонтай, или сямцы) завершилось сравнительно недавно — в период между двумя мировыми войнами. Хотя тайцы особенно не доминируют, составляют 50—60% населения, именно они задают тон в этой стране, тайский национализм является официальной идеологией и политикой.

Тайский национализм до сих пор существует как бы в двух вариантах, отражающих особенности недавнего исторического прошлого страны: феодально-монархическом и буржуазном. Для обоих вариантов характерно утверждение прежде всего независимости страны. В то же время тайскую концепцию национализма, особенно ее преобладающий в наше время буржуазный вариант, отличает отсутствие ксенофобии, этой оборотной стороны этнопсихологического комплекса неполноценности, обычно развивающегося у тех народов Азии и Африки, которые долго терпели колониальный гнет западных держав. Таиланд же никогда не находился в полной колониальной зависимости. Поэтому, вероятно, тайский национализм в достижениях передовой цивилизации, в том числе и западной, охотно признает пример для своей отсталой страны⁶.

В последние десятилетия развивается крайняя и, несомненно, реакционная форма тайского национализма — пантаизм, что нашло свое формальное выражение в переименовании в 1939 г. Сиам в Таиланд. Пантаизм отражает шовинистические устремления верхов консолидирующейся тайской (сиамской) нации в отношении других народов страны, главным образом принадлежащих по этнолингвистическим признакам к тайской группе (лао и др.)⁷. «Материальной базой» для пантаизма является усиленное освоение тайландской буржуазией, особенно буржуазией сиамской, внутреннего рынка страны, развитием вширь и вглубь национального капитализма. Параллельно идет рост и консолидация тайской нации; тайцы быстро ассимилируют родственные им народы и племена, в первую очередь тайской группы, и в то же время сами приближаются к нациям современно-го типа, освобождаясь от архаических примет феодальной народности.

Однако до завершения этого процесса еще далеко главным образом из-за того, что место тайцев в социально-экономическом строе страны, в ведущих укладах, не адекватно их политическому положению. Китайский этнос (свыше 11% населения — до 5 млн. человек) в этом отношении составляет тайцам сильнейшую конкуренцию. (Аналогичная ситуация сложилась

⁶ Е. В. Иванова. Таиланд. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, с. 262—263.

⁷ Там же, с. 264.

и в ряде других государств региона). На рудниках китайских капиталистов в 50-х годах добывалось до 40% олова. Китайскому капиталу принадлежит большинство крупнейших в стране рисорешек, не менее 50% всей площади под каучуконосами. В руках китайского капитала полностью или частично находится 347 банков Таиланда, в том числе 13 крупнейших⁸. Для китайского капитала характерна высокая степень монополизации и концентрации; ключевые позиции в экономике страны занимают несколько крупнейших семейств мультимиллионеров. Китайские предприниматели контролируют 72% розничной торговли Таиланда. Наконец, среди лиц наемного труда тоже преобладают китайцы. Рабочий класс Таиланда вообще формировался на базе китайских иммигрантов, которые составляют большинство квалифицированной рабочей силы на крупных предприятиях, транспорте, в торговле; 75% рабочих добывающей промышленности — китайцы⁹.

Указанное несоответствие, в какой-то степени задерживая консолидацию тайской нации, одновременно усиливает полицентризм национальных процессов, понижает эффективность этнообъединительных факторов в общетаиландском масштабе. Сильную «конкуренцию» тайцам оказывает второй по численности народ страны — лао (до 10 млн.), населяющие север и северо-восток страны. Правда, развитие капитализма в районах расселения лао идет медленнее, чем в землях тайцев, из-за феодальных пережитков и прочих неблагоприятных условий, порожденных шовинистической политикой властей. Однако лао (особенно на северо-востоке, в Исане) отличает сильно развитое национальное самосознание, богатые традиции освободительной борьбы, развивавшиеся в значительной степени под влиянием движения Патет-Лао в соседнем Лаосе, где проживает также часть этого народа.

Отдельный и довольно консолидированный национальный конгломерат составляют малайцы (до 1 млн.), населяющие южные провинции Таиланда. Малайцы резко отличаются в антропологическом, языковом, религиозно-культурном отношении от всего остального населения страны. В аналогичном положении находятся кхмеры и вьетнамцы.

Для Таиланда характерен огромный разрыв между уровнями национального развития отдельных этнических групп. Наряду с этносами, уже сформировавшимися как нации, Таиланд

⁸ Н. А. Симония. Население китайской национальности в странах Юго-Восточной Азии. М., 1959, с. 85—86, 105, 120; Крупный капитал и монополии стран Азии. М., 1970, с. 274, 276, 286, 292.

⁹ Рабочий класс стран Азии и Африки. М., 1964, с. 210. Если классифицировать по роду занятий, то китайский элемент составляет: в коммерции — 70%, в промышленности — 22, в рыболовстве и сельском хозяйстве — 8%; «деловой мир» Бангкока на 55% состоит из китайцев (Е. В. Иванова. Проблемы этнонационального развития народов Таиланда. — «Расы и народы». Ежегодник. № 5, М., 1975, с. 152).

населяют народности, только что вышедшие из феодальной эпохи (карены, шаны и др.), а также (особенно в горах и джунглях) племена, находящиеся на весьма примитивных стадиях общественного развития (например, лису, акха, мяо, яо и др.), а то и вовсе живущие собирательством и охотой (мраби, или юмбри, или, отчасти, маукены)¹⁰. Если народы, уже изжившие племенной строй, сравнительно легко поддаются ассимиляции, то для самых отсталых племен соприкосновение с XX в. часто бывает губительно.

Таким образом, влияние быстро растущего капитализма на национальную ситуацию и национальные процессы в Таиланде отличается значительной неравномерностью по отношению к различным этносам.

Национальная ситуация в Таиланде в значительной степени типична и для других стран Юго-Восточной Азии рассматриваемой группы. Формирующиеся в соседней Малайзии этнические общности также носят ярко выраженный буржуазный характер. Однако если Таиланд всегда был, во-первых, относительно централизованным, а, во-вторых, суверенным, хотя и зависимым в течение долгого времени государством, то для Малайзии характерна феодальная раздробленность и длительное существование колониального режима, ликвидированного совсем недавно, в 1957 г. Стало быть, в Малайзии были менее благоприятные условия для формирования и консолидации господствующей нации.

Под прямым или косвенным влиянием колониализма происходило и становление малайской нации (некогда относительно единая малайская этническая общность в первой четверти XIX в. была разделена английскими и голландскими колонизаторами), и формирование нынешнего национального состава Малайзии. Сами малайцы сейчас составляют всего 45% населения Малайзии, или немногим более 50% собственно Малайи. Только они, а также даяки входящих в Малайзию частей Калимантана (Саравака и Сабаха) считаются коренными жителями. Появление остальных крупных этнических групп в стране — китайцев (около 35% населения) и индийцев (около 10%) было вызвано в свое время главным образом потребностями колониальной экономики.

До сих пор сохраняются серьезные препятствия на пути консолидации малайцев в нацию. Главное из них — малайцы не доминируют ни в национальном составе, ни в экономической жизни малайского общества. Даже на территории п-ова Малакка, не говоря уж о Северном Калимантане, они не расселены более или менее компактно. Составляя подавляющее большинство на востоке Малакки, малайцы гораздо меньше представлены на западе и особенно на юго-западе полуострова,

¹⁰ Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966, с. 283—288.

где находятся основные жизненные центры малайской экономики: добыча олова и плантации каучуконосов. Малайская прослойка городского населения значительно уступает китайской (свыше 60%) ¹¹. Основная часть малайцев (около 80%) живет в деревне, занимаясь земледелием и рыбной ловлей; преимущественно это мелкие товаропроизводители.

Итак, социально-экономический базис малайской нации крайне слаб; в нем представлены только низшие, в основном негородские, уклады.

Правда, после получения независимости в стране возник благоприятный политический климат для консолидации малайской нации как господствующей. В руках малайцев с помощью англичан сконцентрировались ключевые позиции в высших правительственных учреждениях, в среднем и низшем административном аппарате, в армии и полиции; приоритет и привилегии малайцев получили юридическое оформление. Подавляющий перевес малайского элемента в политической надстройке государства рано или поздно скажется на социально-экономической сфере, как свидетельствует об этом опыт всех многонациональных стран с капиталистической экономикой. Совсем иная этническая ситуация сложилась в другой части государства Малайзии — на Северном Калимантане.

Здесь аборигенами (около половины населения) являются индонезийские племена — ибаны, кедаены и другие, известные под общим названием «даяки». Ими заселены главным образом внутренние и западные районы острова. По уровню социального и национального развития даяки Северного Калимантана, едва только начавшие выходить из стадии традиционного племенного строя, значительно отстают от малайцев, но в то же время опережают своих соплеменников на индонезийской части острова. Причина понятна — более быстрые темпы развития экономики в Малайзии по сравнению с соседней Индонезией.

Совпадение географической и этнической двухполюсности Малайзии таит в себе угрозу раскола страны. Правда, сильное отставание даяков от малайцев в национальном отношении и внутренняя колонизация Саравака и Сабаха более развитой Малайей, выражающаяся преимущественно в этнической экспансии малайцев, а также китайцев и индийцев в экономически развитые прибрежные районы Северного Калимантана безусловно затруднит развитие центробежных тенденций.

Для национальной ситуации в Малайзии характерен высокий уровень этнической консолидации некоренных этносов — китайцев и индийцев, особенно первых, что объясняется их доминирующим положением в ведущих социально-экономических укладах. 90% из 3,7 млн. китайцев сосредоточены в экономически развитых западных районах страны. В социальном отношении

¹¹ Там же, с. 374.

китайская община наиболее дифференцирована. В ней представлены основные классы капиталистического общества — торговая и промышленная буржуазия (крупная, средняя и мелкая) и пролетариат, главным образом промышленный; весьма заметны прослойки ремесленников и интеллигенции.

Китайским предпринимателям принадлежит до 40% всей оловодобычи страны, до трех четвертей всех каучуковых плантаций, китайский капитал контролирует большую часть лесного хозяйства и транспорта. Значительная часть экспортной торговли контролируется принадлежащей миллионеру Ли Кошаню фирмой «Ли Раббер», а также фирмами «Аик Ху» и «Ка Хин Раббер». В банковской системе Малайзии китайский капитал намного превосходит капитал других национальностей. Финансы страны контролируют такие мощные банки, как «Оуверсиз Чайниз Бэнкинг Корпорейшн», «Биуан Ши Бэнк», «Квон Ли Бэнк», «Ва Та Бэнк», «Хо Хуа Бэнк» ¹². Китайские же рабочие в начале 60-х годов на территории бывшей Малайской федерации составляли 29% на каучуковых плантациях и 75% в обрабатывающей промышленности ¹³.

Индийцы (до 1 млн., большей частью тамилы) также населяют в основном западные районы Малаккского полуострова. Влияние индийского капитала в экономике, значительно уступающая китайскому, заметно превосходит малайский. К началу исследуемого периода индийским капиталистам принадлежало 17 тыс. предприятий (против 80 тыс. китайских), 18% каучуковых плантаций (малайцам — 7%) ¹⁴. Значителен процент индийцев среди торговцев и лиц свободных профессий, а также среди плантационных рабочих, но в общем большинство индийцев принадлежит к средним слоям.

Таким образом, национальная ситуация в Малайзии характеризуется особенно резкой диспропорцией между экономическим и политическим положением главных этнических групп. К тому же в Малайзии некоренные общины весьма тесно сплочены и слабо поддаются ассимиляции ¹⁵. Все это создает базис для экономического национализма в этой стране, усугубленного к тому же религиозными противоречиями (этнические различия почти буквально совпадают с конфессиональными, причем основной этнос — малайцы — мусульмане).

¹² В. С. Руднев. Малайзия (1963—1968). М., 1969, с. 64, 67; Ф. А. Тринич. Малайская Федерация. М., 1963, с. 30.

¹³ Рабочий класс стран Азии и Африки, с. 165.

¹⁴ Ф. А. Тринич. Малайская Федерация, с. 30, 48.

¹⁵ Что дало основание некоторым исследователям назвать малайзийское общество «многосоставным» (в противопоставлении к термину «многонациональный»). (См.: Е. В. Ревуненкова. Малайзия. Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974, с. 222). На наш взгляд, противопоставление нового термина «традиционному» неоправданно, ибо абсолютизирует центробежные силы и недооценивает крепнущую интеграционную тенденцию в национальной ситуации в Малайзии.

Для Филиппин проблема национальной консолидации имеет большое политическое значение. Народы этой страны в отличие от подавляющего большинства других стран Востока не консолидировались еще ни в нацию, ни в нации. Долгое время расчлененность архипелага в условиях колониального режима и всесторонней отсталости тормозила естественные процессы этнической ассимиляции и интеграции населяющих его родственных народов — висайя (около 45% населения), тагалов (свыше 20%), илоко (10%), билоков, пангасинанов, пампанганов и др. Если эти процессы и шли, то медленно, малоощутимо. Этнолингвистические барьеры порой преодолевались только в районах непосредственного общения (в пограничных районах, на плантациях и промышленных предприятиях), однако и в этих случаях нередко выявлялась живучесть таких барьеров. Общефилиппинского национального самосознания, окрепшего в условиях всенародной антиколониальной борьбы вначале против испанского, а потом против американского колониализма, оказалось недостаточно для преодоления типичного для Филиппин замкнутого регионализма, для формирования, несмотря на значительные социально-экономические сдвиги, единой филиппинской нации. До сих пор в национальном процессе на Филиппинах действуют две противоположные тенденции: к формированию единой филиппинской нации и к превращению в нации некоторых крупных народностей. И только в самое последнее время становится ясным, что постепенно берет верх первая тенденция (но только в отношении наиболее развитых и этнически родственных «равнинных» народов Филиппин — тагалов, висайя и др.)¹⁶.

Центром формирования общефилиппинского этнического единства стали экономически наиболее развитые районы страны, сосредоточенные в основном в южной части о-ва Лусон, где расположена столица государства — Манила. Здесь живут преимущественно тагалы, не самый крупный (около 7 млн.), но дальше всего продвинувшийся в социально-экономическом и культурном отношении народ Филиппин, который в настоящее время стал основой складывающегося общефилиппинского этнического единства. Процесс этот идет естественно, без какого-либо великодержавного нажима¹⁷.

То обстоятельство, что на Филиппинах процесс формирования господствующей нации проходит только начальную стадию, что там понятия «государство» и «нация» еще далеко не идентичны, породило и специфические, чисто «филиппинские» проблемы современного национального процесса, и первую из них — языковую проблему. Дело в том, что языки основных

¹⁶ См.: Е. Ю. Плотник. Филиппины. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 285.

¹⁷ Народы Юго-Восточной Азии, с. 651—652.

филиппинских народностей родственны, но не настолько, чтобы позволять прямое общение. Вместе с тем 25% жителей страны активно владеют английским языком и 3% — испанским. Одновременно возрастает роль тагальского языка, на котором теперь говорят до 13 млн. филиппинцев, т. е. вдвое больше, чем насчитывается собственно тагалов¹⁸.

При такой пестрой языковой ситуации выбор общенационального языка — задача столь же актуальная, сколь и трудная. Вопрос этот весьма далек хотя бы от приблизительного решения. Сейчас выдвигаются три основных варианта его решения: конструирование на базе тагальского с привнесением элементов других развитых филиппинских языков общефилиппинского языка — пилипино, или филипино; превращение тагальского в общенациональный язык; использование в качестве общенационального английского языка. Пока еще трудно сказать, какой из названных вариантов имеет шансы одержать верх. Несомненно только, что по мере успехов этнической консолидации родственных филиппинских народов пробивает себе дорогу тенденция к сближению родственных языков и что лидирующую роль в этом процессе занял тагальский язык¹⁹.

Несмотря на то что об единой филиппинской нации едва ли можно сегодня говорить, налицо филиппинский национализм с его традициями и особенностями. К числу первых следует отнести боевой антиколониализм и антиимпериализм, возникшие и окрепшие в длительной борьбе всего народа против сменявших друг друга испанского, американского и японского колониализма и американского неоколониализма. Особенностью филиппинского национализма является относительная слабость в нем по понятным причинам чисто этнических черт при достаточно четко выраженной государственно-политической окраске²⁰. Современный филиппинский национализм, обладающий безусловно буржуазной социальной сущностью, является важным фактором, способствующим успеху интеграционной тенденции в общефилиппинском национальном процессе.

Во всем остальном Филиппины по своей национальной структуре — типичная страна Юго-Восточной Азии. Здесь наблюдается заметная разница в уровне национального развития основных народов страны; сохраняется значительная этнографическая и лингвистическая разобщенность; в географически изолированных районах обитают малочисленные племена (ифугао, бонтоки и другие — на Лусоне; букидноны, билааны и другие — на о-ве Минданао), которые ввиду своей отсталости

¹⁸ Там же, с. 682—683.

¹⁹ Там же, с. 683. См. также: Д. И. Тихонов. Этническое развитие народов Республики Филиппины. — Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 228—245.

²⁰ Д. И. Тихонов. Этническое развитие народов Республики Филиппины, с. 244.

не имеют, вероятно, иных перспектив, как неизбежная ассимиляция. Наконец, на Филиппинах проживают народы, которые вообще принадлежат к другому культурному ареалу (свыше 1,5 млн. мусульман, исповедующих ислам) или образуют особый социальный комплекс (несколько сот тысяч китайцев).

Весьма своеобразна национальная ситуация в Сингапуре. Китайцы составляют свыше трех четвертей его двухмиллионного населения; главные национальные меньшинства — малайцы (15%) и индийцы, в основном тамилы (7%)²¹. Сингапур — государство с развитой капиталистической экономикой, поднимающейся в основном при посреднических торговых операциях и в силу этого целиком зависимой от иностранного капитала, от империалистических держав.

Что такое китайцы Сингапура в этносоциальном отношении, являются ли они частью китайской нации или образуют самостоятельную нацию? Если исходить из общепризнанных критериев, то китайцев современного Сингапура несомненно придется признать по крайней мере автономным национальным коллективом, а точнее, быстро формирующейся нацией²². В пользу этого утверждения говорит не только наличие устойчивой территориальной общности, юридически оформленной в виде суверенного государства, не только собственный жизнеспособный экономический базис, но и четко выраженное и быстро растущее партикулярное национальное самосознание (являющееся реакцией на идущие из КНР традиционные великодержавные и антинаучные теории, считающие заморских китайцев частью единой китайской нации). Как сказал в 1966 г. премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю, «мы не столько заморские китайцы (т. е. китайцы, которые проживают в районе Южных морей, а затем возвращаются в Китай), сколько потомки китайцев. Никто не может изменить этого. Китай есть Китай, а мы есть мы». Вот почему государственное самоопределение Сингапура в августе 1965 г. явилось закономерным и прогрессивным актом, одобренным подавляющим большинством населения Сингапура.

Вместе с тем степень национальной консолидации китайцев Сингапура еще невысока. Дает о себе знать ностальгия по китайской родине, сохраняющаяся некоторая текучесть китайского населения, отсутствие полного национального единства в китайской общине, часть которой еще не решила для себя вопроса о национальной принадлежности. Все, однако, указывает на быстрое изживание этих отрицательных для национальной консолидации китайцев Сингапура факторов. Что касается малайской и индийской общин, а также мелких этнических групп, то пока еще преждевременно предсказывать какую-либо заметную на-

²¹ А. М. Решетов. Сингапур. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 232.

²² Ср.: А. М. Решетов. Сингапур, с. 244. В сущности, автор подходит к такому же выводу, хотя он предельно осторожен.

циональную интеграцию их с китайцами, хотя видны определенные сдвиги в этом направлении²³. Поэтому когда говорят о формирующейся сингапурской нации, то на данном этапе имеется в виду китайское население этого государства.

Таким образом, на примере Сингапура видна теоретическая и практическая возможность консолидации зарубежных китайцев в Юго-Восточной Азии в отдельные нации, как это произошло в свое время с англосаксонским населением «белых» доминионов Великобритании.

В значительной степени по-иному протекали национальные процессы в другой «нестабильной» группе государств Юго-Восточной Азии (Индонезия, Бирма, Южный Вьетнам, Кампучия, Лаос)²⁴, для которой в недавнем прошлом была характерна политическая неустойчивость, порой проявлявшаяся в крайне острой форме, а также наличие сильных альтернативных моментов в их социально-экономической и политической системах. В трех странах Индокитая до 1975 г. шла война, в Бирме и Индонезии резко менялась внутривластная обстановка. Поэтому в отношении этой группы стран можно говорить только о некоторых тенденциях национальных процессов, проявившихся в течение последних 15—20 лет сообразно со спецификой каждого государства.

Национальная ситуация в Индонезии во многом объясняется особенностями этногенеза в этой островной тропической стране с труднопреодолимым на некоторых крупных островах ландшафтом. При низком уровне социальной организации и производительных сил общества это было одной из главных причин этнографической и лингвистической раздробленности ее народов.

Вместе с тем коренные народы Индонезии родственны друг другу по основным этническим показателям. 96% населения говорят на языках одной языковой семьи (аустронезийской). 87% исповедуют ислам. Хотя в Индонезии на 120 с лишним млн. населения современные этнографы насчитывают до 150 народов, 86,6% принадлежит к 13 крупным народам (каждый более 1 млн.), а 6,6% составляют 20 народов, численностью от 200 тыс. до 1 млн. человек каждый. Самый многочисленный и самый развитый народ Индонезии — яванцы вместе с близкими им мадурцами и сундами составляют около двух третей всего населения²⁵. Так что этническая дисперсность населения Индонезии является более кажущейся, чем действительной.

²³ А. М. Решетов. Сингапур, с. 249—251. Автор обращает внимание на повышенную роль английского языка как важного интеграционного фактора, умаляющего значение чисто китайских этнических элементов.

²⁴ В отношении трех последних стран имеется в виду период до 1975 г.

²⁵ А. И. Кузнецов. Национальные процессы в современной Индонезии. Автореф. канд. дис. М., 1969, с. 4—5, 12—14.

При наличии значительного разрыва в уровнях национального развития многих малых народов в сравнении с основными последним присуща значительная близость в материальной и духовной культуре.

Итак, этническая ситуация в Индонезии типична для рассматриваемых стран Востока. Однако имеется и значительная специфика. В этногенезе и последующей консолидации населяющих территорию современной Индонезии народов основополагающую роль, естественно, играли базисные факторы. В эпоху же национального пробуждения страны, особенно в современный период, начало быстро возрастать относительное значение политической надстройки и идеологии. Эта особенность происходит из общей неразвитости и несамостоятельности экономического базиса, с одной стороны, и крайней остроты внешне- и внутривнутриполитических противоречий в стране — с другой.

Необходимость национальной консолидации индонезийцев диктовалась в первую очередь политическими потребностями общества, жизненно заинтересованного в завоевании и упрочении независимости как главного усилия прогресса страны, в том числе и экономического. Это способствовало выработке и широкому распространению в народе общеиндонезийского этнопсихологического стереотипа, сводящегося главным образом к стремлению компенсировать непрочность экономических и этнических связей в индонезийском народе такими важнейшими атрибутами национальной общности, как язык, культура, государственное единство. Отсюда происходит популярнейший в стране триединый лозунг: «Одна родина — Индонезия. Одна нация — индонезийская. Один язык — индонезийский».

Одним из центральных факторов национального процесса в Индонезии стало развитие и распространение в качестве общенационального малайского языка. Этот общепонятный язык уже к моменту завоевания независимости мог выполнять роль национального индонезийского языка («бахаса Индонезия»), по существу, монополюльно используемого в государственной, общественно-политической и культурной жизни, что и закреплено в конституции государства. Языковая политика государства и общественных организаций Индонезии сыграла большую роль в цементировании разнородных, хотя и органически близких элементов формирующейся индонезийской нации²⁶.

На базе индонезийского языка развивалась и индонезийская культура, которая тоже носит общенациональный характер. Ей принадлежит видное место в распространении и закреплении у подавляющего большинства населения страны общеиндонезийского национального самосознания.

Широкое распространение и внедрение общеиндонезийского

²⁶ См.: В. Г. Трисман. К условиям складывания общего языка в Индонезии. — Этническая история народов Азии, с. 212—227.

языка и культуры было частью целенаправленной государственной политики «строительства» нации, включающей в себя также мероприятия, касающиеся народного образования, средств массовой информации, административного устройства. В частности, унаследованная от голландцев бюрократическая административная система играет положительную роль в этническом сплочении народов Индонезии, что служит известной преградой для возрождения этнического партикуляризма²⁷.

Успех проводимых в Индонезийской республике сверху мероприятий по «строительству» нации облегчался тем, что у отдельных народов было слабо выражено экономическое единство. В общеиндонезийском же масштабе демографические и социально-политические факторы играли важную роль. На это указывает расширение и углубление капиталистических отношений во всех сферах социально-экономической структуры страны²⁸, некоторое развитие производительных сил, миграционные процессы, служба в армии, бурная урбанизация в наиболее передовых районах.

Итак, в Индонезии объединительная, консолидационная тенденция имеет наиболее предпочтительные шансы на благополучный исход. Не вызывает сомнения, что завершение формирования единой индонезийской нации произойдет в обозримом будущем.

В то же время ведущей консолидационной тенденции в Индонезии противостоят другие типы этнических национальных процессов, что говорит о многоукладности индонезийского общества и о разных уровнях этнического развития народов Индонезии. Так, заметно неодинаковое участие народов страны в формировании единой индонезийской нации. Впереди идут народы, наиболее крупные по своей численности и занимающие самые освоенные территории, особенно развитые в социально-экономическом, политическом и культурном отношении, наконец, принимавшие наиболее активное участие в национально-освободительной и антиимпериалистической борьбе. В первую очередь это яванцы, самый многочисленный, развитой и культурный народ Индонезии. Но из этого не следует, что яванский субстрат полностью доминирует в формирующейся нации. Напомним, что не яванский, а литературный малайский язык лежит в основе «бахаса Индонезия». Особенность формирования индонезийцев как нации состоит в том, что далеко не всегда количественный фактор имеет определяющее значение.

Широко распространена ассимиляция малочисленных и отсталых народностей более развитыми и крупными (на Молук-

²⁷ Ю. В. Маретин. Этнонациональное развитие Индонезии и проблема централизации и автономии. — «Страны и народы Востока». Вып. XVIII. М., 1976, с. 95.

²⁸ См.: Н. А. Симония. Буржуазия и формирование нации в Индонезии. М., 1962, гл. IV—V.

ках, например, амбонцами и тернатанцами). Ассимилируемые этносы, естественно, непосредственного участия в формировании индонезийской нации уже не принимают. В других случаях идет интеграция родственных народностей в один народ (например, бимов и сумбаванцев). Происходит и микроконсолидация народов, сохранивших еще зримые черты отсталости и недостаточно этнически сплоченных (в частности, батаков, тораджа, даяков). Отчасти микроконсолидация касается и таких передовых народов Индонезии, как яванцы, минангкабау и другие, но только в рамках их инкорпорации в общеиндонезийскую нацию.

Все перечисленные типы этнических процессов или способствуют, или по крайней мере не препятствуют генеральному процессу макроконсолидации индонезийской нации. Но в современной Индонезии в национальном процессе проявляется и дезинтеграционная, центробежная тенденция, подчас пытающаяся противопоставить себя всеобщему консолидационному движению.

Таковы последствия общей экономической отсталости Индонезии, уродливого развития капитализма в ней в колониальный период. В ее основе лежит неравномерность экономического развития отдельных районов, хозяйственная разобщенность многих индонезийских народностей, порождающая своеобразный экономический параллелизм²⁹. Отсюда проистекает неравномерность в культурном и политическом развитии народов Индонезии.

Указанные причины создали возможность формирования в Индонезии отдельных наций вопреки и в ущерб складывающемуся общеиндонезийскому национальному единству. В таком случае микроконсолидационные процессы кое-где могут принимать дезинтеграционное направление, а в макроконсолидации начинают порой проступать и шовинистические моменты (в первую очередь со стороны яванцев).

При изучении национальных процессов в Индонезии следует учитывать проживание в стране около 3 млн. китайцев, занимающих непропорционально большое место в народном хозяйстве страны. Они контролируют от 80 до 90% всей частнокапиталистической предпринимательской деятельности в Индонезии и с большим трудом поддаются национальной ассимиляции, хотя не составляют территориально компактной массы. Антикитайские мероприятия властей зачастую дают обратный эффект, содействуя национальному сплочению гонимых. Правда, наметившаяся после 1965 г. тенденция к сближению между верхушкой крупной китайской буржуазии и военной бюрократии в Индонезии должна ослабить негативное влияние «китайского фактора» на консолидационный процесс.

Вообще же, хотя центробежные тенденции в национальной

²⁹ Там же, с. 100—101.

ситуации и национальных процессах в Индонезии нельзя недооценивать и тем более сбрасывать со счетов, центроостремительные тенденции в настоящее время выглядят значительно более предпочтительными. Возможность возобладания дезинтеграционных моментов в национальных процессах в Индонезии следует рассматривать скорее в теоретическом, нежели в практическо-политическом плане³⁰.

Что касается социально-классовой направленности современных национальных процессов в Индонезии, то трудно дать им какую-либо окончательную квалификацию, поскольку они воспроизводят крайне противоречивый и зигзагообразный путь, проделанный индонезийским обществом за период независимости. Простая констатация развития капиталистических отношений мало что дает: во-первых, многие отсталые народности и племена еще не доросли до капитализма или затронуты им весьма незначительно; во-вторых, капиталистическое развитие Индонезии в период независимости не сопровождалось заметным ростом производительных сил (было в отдельные годы в некоторых районах и регрессивное движение); в-третьих, тео-

³⁰ Основные проблемы этнонационального процесса в современной Индонезии поставлены и всесторонне проанализированы в последних работах Ю. В. Маретина: Основные тенденции национального и этнического развития современной Индонезии.— Колониализм и национально-освободительное движение в странах Юго-Восточной Азии. М., 1972, с. 23—54; Индонезия.— Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 111—172; Этнонациональное развитие Индонезии и проблема централизации и автономии.— Страны и народы Востока. Вып. XVIII, с. 91—105. Наряду с бесспорно ценными наблюдениями и выводами в этих работах легко заметить дискуссионные положения и противоречия (вполне извинительные ввиду крайней сложности и слабой изученности темы). Например, необоснованно противопоставляются понятия «национальное» и «этническое». Нет полной ясности, каково, по мнению автора, генеральное направление современного этнонационального процесса в стране. В одном случае говорится о «сложившихся нациях» (Индонезия, с. 117, 166), к каковым автор относит, кажется, одних только яванцев (на Суматре, например, «наций» или единой «нации» автор не усматривает, там же, с. 153), роль которых, однако, сводится к базису «формирования общендонезийского национального единства» (там же, с. 147). В другом случае яванцы по уровню национального развития не выделяются из других народов, наиболее «продвинувшихся», по мнению автора, которые населяют Суматру, Сулавеси и некоторые другие острова (там же, с. 165).

По нашему мнению, специфика этнонационального процесса в Индонезии состоит не в образовании некой «наднациональной» или «государственной полиэтнической» общности (там же, с. 166), а в том, что формирование общендонезийской нации в настоящее время идет быстрее, чем консолидация локальных наций, в том числе и самой передовой из них — яванской. Стало быть, можно ожидать, что общендонезийский консолидационный процесс как бы поглотит локальные процессы, которые еще не успели в достаточной степени развиться и окрепнуть, чтобы ему успешно противостоять. Несомненно, что в Индонезии (и тем более на Филиппинах) локальные или партикулярные национальные процессы не успели развиться в такой степени, как, например, в Индии. Поэтому в Индонезии и не дошло дело до формирования в подлинном смысле многонационального общества, чтобы его можно было в этническом аспекте назвать наднациональным или полиэтническим. Во всяком случае, вопрос нуждается в дальнейшем глубоком изучении.

ретиически нельзя исключить возможности некапиталистической альтернативы, шансы на которую повысились в период «направляемой демократии» и «направляемой экономики» (1957—1965), хотя в последние годы в Индонезии утвердился консервативный курс, сопровождающийся ростом влияния иностранного капитала и развитием буржуазных отношений. Потенциально политическая ситуация в Индонезии продолжает оставаться напряженной, оказывая глубокое, хотя и на сегодняшний день подспудное, влияние на национальные процессы.

За время существования Бирмы как независимого государства ее внутривнутриполитическое развитие протекало в исключительно сложных условиях, причем борьба вокруг национального вопроса играла нередко центральную роль, и это поставило Бирму на особое место не только в Юго-Восточной Азии, но и среди большинства стран Востока.

Бирма является сложной в национально-этническом отношении страной. Представление о ее национально-этнической структуре, правда, можно получить только приблизительное — на основании данных переписи 1931 г., поскольку полных переписей с тех пор вплоть до 1973 г. не проводилось, а данные переписи 1973 г. не опубликованы. Основная национальная группа страны — бирманцы составляют, вероятно, около 70% населения, которое в 1978 г. оценивалось в 32,2 млн. человек. За ними идут карены (8—9%), шаны (6—7), чины (свыше 2), моны (2), араканцы (1,5—2), качины (1,5), кая (около 0,5%)³¹. Кроме того, имеется большое количество других этнических групп, в том числе иммигрантского происхождения. Индийцы и китайцы, например, даже многочисленнее, чем некоторые аборигенные народы, насчитывают сотни тысяч человек.

Следует подчеркнуть, что основные народности и племена Бирмы объединяются родственностью происхождения, языка или культуры. Они длительно сосуществовали друг с другом, обычно в рамках одного феодального государства. В то же время надо помнить, что многонациональная структура современной Бирмы сложилась в результате расширения собственно бирманского государства, завоевания и присоединения к нему ряда соседних территорий.

Основная этническая группа — бирманцы образуют устойчивую национальную общность, однако интеграция бирманцев с некоторыми местными родственными группами продолжается.

Другие народы Бирмы отстают от бирманцев по степени национальной консолидации. Шаны, правда, ненамного, ибо обладают единством территории и языка. Но политическая разобщенность (шанские феодальные княжества были ликвидированы только к началу 60-х годов) и экономическая отсталость тормозили формирование единой шанской нации.

³¹ По указанным выше причинам процентные данные о национальном составе страны — сугубо ориентировочные и условные.

Сильны пережитки родо-племенных или феодальных структур у качинов, чингов, кая. При господстве родо-племенных порядков живут многие мелкие народности и племена, обитающие в изолированных горных районах.

Что касается каренов, то они разделены территориально; у них сохранились языковое родство, сознание этнического единства. У восточных каренов идет определенный автономный процесс консолидации, косвенным показателем чего было предоставление им автономии (Каренское государство). Родственные собственно каренам пао консолидируются в отдельную народность.

Араканцы, родственные бирманцам, проживают довольно компактно, но население Аракана в целом состоит из элементов, весьма разнородных в этническом, религиозном и языковом отношении. Моны, оказавшие в истории большое влияние на бирманцев, с тех пор сильно ассимилировались в бирманской среде. Особым моментом национального самосознания араканцев и монов является то, что они в прошлом (XVIII в.) имели собственную государственность.

Как и во многих странах афро-азиатского мира, в независимой Бирме 40—70-х годов шло противоборство двух тенденций — централизаторской, собирательной, унификаторской, с одной стороны, и децентрализаторской, федералистско-автономистской и сепаратистской — с другой. Это противоборство проявлялось в процессе становления нового государства и государственности.

В Бирме, как и в Индонезии, роль социально-экономических факторов в современных национальных процессах временно отходит на задний план, главным образом вследствие низких темпов развития народного хозяйства. Зато воздействие чисто политических факторов на эти процессы является преобладающим по следующим основным причинам:

1. Сильное влияние центробежных тенденций на бирманское общество как главный пережиток недавнего феодального прошлого в сфере национальных отношений.

2. Слабость традиций национальной интеграции как следствие колониальной политики Англии, установившей централизованный режим, но разделившей страну по «национальным квартирам». Идея общегосударственного единства воспринималась некоторыми народами Бирмы не в национальном, а в чисто политическом плане, как насильственно осуществляемая функция верховной власти в Рангуне.

3. В годы национально-освободительной борьбы против японцев, а потом и англичан, окрепнувшая национально-объединительная тенденция исходила по преимуществу от национальных лидеров собственно бирманцев, принимавших основное участие в движении. Бирманское руководство пошло на значительные уступки национальным группам окраин, предоставив

им в ряде случаев государственную автономию. Это помогло образованию Бирманского Союза в составе всех территорий и народов бывшей колонии. Однако средоточием сепаратистских амбиций стала феодальная и племенная верхушка ряда меньшинств. Компромисс, на основе которого шаны, как и ряд других народов, получили автономную государственность в рамках Бирманского Союза, в условиях засилья феодально-племенной верхушки и экономических трудностей мало способствовал прогрессивному национальному развитию меньшинств, но зато послужил питательной почвой для сепаратистских движений, наложивших глубокую печать на внутривнутриполитическую жизнь Бирмы за истекшие 30 с лишним лет. Тем самым компромисс нарушался и движение за автономию перерастало в движение за подрыв целостности Союза.

4. В проводившейся буржуазно-помещичьей верхушкой Антифашистской лиги народной свободы официальной политике национальной консолидации использовались в основном внеэкономические рычаги. Национальная политика АЛНС оборачивалась для национальных меньшинств великодержавно-бюрократическим давлением, которое было на руку феодально-сепаратистским элементам у небирманцев и содействовало консервации у них отсталых и реакционных общественных порядков. Банкротство национальной политики правительства У Ну и размах сепаратистских настроений послужили одной из главных причин государственного переворота, осуществленного Революционным советом 2 марта 1962 г.

5. Политическим фактором, отрицательно влияющим на национальные процессы в Бирме, было постоянное вмешательство извне, осуществляемое империалистами, а также КНР, что провоцировало обострение национальных отношений.

Движущие силы, руководство национальных движений меньшинств представляли собой пеструю смесь разнообразных социально-политических группировок, от феодальных до «лево-экстремистских».

После прихода к власти Революционного совета Бирмы в формировании внутренней национальной ситуации появились и новые факторы, порожденные поворотом в политической и социальной ориентации страны. Решение животрепещущего национального вопроса было одним из главных вопросов политики нового бирманского руководства.

Прогрессивные изменения, происшедшие в Бирме после 1962 г., открыли в целом благоприятную перспективу для национального развития всех народов страны. Социальная программа нового режима была нацелена на сплочение народов Бирмы, организацию отпора проидам империализма и местной реакции.

За истекшее время новая власть нанесла удар по сепаратистски настроенной феодально-племенной верхушке ряда меньшинств. Определенное значение имело проведение в 1963 г.

мирных переговоров со всеми повстанческими организациями Бирмы, в том числе и с организациями национальных меньшинств. Однако реальные результаты усилий по улучшению положения национальных меньшинств еще невелики.

Дело в том, что в Бирме пока мало сделано для устранения основных причин неравенства в национальных отношениях, коренящихся в экономике, ее отсталости. Темпы экономического развития новой Бирмы были еще слабыми. К тому же ограничения эксплуататорских элементов, встреченные с одобрением трудящимися, были в значительной степени нейтрализованы отрицательными экономическими последствиями некоторых реформ, задевших крестьян, ремесленников, мелких торговцев, вообще потребителей, что породило явления экономической стагнации, в том числе в отсталых районах расселения национальных меньшинств. Кроме того, у национальных меньшинств не вызвали полного понимания те новые конкретные государственно-правовые формулы решения национального вопроса в стране, которые означали фактический отказ от национально-областной автономии.

Все же при всех объективных трудностях и субъективных ошибках, даже при существовании опасности регрессивного движения, социалистическая ориентация нынешнего бирманского режима дает народам страны благоприятную перспективу для их национального развития³².

В трех странах Индокитая — Вьетнаме, Лаосе и Кампучии — современные национальные процессы протекают в совершенно особых условиях, главным образом потому, что там свыше 30 лет (до 1975 г.) с более или менее короткими перерывами шла война. Тот факт, что со стороны народов Индокитая она имела не только национально-освободительный, но и социальный характер (особенно с начала 60-х годов), оказал огромное и непосредственное влияние на все стороны общественной жизни и далеко не в последнюю очередь на национальные отношения в государствах этого района.

Специфическое воздействие порожденной империалистической агрессией военной или близкой к ней обстановки на национальные процессы в странах Индокитая сказалось прежде всего в том, что во многих районах Индокитая замедлился или прервался естественный консолидационный процесс.

Наибольший ущерб в национальном отношении понесли народы Вьетнама и Лаоса. Вьетнамская нация до весны 1975 г. была расколота и в географическом, и в социально-политическом плане, что явилось источником подлинной национальной трагедии для всего вьетнамского народа.

³² Основные проблемы этнической истории и современной этнической ситуации разобраны в ст.: Г. Г. Стратанович. Бирма. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 3—41.

Жестоко пострадали от последствий империалистической агрессии и предательской антинациональной политики южно-вьетнамских реакционеров национальные меньшинства Вьетнама. В стране живут более 60 народов (около 5 млн. человек, 15% населения), занимающие до трех четвертей всей территории³³. Война не позволяла приступить к хозяйственному освоению отсталых горно-лесных районов страны, подъему экономики и культуры национальных меньшинств, большинство которых сильно задержалось в своем этническом развитии.

Сказанное в еще большей степени относится к Лаосу, стране, всесторонне отсталой и раздробленной в национальном отношении, в которой проживают свыше 30 народов. Продолжительный территориально-политический раскол государства, непрерывная гражданская война и террористические бомбежки американской авиации не позволяли народам Лаоса, в том числе еще не консолидированной в нацию основной народности — лао³⁴, сколько-нибудь заметно продвинуться по пути социально-экономического, политического и культурного прогресса.

Национальные процессы в Кампучии тоже протекали в крайне неблагоприятных условиях. Национальное развитие господствующей, хотя и недостаточно консолидированной, нации страны — кхмеров (8 млн. из 9250 тыс. населения в 1970 г.), в относительно мирный период (вторая половина 50-х — 60-е годы) покоилось на зыбких основаниях.

Во-первых, экономическое развитие Кампучии происходило замедленными темпами, причем едва ли можно говорить о заметном росте именно кхмерского национального капитализма. Командные экономические позиции в Кампучии принадлежали верхушке китайской и вьетнамской общин. В середине 60-х годов китайцы контролировали 98% промышленных предприятий и 78% внешнеторговых компаний. Крестьяне были должны китайским ростовщикам и владельцам лавок 300 млн. рие-лей (вся задолженность — 500 млн.)³⁵. Внушительная часть торгово-компраторского капитала принадлежала выходцам из Южного Вьетнама. Вьетнамцы составляли также значительный процент рабочего класса Кампучии, особенно на каучуковых плантациях, и квалифицированных ремесленников.

³³ Народы Юго-Восточной Азии, с. 80. А. И. Мухлинов, следуя вьетнамским этнографам, допускает (но с оговорками) увеличение числа народов Вьетнама до 87 (А. И. Мухлинов. Вьетнам. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 46).

³⁴ Г. Г. Стратанович говорит о складывающейся лаосской нации, но вместе с тем допускает правомерность представления «о лао не как о складывающейся нации, а как о сумме этнически и генетически близких компонентов» (Г. Г. Стратанович. Лаос. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 206—208).

³⁵ По официальным данным, китайцев в Кампучии насчитывалось в начале 60-х годов 230 тыс., по данным полевых исследований — 425 тыс. См.: Я. В. Чеснов. Камбоджа. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии, с. 173, 175—176.

Поэтому социальная стратификация у кхмеров была выражена слабо. Кхмерская национальная буржуазия (в основном средняя) только начала развиваться. Мероприятия правительства Нородома Сианука по дискриминации деловой активности китайцев и вьетнамцев не успели привести к заметным социальным результатам, но зато вызвали подчас серьезные затруднения в ряде жизненных отраслей народного хозяйства страны.

Во-вторых, крайне отрицательно повлияла на национальные процессы у народов Кампучии политическая неустойчивость. В стране часто происходили вспышки повстанческого движения, а ее восточные районы вообще фактически вошли в сферу вьетнамской войны. Провал политики балансирования, проводимой режимом Нородома Сианука, привлек, в частности, к взаимному отчуждению отдельных национальных элементов страны, к росту центробежных тенденций³⁶.

Внутриполитическая, в том числе и национальная, ситуация в Кампучии после организованного правыми силами с помощью американцев переворота 18 марта 1970 г. еще более осложнилась.

Победа народной революции во Вьетнаме и Лаосе в 1975 г., когда с территорий этих стран были окончательно изгнаны империалисты и их местные союзники из буржуазно-компраторского лагеря, круто изменила национальную ситуацию в этом регионе. Во-первых, было навсегда покончено с проклятием национального раздела. Во-вторых, решительно изменилось социальное направление национальных процессов в той части Индокитая, которая до победы находилась под властью марионеточных режимов: здесь для народов появилась реальная перспектива развития вместо буржуазного по социалистическому пути. Таким образом, революционные изменения во Вьетнаме и Лаосе, устранив для народов этих стран двойной раскол (по политико-географическому и социальному признакам), создали оптимальные условия для их национального развития. Однако народам Кампучии и во второй половине 70-х годов пришлось испытать горькую чашу испытаний. Поощряемый из Пекина режим так называемых «красных кхмеров» организовал подлинный геноцид как против самих кхмеров, так и против этнических меньшинств, особенно вьетнамцев. Только крушение клики Пол Пота — Йенг Сари в начале 1979 г. дало перспективу для коренного оздоровления национальных отношений в стране.

³⁶ Хотя прежде Кампучии «были свойственны культурное сближение народов и процесс постепенного втягивания в кхмерскую культурную и этническую среду представителей других народов. Именно благодаря отсутствию в Камбодже этнических предрассудков в стране мирно развивались ассимиляционные процессы» (Я. В. Чеснов. Камбоджа, с. 189).

Южноазиатский субконтинент

Южноазиатский субконтинент (Индия с Бутаном, Пакистан, Бангладеш, Непал, Шри Ланка) населен представителями различных рас, наций, национальностей, народов и племен, образующих, однако, в национальном отношении определенный единый комплекс, скрепленный общностью исторических судеб и родственных этнических признаков. Происхождение этой общности объясняется долгой и совместной исторической жизнью, относительной синхронностью исторических событий³⁷.

В чем же состоит специфика национальной ситуации и национальных процессов в Южной Азии?

Во-первых, многонациональность в этом регионе носит особый характер. В основных многонациональных государствах субконтинента — Индии и Пакистане³⁸ — ни одна из этнических групп не имеет подавляющего перевеса в общегосударственном масштабе. Иными словами, в Индии и Пакистане как нигде ярко выражен национальный полицентризм.

Во-вторых, уровень национальной консолидации главных этнических групп стран Индостана относительно высок. Подавляющее большинство населения Индии, Пакистана, Шри Ланки принадлежит к сформировавшимся в основном еще в прошлом столетии нациям (бенгальцы, маратхи, гуджаратцы, ория, телугу, тамилы, малаяли, сингалы, синдхи, панджабцы и др.).

В-третьих, даже самые передовые нации региона не могут считаться вполне развитыми. Одни национальные признаки у них выражены чрезвычайно сильно (язык, традиционная культура, этническое самосознание); другие (социально-экономического и социально-политического происхождения) — гораздо слабее. Но и духовное развитие народов Индостана, несмотря на его сравнительно высокий уровень, носит признаки сильнейшего влияния пережиточных форм, восходящих к феодальному и даже дофеодальному прошлому. Сосуществование нового со старым, отсталого с передовым является характерным национальным признаком большинства народов Индостана.

В-четвертых, сильнейшее влияние на национальные процессы в рассматриваемом районе оказывает многосторонняя стратифицированность общества, и не только классовая, но и кастовая и конфессиональная. Кастовый строй и религия глубоко воздействуют на национальную ситуацию и национальные процессы как непосредственно, так и косвенно, частично камуфлируя, частично затемняя разделение общества по классовому и национальному признакам. На чисто этнические процессы эти

³⁷ См.: Ю. В. Ганковский. Народы Пакистана (основные этапы этнической истории). М., 1964.

³⁸ Здесь имеется в виду период до образования государства Бангладеш. Его создание в 1971 г. в значительной степени изменило общую национальную ситуацию на Южноазиатском субконтиненте.

факторы, особенно религия, влияют скорее отрицательно, тормозя внутреннюю консолидацию народов субконтинента, препятствуя их борьбе за самоопределение, подчас прямо содействуя их расколу со всеми его трагическими последствиями, как это видно на примере бенгальцев.

В-пятых, национальные процессы в главных странах субконтинента — Индии и Пакистане — идут как бы в двух планах. С одной стороны, широко и успешно протекает микроконсолидационный процесс, т. е. крепнут и развиваются уже сложившиеся нации, формируются новые, постоянно происходит национальная интеграция и ассимиляция и т. д. С другой стороны, в общегосударственных масштабах давно наблюдается макроконсолидация родственных и близких наций и народностей в высшую этносоциальную категорию — народ. Именно последний процесс типичен для Индостанского полуострова.

Правда, раздел Британской Индии в 1947 г. существенно изменил ожидаемое здесь направление макроконсолидации. В бассейне р. Инд, в Западном Пакистане, возник автономный центр национальной консолидации; появилась и аномалия в виде Восточного Пакистана, населенного в основном бенгальцами-мусульманами, которая совершенно закономерно не выдержала испытания временем.

Следовательно, национально-государственная ситуация, сложившаяся на субконтиненте в период независимости, оказалась нестабильной. Но несомненно, что и в пределах Индийского Союза, и в Пакистане продолжается исконный процесс упрочения межнациональных контактов и связей.

Макроконсолидация в странах Индостана идет на основе отсталого экономического базиса, обремененного тяжким грузом пережитков феодального и колониального прошлого, и низкого даже по азиатским масштабам уровня развития производительных сил и объема потребления соотносительно с громадной численностью населения. Указанный процесс встречает такие препятствия, как относительная узость внутреннего рынка в общегосударственном и областном масштабах, явления экономического местничества и автаркии, большие колебания в уровнях национального развития отдельных наций и народностей, кастовые и особенно религиозные предрассудки и т. п.

В то же время пробивающая себе дорогу объединительная тенденция опирается на неуклонный, хотя и медленный, экономический прогресс со всеми его социальными последствиями (в первую очередь заинтересованность основных классов развивающегося капиталистического общества в национально-государственной консолидации), на постепенное изживание пережитков ветхозаветной старины в социальных структурах и в сознании людей в связи с ростом культуры и образования. Поэтому есть все основания для оптимистического прогноза касательно будущего национально-этнической макроконсолидации

на Индостанском полуострове, особенно в Индии. Уже сейчас слово «индиец» означает больше, чем только принадлежность к определенному государству или, еще шире, — к географическому району Индостана; это слово в известной степени является и этнонимом, неся, таким образом, двойную смысловую нагрузку. «Пакистанец» же (естественно, житель бывшего Западного Пакистана) пока не есть термин в таком смысле, хотя может им стать в будущем.

Примечательная особенность процесса национальной макроконсолидации в Индии состоит в том, что народ, претендующий на роль основного этнического ствола, в национальном отношении менее всего к тому подготовлен (в отличие, например, от яванцев в Индонезии или персов в Иране). Так называемые хиндустанцы, носители одного из двух государственных языков — хинди (второй — английский), в национальном отношении продвинулись гораздо меньше, чем народы, населяющие прибрежные, наиболее развитые области (Бенгалию, Гуджарат, Махараштру и др.). Хиндиязычные народы, населяющие главным образом штаты Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Бихар, Раджастан, Химачал-Прадеш, Харьяна и столичный округ Дели, не только не консолидированы в единую нацию, но у них пока еще гадательно само направление этнического процесса. По одним предположениям, дело идет к формированию единой национальной общности³⁹, по другим — к образованию хотя и родственных, но различных наций. Во всяком случае, у хиндустанцев отсутствует языковое единство, ибо сам термин «хинди» обозначает только сумму диалектов, многие из которых имеют тенденцию развиваться в самостоятельные языки, а литературный хинди (кхари боли), в его разговорной форме — хиндустани, распространен преимущественно в городах⁴⁰. У хиндиязычного населения не наблюдается даже осознания своей национальной общности именно в качестве «хиндустанцев»; оно проявляется или в слишком общей форме («индийцы») или в областнической (жители данного штата)⁴¹.

Тем не менее именно огромный хиндиязычный ареал с населением (на 1969 г.), превышающим 220 млн. человек (до 2/5 населения Индии), служит одним из главных компонентов общеиндийской национальной консолидации, а хинди пробивает себе дорогу (хотя и с трудом) как один из важнейших языков общеиндийского общения. Вместе с тем введение единого общеиндийского языка в настоящий момент не является первооче-

³⁹ «...носители языка хинди представляют устойчивую этнографическую общность, процесс превращения которой в нацию еще не завершен» (Б. И. Ключев. Хинди как система национального языка. — Индия: современность и история. М., 1974, с. 70).

⁴⁰ См.: А. М. Дьяков. Национальный вопрос в современной Индии. М., 1963, с. 180 и далее.

⁴¹ Там же, с. 186; Народы Южной Азии, М., 1963, с. 36—38, 238—239.

редным делом; для этого пока еще отсутствуют необходимые предпосылки⁴².

Национальная макроконсолидация в Индии в современную эпоху опирается главным образом не на этническую или лингвистическую базу, а на комплекс совокупных экономических и политических интересов всех населяющих государство народов, всего индийского общества; понимание этой совокупности все глубже проникает в его недра, в известной степени компенсируя незавершенность этнических связей.

Одновременно в Индии активно идут национальные процессы в рамках развивающегося микроконсолидационного движения. Прежде всего оно захватило те народы Индии, которые к настоящему времени достигли стадии наций и поэтому образуют автономные центры национальной консолидации. Здесь индийская специфика состоит в том, что это, во-первых, крупные народы (счет идет на миллионы и десятки миллионов). На начало 70-х годов насчитывалось бенгальцев — 44,8 млн., маратхов — 43,4 млн., бихарцев — 29,7 млн., гуджаратцев — 25,7 млн., ория — 20 млн., панджабцев — 16,4 млн., раджастанцев — 11,8 млн., ассамцев — 9 млн., телугу — 44,7 млн., тамилы — 37,7 млн., малаяли — 22 млн., каннара — 21,6 млн. По несколько миллионов насчитывают многие другие народы, пока еще не сформировавшиеся в нации (санталы, кашмирцы, бхилы, гонды и др.)⁴³. Этот, казалось бы, только количественный демографический фактор в индийских условиях играет важную роль в процессах национальной консолидации перечисленных народов, содействуя развитию внутриэтнических контактов и связей (в том числе и экономических) и выработке определенного этнопсихологического объединительного комплекса.

Во-вторых, в чисто этнолингвистическом плане бросается в глаза различие между индийским Севером и Югом. На первом доминируют индоарийские группы индоевропейской языковой семьи, на втором — дравидийские (телугу, тамили, малаяли, каннара, или каннада, и ряд других, менее крупных). Имеются и заметные антропологические отличия между народами Севера и Юга. Таким образом, в самой этнической ситуации в Индии заложена определенная двуполюсность, которая, однако, пока не получила серьезного развития, ограничиваясь в основном лингвистической и отчасти этнокультурной сферами. Нет никаких признаков консолидации некой «индоарийской» или «дравидийской» нации или «супернации», а возникающие порой тол-

⁴² О языковом аспекте национальной консолидации в Индии, главным образом в хиндиязычном ареале, см.: В. А. Чернышева. Об одном аспекте языковой ситуации в Индии. — Социоллингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975, с. 181—191.

⁴³ См.: В. И. Кочнев. Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове. — «Расы и народы». Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. № 5, М., 1975, с. 106.

ки подобного рода порождены националистическими спекуляциями в их крайнем выражении.

В-третьих, уровень этнической консолидации индийских наций далеко не одинаков. Наряду со сформировавшимися нациями, обладающими богатой историко-культурной традицией (например, бенгальцы, маратхи, тамилы), в Индии представлены совсем молодые нации, консолидация которых происходит буквально на наших глазах (например, бихарцы или раджастанцы). Более того, остаются серьезные сомнения в правомерности квалификации этих и некоторых других народов Индии как наций ввиду отсутствия фактического языкового единства, ибо их языки представляют собой сумму диалектов, тяготеющих к другим, более развитым языкам (в частности, бихарские диалекты — к бенгали или к хинди)⁴⁴.

Иными словами, национально-консолидационный процесс наций Индии остается не только незавершенным, но и в некотором отношении обратимым. К этому следует добавить, что некоторые индийские нации и народы (особенно бенгальцы, панджабцы, кашмирцы) до сих пор болезненно переживают последствия этнического раздела в результате образования на месте бывшей Британской Индии двух государств. Отсутствие внешнеполитической стабильности на Южноазиатском субконтиненте в 60-х и в начале 70-х годов (которое можно считать одновременно и следствием, и причиной обострения национального вопроса в регионе), приведшее к распаду двуединого Пакистана и образованию восточнобенгальского мусульманского государства Бангладеш, вносит новые (в ряде случаев осложняющие) моменты в консолидационные процессы у разделенных наций Индии (впрочем, как и других стран региона).

В-четвертых, в современной Индии широкое распространение получает ассимиляционная форма интеграционного процесса, особенно там, где проживают малые народы и племена (главным образом на севере и северо-востоке, в Центральном Индийском нагорье и в горных районах южных штатов страны). Правда, темпы ассимиляции в районах расселения племен и малых народностей еще невысоки (из-за низкого уровня и замедленных темпов социально-экономического развития страны), однако, как полагают специалисты, многие из них не имеют этнического будущего. Это можно сказать, например, о дравидийских народностях тулу и гондах, о проживающих в Западной Индии бхилах и о многих других. В то же время некоторые индийские этносы, находящиеся на ранних стадиях развития, цепко держатся за свои традиционные институты, активно сопротивляются проводимым сверху ассимиляторским мероприятиям. Это характерно для этнической обстановки в

⁴⁴ Народы Южной Азии, с. 280—281; Л. В. Хохлова. К вопросу о языковой ситуации в штате Раджастан.— Этнолингвистические проблемы развивающихся стран, с. 174—184.

крайнем северо-восточном «углу» Индии, где живут народы манипури (мейтхси), типера (типура), нага, кхаси, гаро, мизо (лушей) и др.⁴⁵. Вообще в современной Индии микроконсолидационное движение состоит из разных видов этнических процессов (интеграция, собственно консолидация, ассимиляция и т. п.), протекающих в разных районах страны далеко не одинаково и по своей интенсивности, и по эффективности.

В-пятых, национальные процессы у нехиндиязычных народов Индии в значительной степени направляются и определяются острой, главным образом внутривнутриполитической, борьбой, идущей в стране по национальному вопросу, за его разрешение на справедливых, демократических началах. Все успехи и неудачи этой борьбы, ее объективные трудности и противоречия быстро и непосредственно сказываются на динамике и направлении этнонационального развития всех больших и малых народов Индии. Например, реорганизация в 1956 г. административно-территориального деления Индии по лингвистическому принципу послужила для основных крупных народов страны мощным консолидирующим фактором. Она же ускорила течение естественных ассимиляционных процессов у многих малых народностей и племен. С другой стороны, проявления узкоместнических тенденций, штатовского партикуляризма, коммунализма, поощряемые буржуазно-помещичьей реакцией, вызывали часто негативную реакцию у меньшинств, содействовали консервации традиционных трибалистских и феодальных институтов, искусственно задерживали естественнoисторический процесс этнонационального развития.

Кроме того, на национальное развитие этнических меньшинств Индии, населяющих пограничные районы, значительное влияние оказывает внешнеполитический фактор. Так, китайско-индийские пограничные конфликты в Гималаях в ряде случаев способствовали разжиганию трибализма (например, в Нагаланде).

Таким образом, национальное развитие народов современной Индии характеризуется тесным переплетением и взаимодействием всех главных этнических процессов, функционирующих отчасти параллельно, отчасти в более или менее явном противоборстве друг с другом.

В Пакистане основные направления и ход национального развития имеют много общего с Индией, однако заметна и своя специфика. Так, макроконсолидационный процесс выражен в Пакистане гораздо слабее. Официальная доктрина, гласившая: «Одно государство — одна религия — одна нация», отражала поддержанное в корыстных целях империализмом намерение блока буржуазно-помещичьих кругов из Панджаба, Синда,

⁴⁵ В. И. Кочнев. Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове, с. 111—112.

Пуштунистана, Белуджистана и Восточной Бенгалии создать с целью наилучшего удовлетворения своих классовых и сословных интересов единое унитарное государство, скрепленное идеей исламского единства. Однако направление национальных процессов в стране лишь в незначительной степени совпадало с этим панисламским идеалом; в основном же они шли в ином направлении, подчиняясь объективным законам, подчас прямо противоречащим официальной линии.

Прежде всего, формированию единой пакистанской нации мешала территориальная разобщенность страны (ее восточная часть на 1600 км отстояла от западной), сочетавшаяся с национальной и экономической. Бенгальцы Восточного Пакистана по своему этническому облику столь резко отличались от коренного населения западной части страны, что национальная консолидация двух частей государства вообще не могла бы быть легким делом. Шовинистический курс правящих кругов Пакистана (по происхождению преимущественно западнопакистанцев) по отношению к Восточной Бенгалии в политическом и культурном аспектах и колонизаторский — в экономическом сделал такую консолидацию и вовсе невозможной⁴⁶. Идея исламского единства, распространявшаяся среди отсталых мусульманских масс Восточной Бенгалии, не вытравила у бенгальцев чувства национального унижения, которому они непрерывно подвергались. Кровавые репрессии, развязанные президентом Яхья-ханом против бенгальцев в марте 1971 г., воочию показали ту непроходимую пропасть, которая отделяла народы Восточной Бенгалии от буржуазно-помещичьих, клерикальных и милитаристских кругов Западного Пакистана.

Распад двуединого Пакистана и образование государства Бангладеш явились следствием краха противоестественной национально-объединительной идеи, основанной исключительно на наличии религиозной общности, крушением одного из наиболее живучих и реакционных феодальных пережитков. Это событие сыграло известную прогрессивную роль в процессе национального развития бенгальцев (не только мусульман), стало важным этапом в истории всей бенгальской нации, разделенной государственной границей.

Западная часть Пакистана обладала территориальным единством и экономико-географической целостностью. Именно в Западном Пакистане существовали объективные условия для макроконсолидации, которая происходила параллельно с микроконсолидацией в масштабе отдельных народов, причем эти два потока не всегда совпадали или помогали друг другу; подчас они были антагонистичны.

В общепакистанских этнонациональных процессах участво-

⁴⁶ Подробно по этому вопросу см.: Ю. В. Ганковский. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967, гл. II.

вали все главные народы бассейна р. Инд и прилегающих земель, но далеко не в равной мере из-за различного уровня национального развития отдельных западнопакистанских народов, их неодинакового положения в социально-этнической структуре и современной политической жизни страны.

Панджабцы (39,7 млн., или 61,2% населения Западного Пакистана, по оценке 1972 г.)⁴⁷ в сравнении с другими народами Западного Пакистана играли первую скрипку в экономической, политической и культурной жизни страны. От панджабцев несколько отстали синдхи (7,6 млн., или 11,7%) и еще больше — пуштуны (10,2 млн., или 15,7%) и белуджи (1,5 млн., или 2,3%). Эти четыре народа, составляя свыше 90% всего населения Западного Пакистана, являлись главными этническими компонентами в общепакистанских национальных процессах.

Объективную основу для консолидационных процессов в Западном Пакистане создавало прежде всего быстрое экономическое развитие страны на капиталистической основе, особенно в 60-е годы. Однако особую специфику этим процессам придавали факторы политического и идеологического происхождения.

Постоянное и противоречивое влияние на национальный процесс в Пакистане оказывала неустойчивая политическая обстановка в стране с частыми и крайне болезненными для общества кризисами. Сами обстоятельства, сопровождавшие рождение независимого Пакистана, глубоко воздействовали на национальную ситуацию, ибо вызвали территориальное перемещение больших групп разноязычного населения, разрыв устоявшихся и становление новых социальных и национальных связей.

Так, в синдхском этническом ареале национальный процесс стал проходить под знаком абсорбции переселенцев из Индии (мухаджиров), весьма пестрого национального, социального и профессионального состава. По этой причине, а также вследствие массовой эмиграции синдхов — активных носителей национального самосознания (в том числе представителей мелкой, средней и крупной буржуазии, интеллигенции) собственно синдхский элемент в провинции Синд значительно уменьшился, национальная консолидация синдхов, начавшаяся еще в эпоху британского владычества, сначала заметно затормозилась, а потом приобрела в значительной степени иное содержание.

Влияние переселений на этнический процесс в Панджабе не было столь болезненным, как в Синде. В пакистанский Панджаб переселились из Индии в основном панджабцы же, причем значительная часть мухаджиров представляла собой экономически активный слой, осевший главным образом в городах. Для национального развития панджабцев в Пакистане существуют особо благоприятные условия, они занимают привилегированное положение в экономической и культурной жизни

⁴⁷ Пакистан. Справочник. М., 1977, с. 32.

ни, в администрации, армии. Сам Панджаб является одним из наиболее экономически развитых районов страны. Поэтому процесс национальной консолидации у панджабцев Пакистана продвинулся дальше всего; по всем признакам быстро формируется западнопанджабская нация, которая является господствующей во всепакистанском масштабе.

На этнические процессы в Пуштунистане и Белуджистане в первую очередь повлиял подъем национального движения. В Пуштунистане это особенно сильно проявилось в первые годы после получения независимости, в наиболее отсталом Белуджистане — в 70-е годы. Однако ввиду слабости социально-экономического базиса микроконсолидации у пуштунцев и белуджей присущи незавершенность и непрочность.

Верхи пуштунских племен быстро интегрируются с панджабской буржуазно-помещичьей верхушкой как в области экономических интересов, так и в сфере политического руководства пакистанским обществом⁴⁸. Это особенно проявилось с конца 50-х годов и в 60-е годы, когда в стране царил режим военной диктатуры, причем оба диктатора — Айюб-хан и сменивший его в 1969 г. Яхья-хан — пуштуны, равно как и многие представители влиятельных кругов в командном составе пакистанской армии. Ясно, что высшую военную верхушку, как и воротил пуштунистано-панджабской экономики, нельзя считать представителями пуштунского национализма. Последний функционирует главным образом в области культуры и образования. Все же, несмотря на неблагоприятные условия, национальная консолидация пуштунов прогрессирует и она идет своим путем, независимо, хотя, может быть, и параллельно аналогичному процессу у пуштунов Афганистана.

У белуджей интеграция с панджабской верхушкой выражена гораздо слабее. Борьба за свои национальные права остается главным фактором национального сплочения белуджских племен. Вместе с тем территориальная разобщенность, крайняя экономическая и культурная отсталость препятствуют завершению, хотя бы вчерне, национальной консолидации белуджей.

Малые народы Пакистана (брагуи в Белуджистане, кохистанцы и другие племена, обитающие на севере страны) пока лишь объекты ассимиляции. Особая проблема — переселившиеся в Пакистан гуджаратцы-мусульмане (около четверти миллиона), которые занимают важные позиции в торговле и промышленности страны и ревниво охраняют свою национальную самобытность, стараясь не смешиваться с инонациональной средой.

В общем в Западном Пакистане между главными народами возникли определенные социально-экономические, политические

⁴⁸ С. Ф. Левин. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970, с. 68—69.

и культурные связи, которые, однако, были не столь прочными, чтобы предотвратить возникновение и рост центробежных тенденций, представлявших несомненную опасность для целостности государства. Поэтому правящие круги страны сознательно проводили политику всемерного укрепления национально-этнических связей на западе страны, используя административно-государственные рычаги.

Эффективность чисто административных мер, важнейшей из которых было образование в 1955 г. единой провинции Западный Пакистан, была прямо отрицательной. Оторванные от реального состояния национальных процессов, они только способствовали росту политической нестабильности на национальной почве, этой внутренней болезни пакистанского государственного организма. Восстановление в 1970 г. автономных провинций — Панджаба, Синда, Северо-Западной Пограничной и Белуджистана — было признанием краха попыток административного вмешательства в национальный процесс.

Более результативной оказалась «языковая» политика правительства, выразившаяся в усиленном внедрении языка урду. Хотя урдуязычного населения, по переписи 1961 г., насчитывалось всего 5,1 млн. человек (7,8% населения Западного Пакистана)⁴⁹, для широкого распространения этого языка по всему Западному Пакистану имелась подготовленная лингвистическая и национальная почва. В данном случае положительным был тот факт, что урдуязычность не идентифицируется с национальной принадлежностью: нет такой национальности — «урду». Стало быть, объявление урду государственным языком не сопряжено с национальным гнетом⁵⁰ (аналогичная языковая ситуация существует, как мы видели, в Индонезии, но не в Индии).

В то же время считающих урду родным языком можно встретить среди всех народов Западного Пакистана. Наряду с английским урду стал языком межнациональных связей, и эта его роль с каждым годом возрастала не только в общепакистанском, но и в региональном масштабах. Он распространяется в панджабской (не обладающей языковым единством) и частично в синдхской национальных общностях; влияние урду особенно на близкий ему литературный панджаби благотворно.

Таким образом, широкое распространение языка урду в Западном Пакистане стало одним из важных факторов макроконсолидации, с одной стороны, и национальной консолидации панджабцев и частично синдхов — с другой.

Итак, правительство, последовательно проводя политику создания единой пакистанской нации, наряду с полным провалом в отношении бенгальцев Восточного Пакистана в Западном

⁴⁹ Пакистан. Справочник, с. 32, 38.

⁵⁰ Однако в Восточном Пакистане попытки урдуизации носили несомненно шовинистический характер.

Пакистане добилось некоторых успехов (роль объединяющей силы в известной мере сыграл и исламизм, хотя и он не способен притупить остроту реальных национальных противоречий).

Однако макроконсолидационный процесс в Пакистане в общем носит незавершенный характер. В Пакистане, как почти во всех странах Востока, нельзя исключить возможность и регрессивного течения этнообъединительного процесса.

За истекшее после отпадения Восточного Пакистана время качественных сдвигов в национальном развитии Пакистана и Бангладеш не отмечено, но идут количественные изменения, которые могут привести и к качественным. В Пакистане проводились социально-экономические и политические преобразования. В этот же период произошла вспышка внутривнутриполитических противоречий, которая привела к установлению в 1977 г. новой военной диктатуры, из-за происков реакционных сил осложнилось внешнеполитическое положение страны. Эти явления оказывают, конечно, свое воздействие на процесс национальной консолидации в ее макро- и микромасштабах, хотя и старые проблемы остаются⁵¹.

Что касается новообразованной Народной Республики Бангладеш, то там национального вопроса как внутригосударственной проблемы возникнуть не может ввиду однонационального состава населения — около 98% населения — бенгальцы. Небенгальские мусульмане, так называемые бихари, пользующиеся в основном урду, составляют скорее не этническую, а политическую проблему; к тому же многие из них покинули страну. Аборигенные меньшинства (ассамо-бирманского происхождения и мундаязычные санталы), видимо, не имеют этнического будущего, подвергаясь постепенной ассимиляции⁵². Национальная консолидация собственно бенгальцев Бангладеш находится только на начальной стадии. Поэтому не исключена возможность партикулярного направления национального развития бенгальцев-мусульман Бангладеш.

Географически и исторически к Индостанскому субконтиненту принадлежат расположенные на противоположных его концах Шри Ланка и Непал. Национальные ситуации в этих государствах носят явные отпечатки этой принадлежности, но в то же время в каждом из них — специфичны.

Особенность Шри Ланки — ее ярко выраженная двунациональность при наличии господствующей нации — сингалов (свыше 2/3 населения), процесс консолидации которых еще не закончен; остаются этнографические различия между равнинными сингалами (42,8% ко всему населению, по переписи 1971 г.) и кандийскими (29,1%). При многоукладном характере

⁵¹ О ситуации до 1975 г. см.: В. И. Кочнев. Этнополитическая обстановка на Индостанском полуострове, с. 115—116.

⁵² Народная Республика Бангладеш (Справочник). М., 1974, с. 11—12.

экономического базиса и незавершенности процесса классового разложения ускорению процесса консолидации сингальской нации, происходящей на капиталистической основе, способствуют социально-экономические, политические и культурные сдвиги в современной Шри Ланке.

Процесс национальной консолидации затронул основное национальное меньшинство страны — тамилы, которые разделены на две группы — ланкийских и индийских тамилы (соответственно 11,1 и 9,45% всей численности населения). Происхождение этих групп — неодинаковая «почва», на которой шла национальная консолидация цейлонских и индийских тамилы. Первые — исконные жители острова с незапамятных времен, вторые переселились туда только в эпоху британской колонизации. Ланкийские тамилы отличаются от индийских не столько степенью адаптации к господствующей сингальской национальной среде (этот момент в наше время играет уже второстепенную роль), сколько разными позициями в тамильском национальном движении в Шри Ланке. Таким образом, тамилы в Шри Ланке представляют собой как бы дважды расколотую нацию — и географически (оторваны от национального очага — Тамилнада в Индии), и культурно-политически.

Более мелкие национально-этнические группы населения Шри Ланки (цейлонские мавры — 5,7%, малайцы, бюргеры и пр.), нигде не составляя компактного территориального большинства, подвергаются постепенной ассимиляции сингалами и тамилами⁵³.

Из надстроечных факторов, влияющих на национальную ситуацию, для Шри Ланки характерны значительная роль буддизма и усиленные мероприятия правящих кругов по внедрению и поощрению сингальского языка, объявленного с 1964 г. единственным государственным языком страны. Однако наряду с буржуазно-шовинистическими и клерикальными тенденциями в современном национальном процессе в Шри Ланке сказывается заметная активизация демократических и антикапиталистических сил. Что касается тамильского меньшинства, то на его этническое развитие особенно влияют, с одной стороны, борьба тамилы за свои национальные права, а с другой стороны, события, происходящие в «национальном очаге» — в населенном тамилами индийском штате Мадрас.

Контраст Шри Ланке в национальном отношении представляет Непал. Там насчитывается 58 языков и диалектов, из которых 13 являются наиболее распространенными. Эта этническая и лингвистическая дробность говорит не столько о многонациональности в точном смысле слова, сколько о крайней экономической, социальной, политической и культурной отста-

⁵³ См.: Современный Цейлон. Справочник. М., 1967, с. 18—36; В. И. Кочнев. Население Цейлона. Историко-этнографический очерк. М., 1965, гл. III.

лости, являющейся главным признаком, который влияет на национальную ситуацию и национальные процессы в стране.

Народы Непала находятся на ранних стадиях этнического развития. Ни один из них еще не сформировался в нацию. Но национальные процессы идут и в этой стране, причем за период, прошедший после свержения тирании Рана в 1951 г. и вступления Непала на путь прогрессивных преобразований, они ускорились. Национальной консолидации в Непале способствует то обстоятельство, что при всем кажущемся этническом многообразии все народы страны по лингвистической принадлежности (основной признак) четко делятся на две главные группы. К индоевропейской языковой семье и одновременно к южноевропейскому антропологическому типу (за исключением монголоидов тхару) принадлежит около 78% населения, к носителям тибето-бирманских языков и одновременно к монголоидному типу (за исключением европеоидов неваров) — остальное население⁵⁴. В соответствии с этим делением в Непале возникли два далеко не равноценных центра национальной консолидации.

Главный центр складывается вокруг носителей языка непали, на котором говорит половина жителей страны. По конституции 1959 г., непали признан государственным языком; одновременно он является универсальным средством общения всего разнородного населения Непала, постепенно вытесняя другие языки.

Процесс национальной консолидации всех этнических и социально-кастовых групп населения, говорящих на языке непали, происходит все же медленно. Объясняется это узостью внутреннего рынка, географической разобщенностью отдельных групп непали вследствие совершенно недостаточного для специфических условий этой горной страны развития дорожной сети. Поэтому носители непали находятся еще в начальной стадии формирования в нацию, сохраняя в своей среде более или менее автономные этнические группы.

Национальная консолидация носителей тибето-бирманских языков еще более затруднена, ибо к неблагоприятным факторам общего порядка прибавляются отрицательные последствия шовинистической политики правящей верхушки господствующей непальской национальности. Наибольшего прогресса достигли невары, являющиеся сложившейся народностью с ясно выраженной национальной спецификой, с самостоятельным вкладом в историю государства и его культуру. Вслед за ними идут гурунги, но они быстро ассимилируются носителями непали, чему способствует их бесписьменность.

Большинство же средних и мелких народов Непала в силу своей отсталости являются лишь объектами ассимиляции; наи-

более же примитивные из них пока стоят в стороне от этно-объединительного процесса.

Все же неоспоримо, что основные народы Непала образуют устойчивую хозяйственно-культурную общность. Сквозь сложное переплетение этнических, кастовых, племенных и религиозных взаимоотношений в современном непальском обществе прослеживается тенденция к национальной интеграции. Однако продолжает активно проступать и дезинтеграционная тенденция, особенно в тераях, которые в географическом отношении являются продолжением Индо-Гангской низменности, в хозяйственном — житницей Непала и центром сосредоточения промышленности, в этническом — представляют собой инациональную среду (населены майтхили, бходжпури, авадхи и другими народами Северной Индии).

В настоящее время на национальные процессы в Непале непосредственно влияют не только внутривнутриполитические факторы, но и внешнеполитические (состояние непало-индийских отношений). От взаимодействия этих факторов, выступающих на фоне медленной, но неуклонной социально-экономической трансформации непальского общества, зависит направление и содержание национальных процессов в стране, эффективность проводимых государственной властью мероприятий по непализации.

⁵⁴ См.: Современный Непал. Справочник. М., 1967, с. 50—51.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (ЗАПАДНАЯ АЗИЯ И СЕВЕРНАЯ АФРИКА)

Ближний и Средний Восток

Три страны, входящие в этот регион, — Афганистан, Иран и Турция — объединяют многие черты, относящиеся к их географическому положению, историческому прошлому, религиозной ситуации, современному экономическому и политическому устройству. Для изучения специфики национального развития в рассматриваемом регионе существенное значение имеет отсутствие заметной религиозной дробности, сохранение этими государствами (Ираном и Турцией — целиком, Афганистаном — в значительной степени) своей исконной национальной территории, мало подвергавшейся в прошлом колониальным разделам и переделам, наличие общей границы с Советским Союзом, по обе стороны которой живут некогда единые народы (азербайджанцы, туркмены, таджики). Вместе с тем в национальном отношении каждая из этих стран имеет свои отличительные черты.

Происхождение современной национальной ситуации в Афганистане¹ в значительной степени объясняется срединным географическим положением страны на стыке ближневосточного и южноазиатского регионов. Становление афганской государственности и афганской национальности происходило в обстановке ожесточенной и длительной освободительной борьбы (этим объясняется характерный для Афганистана опережающий рост национального самосознания на фоне вообще крайне низкого уровня национального развития). Победа народов Афганистана над поработителями (и самыми опасными из них — английскими колонизаторами) не обошлась без весьма существенных национальных потерь: основное этническое ядро страны — афганцы (пуштуны) оказались разделены государственной границей.

¹ Анализ национальной ситуации в Афганистане относится к периоду до апрельской революции 1978 г.

В этой борьбе главную роль сыграла афганская народность с ее мощной военно-племенной организацией. Поэтому естественно, что афганцы, составляющие немного больше половины населения Афганистана (до 7 млн.), являются этнической основой государства.

Афганская нация начала складываться на рубеже XIX—XX вв.² Процесс национальной консолидации афганцев протекает медленно и в наши дни еще не завершен. Причина этого заключается в социально-экономической, политической и культурной отсталости страны, а также в особенностях хозяйственной структуры и сохранении у афганцев сильнейших пережитков родо-племенного строя и нomaдизма (кочевников-скотоводов в Афганистане насчитывается до 2 млн., из них подавляющее большинство — афганцы).

В последние 10—12 лет наблюдалось ускорение процесса консолидации афганской нации как следствие укрепления внутреннего рынка, изменений в классовой структуре афганского общества, происходивших до апрельской революции 1978 г. на капиталистической основе, успехов национальной экономики, культуры и просвещения, достигнутых в значительной мере благодаря сотрудничеству с Советским Союзом и его помощи. Не случайно конституция 1964 г. впервые ввела официальное понятие «афганская нация»³.

Национальной консолидации афганцев была призвана способствовать «языковая» политика правительства. 60—70-е годы — это время наступления языка пушту, объявленного еще в 1936 г. государственным, но бывшего до этого в основном народно-разговорным языком. Значительную конкуренцию ему оказывает широко распространенный, особенно в литературе, фарси-кабули, или фарси-дари (одно из наречий таджикского языка). Однако пользовавшийся официальной поддержкой пушту в сравнении с фарси-дари был фаворитом, что отражало преимущество, которое имели афганцы в своем национальном развитии перед вторым крупнейшим этносом страны — таджиками. Лидирующие позиции пушту были зафиксированы в конституции 1964 г.

В современных национальных процессах в Афганистане активно участвовали и неафганцы, но преимущественно в качестве их субъектов, а не объектов. Объясняется это тем, что в сфере национальных отношений в Афганистане преобладала интегральная тенденция, выражавшаяся в национальном объединении меньшинств вокруг консолидирующейся афганской нации,

² М. Г. Асланов и А. Д. Давыдов. Афганистан. — Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока, с. 223; М. Г. Асланов. О формировании афганского национального языка. — Этнические процессы и состав населения в странах Передней Азии. М., 1963, с. 18; С. И. Брук. Население Передней Азии, М., 1960, с. 37.

³ М. Г. Асланов и А. Д. Давыдов. Афганистан, с. 221—222.

чему способствуют и объективный ход социально-экономических процессов в стране, и национальная политика государства. Меньшинства афганизировались, подвергаясь более или менее значительной ассимиляции. Однако сказанным не ограничивается характеристика национальных процессов в Афганистане. Реальная картина была более сложной.

Во-первых, нельзя пренебрегать противоположной тенденцией к микроконсолидации отдельных народов страны, которая при определенных условиях может стать весомым фактором национальной жизни. Во-вторых, в специфических условиях Афганистана макроконсолидация не обязательно равнозначна афганизации. Активное участие в этом процессе других этнических компонентов, в первую очередь таджиков, придает ему специфическую окраску. Так, в ряде районов (среди части чараймаков, дардов и других народов) происходит не афганизация, а таджикизация (таджиков в Афганистане — свыше 2,6 млн.). Таджикский язык (фарси-дари) продолжает оставаться важным средством общения и распространения культуры и просвещения, высокие производственные навыки таджиков, особенно в области культуры земледелия, перенимаются другими народами страны⁴.

Это не дает основания говорить о формировании таджикского центра национальной консолидации в Афганистане. Напротив, наблюдалась тенденция к национальному сближению между афганцами и таджиками, чему способствовало широко распространенное среди них двуязычие, чересполосное проживание, религиозная и культурная общность и т. п. Третий крупный этнический комплекс Афганистана — тюркоязычный (узбеки — 1,2 млн., туркмены — 0,4 млн. и др.) был еще меньше склонен к автономной национальной жизни. Афганский Туркестан все больше интегрировался с афгано-таджикской этнической средой⁵.

Таким образом, для дореволюционного Афганистана было характерно объединительное, интегрирующее направление национальных процессов, ведущих к формированию этнического единства в общегосударственном масштабе. Симптомы крепнущего национализма в политике и идеологии явственно проступали только у формирующейся афганской нации. Они имели как прогрессивное направление (например, в плане солидарности с демократической борьбой пуштунов Пакистана), так и реакционное (проявление панафганизма и шовинизма). В то же время постепенное изживание «азиатчины» и нарастание прогрессивных тенденций в афганском обществе неизбежно приводили к коренному изменению национальной ситуации в стране. Апрельская революция 1978 г., приведшая к власти револю-

⁴ Там же, с. 222—224.

⁵ Там же, с. 224—225.

ционно-демократическое правительство, знаменует наступление нового этапа в развитии национальных отношений в Афганистане.

Иран^{5а} — одно из типичных многонациональных государств Востока, в котором господствующая нация — персы вместе с родственными им народностями и этнографическими группами едва превышает половину населения (54%).

Проведение в Иране широких буржуазных реформ «сверху» в начале 60-х годов (так называемая «белая революция» или «революция шаха и народа»), вызвавшее бурный рост местного капитализма в городе и деревне, скачкообразное развитие народного хозяйства страны, превратившейся из аграрной в аграрно-индустриальную, изменение всего ее социально-экономического облика за последние 15—20 лет — все это оказало, естественно, глубокое воздействие на национальные отношения. В особенности отразились на национальной ситуации в стране сдвиги в иранской деревне, вызванные попытками решения аграрного вопроса на буржуазной основе.

На общую национальную ситуацию в современном Иране непосредственное влияние оказало быстрое экономическое развитие всей страны в целом и ее национальных окраин в частности, материальной основой которого являлись доходы от главного национального богатства Ирана — нефти, резко возросшие особенно в последние годы в связи с мировым энергетическим кризисом (с 715 млн. долл. в 1968 г. до 21,9 млрд. долл. в 1975 г.). Заметные социально-экономические сдвиги порождали совершенно новые для Ирана формы противоречий, связанных уже не с полуфеодальными, а с капиталистическими отношениями.

Важные сдвиги произошли в районах расселения национальных меньшинств. Хотя Тегеран и его округ по-прежнему опережали провинцию в темпах своего экономического развития, его значение как «метрополии» в начале 70-х годов стало ослабевать. Высокие темпы промышленного развития наблюдались в Хузестане, Исфагане, Восточном Азербайджане, Фарсе, в некоторых районах Прикаспия и побережья Персидского залива, где возникли новые индустриальные центры. На фоне общей высокой урбанизации (население городов с 1959 по 1973 г. увеличилось на 94%, а удельный вес сельского населения сократился с 56,3 до 40,1%)⁶ обращает на себя внимание быстрый рост именно провинциальных центров (Ахваза, Исфагана, Резайе, Шираза и др.) даже в сравнении с Тегераном⁷. В результате среди национальных меньшинств растущее общественное значение приобретали новые социальные слои —

^{5а} Национальный вопрос в Иране рассматривается только до февральской революции 1979 г.

⁶ Iran Almanac and Book of Facts. Tehran, 1975, с. 211.

⁷ «Kevhan International», 5.VIII.1975.

индустриальные рабочие, интеллигенция, промышленная буржуазия, что вносило новые элементы в национальные отношения центра и окраин.

Значительное воздействие на национальные процессы в Иране оказывала правительственная политика в области культуры и образования, продиктованная, как и все реформы в рамках «белой революции», интересами правящей верхушки страны.

Изменения в экономике и культуре активизировали две противоположные друг другу тенденции в общеиранском национальном процессе: интеграционную и дезинтеграционную. Первая тенденция опиралась на расширение внутриэкономических связей, на рост инфраструктуры, на укрепление единого общеиранского рынка, на усиление руководящей роли государственной власти в общественно-политической жизни, резкое увеличение сельской миграции в города, большую доступность для самых широких слоев населения средств массовой информации, распространяющих паниранистские идеи на персидском языке, который несет функции языка-посредника в многоязычной стране. Вторая — на развитие провинций, населенных национальными меньшинствами, на появление и внедрение у них современных социально-экономических и политических структур. Противоборство этих тенденций и составляло особенность национальной ситуации в Иране. При этом, однако, следует принять во внимание и некоторые другие характерные для Ирана факторы. Обе тенденции содержались в начавшемся с весны 1978 г. подъеме приведшего к крушению шахского режима демократического движения, которое имело общенациональный, т. е. интеграционный, характер и в то же время включало элементы, способствующие консолидации меньшинств, выступающих со своими специфическими лозунгами в общенациональном движении.

Конечно, в связи с экономическим подъемом 60-х — начала 70-х годов и его социальными последствиями значительно усилились непосредственные контакты различных этнических групп, сопровождавшиеся неизбежно их смешением и частичным слиянием. Но для национальных процессов в современном Иране первостепенную роль играл резко ускорившийся в связи с социально-экономическими реформами и соответствующими внутриполитическими мероприятиями правительства распад племенной организации и ускоренный переход кочевников к прочной оседлости.

Дело в том, что национальный вопрос в Иране в основном существовал именно в рамках племенной системы, ибо, за исключением азербайджанцев, подавляющее большинство национальных меньшинств Ирана еще сохранило отпечаток родо-племенной структуры. Эти два кардинальных вопроса внутренней жизни страны — племенной и национальный — всегда были крепко спаяны друг с другом.

Переход кочевников к оседлости, как вследствие социально-экономических процессов, так и в результате сознательной политики правительства (особенно национализации пастбищ и водных источников), приводит к утверждению территориальных связей на месте племенных и разрушению самой этнической целостности отдельных племен, что при сильном ассимиляторском воздействии господствующей нации в области языка, культуры, быта крайне затрудняет возможность их национальной консолидации. Происходит перемешивание различных племен, например в зоне южных нефтепромыслов, где обитают арабы, луры, бахтиары, кухгелуйе; этнический состав городов и рабочих поселков в этом районе чрезвычайно пестр.

В других случаях кочевники Ирана расселяются разрозненными группами среди массы персидского земледельческого населения, как это наблюдается в Горганской степи, где кочевой уклад туркмен почти полностью ликвидирован. Здесь власти содействовали массовому переселению на плодородные земли персидских крестьян из Сеистана и Центрального Ирана.

Однако детрибализация не обязательно ведет к денационализации. Общий подъем производительных сил в стране на фоне быстрого социально-экономического развития содействовал созданию и укреплению новых, жизнеспособных национальных связей среди населения племен. Это видно на примере тех же туркмен Горгана и Дешт-е Горгана. Создание здесь крупных хлопководческих хозяйств, заводов по переработке сельскохозяйственного сырья, мастерских по ремонту сельскохозяйственной техники и тому подобных предприятий капиталистического типа способствовало утрате туркменским населением традиционных связей с семьей, аулом-родом, сплочению и последующей национальной консолидации туркмен различных племен. К такому же социальному результату приводило развитие капитализма в населенных меньшинствами аграрных районах Мугани, Хузестана, Исфагана, Фарса, где уже существуют высокотоварные крупные хозяйства.

Таким образом, влияние кризиса племенного строя на национальные процессы в Иране было глубоко противоречивым, отражавшим и социальную сущность «белой революции», и методы ее проведения.

Буржуазные реформы существенно модифицировали национальные процессы и способствовали их акселерации, но не парализовали и тем более не отменили действие на них традиционных факторов, проистекающих из особенностей исторического развития Ирана. Нынешняя же реальность такова, что, несмотря на очевидные успехи социально-экономических реформ, Иран оставался страной недостаточно развитой, во многом сохранившей свой традиционный, «мусульманский» облик. Характерно, что начавшееся в 1978 г. антиимпериалистическое

и демократическое движение проходило в значительной мере под религиозно-националистическими лозунгами. Показательно, что связанная с реформами «европеизация» городского быта и культуры, которая воспринималась как надругательство над иранским суверенитетом и национальными традициями, освященными шиитским исламом, вызвала особенное возмущение духовенства и традиционного базара, всегда игравшего видную роль в общественной жизни. Происходили погромы и поджоги банков, кинотеатров, ночных кабаре, винных магазинов и т. п., символизирующих в глазах ревнителей веры и мусульманских традиций вторжение на иранскую почву «порочной западной культуры и алчного предпринимательства».

Процесс модернизации в географическом аспекте протекал крайне неравномерно, показывая в некоторых национальных окраинах тенденцию к замедлению. В Курдистане, Белуджистане, Луристане аграрная реформа во многом осталась формальной и декларативной. В Луристане, по словам наблюдателя, «земли, юридически объявленные собственностью арендаторов-издольщиков, по отбытии уполномоченного чиновника вновь становятся собственностью прежних владельцев, чья власть в деревне фактически сильнее государственного законодательства»⁸. Помимо скрытого саботажа помещиков и племенных верхов стагнационным фактором является также консервативность самих крестьян и скотоводов-кочевников, живущих в плену родо-племенных и общинных традиций и относящихся с недоверием ко всем мероприятиям, проводимым инонациональной административной властью.

В Иране был распространен такой пережиток, как подмена национальных связей религиозной общностью. Кристаллизации национального чувства мешает и глубоко укоренившееся в массах представление о религиозной исключительности Ирана как твердыни и оплота шиизма в мусульманском мире (шииты составляют свыше 90% населения Ирана, и шиизм привычно воспринимается как национальная иранская форма ислама).

Другим идеологическим фактором, тормозящим рост национального самосознания у народов Ирана, является живучесть и популярность паниранистских представлений, основанных на древней государственности и богатой историко-культурной традиции. Государственно-территориальная, историческая и культурная общность народов Ирана выработала на протяжении веков и определенную психическую общность, что послужило одной из главных причин восприимчивости идей паниранизма частью неперсидского населения.

Таковы факторы, создающие благоприятные условия для протекания в Иране консолидационных процессов. Разумеется,

⁸ M. J. Black. An Ethnographic and Ecological Survey of Luristan, Western Persia: Modernisation in a Nomadic Society.— «Middle Eastern Studies», L., 1974, vol. 10, № 2, с. 225.

речь идет не о формировании некой иранской нации, о чем мечтали «горячие головы» в стане паниранистов. Имеется в виду, во-первых, выработка в результате долгой исторической эволюции сходных и даже родственных черт в этнической характеристике отдельных народов Ирана и, во-вторых, уменьшение национальной дробности вследствие поглощения отдельных небольших народов и этнографических групп сформировавшимися и формирующимися нациями страны. В этой связи понятие «иранский народ» имеет совершенно определенное реальное содержание, означая общность нового национально-государственного и национально-политического типа, присущую и другим суверенным дву- или многонациональным государствам зарубежного Востока.

Господствующая персидская нация является одновременно и наиболее развитой нацией Ирана, и одной из самых древних (в этническом отношении) наций мира. Но современный уровень национального развития персов еще носит отпечатки хронологической отсталости страны и неблагоприятных исторических условий, в которых она находилась в течение последних столетий.

Так, при наличии единого литературного языка, разговорный персидский (фарси) отличается значительным разнообразием по диалектам и наречиям (тегеранец, например, с трудом понимает дизфульца). Заметен типичный реликт средневекового общества — местный партикуляризм — наследие долговременной географической изоляции, который выражается в местных традициях в духе землячества и враждебности к чужакам, нуждающимся при переселении в длительной моральной акклиматизации.

Правда, за последнее десятилетие эти пережитки ослабли. Однако до окончательной нивелировки еще далеко главным образом ввиду расширения персидской нации за счет ассимиляции персами этнически родственных групп населения. Персизации подвергаются в первую очередь такие близкие к персам народы, как гиляки (гилянцы), мазандеранцы, далее — группы, населяющие экономически быстро развивающиеся районы, и, наконец, верхушечные слои неперсидского населения, тесно связанные с персидской буржуазией и бюрократией. В то же время в наибольшей степени противостоят ассимиляции народные массы аграрных окраин, преимущественно тюркского и арабского происхождения.

Характерной чертой господствовавшей при шахском режиме персидской буржуазной идеологии являлось наличие в ней особенно сильно выраженных монархических, исламо-шиитских, а также усилившихся в годы существования монархии Пехлеви великодержавных и шовинистических⁹ мотивов, отчасти маски-

⁹ Крайнее течение в паниранизме носит откровенно расистский оттенок.

ровавшихся патриотическими лозунгами, которые эксплуатировали сильно развитое у персов чувство национальной гордости, обращенное главным образом в прошлое (что типично для наций с древней и богатой событиями историей). Основной девиз персидского национализма — «бог, шах, родина», выдвинутый еще при основателе династии Пехлеви, Реза-шахе, получил распространение при его преемнике Мохаммеде Реза.

С начала 60-х годов официальная трактовка персидского национализма заметно стала меняться в сторону его дальнейшей иранизации, особенно в период деятельности правительственной партии «Иране новин» («Новый Иран»). В таком виде он был принят на вооружение в качестве официальной идеологии после роспуска в марте 1975 г. всех партий и создания единственной легальной массовой политической организации «Партии национального возрождения Ирана» («Растахиз»). В программных документах партии утверждалось, что страна развивается не по капиталистическому и не по социалистическому пути, а по особому, свойственному только Ирану и его национальной специфике пути развития. В программе партии и ее лозунгах были заложены три основных принципа — «монархия, конституция, революция 6-го бахмана»¹⁰, отчасти затмившие прежний девиз — «бог, шах, родина». Таким образом, в новых лозунгах «монархия» выдвигалась на первое место, вытеснив «бога», что не могло не задевать чувств духовенства и верующих масс населения. По замыслу шаха однопартийная система, распространившая свою деятельность и на национальные районы, подчинившая себе профсоюзы, молодежные, женские и прочие организации, должна была стать «школой иранизации», т. е. воспитания в широких массах населения идеологии «подлинного иранского национализма», и одновременно служить серьезным орудием мобилизации масс на службе монархии.

Однако к этому времени период относительной политической стабильности, порожденный успехом реформ 60-х годов, все чаще стал нарушаться забастовочными и антиправительственными выступлениями трудящихся, связанными с появлением первых экономических трудностей и ужесточением режима шахской диктатуры. Реформы в конечном итоге еще более укрепили положение крупной буржуазии, находившейся в тесных экономических связях с капиталистическим Западом. В стране неуклонно росла социальная напряженность, вызванная безудержным ростом цен, значительным ухудшением положения трудящихся, особенно выходцев из деревень, коррупцией правящей элиты, резким углублением социально-классового неравенства. Национальные чувства иранцев особенно задевало разбазаривание запасов нефти в обмен на закупки громадных за-

¹⁰ Т. е. программа социально-экономических шахских реформ.

пасов в основном американского вооружения. Проамериканская политика шаха и ее отрицательные для страны последствия порождали в обществе сильные антиимпериалистические чувства, налагавшие яркий отпечаток на растущее общенациональное движение.

В этих условиях деятельность «Растахиз» начала встречать растущее сопротивление, особенно в провинциях. Создание буржуазной однопартийной системы, означавшей усиление шахской диктатуры, с 1975 г. стало вызывать массовые демонстрации протеста (в Куме, Дизфуле, Лахиджане, Горгане, Ширазе и др.). Начался и разброд в рядах самой партии, превратившейся в арену борьбы разношерстных политических группировок. Произошел и идеологический раскол. Из партии вышла крайне националистическая группировка «Паниранистов», требовавшая более решительных ассимиляционных действий. В сентябре 1978 г. в обстановке нарастающего политического кризиса произошел развал однопартийной системы и ликвидация партии «Растахиз».

В идеологии иранского национализма, апостолом которого выступала главным образом «Растахиз», возродились некоторые крайне националистические и даже шовинистические мотивы времен Реза-шаха.

В 70-х годах вновь была поднята кампания за очищение персидского языка от арабизмов и европеизмов, за приоритет национального стиля в искусстве и литературе, осуждалось низкопоклонство перед Западом и заимствование оттуда чуждой Ирану идеологии. Воинствующий антикоммунизм по-прежнему оставался составной частью официального иранского национализма.

Все это говорит о том, что как в персидском национализме «старого образца», так и в иранском неонационализме доминировали в общем правобуржуазные тенденции, частично прикрытые феодально-монархическим флером.

Вместе с тем современный персидский национализм не лишен полностью позитивного содержания. Во-первых, он является носителем тех черт общеиранской культурной традиции, которые в силу особенностей исторического развития страны близки большинству ее народов. Во-вторых, персидский национализм в определенной мере заострен и против империалистической политики и идеологии, против неокOLONиализма, угрожающего национальному суверенитету и достоинству страны. Ныне растущее освободительное движение в Иране несет в себе возрождение и прогрессивных демократических тенденций иранского национализма, проявляющихся в призывах к окончательному избавлению от экономического диктата империализма и подлинной независимости в вопросе нефти, и тех его черт, которые носят чисто религиозную форму. Одна из граней персидского национализма враждебна тем крайним течениям панара-

бизма, которые воспринимаются в Иране как угроза его территориальной целостности.

Понятно, что национальным меньшинствам Ирана были свойственны неразвитые формы национализма, не выходявшие, как правило, за рамки более или менее стихийного протеста против официального шовинизма в его политическом и идеологическом проявлениях. Однако по мере роста местной интеллигенции и средних городских слоев национальное самосознание приобретало качественно новые черты, что выражалось в пробуждении интереса к собственной истории, фольклору, языку и т. п. В последнее время в городах появляются и признаки активных движений за развитие национальной культуры, за расширение хозяйственных и административных прав местных органов власти.

Другие народы Ирана отстают от персов по уровню своего национального развития, что является следствием издавна устоявшейся в стране системы национального неравноправия, и в то же время отличаются друг от друга по степени этнической консолидации.

Уровня формирующейся нации в первую очередь достигли иранские азербайджанцы (5 млн.), проживающие компактной массой на одной территории, обладающие собственным языком, давними культурными традициями, национальным самосознанием. На пути национальной консолидации находятся и такие крупные меньшинства Ирана, как курды и — в меньшей степени — туркмены, белуджи, арабы Хузестана¹¹, хотя генеральное направление этнического процесса у этих отставших в своем социальном и культурном развитии народов, сохраняющих сильнейшие пережитки родо-племенного строя, еще неясно.

Национальные процессы у национальных меньшинств Ирана характеризуются двумя моментами:

1. Консолидационным тенденциям у них свойствен известный полицентризм, т. е. не только персы ассимилируют родственные

¹¹ По последним официальным данным, в Иране насчитывается курдов до 2 млн., луров — около 2 млн., белуджей — около 600 тыс., бахтиаров — почти 450 тыс., кашкайцев — около 300 тыс., туркмен — 450 тыс., арабов — 450 тыс. (Современный Иран. Справочник. М., 1975, с. 34—41). Однако эти сведения, почерпнутые из переписей, которые основаны на ненаучных и шовинистических принципах, внушают большие сомнения. Например, по утверждению курдских националистов, курдов в Иране насчитывалось в начале 60-х годов 3,3 млн. (Abdul Rahman Ghassemlou. Kurdistan and the Kurds. Prague, 1965, с. 23), а к началу 70-х годов — свыше 5,2 млн. (может быть, вместе с большей частью луров, на что имеются известные основания) (Ismet Cheriff Vanly. Survey of the National Question of Turkish Kurdistan. Roma, 1971, с. 5). Показателен и такой факт: по переписи 1956 г., армян было 115 тыс., по переписи 1966 г. — 190,4 тыс., а по данным на 1973 г. — 260 тыс. (Современный Иран, с. 41.) Но такой невероятный (в отнесенном выражении) рост этноса может быть объяснен только дефектами переписей. Порочные методы в этнической статистике применяются и во многих других странах Востока.

им народности и этнографические группы, но также азербайджанцы и курды. К первым, например, тяготеют тюркские народности северо-западных районов страны — шахсевены, карапахи, афшары и ряд других групп, к курдам близки некоторые лурские племена. В будущем, вполне вероятно, возникнут и другие центры консолидации, что несомненно приведет, с одной стороны, к уменьшению пестроты национального состава Ирана, но, с другой стороны, к усилению отдельных неперсидских национальных конгломератов (азербайджанского, курдского, белуджского, возможно — арабского, туркменского и др.) со всеми вытекающими из этого политическими последствиями.

2. Специфика Ирана в национальном отношении состоит в том, что его меньшинства представляют собой, как правило, разделенные народы или нации, их единокровные собратья населяют сопредельные страны. Таковы азербайджанцы, курды, туркмены, белуджи, арабы. В прошлом они составляли единые народы, затем их разделили государственные границы, и этническое развитие каждого из них пошло своим путем. Влияние такого раздела на этнические процессы несомненно велико, но вряд ли может быть определено однозначно. Все зависит от того юридического и фактического положения, в котором находится закордонная часть данного народа. Так, советские азербайджанцы, равно как и туркмены, олицетворяют собой высший тип наций на современном этапе развития человечества — социалистический, и этот факт не может не воздействовать (по крайней мере в культурной сфере) на значительно отставших в развитии иранских азербайджанцев и туркмен. На иранских курдов влияли события в Иракском Курдистане, а на белуджей — обострение национальной ситуации в пакистанской части Белуджистана.

В обоих случаях на национальные процессы воздействуют преимущественно политические факторы. Хузистанских арабов затрагивают бурные и противоречивые события, происходящие ныне в арабском мире. Здесь влияние идет как по линии политической, так и идеологической. На национальные процессы, протекающие у иранских меньшинств, фактор внешних влияний вследствие разделенности в ряде случаев может иметь определяющее значение.

Турецкая нация — одна из самых консолидированных на Востоке. Она вполне сформировалась еще задолго до исследуемого периода. Вместе с тем в ее облике до сих пор проступают некоторые архаичные черты, отражающие отставание страны от передовых стран Запада и своеобразие ее исторического развития.

Так, у турок существуют этнографические группы, напоминающие о кочевом прошлом тех этнических компонентов, из которых составилась турецкий народ: юрюки и туркмены. Это

кочевники и полукочевники, еще не ассимилированные до конца турками. Их численность неуклонно сокращается, но до сих пор юрюков и туркмен в Турции насчитывается до 0,5 млн., вместе взятых. Гораздо успешнее ассимилированы и в настоящее время трудно различимы в общей массе турецкого народа некоторые другие немалочисленные этнографические группы (тахтаджи, абдалы, зейбеки, караманлы, хемшинцы и другие), отличающиеся от турок по религии или являющиеся потомками полностью отуреченных некоторых древних обитателей Малой Азии¹².

На этнический процесс в Турции безусловно влияет бурный экономический рост страны после второй мировой войны, который, в свою очередь, вызвал важные демографические изменения (во-первых, урбанизацию), быстрое изживание феодальных пережитков в деревне. Эти явления способствуют завершению процесса этнической консолидации турок, стиранию этнографических различий, характерных для турецкого населения разных вилайетов.

Одновременно ускорилась ассимиляция турками ионациональных меньшинств, главным образом лазов, аджарцев, черкесов, т. е. тех народов, которые в силу некоторых исторически сложившихся неблагоприятных факторов (в том числе своей культурной и политической отсталости) не могут сопротивляться отуречиванию.

В некоторой степени не смогли избежать ассимиляции и другие меньшинства Турции — курды, арабы, армяне, греки. Но в основном эти народы, обладающие богатой и стародавней национальной традицией, сильно развитым национальным самосознанием, большим опытом национальной борьбы, сохраняют свою самобытность.

Однако ни одно из национальных меньшинств Турции, даже крупнейшее из них — курдское, не сформировалось еще в нацию¹³, в стране существуют значительные и труднопреодолимые препятствия для какой-либо автономной национальной деятельности. Турецкая нация сохраняет свое монопольное поло-

¹² См.: Д. Е. Еремеев. Юрюки (турецкие кочевники и полукочевники). М., 1969; Д. Е. Еремеев. Турция. — Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1970, с. 77—79; Д. Е. Еремеев. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971, главы IV и V.

¹³ По подсчетам курдских националистов, в 1970 г. курдов в Турции насчитывалось более 7,6 млн. (свыше 21% всего населения). (См.: I. C. Vanyly. Survey of the National Question of Turkish Kurdistan with historical Background. Roma, 1971, с. 5.) Возможно, эта цифра преувеличена, так как не учитывает ассимиляционный момент, но она несомненно ближе к истине, чем сугубо тенденциозные официальные данные — свыше 2,3 млн. (на 1965 г.). Другой крупный этнический массив — арабы, проживающие главным образом в Юго-Восточной Анатолии (около 400 тыс.). Как и курды, они в современной Турции не имеют условий для национального развития (Турецкая республика. Справочник. М., 1975, с. 30—32).

жение в стране как нация не только во всех отношениях доминирующая, но и как нация угнетающая.

Это исключительное положение турецкой буржуазной нации наложило на нее свой отпечаток. В турецком обществе глубоко укоренилось (особенно в его средне- и мелкобуржуазных слоях и у выражающей их интересы интеллигенции) чувство национального превосходства, питающееся историческими воспоминаниями о величии Османской империи и, в свою очередь, служащее идеологической основой для турецкого великодержавного шовинизма с очень сильно выраженными в нем расистскими (пантюркистскими) и даже клерикальными (исламскими и панисламскими) мотивами.

На современном этапе турецкий национализм как политическое и идеологическое проявление консолидирующего процесса в турецкой этнической среде в значительной степени утратил свое бывшее (периода борьбы за независимость) прогрессивное содержание. На передний план вышли классовые противоречия, глубоко рассекающие турецкую нацию. Относительно позитивное значение сохраняют лишь такие факторы этнического процесса, которые содействуют завершению консолидации турецкой нации (экономическое развитие отставших вилайетов, способствующее изживанию регионализма, становление современного турецкого литературного языка в результате постепенного преодоления, с одной стороны, обветшалого «османского» языка, насыщенного чуждыми арабскими и персидскими элементами, а с другой стороны, пуристических нововведений эпохи Ататюрка с их надуманными неологизмами¹⁴ и т. п.). Наконец, в последние годы проявилась еще одна грань турецкого национализма, которую можно считать ответной реакцией на продолжительное экономическое, военно-политическое и идеологическое засилье американского империализма в стране. Несомненное прогрессивное значение этой закономерной реакции, однако, может быть значительно ослаблено экстремизмом как правого, так и «левого» толка.

Арабский мир

В гигантском арабском регионе, простирающемся от Атлантического до Индийского океана на территории около 12 млн. кв. км и с населением до 140 млн. человек, национальные процессы имеют совершенно особый характер. Определяются они в основном однопациональным этническим составом большинства из 18 суверенных государств арабского мира. Национальный вопрос как внутривнутриполитическая проблема су-

¹⁴ См.: А. Н. Баскаков. Языковая политика Турецкого лингвистического общества; Р. Р. Юсипова. О некоторых путях «очищения» современного турецкого литературного языка. — Социоллингвистические проблемы развивающихся стран. М., 1975.

существует только в Ираке, в Сирии (где, как и в Ираке, проживает курдское меньшинство) и в Судане (там арабы составляют менее половины всего населения, остальные — народы кушитской группы, нилотской языковой семьи и группа народов Центрального и Восточного Судана)¹⁵. Во всех остальных арабских государствах идет процесс национальной консолидации, в сущности, единственного (хотя и далеко не однородного, особенно в Магрибе) этнического материала — арабского, что при отсутствии активного инонационального элемента придает этому процессу совершенно специфическую окраску.

Влияние однонациональности на национальные процессы в арабском мире проявляется в разных аспектах: антропологическом, лингвистическом, социально-экономическом, политическом и идеологическом. Так, в арабских странах факторы этнометизации и лингвистического взаимовлияния играют крайне незначительную роль. Это относится и к тем немногим арабским государствам (Ирак, Сирия, Судан), в которых проживают национальные меньшинства, ибо последние (курды, а в Судане — нилоты, азанде и другие народы Южного Судана) населяют в основном строго очерченные географические ареалы и мало смешиваются с арабским населением. Поэтому арабские страны (кроме указанных) не знают «внутреннего колониализма», т. е. системы экономического и политического гнета правящих кругов господствующих наций над национальными меньшинствами, как это наблюдалось в Пакистане. Национализм в арабских странах, т. е. арабский национализм, как в политическом, так и в идеологическом его проявлении обращен прежде всего не внутрь, а вовне (в масштабах арабского мира и за его пределами), ибо внутри каждого отдельного государства он, за немногими исключениями, не находит инонационального, этнически чуждого объекта. Арабскому национализму, таким образом, более чем какому-нибудь другому, особенно присущи «пан»-тенденции, он в своих основных чертах совпадает с панарабизмом. Таковы характерные условия, в которых протекают современные национальные процессы в арабском регионе.

Каков же региональный масштаб этнической общности, формирующейся и консолидирующейся в арабских странах Западной Азии и Северной Африки? По этому вопросу, вызывающему, понятно, острый политический интерес и постоянно возбуждающему страсти, высказываются разные мнения, отражающие часто разные классовые позиции.

Сейчас распространены две крайние точки зрения. Первая утверждает, что существует единая арабская нация, разделенная государственными границами, которые, по существу, яв-

¹⁵ Демократическая Республика Судан. Справочник. М., 1973, с. 358—359.

ляются лишь временными демаркационными линиями, подлежащими в более или менее отдаленном будущем полной отмене. Носители этой точки зрения — официальные или официозные идеологи арабского национализма во всех без исключения арабских странах. Противоположная версия, в частности распространенная на Западе, в том числе и в прогрессивных кругах, гласит, что в отдельных арабских государствах сформировались или формируются в наше время свои «автономные» нации (алжирская, марокканская, сирийская, египетская и т. п.)¹⁶. В обеих этих версиях можно выделить известную градацию взглядов и мнений, но основное главное расхождение именно таково.

Для выяснения этой действительно актуальнейшей научной и политической проблемы следует уточнить, что в действительности объединяет, а что разделяет арабов, насколько прочны общеарабские и местные региональные связи, носят ли эти связи органический характер и имеются ли подлинно научные основания для выражения названных выше крайних мнений?

Если так поставить вопрос, то выяснится, что объединяющие арабов разных стран связи больше относятся к области языка (главным образом литературного), отчасти религии, культуры, исторических воспоминаний и многих важных черт психического склада, т. е. связи этого рода носят в основном лингвистический и культурно-исторический характер. Связи же в рамках отдельных арабских стран в наше время развиваются преимущественно в области экономической и политической. Естественно, что марксисты при квалификации географического направления национальных процессов в арабском этническом ареале, отнюдь не недооценивая исключительную важность первой названной здесь группы национальных связей, приоритетное значение придают все же второй, относящейся к экономическому базису и политическим структурам¹⁷.

¹⁶ См.: М. Эгрето. Алжирская нация существует. М., 1958.

¹⁷ На наш взгляд, представляется существенным, что и лингвистические связи, как фактор межарабского общения, носят весьма относительный и ограниченный характер. Диглоссия, т. е. сосуществование литературного арабского языка и территориальных диалектов, определяет языковую ситуацию как во всем арабском мире, так и в отдельных странах. Расхождения между арабским литературным языком, которым владеет сравнительно узкая прослойка образованного общества, и диалектами, которые являются средствами языкового общения всего населения данной арабской страны, весьма значительны, а пути преодоления этого противоречия трудно предсказуемы. Анализ языковой ситуации в арабском мире и представление о дискуссии, которая ведется по этому вопросу в арабских странах и в нашей науке, содержатся в сб. Социолингвистические проблемы развивающихся стран. См. ст.: А. Г. Белова. К вопросу о соотношении литературного языка и диалектов в арабских странах; Ю. П. Губанов. О проблемах создания арабской терминологии; С. Х. Кямилев. Проблема арабизации образования в арабских странах Северной Африки; Г. Ш. Шарбатов.

Здесь следует сделать две существенные оговорки. Первая относится к хронологии. Партикулярное направление национальных процессов в арабском мире характерно отнюдь не для всех времен этнической истории арабов, насчитывающей много столетий. Еще на заре XX в., в эпоху «арабского возрождения» и «пробуждения Азии», когда арабские народы вели борьбу против турецкого господства, и даже позднее, когда турецких угнетателей сменили английские, французские и итальянские колонизаторы, вполне вероятно, было такое направление национальных процессов, которое привело бы к консолидации общеарабской этнической общности по крайней мере в масштабе стран Арабского Востока. Но в силу известных причин этого не произошло. Партикулярное направление национальных процессов в арабском мире выкристаллизовалось только в самое последнее время, после окончательной ликвидации колониализма, когда большинство нынешних суверенных арабских государств доказали свою жизнеспособность в качестве экономических и политических организмов. В то же время рискованно будет утверждать, что это направление настолько уже окрепло, что исключена возможность оживления и активизации объединительных тенденций у арабов, хотя современнику это представляется маловероятным.

Другая оговорка направлена против абсолютизации перечисленных национальных связей как в смысле их удельного веса в национальном процессе, так и влияния на те или иные его направления. Здесь, как и во всех других социальных явлениях, все зависит от условий, места и времени. Одни и те же факторы в разное время и в разных странах играли неодинаковую роль как в количественном, так и в качественном отношении. Например, влияние религиозного и лингвистического фактора как объединяющего начала в средневековую эпоху, в период арабизации Ближнего Востока и Северной Африки, было во много раз сильнее, чем в наше время, когда резко возросло влияние на национальные процессы социально-экономических факторов. В свою очередь, внутри- и внешнеэкономические связи в период турецкого господства «работали» на макроконсолидацию (скажем, в пределах арабских стран Леванта — Сирии, Ливана, Палестины), а в современную эпоху эти же связи стали важнейшим условием микроконсолидации арабов в рамках отдельных стран. В 50-х годах нашего столетия мощный подъем антиимпериалистического национально-освободительно-

Общеарабский стандартный литературный язык и территориальное варьирование его как важный социоллингвистический фактор.

Для настоящей темы значительный интерес представляет постановка вопроса (главным образом в историческом плане), содержащаяся в недавно переведенной работе прогрессивного общественного деятеля Израиля Э. Ту-мы «Национально-освободительное движение и проблема арабского единства» (М., 1977).

го движения на Арабском Востоке и в Магрибе послужил основой для широкого распространения идей арабского единства, которые были важнейшим компонентом объединительного этнопсихологического комплекса у арабов различных стран, классов, сословий. В 60-х годах, когда пик антиимпериалистической борьбы в арабских странах остался позади, популярность и действенность объединительной идеологии (и одного из крайних ее выражений — насеризма) начали снижаться. Усилившееся в это время противоборство с Израилем не стало равноценной заменой этой идеологии; подчас (особенно в настоящее время) оно приводит к обострению межарабских противоречий.

Итак, в отдельных арабских странах консолидируются, а в современную эпоху особенно быстро, свои национальные общности. Их неправомерно считать частями некой единой арабской нации, разделенной якобы временными демаркационными линиями — государственными границами. Вместе с тем термины «алжирская нация», «марокканская нация», «египетская нация», «иракская нация» и т. п. тоже представляются неточными, ибо они не отражают «арабизма» каждой из них — важный этнический признак собирательного характера, включающий в себя наличие единого литературного языка, более или менее близких (в пределах отдельных субрегионов арабского мира) разговорных диалектов, общих исторических традиций, совместной борьбы сперва против турецкого, потом против империалистического господства, наконец, некоторых сходных черт национального характера. Главным идеологическим выражением арабизма является идеология арабского национализма, широко распространенная и популярная во всех без исключения арабских странах (хотя в своем внешнеполитическом аспекте в текущий момент малоэффективная). У арабского национализма есть одна особенность (помимо тех качеств, которые роднят его с любым буржуазным в своей сущности национализмом) — он является идеологическим выражением движения за арабское единство, за преодоление исторически сложившейся разобщенности арабского мира. Идеологи арабского национализма не представляют себе подлинной независимости арабских стран без их объединения в той или иной форме. Именно арабский национализм во всех его проявлениях (и как идеология, и как чувство национального самосознания, и как определенная политика, в значительной мере антиимпериалистическая, но не только) служит, по существу, синонимом арабизма и главным объединяющим элементом для арабских народов.

Все сказанное позволяет прийти к выводу, что этнические общности, формирующиеся и консолидирующиеся ныне в арабских государствах, следует называть так: «арабская нация в Египте», «арабская нация в Сирии», «арабская нация в Тунисе» и т. п. Такое определение учитывает, с одной стороны, местную специфику национальных процессов в арабских странах —

неоспоримую реальность современной национальной ситуации в них, с другой — наличие несомненной родственной этнической близости между арабскими нациями и народами. Во многих отношениях национальная ситуация в арабском мире напоминает таковую в Латинской Америке, где также существуют и развиваются родственные испаноязычные в большинстве нации — аргентинская, уругвайская, чилийская, перуанская, мексиканская и т. п. Между арабскими нациями в целом больше этнической близости, чем, например, между германскими, славянскими и романскими (латинскими) нациями Европы, но меньше, чем между индоарийскими или дравидийскими нациями Индии.

Такова общая национальная ситуация в арабском регионе, генеральное направление национальных процессов, которое показывает ныне тенденцию к микроконсолидации в масштабах отдельных арабских государств. Эта общая картина не должна заслонять своеобразие и специфику национальных процессов в отдельных арабских странах и группах стран.

Прежде всего, арабские страны отличаются между собой по уровню национального развития. Нации сформировались только в тех из них, которые в арабском мире считаются сравнительно передовыми по основным показателям. Такими странами можно считать Египет, Сирию, Ливан, Ирак, Тунис, Алжир, но и среди них степень этнонациональной консолидации далеко не одинакова. Египет первенствует как самая населенная, самая сильная, относительно развитая в экономическом и культурном отношении страна арабского мира, внесшая в свое время важнейший вклад в борьбу против колониализма и неоколониализма. Нация в Египте начала формироваться в конце прошлого века, вскоре же закономерно начал выкристаллизовываться египетский партикулярный национализм — фараонизм. Впоследствии он был заглушен набиравшим силу панарабизмом, но не исчез вовсе; объективные условия, способствующие живучести этого националистического течения, его эвентуальной активизации, в полной мере сохранились и даже окрепли.

Партикуляристские националистические течения проявляются и во всех других арабских странах, в которых сформировались нации. В первую очередь это относится к Сирии, называемой «сердцем арабского мира» (тогда как Египет — его «голова»), и к Ливану. Народы этих стран, история цивилизации в которых насчитывает несколько тысячелетий, уже сформировались в отдельные арабские нации с собственными отличительными признаками, получившими и идеологическое обоснование. Сирийский национализм, не имевший своего терминологического обрамления, в настоящее время является подспудным, но активно действующим началом политической и культурной жизни страны.

Ливан — одна из наиболее своеобразных стран арабского мира с ярко выраженной религиозной чересполосицей (причем

около половины населения — христиане), с давними традициями автономного государственного существования, с относительно развитой капиталистической экономикой, традиционно тесными экономическими и культурными связями с Западом, относительно высоким для большинства освободившихся стран жизненным уровнем. Ливанцы очень цепко держатся за свою национальную самобытность. Не случайно в этой стране получила распространение идеология финикизма, согласно которой ливанцы как потомки древних финикийцев являются носителями особой средиземноморской цивилизации и не должны смешиваться с другими арабами, в культурном отношении стоящими ниже их. Финикизм эксплуатируется в реакционных целях наиболее правыми, прозападными силами в ливанском обществе (в частности, так называемой «ливанской фалангой») для обоснования отказа участия Ливана в антиимпериалистическом движении^{17а}.

Партикуляристские политические течения и идеологии в других арабских странах, где консолидируются или только формируются нации, выражены слабее, но они существуют и время от времени дают о себе знать. Причем для обоснования партикуляристских тенденций, получивших название «шуубийя» (так некогда называлось антиарабское движение других мусульманских народов, завоеванных арабами), особенно охотно, как видим, используются исторические реминисценции (в Ираке, например, из древневавилонских времен, в Тунисе поднимают на щит карфагенизм). Это, кстати, свидетельствует о политической и идеологической незрелости и слабости регионального национализма — партикуляризма в арабских странах как результата и внешнего проявления недостаточной консолидированности арабских наций. В 60—70-е годы в связи с подъемом антиимпериалистического движения и конфронтации с Израилем политический и идеологический партикуляризм в арабском мире, за исключением, может быть, Ливана, старается не выходить на поверхность, часто рядится в панарабские одежды. Однако в действительности в связи с социально-экономическим, политическим и культурным прогрессом в отдельных арабских государствах окрепла объективная основа для развития в них партикулярного национализма.

В большинстве нынешних суверенных государств арабского мира нации окончательно еще не сформировались; их население находится на разных, часто весьма низких ступенях этнической консолидации. Если в Иордании, Судане, Ливии, Марок-

^{17а} События последних лет, связанные с гражданской войной в Ливане и вмешательством в нее Израиля, Палестинского движения сопротивления и некоторых арабских стран, могут привести к необратимому расколу ливанцев по конфессиональному признаку и, следовательно, к коренному изменению традиционной этнонациональной системы в этой стране, основанной на сосуществовании различных религиозных общин.

ко¹⁸ среди местного арабского населения уже образуются региональные устойчивые этнические общности, то в странах Аравии типичны племенные союзы, подчиненные власти наследственных монархов. Национальные связи в Аравии только намечаются, и еще трудно предугадать, в каких географических границах эти связи будут реализованы в будущем. Границы между отдельными государствами и княжествами Аравии ни в коей мере еще не являются национальными границами, ибо они целиком порождены феодальным и колониальным прошлым, которое властно напоминает о себе в нынешней действительности.

Более или менее реальные национальные связи формируются только в Юго-Западной Аравии, на территории исторического Йемена, страны древней и богатой культуры, где теперь расположены два суверенных государства — Йеменская Арабская Республика (ЙАР) и Народная Демократическая Республика Йемен (НДРЙ). Свержение средневековой монархии в Северном Йемене и изгнание британских колонизаторов из Южного Йемена с последующими революционно-демократическими преобразованиями в НДРЙ создали здоровую основу для прогрессивного развития народов этих государств, в том числе и в области совместной национальной консолидации. «Правительства ЙАР и НДРЙ рассматривают находящиеся под их юрисдикцией территории как часть единого Йемена и поэтому считают разграничительные линии временными. Оба правительства полагают, что в будущем обе части Йемена объединятся в одно государство. Об этом говорят ст. 5 Конституции ЙАР и Преамбула Конституции НДРЙ»¹⁹. Правда, реализации этих национальных чаяний мешают существенные различия в общественном и государственном строе обоих государств, а также пережитки разжигавшейся в прошлом племенной междоусобицы.

Естественно, что в той группе арабских стран, где нации еще не сформировались, отсутствуют и условия для развития партикулярного национализма; можно наблюдать только его первые ростки. Зато в этих странах оказалась вполне подготов-

¹⁸ Национальный процесс в Марокко выразительно и точно охарактеризовал посетивший эту страну советский исследователь: «Термин „марокканская нация“ широко применяется в политических речах и газетных статьях. Однако, называя себя нацией, марокканцы имеют в виду прежде всего общность исторических судеб и принадлежность к одному государству. Что же касается процесса укрепления общности языка, экономики и культуры, то он еще далек от своего завершения. Понятие „марокканец“ вошло в обиход главным образом у жителей промышленных центров, где капитализм обосновался сравнительно давно и поэтому успел переплавить в своем горниле разнородные и разнохарактерные по своим культурным традициям, обычаям, психическому складу и языку элементы в относительно однородную массу, подчиненную законам буржуазных производственных отношений, то есть того базиса, на котором возникает нация» (В. П. Верин. На марокканской земле. М., 1972, с. 35).

¹⁹ Л. Н. Котлов. Йеменская Арабская Республика. Справочник. М., 1971, с. 5.

ленная почва для распространения идей арабского национализма (панарабизма), как бы заполняющего идеологический вакуум. Примечательно, однако, что арабский национализм в странах указанного типа (например, в Ливии) популярен исключительно в сфере идеологии. Когда же речь идет о материальных интересах или конкретных политических действиях особенно рискованного свойства, то партикулярные соображения почти всегда одерживают верх. Это говорит о том, что и в сравнительно отсталых странах арабского мира постепенно созревают условия для национальной консолидации арабского населения в рамках отдельных государств или субрегионов.

Итак, национальная ситуация в арабском мире в полной мере отражает присущую этому региону двойственность, выражающуюся, с одной стороны, в исконном, традиционном арабизме, а с другой, — во все растущем и закономерно крепнущем в современный период местном национализме. Эта двойственность наглядно прослеживается и в особенностях национальных процессов, происходящих в отдельных арабских государствах.

Национальные процессы у арабских народов отличают многие типологически сходные черты, обязанные своим происхождением более или менее одинаковым условиям, при которых шло их историческое, социально-экономическое, политическое и культурное развитие. Так, для всего региона характерно наличие двух уровней консолидации: первый, высший — для городского и оседлого сельского населения, второй, низший — для бедуинских кочевых и полукочевых племен, до сих пор составляющих значительную часть населения во многих арабских странах. У бедуинов, подчиненных почти безграничному авторитету феодально-племенной верхушки, уровень национального самосознания крайне низок, хотя они (в арабских странах Азии) являются наиболее чистокровными арабами по этническому происхождению и языку. Идеальный и политический кругозор бедуина ограничен рамками шариата и племенного обычного права — адата. Не случайно в наше время феодально-клерикальная реакция и империализм с успехом используют племена для всех антинациональных предприятий (например, в ЙАР, Иордании, Марокко). Племенной строй и по сию пору остается серьезным дезинтегрирующим фактором для всех сформированных и формирующихся арабских наций.

Другим важным дезинтегрирующим фактором национального процесса у арабов является религиозная чересполосица (главным образом внутриисламского порядка). Вообще говоря, религиозный момент играет исключительно большую роль в социальной жизни всех арабских народов, а исламизм является составной частью наиболее распространенных концепций арабского национализма — еще одно свидетельство отсталости арабских обществ. Упоминание об исламе как о государственной религии содержится в конституциях всех арабских госу-

дарств (за исключением Ливана). Это положение является одним из двух главных догматов официального арабизма; второй утверждает, что данный народ (сирийский, иракский, йеменский и т. д.) — часть арабской нации. Именно по этой причине в этнически однородном в основном арабском обществе все немусульманское или не ортодоксально мусульманское воспринимается как нечто ненациональное, даже неарабское. Религиозные противоречия (между зейдитами и шафиитами в ЙАР, шиитами и суннитами в Ираке, христианами и мусульманами, а также и внутри христианской и мусульманской общин в Ливане, между мусульманами и коптами в Египте, сенуситами и ортодоксальными суннитами в Ливии, между мусульманскими сектами в Судане) серьезно ослабляют национальное единство в арабских странах, задерживают консолидацию в них арабских этнических общностей²⁰. Эта религиозная рознь в некоторой степени играет роль несуществующих национальных противоречий, а в Ираке и Судане дополняет и осложняет последние.

Таким образом, отмеченные два фактора, общие для всех арабских стран, отрицательно влияют на этническую консолидацию в них и нейтрализует те благоприятные возможности, которые предоставляет одностациональность и относительная лингвистическая однородность для быстрее и прогрессивного национального развития всех арабских народов.

Наряду с общими и типологически сходными чертами в национальных процессах в арабском регионе имеет место и особенное, т. е. влияние специфики исторического развития и современного положения в отдельных арабских государствах и субрегионах. Эта специфика появилась в результате многостороннего воздействия разнородных причин, в числе которых назовем в первую очередь разницу в уровнях социально-экономического и культурного развития. Базисные условия для национальной консолидации в Египте или Сирии, к примеру, гораздо более благоприятны, чем в Омане или ЙАР, и эта разница заметно проявляется именно в уровне национального развития соответствующих этносов.

Далее, общая одностациональность не исключает присутствия различных этнических компонентов в субрегиональных этноконсолидационных процессах. Объектами этнической ассимиляции в различных странах арабского мира выступают как арабские, так и неарабские народы. Так, в бурно развивающихся под воздействием нефтяного бума княжествах Персидского залива за период 50—70-х годов произошли качественные демографические и одновременно национальные сдвиги. Население Кувейта, например, возросло в 1970 г. по сравнению с 1950 г.

²⁰ Об одном из главных аспектов этноконфессиональных отношений в Ливане см.: М. А. Родионов. Марониты в ливанском обществе. — «Расы и народы». 1975, № 5, с. 289—301.

почти в 4,5 раза (со 170 тыс. до 733 тыс. человек)²¹. Этот прирост достигнут главным образом за счет иммиграции арабов-некувейтцев (из Иордании, Ливана, Ирака, Сирии, Омана и других арабских стран), а также неарабов (главным образом из Ирана, Индии и Пакистана). В результате, по переписи 1965 г., арабы-кувейтцы составляли 47,1% населения эмирата, арабы-некувейтцы — 40,2 и неарабы — 12,7%²². Аналогичные тенденции характерны для демографической ситуации в других нефтедобывающих княжествах Персидского залива — на Бахрейне, в Катаре, Абу-Даби, Дибай, Омане, а также в нефтедобывающих районах Саудовской Аравии, расположенных в Восточной провинции (Эль-Хасе). Иначе говоря, в настоящее время на всем западном (аравийском) берегу Персидского залива происходит быстрый процесс формирования новых этнических общностей, консолидирующихся преимущественно на арабской (но отнюдь не только местного происхождения) основе.

В других районах арабского мира национальная консолидация происходит с привлечением иных этнических компонентов. В ЙАР и НДРЙ в ней некоторое участие принимают восточноафриканские и частично индийские элементы, в арабских странах Леванта — средиземноморские (греки, армяне, турки, итальянцы и т. п.), в Судане — негроидные. В странах Магриба, особенно в Марокко и Алжире, в национальной консолидации формирующейся марокканской и недавно образовавшейся алжирской нации участвуют аборигены этих стран — берберы (для Туниса и Ливии арабизация автохтонов — уже прошедший этап)²³.

Типичная и очень интересная национальная ситуация сложилась в Марокко, поскольку в этой стране арабизация, которая в других государствах Магриба уже закончилась или близка к завершению, происходит на наших глазах. Завоевание Марокко государственной независимости и объединение всей (вернее, почти всей) территории страны создали предпосылки для формирования и консолидации нации в этом арабском государстве. Значительное участие в этом процессе принимают берберы, но роль их скорее пассивная, ибо этническая консолидация в стране происходит под знаком сплошной и монополярной арабизации. Арабизации берберов способствует отсутствие у них своей письменности и литературного языка. При таком положении арабский язык и культура играют для берберов прогрессивную роль, тем более что шансы на создание берберской письменности, школ и т. п. практически отсутствуют.

²¹ В. Л. Бодянский. Современный Кувейт. Справочник. М., 1971, с. 40. К 1972 г. население страны возросло до 815 тыс.

²² Там же, с. 47—48.

²³ Arabs and Berbers. From Tribe to Nation in North Africa. Duckworth, 1973.

Примечательно, что один аспект арабизации актуален не только для берберов, но и для всего населения Марокко. Он — результат франкоязычия интеллигенции и почти всего городского населения страны, что вызвало проблему широкого внедрения арабского языка в прессе, преподавании, радио и т. д. Развитие и распространение арабского языка вширь и вглубь, во все сферы духовной жизни общества, т. е. превращение арабского языка в подлинно национальный язык, рассматривается в Марокко как необходимое и первейшее условие укрепления национальной консолидации ее народа²⁴.

Алжирские берберы (кабилы) по сравнению с марокканскими в национальном отношении еще более интегрированы с основным арабским населением страны; строго говоря, алжирские кабилы — не национальное меньшинство, а этнографическая группа (правда, довольно многочисленная — до 25% населения страны). Кабийская проблема существует в Алжире только как региональная и социальная (крестьянские массы горной Кабии считаются наиболее обездоленными, а алжирская буржуазия по происхождению — большей частью кабийская).

На процесс консолидации нации в Алжире чрезвычайно большое влияние оказала многолетняя национально-освободительная борьба арабо-берберского населения страны, увенчавшаяся победой в 1962 г. Алжирская национально-освободительная революция, несмотря на все перипетии внутривнутриполитической жизни страны за истекшее десятилетие, создала необходимые предпосылки для национального развития по наиболее прогрессивному, демократическому пути, хотя практическая реализация этих предпосылок встречает объективные и субъективные трудности. Вместе с тем победа алжирской революции оказала непосредственное и весьма специфическое влияние на национальную ситуацию, приведя к изменению национального состава населения страны; алжирцы европейского происхождения (до 10% населения колониального Алжира), представляющие собой этнически и культурно активный и относительно современный слой алжирского общества, покинули страну. Это нанесло обществу, особенно на первых порах, значительный экономический ущерб, который, однако, компенсируется тем, что резко упало влияние эксплуататорских и паразитических элементов. (Аналогичные демографические изменения произошли и в других странах Магриба, но в меньших масштабах²⁵.)

Необходимо отметить наличие в магрибинском субрегионе арабского мира течения в пользу национально-государственной

²⁴ Об истории и современном состоянии арабо-берберских этнических взаимоотношений см.: Н. С. Луцкая. К вопросу о марокканских берберях. — История и экономика стран Арабского Востока. М., 1973. с. 165—173.

²⁵ См.: Р. Г. Ланда. Проблема европейского меньшинства в Алжире. — Арабские страны. История. М., 1963, с. 18—37.

интеграции Алжира, Туниса и Марокко. Макроконсолидационные идеи, выдвинутые в ходе национально-освободительной борьбы против французского империализма, первоначально призваны были облегчить совместный натиск на общего врага. Их пропагандистами выступали деятели различной классово-политической ориентации, отнюдь не только прогрессивной, но сами эти идеи возникли на реальной этноисторической основе. «Лозунг Арабского Магриба, — писал Генеральный секретарь Марокканской компартии Али Ята, — имеет очень глубокое происхождение, нерушимые основы, вытекающие из общей территории, общей истории, общего языка, общего психического склада, отражающегося в общей культуре, из взаимодополняющего экономического положения, из идентичности интересов»²⁶. Весьма примечательно, что сходную аргументацию приводил и король Марокко Мухаммед V (учреждение федерации стран Магриба «оправдывают география, история, экономика и общая цивилизация»²⁷), и алжирский националистический лидер Хуари Бумедьен²⁸; это говорит в пользу общепризнанности особой этнической близости между формирующимися нациями стран Магриба.

Однако макроконсолидация в Магрибе ограничивается пока только идеологической сферой. Говорить о наличии реальных признаков какой-то магрибинской нации явно преждевременно, для этого еще не созрели необходимые социально-политические условия. Как справедливо отмечал Али Ята, реализация этноинтеграционной тенденции в масштабах Магриба возможна лишь при условии, что она будет наполнена антиимпериалистическим, демократическим и антибуржуазным содержанием и пройдет через ряд последовательно сменяющих друг друга этапов государственно-юридических связей между Алжиром, Тунисом и Марокко (полная независимость каждой из этих стран, конфедерация, федерация, объединение)²⁹. Такая перспектива национального сближения реальна и для других стран арабского и неарабского Востока, населенных родственными нациями и народами.

Инкорпорация в формирующуюся арабскую нацию инородных этнических элементов характерна и для Судана, где происходит арабизация нубийцев, а также в меньшей степени — племен нуба, беджа, фора и др. Однако в отличие от Алжира или Марокко в Судане процесс арабизации не зашел так далеко. Названные народности продолжают вести и самостоятельную

²⁶ Ali Yata. Après la libération de l'Algérie, les étapes de l'édification du Maghreb Arab Uni. Casablanca, 1962, с. 13.

²⁷ Maghreb Arab Uni Conférence de Tanger, 27—30 April 1958. Rabat, 1958, с. 3.

²⁸ «L'Action», 6.V.1958.

²⁹ Ali Yata. Après la libération de l'Algérie..., с. 17—18.

ное этническое существование³⁰. Что касается южносуданских негритянских племен нилотов и азанде, составляющих 30% всего населения страны, то они на месте своего обитания в трех южных провинциях образуют самостоятельный и конфликтный по отношению к Северу центр этнической жизни и национальной консолидации.

Аналогичная национальная ситуация сложилась и в Ираке, где на севере страны образовался центр национальной консолидации иракских курдов, издавна ведущих борьбу за национальное самоопределение. В Ираке курдов насчитывается (на начало 70-х годов) свыше 2,5 млн. (около 28% всего населения), в Сирии — свыше 500 тыс. (до 9%)³¹. Как в Ираке, так и в Судане национальные процессы органически сопряжены с происходящими там национальными движениями.

³⁰ С. Р. Смирнов. История Судана (1821—1956). М., 1968, с. 241—242; Е. А. Биргауз. Национально-этническая проблема Судана (1956—1968 гг.). М., 1975, с. 77—88, 164—178.

³¹ I. C. Vanly. Survey of the National Question of Turkish Kurdistan..., с. 5.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ: ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЯ

К характеристике национальных противоречий

В основе национального вопроса лежит реальное существование национальных противоречий — объективной категории, восходящей к различному уровню развития наций и народностей и глубоко, органически пронизывающей всю общественно-политическую структуру большинства стран Азии и Африки.

Национальные противоречия носят разный характер; они могут быть антагонистическими и неантагонистическими. Собственно вопрос, приводящий к острым национальным конфликтам, возникает только в первом случае. Понятно, что на современном Востоке вовсе не обязательно существование исключительно антагонистических национальных противоречий.

Во-первых, значительная часть народов Востока живет в социалистических обществах, где ликвидированы социальные корни национальных конфликтов, хотя в сознании людей еще не изжиты националистические и шовинистические предрассудки, которые в случае длительных и серьезных деформаций в политике могут заметно активизироваться и отрицательно воздействовать на национальные отношения. Именно так обстоит сейчас дело в КНР. Однако неантагонистические национальные противоречия, вызванные исторически сложившимися различиями народов, остаются временно и при социалистическом строе, показывая тенденцию по мере успехов социалистического и коммунистического строительства к постепенному сглаживанию, если только не появляется указанный негативный фактор.

Во-вторых, неантагонистические национальные противоречия по разным причинам и в разной форме сохраняются во многих несоциалистических странах Востока независимо от уровня и направления их социально-экономического развития. Это происходит там и тогда, где и когда жизненные интересы тех или иных этнических групп или совпадают, или идут параллельно. Как правило, такая картина наблюдается в многонациональных государствах в отношениях между негосподствующими нациями и народностями, ведущими борьбу за свои национальные пра-

ва. В то же время объективная разница в экономическом, культурном положении таких негосподствующих этносов сохраняется, но она не имеет остроконфликтного характера. Таковы, например, взаимоотношения между курдами и ассирийцами в Ираке, между курдами и азербайджанцами в Иране, между синдхами и белуджами в Пакистане, между некоторыми народами Индии и т. п.

Конфликтные ситуации в национальных отношениях отсутствуют или слабо выражены в тех случаях, когда не возникли по разным причинам внутренние и внешние условия для национального развития отдельных, чаще всего небольших или сравнительно отсталых этносов, подвергающихся быстрой и безболезненной ассимиляции, или когда в связи с быстрой модернизацией экономики и общественных отношений происходит естественный процесс консолидации родственных наций или этнических групп (например, на Филиппинах). Иначе говоря, национальные отношения воспроизводят ту относительно прогрессивную, демократическую тенденцию, которая характерна для национальных процессов как важнейшей составной части социально-экономических и политических сдвигов на современном Востоке. Между этими двумя явлениями социальной жизни восточных обществ имеется непосредственная причинная связь.

Представленный на Востоке неконфликтный тип национальных отношений, возникший из-за отсутствия антагонистических противоречий, не составляет проблемы. Однако во всех развивающихся странах зарубежного Востока, где проживают национальные группы с ущемленными правами, до сих пор существуют имманентные причины сохранения и оживления именно антагонистических национальных противоречий, которые генетически восходят к эксплуататорской сущности производственных отношений, занимающих в них пока прочные позиции.

Однако отдельные страны весьма отличаются друг от друга по степени остроты национального вопроса, по месту, которое он занимает в их внутривнутриполитической жизни. Напряженность в национальных отношениях в общем зависит от суммы самых разнообразных факторов, относящихся к социально-экономическому базису, политическому строю, внешнеполитическому положению.

При прочих равных условиях обострению национальных противоречий особенно способствуют столь частые в политической жизни современного Востока кризисные ситуации, вызванные ростом социальной напряженности в связи со стремлением реакционных классов и слоев отстоять свои позиции от напора неизбежных перемен. Они отрицательно влияют на национальные отношения, ускоряя перерастание неантагонистических противоречий в антагонистические, провоцируя острые межнациональные конфликты, накаляя страсти на национальной почве.

Вместе с тем нерешенность в развивающихся странах Во-

стока национального вопроса, само существование антагонистических национальных противоречий, даже независимо от их остроты в данный момент, в принципе играют на руку внутренней и внешней реакции, ибо, усугубляя эту политическую нестабильность, тормозят социально-экономический и культурный прогресс. Получается, таким образом, заколдованный круг, политическая нестабильность и национальный антагонизм оказываются неразлучными спутниками, тесно связанными друг с другом. Опыт независимого развития стран афро-азиатского мира показывает, что невозможно вырваться из этого круга, невозможно преодолеть антагонизм в национальных отношениях и тем самым радикально оздоровить политический климат, иначе как вступив на путь коренного преобразования всей социально-экономической и политической структуры общества на основе ликвидации эксплуататорских производственных отношений. Перспектива развития по пути социалистической ориентации — это одновременно и перспектива реального смягчения и полной ликвидации сначала антагонистических, а потом и всяких национальных противоречий, т. е. только при этом условии народам зарубежного Востока открывается принципиальная возможность решения национального вопроса.

Но достижение таких сдвигов в социально-политической структуре несоциалистических стран Востока, которые способны радикально оздоровить и национальную ситуацию в них, встречает серьезные трудности даже там, где направление развития дает основания для оптимистических прогнозов. До сих пор национальные движения остаются главным способом преодоления антагонистических национальных противоречий, решения национального вопроса в развивающихся странах Азии и Африки. Эти движения — не только важный фактор политической жизни современного Востока, но и в известной мере определяют ее лицо, особенно в тех странах, где национальные конфликты достигали большой остроты (например, в Ираке, Пакистане, в Шри Ланке).

Национальные движения всегда и везде были весьма сложным социально-политическим явлением, анализ и оценка которого неизбежно сопряжены со значительными трудностями. В отличие от классовых национальным движениям органически присущ синкретизм, как социально-классовый, так и идеологический. Поэтому их характеристика как нельзя более зависит от конкретных условий места и времени. Это целиком относится и к современным национальным движениям на Востоке, которые невозможно квалифицировать вне определенной страны или региона, вне определенного периода.

Одним из главных и фундаментальных критериев для оценки национальных движений на Востоке будет выявление их объективного классового содержания; в первую очередь следует выяснить, в интересах каких классов и социальных групп идет

национальная борьба? И тут закономерно вырисовывается весьма разнообразная и сложная картина, отражающая пестроту социально-экономических и общественно-политических структур как в масштабе всего Востока, так и в пределах отдельных стран, регионов и субрегионов.

Феодално-сепаратистские и трибалистские движения

Каждое национальное движение, естественно, имеет черты социально-экономической и классово-политической структуры данного этноса, адекватно ей. Современные национальные движения на Востоке по своему социально-классовому содержанию настолько разнохарактерны, насколько разнообразны социально-политические условия в странах региона.

Прежде всего, не все национальные движения на Востоке можно назвать «национальными» в точном, научном значении этого термина. Ведь движение, которое по своим силам, социальному составу, руководству, целям и лозунгам представляет народы, находящиеся пока на докапиталистической стадии развития и крайне отставших в культурном отношении, нельзя, по существу, считать национальным в марксистском понимании, ибо здесь мы имеем дело часто даже не с формирующейся нацией, а с племенем или народностью феодального общества. Примеры таких движений на современном Востоке можно найти без труда, ибо там достаточно находящихся на низших стадиях развития этнических групп, элементарные права которых попираются.

Вместе с тем, подвергая сомнению «национальный» характер движений отставших в своем развитии национальных меньшинств Востока, мы правы лишь отчасти. Ни одно социальное явление современности нельзя рассматривать и оценивать изолированно, вне связи с общей тенденцией социально-экономических и политических процессов, протекающих в интернациональном масштабе. При таком единственно верном с методологической точки зрения подходе следует в каждом конкретном случае выяснить: какую объективно социальную нагрузку несет данное национальное движение, на какую тенденцию оно «работает»? Всесторонний учет конкретной обстановки и социальной перспективы позволяет выделить национальные моменты и в движениях самых отсталых народов, тем более что в русском языке само определение «национальный» семантически несет в себе как социальный, так и чисто этнический смысл; этническое (национальное) обособление замечено уже на довольно ранней стадии социальной организации человечества.

Итак, движения многих отсталых племен и народностей на Востоке все же в широком понимании можно рассматривать как национальные движения, и в таком качестве они играют

известную роль в национальных отношениях как фактор политической жизни многих государств Азии и Северной Африки¹.

Каков же удельный вес этого фактора и какую социальную окраску он носит в современный период? На этот вопрос в общем виде можно ответить так: удельный вес сравнительно невелик и имеет тенденцию к дальнейшему снижению, в социальном отношении движения отсталых национальных меньшинств, как правило, играют ретроградную роль. Такова главная тенденция, которая, однако, допускает значительные колебания и даже прямые исключения, что вполне естественно. Эта тенденция, отражающая нынешний уровень национального и политического развития народов и государств Востока, является чисто «азиатской» и чисто современной, т. е. не распространяется, например, на Африку южнее Сахары или на Азию предшествующих периодов. Она прежде всего показывает абсолютную, а также и относительную реакционность докапиталистических пережитков в области национальных отношений. Приведем некоторые примеры.

Испокон веков во внутривосточной жизни Ирана важную роль играли движения племен (в основном Юга), которые в определенной степени, особенно в новейшее время, носили национальные черты, поскольку большинство племен (но далеко не все) одновременно являлись сложившимися этносами. Но прогрессивными эти движения были далеко не всегда. Чаще всего это были феодално-сепаратистские восстания, организованные племенными верхами, которые преследовали, по сути, антинациональные цели, стремясь законсервировать существующий феодално-племенной уклад. К тому же часто эти движения в корыстных целях инспирировались империалистами, и в таком случае они были направлены против интересов всех народов Ирана, а не только данного племенного союза².

До конца 50-х годов движения южноиранских племен были направлены преимущественно против демократической борьбы в стране. В последующий период они объективно противопоставляли себя проводимому сверху курсу на модернизацию (т. е. обновление на капиталистической основе) всего иранского общества. Поэтому полуфеодалные элементы начали терять свое

¹ Мы здесь не касаемся чисто племенных движений, не имеющих никакого отношения к национальному вопросу (пример — извечная междоусобица бедуинов Аравии), а также псевдонациональных движений, когда племя-этнос или народность используются как самостоятельная военно-политическая сила во внутривосточной борьбе или в межгосударственных столкновениях в целях, не связанных прямо с национальным вопросом. Однако в последнем случае национальные моменты все же играют известную роль, особенно подспудно.

² Иной характер носили лишь восстания иранских курдов, поскольку они всегда были тесно связаны с национально-освободительной борьбой в других частях Курдистана, а также движения некоторых племен в периоды общенациональных кризисов, например выступления кашкайцев на стороне правительства Национального фронта в 1951—1953 гг.

влияние на крестьянские массы, встречали растущее противодействие нарождавшейся сельской буржуазии и в то же время лишались поддержки со стороны государственной власти, которая делает их объектом публичных обличений. Противоречия между традиционной элитой и новой сельской буржуазией, их соперничество во влиянии на крестьянскую массу налагают отпечаток на общественную жизнь национальных окраин, где незавершенность преобразований содействует активности антифеодальных элементов в местных национальных и социальных движениях. Тем самым была резко сужена социальная база феодально-сепаратистского национального партикуляризма и сам феодально-племенной этап в национальных движениях Ирана обречен на безусловное поражение и быстрое, стремительное исчезновение с исторической арены.

Все признаки деградации и угасания феодально-племенного сепаратизма в современном Иране налицо. Выступления племен в Иране отмечались до середины 60-х годов, и, как правило, они провоцировались феодальной знатью с целью срыва аграрной реформы, проводимой в интересах правящей шахской верхушки. Таковы, например, были мятежи кашкайцев и боюрахмади в первой половине 1963 г., беспощадно подавленные правительственными войсками. Но скрытый саботаж проведению аграрной реформы в зонах этих племен продолжался до крушения шахского режима³.

Такой же характер носили выступления хузестанских арабов и (впервые) племен Иранского Курдистана, где племенная верхушка также стремилась эксплуатировать национальные чувства с целью срыва аграрной реформы и сохранения своих традиционных привилегий. Однако эти движения уже нельзя безоговорочно зачислять в раздел феодально-сепаратистских. Как в Хузестане, так и в Иранском Курдистане начали созреть условия для буржуазно-национального развития. На национальную борьбу арабского и курдского меньшинств Ирана особое влияние оказывали положение в сопредельных странах и идущая оттуда агитация, что внушало особые опасения Тегерану. Для подавления этих движений власти наряду с репрессиями (главным образом против арабов Хузестана) применяли и методы социальной стратегии и политического маневрирования, идя на некоторые уступки по второстепенным вопросам.

³ Надо сказать, что объективные причины брожения среди национальных меньшинств Ирана заключались не только в ущемлении интересов феодально-племенной верхушки. Сказывалась неравномерность в эффективности осуществления буржуазных реформ, наличие диспропорций в темпах и уровнях хозяйственного, социального и культурного развития как центра и окраин, так и отдельных периферийных районов. В национальных районах существовало недовольство тем, что региональная хозяйственная политика правительства мало принимала в расчет их нужды, препятствовала общественно-политической и хозяйственной инициативе на местах.

Так, был виден отход от традиционной для правящих кругов Ирана доктрины отрицания наличия в стране национальных меньшинств, когда понятие этнической общности подменялось конфессиональной⁴ и в лучшем случае выделялась лишь тюркоязычная и арабоязычная группы. Перепись 1956 г. впервые официально признала наличие до 80 «местных» языков. В новейшей интерпретации «единая иранская нация» уже не исключала национальные меньшинства, хотя они прежде всего считаются «истинными иранцами», а потом уже — курдами, туркменами, белуджами и др.

Правительством были допущены некоторые либеральные послабления в области культурной политики в районах, населенных меньшинствами, причем упор делался, конечно, на демонстрационный эффект. Например, в июле 1974 г. печать широко отмечала «курдскую неделю». Газеты писали о «доблестных иранцах-курдах», культура которых «составляет конструктивный аспект истории Ирана»⁵. В начале 1975 г. аналогичной кампанией была отмечена «неделя Белуджистана». Сообщалось о крупных ассигнованиях на развитие экономики и культуры Курдистана и Белуджистана — этих наиболее отсталых провинций Ирана⁶. Была проведена частичная децентрализация административного управления, предоставившая больше прав провинциальным органам в вопросах хозяйственного и культурного развития. Несмотря на половинчатость этих мер и сохранение общей великодержавной тенденции в национальной политике правящих кругов Ирана, все же отмеченные сдвиги вопреки намерениям властей способствовали активизации этнических меньшинств страны. Ее признаком является пробуждение интереса к изучению истории, фольклора, литературы, быта и традиций отставших в своем развитии неперсидских народностей Ирана. Этим занимаются как центральные, так и провинциальные научные и учебные заведения.

Пробуждение национального самосознания иранских меньшинств вслед за культурой закономерно распространилось на политическую сферу, выразившись, в частности, в растущем противодействии ассимиляторским мероприятиям властей. Попытка установления однопартийной системы встретила упорное сопротивление в отдельных провинциях, особенно в Хузестане. В Иранском Азербайджане, в Белуджистане, Курдистане, в Туркменской степи население выражало недовольство деятельностью «корпусов просвещения» по распространению грамотности исключительно на персидском языке.

⁴ И то непоследовательно. За суннитами — в подавляющем большинстве своем принадлежащим к неперсам — курдам, арабам, туркменам, белуджам — право конфессионального меньшинства не признавалось в отличие от армян, ассирийцев, евреев, зороастрийцев.

⁵ «Keyhan International», 30.VII.1974.

⁶ «Кейхан», 10.V.1974.

Стихийный протест меньшинств Ирана кое-где имел тенденцию перерастать в организованные политические движения, которые по своему классовому содержанию, движущим силам, руководству и целям уже вышли или выходят за узкие рамки феодально-племенных. Таково, например, движение иранских белуджей, развивающееся под непосредственным влиянием национального движения в пакистанском Белуджистане и направляемое в основном Фронтом освобождения Белуджистана и Демократической партией иранского Белуджистана, издающей свою газету — «Пипл'з фронт».

Таким образом, пример дореволюционного Ирана говорит о том, что, во-первых, феодально-сепаратистские движения индусов, парсов и других племен сошли на нет, утратили свое бывшее общественно-политическое и военное значение и, во-вторых, большинство движений этого типа в связи с необратимыми сдвигами в социально-экономической структуре отсталых ранее народов имели тенденцию быстро перерастать в подлинные национальные («чисто» буржуазные, буржуазно-демократические или революционно-демократические) по своему объективному классовому содержанию.

Примером таких пограничных по своей социально-политической сущности национальных движений, у которых сквозь феодально-племенную форму все более проступает буржуазно-демократическое содержание, может служить национальная борьба белуджей Пакистана. В белуджском национальном движении (непосредственно руководимом «Балуч остман голл» — Белуджской народной партией, а в общепакистанском масштабе поддерживаемом Национальной народной партией, запрещенной в 1975 г.) была преодолена национальная ограниченность и провинциальная замкнутость, серьезно подорвано влияние феодально-племенных и помещичьих кругов, значительно укрепились позиции демократических элементов, выступающих в союзе с демократическими течениями других народов Пакистана⁷.

Справедливо отмечая (на примере Ирана и других стран) реакционную роль феодально-сепаратистских национальных движений, нельзя упускать из виду и другую, весьма существенную, сторону вопроса. Для народных масс, трудящихся слоев племен и народностей активное участие в выступлениях является закономерной, естественной реакцией на всяческое угнетение по национальному признаку, которому они подвергаются правящими классами господствующей нации данной страны. Иначе говоря, существование национального гнета в любой его форме не только служит интересам реакционных кругов господствующей нации, но и объективно провоцирует злостную эксплуатацию наиболее консервативными феодально-

⁷ См.: Б. Ибрагимов. Белуджи Пакистана (социально-экономическое положение в Пакистанском Белуджистане и национальное движение белуджей в 1947—1970 гг.). М., 1973.

клерикальными и феодально-племенными элементами естественного возмущения народных масс угнетением, способствует отводу этого протеста в русло борьбы, результаты которой противоречат подлинным интересам трудящихся, принадлежащих к отсталым племенам и народностям. В результате происходит ухудшение национальной, внутри- и внешнеполитической ситуации в данной стране, что играет на руку местной реакции и империализму.

Пример Бирмы является особенно показательным в этом отношении. Конституирование Бирмы как независимого государства произошло в форме создания Союза на основе предоставления ряду народностей страны внутрисоюзной государственной автономии. Это был оправданный обстоятельствами компромисс между центром и национальными окраинами. Уязвимость такого решения состояла в том, что в силу существовавшего в то время соотношения сил им воспользовались прежде всего стоявшие у власти на окраинах феодалы и племенные вожди. Стремясь защитить свои классовые интересы, своекорыстно используя великодержавные аспекты политики центра, а также играя на национальных чувствах и культурной отсталости масс, находившихся в плену традиционных представлений и взглядов, феодально-племенная верхушка меньшинств при поддержке империалистических сил стала склоняться к сепаратизму либо как к средству давления на центр, либо как к реальной политической цели, т. е. к выходу из Союза. Это серьезно скомпрометировало сам принцип автономии как средство решения национального вопроса в послеколониальной Бирме. К тому же в конце 50-х годов общее положение в стране обострилось из-за раскола правящей коалиции Бирмы (Антифашистской лиги народной свободы). Это подстегнуло националистические страсти и привело к росту автономистских и откровенно сепаратистских тенденций (у шанов, кая, араканцев, монов) и оживлению никогда не затухавшего повстанческого движения, к росту внутривнутриполитической нестабильности и усилению вмешательства в бирманские дела некоторых соседних стран (в особенности КНР) и империалистических кругов США и Англии, действовавших главным образом через механизм СЕАТО. Над молодым Бирманским Союзом нависла угроза распада. Естественно, что Революционный совет, взявший власть в марте 1962 г., вынужден был в целях спасения бирманской независимости в первую очередь обратить самое серьезное внимание на национальные взаимоотношения в стране. Был провозглашен и проводился в жизнь принцип унитарности, непреложности единства Бирмы, приоритета общегосударственных задач над местными, узконациональными при сохранении культурной автономии меньшинств. Национальный вопрос должен был решаться в духе программы «Бирманский путь к социализму» как объединяющего все народы страны фактора. Правитель-

ство, осуществляя радикальные реформы, значительно ущемило феодально-племенную верхушку меньшинств и развернуло борьбу с сепаратизмом. Именно в этом усматривался основной прогрессивный заряд того внеконституционного принципа жесткого централизма, который проводился Революционным советом и который, как казалось, был временной, чрезвычайной формой решения проблемы межнациональных отношений в государстве.

Новая конституция Бирмы 1974 г., провозгласившая страну Социалистической Республикой Бирманский Союз, подтвердила централизованные, унитарные формы государственного устройства. В ней проводится принцип общегосударственного единства всех народов и территорий Бирмы. Наряду с основными социальными и гражданскими правами, распространенными на все национальности страны, конституция 1974 г. говорит о праве национальностей на свободное развитие своего языка, культуры и т. д. Однако в отличие от прежней новая конституция не упоминает о национальной внутрисоюзной автономии и о праве на самоопределение. Вместе с тем введено новое административно-национальное деление страны, подчеркивается централизованно-унитарный характер государства. Согласно статье 31 конституции Социалистическая Республика Бирманский Союз состоит из 7 национальных и 7 административных областей, перечисленных в порядке бирманского алфавита (к бывшим национальным единицам — Шанскому, Каренскому, Кая, Качинскому государствам — добавлены Араканская, Монская и Чинская национальные единицы), 7 национальных единиц покрывают национальные окраины, 7 административных — собственно Бирму. В системе государственного устройства и управления национальные и административные единицы полностью приравнены друг к другу.

Таким образом, моменты целостности и единства в борьбе с сепаратизмом были усилены. Однако проблема национальной консолидации остается актуальной. За последние полтора десятка лет в решении национального вопроса в Бирме к трудностям, оставшимся в наследство от предшествующего периода, прибавились новые, как объективного, так и субъективного порядка. С середины 60-х годов начался новый подъем повстанческого движения шанов, качинов, каренов и других национальных групп как автономистского, так и открыто сепаратистского характера в качестве реакции, с одной стороны, на радикальные социально-экономические и политические реформы, а с другой — на новое административное давление центра на окраины. Специфика его состоит именно в его двойственности. Отрицательные, реакционные черты движений бирманских меньшинств, отражающие корыстные классовые интересы феодально-племенной верхушки, переплетаются с отпором негативным моментам в национальной политике, в том числе чрезмерному давлению центра, бюрократизму и т. д., хотя надо при-

знать, что корни национальных противоречий находятся в реальных противоречиях современной бирманской жизни, в новизне и трудностях того пути радикальных преобразований, на который вступила страна под руководством своего революционного авангарда — Партии бирманской социалистической программы.

Национальная ситуация в исследуемый период была осложнена привходящими моментами и влияниями, которые еще более ухудшили межнациональные отношения в Бирме. Так, с феодальными сепаратистами в Бирме идейно солидаризировались, а частично и организационно сомкнулись инспирируемые из Китая местные маоисты. На примере Бирмы наглядно видно, что маоизм всегда успешно паразитирует там, где остаются трудности в решении кардинальных социальных проблем, в том числе сложнейшей из них — национальной. Дело доходит до прямого вмешательства Китая в противоправительственные выступления бирманских меньшинств (в частности, качинов и шанов).

В 60—70-е годы с сепаратистами в значительной мере блокировались и правобуржуазные бирманские эмигранты, создавшие на территории Таиланда так называемую Партию парламентарной демократии во главе с бывшим премьером Бирмы У Ну⁸. Эта партия помимо бирманцев объединила эмигрантские каренские, шанские, монские и другие местные национальные элементы, заключив союз с вооруженными группировками ряда национальных меньшинств Бирмы.

Итак, феодально-сепаратистские национальные движения в современной Бирме не только направлены против коренных перспективных интересов национальных меньшинств страны, но и примкнули к силам реставрации и контрреволюции, стремящимся совлечь страну с пути социалистической ориентации, осуществить цели не примирившихся со своим поражением буржуазно-помещичьих кругов и империалистов. Вместе с тем следует отделять от реакционных, сепаратистских движений борьбу за автономию национальных районов, которая в принципе не должна противоречить прогрессивному курсу, проводимому в Бирме с 1962 г. и приведшему к важным положительным сдвигам в общепирманском масштабе. Задача решения национального вопроса в Бирме продолжает оставаться одной из главных, но это зависит от того, как скоро прогрессивные силы бирманского общества искоренят причины, питающие феодальный сепаратизм окраин, создадут наиболее благоприятные условия для прогрессивного, демократического развития всех народов страны — больших и малых.

На современном Востоке представлен не только феодальный,

⁸ После 1973 г. партией стал руководить Бо Ле Я, один из крупнейших бирманских предпринимателей.

но и племенной сепаратизм (трибализм), т. е. движения, еще более архаичные в социальном отношении, но несущие несомненно национальную окраску. Причины их возникновения также вполне закономерны — режимы национального неравноправия и гнета, установленные правящими кругами господствующих наций, однако роль трибалистских движений в современных социально-политических процессах на Востоке отнюдь не прогрессивна. Относительно позитивное содержание этих, как и всех прочих, национальных движений можно усмотреть только в одном — в том критическом заряде, направленном против политики и идеологии национального шовинизма и великодержавности, который они содержат, способствуя тем самым разоблачению (а, следовательно, в перспективе и неминуемому крушению) любых проявлений национального неравноправия. Отдавая в этом отношении должное трибалистским движениям, нельзя, однако, не видеть преобладания в них на сегодняшний день таких отрицательных черт, как отсутствие прогрессивных социальных идеалов, даже стремление увековечить ретроградные, пережиточные социальные институты, раздробленность и вообще малая эффективность, а главное — преимущественная ориентация на помощь империалистических держав, в первую очередь вчерашних колонизаторов.

Рассмотрим вкратце для примера некоторые типичные трибалистские движения современного Востока. В Индии главным очагом трибализма издавна считался Северо-Восток, отличающийся крайней пестротой этнического состава населения. Горные районы, прежде входившие в штат Ассам и Северо-Восточное Пограничное Агентство, а ныне — в 5 штатов (Ассам, Нагаленд, Мегхала, Манипур, Трипура) и 2 союзные территории (Мизорам и Аруначал-Прадеш), населяют десятки племен в основном южномонголоидного расового типа, говорящих в своем большинстве на тибето-бирманских языках. По отношению к населяющим равнинную часть этой территории ассамцам, а также бенгальцам⁹ эти горные народы находятся на положении национальных меньшинств, подвергшихся дискриминации как в колониальный период, так и в первое время после получения Индией независимости. Национальному отчуждению горных народов Северо-Востока равно способствовали низкий уровень их национального и социального развития (большинство из них до сих пор недалеко ушло от стадии родо-племенного строя и начального этапа процесса классовообразования¹⁰) и их принад-

⁹ Однако между ассамцами и бенгальцами существуют собственные национальные противоречия.

¹⁰ См.: С. А. Маретина. Образование сословия и классов у горных народов Северо-Восточной Индии (к проблеме классовообразования). — «Страны и народы Востока». Вып. XIV. М., 1972; С. А. Маретина. Основные задачи изучения горных народов Северо-Восточной Индии. — «Страны и народы Востока». Вып. XVIII. М., 1976. У таких народов, как кхаси, мизо, мейтхеев, развились уже феодальные институты.

лежность к иному (в отличие от главных народов Индии) историко-культурному ареалу (в частности, по своей религиозной принадлежности они анимисты или христиане).

Таким образом, существовала готовая почва для возникновения в горном Ассаме трибалистского движения. Сразу после провозглашения независимости Индии политические организации, возникшие у горных народов, возглавили борьбу за административную автономию их народов в рамках Индийского Союза, а некоторые из них уже тогда начали проявлять сепаратистские наклонности. Особенно активно выступали против правительства племена, известные под собирательным этнонимом «нага», которые населяли восточную часть горного Ассам и район Туэнсанг в Северо-Восточном Пограничном Агентстве. Экстремисты в Национальном совете нага, возглавлявшиеся З. А. Физо, требовали образования независимого государства Нагаленд и вовлекли большинство племен в повстанческую борьбу, одновременно развернув террор против тех нага, которые отказались сотрудничать с сепаратистами¹¹.

Мятеж племен нага, усилившийся к середине 50-х годов, не только ухудшил обстановку в северо-восточных районах Индии, но и создал дополнительные трудности во взаимоотношениях молодой республики с некоторыми соседними государствами (с КНР, Пакистаном, отчасти Бирмой), ибо повстанцы имели опорные базы в этих странах, где проживают сочувствовавшие им соплеменники. Однако не только этим определялась оценка этого трибалистского движения. Отражая крайне низкий стадийный уровень развития племен, движение нага чрезвычайно незрело и беспомощно по своим социальным идеалам. Отвергая классовое неравенство у народов ассамской равнины и Индии вообще, идеологи национализма нага восхваляли отсталый общественный строй племен, но так и не смогли сформулировать какие-либо социально-экономические программы. Нетрудно выявить внешнее сходство между национализмом нага и индийским буржуазным национализмом периода национально-освободительного движения (в лозунгах, методах борьбы вплоть до признания сатьяграхи и т. п.), однако перенесение индийского национализма уже минувшей эпохи на современную племенную почву Нагаленда было в значительной степени произвольно и имело целью укрепить сепаратизм идеологически.

Хорошо понимая опасность сепаратистского движения нага для страны, правительство Индии наряду с военными начало проводить политические мероприятия, направленные на искоренение причин, питающих недовольство ассамских горцев. Важнейшим шагом было провозглашение 1 августа 1960 г. закона об образовании штата Нагаленд.

¹¹ Л. И. Юревич. Нагаленд (к истории создания нового штата Индии). — Экономика и история Индии и Пакистана. М., 1967, с. 144.

Однако на пути реализации этого закона, как и вообще решения племенного вопроса в Ассаме, продолжали оставаться значительные объективные трудности (в силу чего, в частности, предусматривался трехлетний переходный срок для формирования в Нагаленде органов автономного управления), поэтому трибалистское движение продолжало развиваться. Оно охватило гаро, кхаси, мизо и другие малые народы Ассама, у которых в последнее время наблюдается заметный рост этнического самосознания под влиянием экономических и политических изменений во всей стране. В общем борьба шла вокруг различных формул автономии и возглавлялась созданной в июне 1960 г. Всепартийной конференцией горных лидеров на базе существовавших тогда организаций ассамских племен. Например, обсуждался вопрос о создании единого Горного штата.

Впрочем, вскоре обнаружилось, что сама эта Конференция раздирается трибалистскими противоречиями, возникли всякого рода партикулярные проекты автономно-административного переустройства Северо-Востока. Большинство из них были нереальными или объективно реакционными из-за малой численности горных народов, небольшого размера занимаемой ими территории, скудости материальных и финансовых ресурсов. Это были бы слабые административные единицы, неспособные к эффективному экономическому развитию.

Конференция начала распадаться. Из нее вышли микиры, а потом и мизо, лидеры последних встали на сепаратистские позиции, потребовав образования суверенного государства Мизорам. В марте 1966 г. Национальный фронт мизо организовал антиправительственный мятеж. Хотя мятеж и был подавлен, экстремисты из племенной верхушки мизо не сложили оружия до сих пор.

Одной из причин продолжительности племенных волнений на Северо-Востоке Индии была сознательная провокация со стороны маоистских властей КНР, стремившихся этим оправдать и одновременно облегчить проведение своей агрессивной политики в районе индо-китайской границы. Это значительно усугубляло опасность трибалистского движения ассамских горцев, которое грозило перерасти местные рамки до размеров общегосударственного масштаба. Поэтому правительство вынуждено было форсировать усилия по решению этнической проблемы в ассамских горах, причем наряду с твердостью были проявлены гибкость и осмотрительность. Еще в 1961 г. Неру предложил применить к горным районам Северо-Востока «шотландский тип» автономии, предусматривающий предоставление малым народам и племенам ограниченного самоуправления при сохранении определенных экономических и политических связей со штатом Ассам. В соответствии с этим принципом в 1968 г. был образован автономный горный штат Мегхалая в составе территорий, занимаемых народами гаро, кхаси и джайн-

тия. В 1971 г. были созданы два новых автономных штата, Трипура и Манипур, и две союзные территории, Мизорам (из автономного округа Горы Мизо) и Аруначал (из Северо-Восточного Пограничного Агентства).

В результате была создана гибкая и эффективная система региональной федерации из пяти штатов (Ассам, Мегхалайя, Нагаленд, Манипур и Трипура) с общим губернатором и другими органами власти, которая явилась важной вехой в борьбе малых народов Индии за национальную автономию, хотя она удовлетворила далеко не все народы и племенные группы Северо-Востока Индии.

Таким образом, на примере Индии видно, что этнический трибализм как фактор национальной ситуации в многонациональной стране нельзя недооценивать. Трибалистские движения для молодых, еще не окрепших государств афро-азиатского мира могут представить большую опасность, особенно если их пытаются использовать в своих интересах внешние силы. В то же время индийский опыт говорит и о том, что при наличии доброй воли и применении демократических методов (с учетом своеобразия обстановки в каждом конкретном случае) открывается путь постепенного преодоления стародавних и острых экономических, социальных и политических противоречий между относительно передовыми народами и отставшими в своем развитии племенами и этническими группами.

На современном Востоке представлены страны, в которых этнический трибализм является не только важным (как в Индии), но и основным фактором национальной ситуации, потенциально способным при своем обострении поставить под вопрос их целостность и независимость. К числу таких стран в первую очередь следует отнести Судан, в котором весь период независимости, в сущности, проходит под знаком северо-южного этнополитического конфликта.

Главная причина этого конфликта заключается в том, что исторически на Севере и Юге Судана сложились два разных общества, в этническом, культурном и религиозном отношениях находящихся на разных уровнях социально-экономического и, стало быть, национального развития. Их «мирному сосуществованию» в рамках одного государства мешала осуществляемая Севером по отношению к Югу система экономической эксплуатации, политического гнета и духовного отчуждения и вражды, глубоко укоренившаяся со времен египетского завоевания Судана и последовавшего за ним британского колониального господства и почти в полном объеме унаследованная правящими кругами страны в период независимости. Этнический антагонизм между Севером и Югом в корыстных целях разжигали и разжигают по сию пору империалисты, неоколониалистские круги Запада, а также правонационалистические, клерикальные круги и племенная верхушка в самом Судане (как на Севере,

так и на Юге) и в некоторых соседних африканских странах. В результате на Юге возникло повстанческое сепаратистское движение, потрясавшее страну до начала 70-х годов.

Ход и итоги повстанческого движения южносуданских сепаратистов (возглавлявшихся их наиболее известной и влиятельной военно-политической организацией — Анья-Нья) можно считать показательными и типичными вообще для трибалистских выступлений в афро-азиатском мире. Они продемонстрировали, во-первых, свою военную слабость и неэффективность (разрозненные партизанские действия не обученных современному военному делу племенных отрядов не могли, конечно, привести к решающей победе); во-вторых, политическую незрелость, уязвимость и раздробленность (множество мелких партий, организаций, «фронтов», часто созданных по племенным или религиозным признакам, не могли обеспечить действенного и единого политического руководства движением); и, в-третьих, вследствие указанных причин неспособность завоевать сколько-нибудь прочные позиции и получить признание на международной арене (даже в пределах африканского региона). Идея создания независимой Азании из трех южных провинций Судана так и осталась в проекте.

Сепаратистское движение южносуданских племен принесло неисчислимо зло всему населению Юга: полностью разоренная экономика, огромное количество убитых, погибших от голода и болезней, сотни тысяч беженцев. Значительный ущерб, материальный и морально-политический, понес и Север, а в сумме — вся страна, все суданское общество в составе его северной и южной частей. Главным образом из-за этнополитического конфликта — а между Севером и Югом за 24 года независимого существования в Судане не произошло никаких заметных сдвигов ни в экономике, ни в культуре — внутривнутриполитическое положение до последнего времени отличалось хронической нестабильностью с частыми кризисами. Это приводило к затруднениям и на международной арене, особенно во взаимоотношениях Судана с его африканскими соседями, чем искусно пользовались империалистические и неоколониалистские круги.

Поэтому закономерно, что в конце концов руководящие круги как Севера, так и Юга прониклись сознанием необходимости ликвидировать конфликт на основе взаимных уступок: северяне согласились с принципом региональной автономии Юга, южане отказались от сепаратистских намерений и повстанческих методов борьбы. На такой в общем платформе и было заключено 29 февраля 1972 г. соглашение в Аддис-Абебе между хартумскими властями и руководством Анья-Нья, которое дало несомненно позитивные результаты и соблюдается по сию пору. Однако до окончательной ликвидации северо-южного конфликта в Судане еще далеко, ибо остались коренные (в первую очередь социально-экономические) причины, его питающие. Стало

быть, окончательное решение национального вопроса в Судане невозможно без радикального обновления всей экономической и общественно-политической структуры страны¹².

До сих пор мы рассматривали такие ситуации, когда трибалистское проявляется в национальном. Теперь коснемся случая, когда, напротив, национальное выражается в трибалистском. Такая картина типична для наиболее отсталого в социальном и культурном отношении региона современного Востока — Океании, этносоциальная структура которой напоминает страны Тропической и Южной Африки (хотя имеются и существенные отличия главным образом из-за островной, а, стало быть, и этноплеменной дисперсности Океании).

Значительная часть, если не большинство, населения Океании и в наше время живет в условиях доклассового общества или на очень ранних стадиях классового образования. В то же время весь регион, где до самого последнего времени безраздельно господствовали колониальные державы, давно вошел в систему мирохозяйственных связей и международных отношений, а сейчас переживает бурный процесс деколонизации.

Поэтому все общественные движения у народов Океании носят крайне противоречивый характер: с социальной стороны они весьма архаичны, а с политической — вполне могут быть, хотя бы по форме, «на уровне момента». Это относится и к национальным (точнее, к этнополитическим) движениям.

Главная особенность Океании состоит в том, что далеко не все трибалистские выступления можно назвать этнополитическими и тем более национальными, ибо не на всех островах и архипелагах сформировались уже народности-этноты или племена (союзы племен) — этноты. Часто происходят типичные для доклассовых общественных отношений столкновения родов, кланов или племен¹³, которые никак нельзя причислить к «национальным» движениям (даже в сугубо условном понимании) по причине почти полного отсутствия у борющихся сторон не только национального самосознания, но и сознания этнической принадлежности (хотя определенные этнические признаки у них имеются).

Вместе с тем в современной Океании наблюдаются и такие трибалистские движения, которые носят несомненно этнополитический характер. Они развиты в районах интенсивной колонизации, где происходит приток иммигрантов иностранного (как

¹² Северо-южный конфликт в современном Судане детально проанализирован как с фактической, так и с теоретической стороны в книге: Е. А. Биргауз. Национально-этническая проблема Судана (1956—1968 гг.). М., 1975. См. также: Д. Р. Вобликов. Решение проблемы Юга в Судане (К оценке Аддис-Абебского соглашения 1972 г.). — Национальные проблемы современного Востока. М., 1977.

¹³ Порой они принимают крупные размеры (например, в военных конфликтах в Чимбу, находящегося на нагорье Папуа-Новой Гвинеи, участвовало до 11—12 тыс. человек).

западного, так и восточного) происхождения, и в некоторых вновь образованных в процессе деколонизации государствах. Движения эти, однако, по своему социально-политическому содержанию весьма разнотипны и почти никогда не являются в чистом виде этнополитическими или национальными, а лишь этнически окрашенными, причем разной степенью интенсивности. Так, некоторые из них направлены больше против сегодняшних или вчерашних колонизаторов и, следовательно, скорее могут быть причислены к национально-освободительным (с сильным налетом ксенофобии в отношении тех неаборигенных меньшинств — в том числе китайцев, индийцев и др., — которые отождествляются с иностранным колониальным господством, хотя среди них большинство принадлежит к трудящимся и эксплуатируемым). Другие отражают чисто трибалистский порыв против мнимой или реальной угрозы преобладания одних племен над другими в новых проектируемых или образуемых государствах. Именно такие мотивы были основой для выступления говорящих от имени еще не сложившегося папуасского народа организаций «Папуасское действие», «Папуасская черная сила», а после получения независимости Папуа-Новой Гвинеи — и «Папуа безена мувмент» («Папуасское движение племен»). Национальная основа таких выступлений крайне относительна и незначительна. Наконец, в современной Океании представлены движения «островного», или партикуляристского, направления, которые в потенции способны в будущем стать национальными, ибо имеют к тому серьезные социально-экономические и культурные предпосылки. Таково движение, возникшее в последнее время на некоторых островах Меланезии (Бугенвиль, Новая Британия, Новая Ирландия, Манус), ныне входящих в независимое (с сентября 1975 г.) государство Папуа-Новая Гвинея. Развивающийся на этих островах сепаратизм основан на том, что их население в этническом и языковом отношении отличается от племен Новой Гвинеи, а сами эти острова, обладая благоприятными природными условиями и ресурсами и богатейшими месторождениями меди (на о-ве Бугенвиль) являются в сравнении с Новой Гвинеей более развитыми в социально-экономическом и культурном отношении.

Таким образом, национальные движения в современной Океании в значительной мере остаются «вещью в себе» и с субъективной точки зрения, ибо они слабо изучены, и объективно, поскольку степень их проявления в трибализме зависит от направления и интенсивности социально-экономических и политических сдвигов в регионе.

В общем сепаратистские движения, как феодального, так и трибалистского характера, отражают даже не вчерашний, а позавчерашний день борьбы народов Востока против угнетения и неравноправия. Расшатывая систему национального гнета, в чем и состоит их положительная роль в наше время, они, од-

нако, не сопровождаются социальными сдвигами, не идут на фоне прогрессивного социально-экономического, политического и культурного развития, а, напротив, как правило, объективно способствуют сохранению всяческой отсталости и застойности. Не будучи в состоянии вследствие своей организационной, политической и военной слабости добиться решающих успехов, сепаратистские движения, часто принимающие повстанческую форму, или обрекают себя на неминуемое поражение (оборачивающееся трагедией для рядовых участников), или могут надеяться на временный и относительный успех с активной помощью внешних, в основном империалистических, сил, т. е. приобретая открыто сателлитный характер. В последнем случае такие движения отсталых национальных меньшинств быстро и окончательно вырождаются в неоколониалистские и контрреволюционные. Иными словами, трибалистские и феодально-сепаратистские движения на современном Востоке обычно носят ненациональный, а то и прямо антинациональный характер.

Вместе с тем, как уже отмечалось, нельзя исключать возможность и такого варианта, когда по мере успехов в национальном развитии может измениться социальное содержание и политическая роль определенных феодально-сепаратистских и трибалистских движений.

Буржуазные и буржуазно-демократические движения

Наиболее зрелый и завершенный вид приняли такого рода национальные движения в Индии. В них отражены в типичной для современного Востока форме и сравнительно высокий уровень национального развития основных индийских народов, и его капиталистическая (с учетом многоукладности базиса) основа, и попытка максимального решения национального вопроса в буржуазно-демократическом духе со всеми присущими ему относительно положительными и отрицательными чертами.

Реформа административно-территориальной системы в 1956 г. и создание штатов в Индии по лингвистическому принципу было важным сдвигом в решении национальной проблемы в стране. Однако это был только первый шаг по внедрению лингвистического принципа в административную систему страны. Дальнейшие шаги предпринимались и после 1956 г., причем образование новых лингвистических штатов происходило не без острой политической борьбы как в общеиндийских, так и во «внутриштатовских» масштабах. Так, в 1960 г. борьба маратхского народа за создание своего штата завершилась образованием штата Махараштра. Острая ситуация создалась в двуязычном штате Пенджаб, где национально-языковой вопрос (противоречия между носителями языков пенджаби и различ-

ных диалектов хинди) осложнялся религиозной рознью между сикхами и индусами. В 1966 г. штат Панджаб был преобразован в два новых лингвистических штата — Панджаб и Хариана (хиндиязычный) с общей столицей Чандigarх.

В 60-е годы в борьбу за национальную автономию активно включились и малые народы, и племенные группы, еще не достигшие стадии наций. Уже говорилось о крайних формах этого движения на Северо-Востоке. В других районах движение не носило сепаратистского характера, но все же было довольно активно. Так, потребовали автономии небольшие горные народности, говорящие на языках группы пахари, которые населяли территории центрального подчинения Химачал-Прадеш и отчасти северные районы Панджаба и северо-западную часть штата Уттар-Прадеш. В 1970 г. Химачал-Прадеш в составе бывшей Союзной территории и четырех дистриктов Панджаба был провозглашен автономным штатом. Таким образом, к началу 70-х годов число штатов индийской федерации увеличилось до 22, а союзных территорий — до 9¹⁴.

Лингвистические штаты, объединяющие довольно однородное в национальном отношении население, получили формально равные права в индийской федерации, но фактическое неравенство между индийскими нациями (не говоря уж о «донациональных» этнических общностях — народностях и племенах) осталось. Развивающееся после 1956 г. движение за большую автономию штатов в индийской федерации имеет серьезное социально-классовое и национальное содержание, связанное с особенностями развития капитализма в Индии.

За годы независимости кастовый, национальный и религиозный состав наиболее влиятельной в экономическом отношении верхушки индийской крупной и монополистической буржуазии почти не изменился. По-прежнему это были выходцы в основном из торгово-ростовщических каст и религиозных общин Северной и Северо-Западной Индии, предпринимательская деятельность которой носила общендийский характер. Они опирались на влиятельную группировку в правящей партии Индийский национальный конгресс, которая состояла главным образом из выходцев из штатов хинди, особенно из Уттар-Прадеша, и были выразителями антиавтономистской, великодержавно-шовинистической тенденции в политической и идеологической жизни страны.

Представители мелкой и средней буржуазии, развивавшейся в нехиндиязычных штатах и возглавлявшей там национальное движение, стремились укрепить свои экономические и политические позиции в конкурентной борьбе с группировками крупной буржуазии путем расширения автономии штатов и достижения

¹⁴ См.: В. П. Супрунович. Региональные особенности политической жизни Индии. — Индия: современность и история. М., 1974.

их подлинного равноправия в системе индийской федерации, особенно в финансовой и экономической областях. Экономическое содержание борьбы штатовских партий, порой выступавших с крайне националистических позиций, состояло в защите развивающегося национального производства, представленного большей частью мелким капиталистическим производством и кустарной промышленностью, против засилья крупного монополистического инонационального капитала.

Политическим выражением штатовского национализма была борьба против тех тенденций как в государственно-юридических установлениях, так и в практической политике, которые «тянули» в сторону унитарности, усугубляли доминирующее положение центра над штатами, грозили превращением Индийского Союза в унитарное государство. Особые опасения у штатовских националистов вызывали проявления унитарности и централизации именно в финансово-экономической области (в планировании развития отдельных отраслей экономики в масштабе всего государства и отдельных штатов, в централизации финансовых ресурсов страны, в системе распределения союзных налогов, которая ставит штаты в постоянную физическую зависимость от центра и отдает предпочтение слаборазвитым штатам, чем недовольны правящие круги более развитых штатов, например Махараштры или Западной Бенгалии). Националистические круги штатов дравидского Юга постоянно обвиняли союзное правительство в дискриминации южных штатов, выражавшейся в медленных темпах индустриализации.

Итак, в основе национальных движений в современной Индии лежат в первую очередь экономические интересы средней и мелкой буржуазии, ущемленной традиционно наиболее сильной буржуазией из северных и северо-западных штатов. Однако эти же интересы в меньшей степени действуют как центробежный фактор и в большей — как центростремительный. Новые, окрепшие за годы независимости слои национальной буржуазии проявляют все большую заинтересованность в общендийском рынке, в том, чтобы укрепить свои позиции в центральном правительстве и союзном административном аппарате с целью усиления своего влияния на формирование общегосударственной политики. Поэтому ни одна штатовская партия не ставит теперь вопроса о сильном ограничении полномочий федеральных органов или тем более об отделении от Индии. Одна из ведущих партий регионального национализма, причем весьма крайнего направления, «Дравида муннетра кажагам» (штат Мадрас, населенный тамилами), которая еще в 1957 г. провозгласила своей главной целью борьбу за образование независимого Дравиданада в составе четырех южных дравидийских штатов (Андрхы, Тамилнада, Карнатака и Кералы) и вела ожесточенную пропаганду против жупела «североиндийского империализма», засилья брахманов и т. п., в дальнейшем быстро переко-

валась, провозгласила себя сторонницей государственного единства Индии (в 1967 г., когда она пришла к власти в Тамилнаде) и сосредоточилась целиком на тамильских, а также на общедравидийских национальных проблемах.

Безусловно буржуазный характер современных национальных движений в Индии не мешает видеть в них относительно прогрессивное содержание в том плане, в каком различные слои национальной буржуазии различных индийских наций сохраняют или развивают свои прогрессивные, демократические тенденции, в каком их политика не противоречит чаяниям и интересам широких народных масс. Общедемократическое содержание особенно присуще борьбе за ликвидацию фактического неравенства индийских наций и народностей не столько в экономической сфере, сколько в политической и культурной, ибо это соответствует общим интересам всей данной нации, не требует чрезмерных материальных затрат и может быть проведено в сравнительно короткий срок.

В современной Индии вследствие особенностей национального развития ее народов главным вопросом, вокруг которого развернулось противоборство демократических и антидемократических, шовинистических тенденций в национальном вопросе, послужила проблема выбора государственного языка, вызвавшая острую политическую борьбу.

Попытка введения хинди в качестве единственного общегосударственного языка (с 1965 г., как это было зафиксировано в конституции) вызвала серьезное сопротивление в нехиндиязычных штатах, особенно на Юге. И до этого штаты хинди (особенно Уттар-Прадеш) более всего были представлены в союзных органах Индии. Законодательное закрепление монопольного положения хинди поставило бы в еще худшее положение интеллигенцию и представителей имущих классов из нехиндиязычных штатов, поскольку при поступлении на государственную службу союзного значения преимущества оставались бы за северянами. Народы и языковые группы за пределами хиндиязычного пояса усматривали в языковой политике центрального правительства дискриминацию своей национальной культуры и языка. Во многих штатах, особенно в Западной Бенгалии и Мадрасе, прокатились волнения¹⁵.

Сторонники монополии хинди в правящих кругах Индии под напором протестов вынуждены были уступить и пойти на компромисс. Принятый в конце 1967 г. закон предусматривал использование в качестве общеиндийских языков как хинди, так и английского, а также развитие региональных языков. При-

¹⁵ Бенгальский еженедельник «Деш» писал: «Мы не желаем хинди прежде всего потому, что исходим из общих интересов страны, и, во-вторых, потому, что хотим сохранить свою самостоятельность в независимой Индии» (цит. по: Ф. Н. Нилов. Западная Бенгалия: политические проблемы. М., 1972, с. 72).

менение хинди в школах и администрации в нехиндиязычных штатах стало добровольным, а не обязательным. Закон предусматривал также более широкое ознакомление с хинди в нехиндиязычных штатах и обучение языкам этих штатов в хиндиязычном ареале.

Достижение этого компромисса свидетельствует о том, что демократическая тенденция в актуальнейшем для Индии национально-языковом вопросе неуклонно набирает силу. Стремление к разрешению этого вопроса на демократических началах, в интересах широких народных масс было важнейшим, хотя и не единственным, проявлением прогрессивного на данном историческом этапе движения за укрепление национально-культурной автономии индийских наций, конституированных в лингвистические штаты.

Таким образом, развитие национальных движений в современной Индии происходит в федералистской форме, представляющей собой органическое соединение двух начал: централистского и автономистского. Индийский федерализм в его настоящем виде является жизнеспособным политическим организмом, соответствующим нынешнему уровню экономического и социально-политического развития индийского общества, не угрожающим исторически сложившемуся единству индийских народов в рамках одного государства, несущим в себе важный прогрессивный заряд и служащим коренным интересам всех современных классов Индии, подавляющего большинства индийцев. Именно благодаря успехам федерализма Индийский Союз в решении национального вопроса продвинулся дальше всех остальных развивающихся стран.

Вместе с тем, отдавая должное несомненно позитивному вкладу индийского федерализма в разрешение национального вопроса в стране, нельзя не замечать в нем и регрессивных, отрицательных моментов, постоянно проявляющихся, порой обостряющихся и, во всяком случае, представляющих серьезную потенциальную опасность для индийской демократии. Их происхождение и функционирование в общем сводится к двум категориям причин, между которыми, однако, нет китайской стены, ибо они имеют общую социально-экономическую основу, покоящуюся на эксплуататорских, преимущественно капиталистических, производственных отношениях. Первая восходит к крупному монополистическому капиталу, кровными узами связанному с империализмом и питающему шовинистическую, великодержавную тенденцию, вторая — к национальному капиталу, мелкокапиталистическим укладам и теснейшим образом примыкающим к ним реликтовым социально-экономическим формам, столь характерным для типично индийской отсталости, взрастившим религиозно-общинный коммунизм.

Для индийской действительности характерно сосуществование этих двух реакционных направлений в национальных дви-

жениях. С одной стороны, великодержавный шовинизм, приспособляясь к специфическим индийским условиям, часто выступает под видом религиозно-общинных движений. С другой стороны, коммуналистские течения, по мере того как крепнут и набирают силу отдельные отряды местной национальной буржуазии, все более начинают приобретать шовинистический оттенок как по отношению к соседним народам, так и меньшинствам, обитающим в пределах данного штата.

Вообще четкая и окончательная социальная характеристика современных национальных движений в Индии представляет немалые трудности из-за заметных социально-экономических и политических сдвигов в индийском обществе в целом и в отдельных его национальных ячейках в частности. Чисто местные, партикуляристские течения (например, по лингвистическим вопросам в штатах хиндиязычного ареала) подчас перерастают в национальные по мере прогресса в национальном развитии отдельных этнических групп. На наших глазах множатся национальные движения, но одновременно в передовых, демократических слоях индийского общества растет сознание необходимости крепить общеиндийское национальное единство.

Если же попытаться определить наиболее характерную для нашего времени тенденцию в индийских национальных движениях, а только об этом можно говорить более или менее определенно, то несомненны успехи демократического, прогрессивного для индийских условий направления. Некоторые типично коммуналистские национальные силы переходят на демократические позиции, сотрудничая с левыми силами. Так случилось, например, с сикхской партией «Акали дал» (штат Панджаб), которая сравнительно быстро эволюционировала от индусофобского коммунизма к демократической, антимонополистической и «социалистической» (в рамках конгрессистской концепции социализма) программе.

Итак, в современной Индии достигнут несомненный сдвиг в решении национального вопроса. При этом, однако, нельзя недооценивать значения таких объективных препятствий, как постоянная опасность справа, империалистические интриги и т. п., не говоря уж о принципиальной невозможности полного и окончательного решения национального вопроса при капиталистическом строе, к тому же отягощенном грузом докапиталистических и даже дофеодалных пережитков.

Особенности, присущие национальным движениям в современной Индии, в какой-то мере характерны и для других стран Востока, в которых развиваются (в разной степени и в разных формах) капиталистические отношения, но одновременно крепнут силы, противостоящие капитализму, вызревают условия для социально-экономических и политических преобразований. Но эти страны очень отстали в решении национального вопроса. Если в Индии национальная борьба идет за упрочение

уже достигнутой автономии, за ликвидацию фактического неравенства наций и народностей, то в Пакистане, в Шри Ланке, в Иране, в странах Юго-Восточной Азии народам предстоит еще завоевать подчас элементарные права, борьба идет за гарантии для свободного развития угнетенных национальностей.

Особенно острая ситуация, в некотором роде исключительная для всего Востока, сложилась в другой основной стране Южно-азиатского субконтинента. «Национальный вопрос,— писал Генеральный секретарь ЦК компартии Восточного Пакистана,— является центральным в политической жизни Пакистана»¹⁶. Национальные движения стали стержнем политической жизни страны, основной формой, в которой протекала классовая и общедемократическая борьба.

Главная специфика пакистанских национальных движений заключалась в том, что вскоре после раздела Британской Индии и образования суверенного Пакистана они в западной и восточной частях страны начали развиваться соответственно в разных направлениях и принимали разные формы при одинаковом в общих чертах социальном содержании. Если на западе Пакистана борьба шла за автономию, за равные права для всех народов, то на востоке страны внешне автономистское движение постепенно, а в 60-е годы с нарастающей быстротой начало перерастать в борьбу за национальное освобождение, т. е. в Восточной Бенгалии национальное движение бенгальцев фактически превратилось в национально-освободительное. Причина такой трансформации кроется в глубинных процессах, происходивших в пакистанском обществе в 50—60-е годы.

Национальным движениям западнопакистанских народов в общем были присущи такие же тенденции, как и индийским, с той лишь разницей, что социально-политический уровень национальной борьбы в Западном Пакистане был заметно ниже. Народам Западного Пакистана не удалось добиться ни национально-языковой автономии, ни удовлетворения своих прав в рамках унитарной государственной системы, существовавшей с 1955 по 1970 г. Восстановление в 1970 г. автономных провинций — Панджаба, Синда, Северо-Западной Пограничной и Белуджистана (кроме того, была образована центральная административная территория Исламабад и сохранилась специальная зона пуштунских племен) — было приближением к индийскому образцу, шагом вперед в решении национального вопроса в стране, который был с удовлетворением встречен демократической общественностью Пакистана. Однако до практической реализации этой в общем вынужденной меры, на которую пошла тогдашняя правящая клика, еще далеко. Даже наиболее развитые народы Западного Пакистана находились еще в

¹⁶ «Проблемы мира и социализма», № 5, 1970, с. 47. Национальные движения в Пакистане освещаются до середины 70-х годов.

начале пути к национальному самоопределению, хотя бы в рамках автономии.

Эта социальная неразвитость национальных движений в Западном Пакистане, с одной стороны, и царивший в стране во второй половине 50-х и в 60-х годах диктаторский режим — с другой, объясняют характерную для Западного Пакистана поллярность форм, в которых развивались национальные движения. На одном полюсе наблюдался крайний экстремизм, вылившийся в повстанческие выступления (в Белуджистане, а прежде и в Пуштунистане), на другом полюсе — известная слабость и неэффективность политической борьбы, смещение ее в сторону преимущественно культурно-языковой сферы (в Синде). Это позволяло правящим кругам Пакистана, выражавшим великодержавные интересы панджабо-пуштунской верхушки, одной рукой применять вооруженную силу, другой — делать второстепенные уступки в области культуры, образования, средств массовой информации. Кстати, аналогичный курс был характерен и для политики шахского правительства Ирана по отношению к национальным требованиям азербайджанцев, курдов, туркмен, иранских белуджей, кашкайцев, бахтиар и других угнетенных в своих правах меньшинств. Похожие социально-политические условия, существовавшие в Иране и Пакистане, породили и однотипные методы в решении насущных национальных проблем.

Однако пример Пакистана показывает, что такая политика «кнута и пряника» в конечном счете только способствовала обострению национального вопроса. В Белуджистане, например, с начала 70-х годов возникли волнения в связи с попытками правительства нарушить демократическое волеизъявление населения, отдавшего в подавляющем большинстве голоса Национальной народной партии, и назначить губернатором сторонника правящей Пакистанской народной партии. Репрессии против лидеров Национальной народной партии (получившей большинство голосов также и в Северо-Западной Пограничной провинции) вызвали новый взрыв недовольства и усиление повстанческого движения белуджей. Запрет правительством Бхутто в феврале 1975 г. Национальной народной партии и арест ее главы Абдул Вали Хана (в качестве предлога было использовано убийство в Пешаваре министра внутренних дел Х. М. Шерпао) привели к дальнейшему углублению межнационального конфликта в западных районах современного Пакистана.

Не привела к желаемому результату и непоследовательная политика уступок, в частности в языковом вопросе. Признание в 1972 г. синдхи официальным языком Синда вызвало кровавые столкновения между носителями синдхи и урду. Намерение правительства расселить в Синде покидавших Бангладеш бихарцев, говорящих на урду, привело к новым межэтническим столкновениям в Синде.

Качественно иная ситуация сложилась в Восточном Пакистане. Национальная борьба бенгальцев Восточного Пакистана начала перерастать в национально-освободительное движение по той единственной причине, что западнопакистанский буржуазно-помещичий блок превратил этот район страны, по существу, в свою колониальную окраину, важнейший источник своего обогащения и политического влияния. Результатом такой политики, которая явилась концентрированным выражением особенностей экономического развития Пакистана, стремления западнопакистанской буржуазии к обогащению прежде всего экстенсивными мерами за счет оказавшейся у нее в политическом подчинении богатой природными ресурсами и густонаселенной восточной провинции, было ограбление бенгальского региона Пакистана главным образом королями панджабского бизнеса. Происходило углубление неравномерности, характеризующей особенности экономических процессов в обеих частях страны, неуклонное сохранение и рост, несмотря на вынужденные маневры центрального правительства, формального и фактического неравноправия восточного бенгальского региона в сравнении с западом страны.

Достаточно сказать, что Восточный Пакистан, насчитывая около 60% всего населения страны, давая более 70% национального дохода и более 60% валютных поступлений от внешнеторгового оборота за счет джута — ценнейшей экспортной технической культуры, сам получал из общенационального дохода меньше 30%. По словам первого премьер-министра Народной Республики Бангладеш шейха Муджибура Рахмана, за годы существования Пакистана западная часть страны получила на экономическое развитие в 10 раз больше средств, чем восточная; из 20 млрд. рупий, полученных Пакистаном в виде иностранных займов и кредитов, на развитие Восточной Бенгалии пошла лишь одна четверть¹⁷.

Экономическое неравноправие было усугублено крайне низким жизненным уровнем восточобенгальцев (70 долл. в год на душу населения, а у западнопакистанцев — 100 долл.) и дискриминацией во всех сферах политической жизни и в администрации. Если на содержание административно-государственного аппарата шло 30% общепакистанского бюджета, то на долю Восточного Пакистана приходилось всего 5%¹⁸.

Таким образом, исследуя причины появления и роста бенгальского национального движения в Пакистане, его трансформации в национально-освободительное, можно прийти к следующим выводам:

1. На примере Пакистана видна практическая возможность существования в наше время «восточного варианта» колониализма.

¹⁷ См.: «Правда», 3.II.1972.

¹⁸ См.: Народная Республика Бангладеш. Справочник. М., 1974, с. 24—27.

лизма, когда развитие капиталистических отношений и производительных сил в одной части страны (в данном случае в наиболее развитом панджабском ареале Западного Пакистана) происходило в значительной мере за счет эксплуатации (влекущей за собой и политическое угнетение) другой ее части, отличающейся по своему национальному составу. Территориальная разобщенность, препятствующая этнической диффузии и ассимиляции, усиливала сходство современного пакистанского колониализма с колониализмом «классического» западного образца и отличала его от «внутреннего колониализма», более или менее развитые элементы которого наблюдаются во всех несоциалистических многонациональных государствах. Вместе с тем опыт существования Пакистана как двуединого государства свидетельствует о слабости и недолговечности этого современного колониализма восточного образца, его несозвучности эпохе и неминуемом быстром крушении.

2. Пример бенгальского национально-освободительного движения служит наглядным, неоспоримым доказательством теснейшей генетической и одновременно генеалогической связи национальных процессов с социально-экономическими, когда первые выступают по отношению к последним как вторичные, производные. Происхождение, ход и результаты этого движения как нельзя лучше опровергают все идеалистические построения буржуазной социологии о причинах нынешнего обострения национального вопроса в освободившихся странах, а также подрывают в политическом и идеологическом отношении реакционную концепцию исламо-пакистанской нации и приоритета верности исламу перед насущными социальными и национальными задачами.

3. Национально-освободительный характер бенгальского движения нашел выражение и в его социальном составе. Оно отражало интересы всех слоев восточнобенгальского общества, страдавших (хотя и в разной степени и в разных аспектах) от национального гнета: мелкой и средней бенгальской буржуазии, рабочего класса, крестьянства, передовой интеллигенции, либеральных помещиков, учащейся молодежи. В стороне от движения или откровенно враждебны ему были лишь небольшие и в общем маловлиятельные группы правоклерикальных деятелей. Таким образом, национальная борьба бенгальцев Восточного Пакистана сразу приняла общенародный масштаб и чем дальше она развивалась, тем больше эта ее основная черта проявлялась. Эта борьба пользовалась поддержкой и национальных меньшинств Западного Пакистана, также страдавших от гнета инациональной верхушки.

Главным выразителем общенациональных интересов всего бенгальского народа Восточного Пакистана стала партия «Авами лиг» (Народная лига) во главе с Муджибуром Рахманом, возглавившая борьбу за региональную автономию, а в заклю-

чительный этап — и за независимость. Об огромной популярности «Авами лиг» говорят результаты первых после многолетнего перерыва общепакистанских и региональных выборов: 167 из 313 мест в Национальную ассамблею страны и 288 мандатов из 310 в восточнопакистанскую провинциальную ассамблею. Непризнание военной администрацией Пакистана результатов свободного волеизъявления всего бенгальского народа вызвало известные трагические и кровавые события, повлекшие за собой громадные жертвы со стороны бенгальцев. Но Восточная Бенгалия в результате завоевала национальную независимость — родилась Народная Республика Бангладеш.

4. Специфические условия, в которых развивалось и победило национально-освободительное движение народа Бангладеш, способствовали общей демократизации этого движения, умалению влияния в нем правобуржуазных и клерикальных элементов и некоторому укреплению позиций трудовых слоев населения, хотя в целом оно не вышло из буржуазных рамок. Особое значение имели два обстоятельства: в Восточной Бенгалии практически отсутствовали пережитки крупного феодального землевладения — этой опоры всяческой реакции в странах Востока; крупные предпринимательские слои в стране были представлены в основном инациональной западнопакистанской буржуазией, физически устраненной после отделения Восточной Бенгалии и образования Республики Бангладеш.

Все это давало перспективы для развития молодой бенгальской республики по демократическому пути, для укрепления в Бангладеш наиболее прогрессивных общественных форм, хотя, как показали дальнейшие события, на этом пути встретились серьезные трудности внутреннего и внешнего порядка.

Анализируя национальные движения буржуазного типа в других государствах Востока, нельзя не заметить разнообразия мотивов, за которые идет борьба, но все они ограничены классовыми интересами нарождающейся или крепнущей буржуазии данной ущемленной в своих правах нации или народности. Этот неоспоримый факт не должен, однако, заслонять относительно прогрессивного значения тех буржуазных национальных движений на Востоке (а их — большинство), которым присуще общедемократическое содержание, хотя и в далеко не одинаковой степени. Иными словами, такие национальные движения, по существу, являются буржуазно-демократическими, особенно в той их стадии, пока борьба идет за достижение или упрочение национальной автономии — наиболее типичной и наиболее реальной цели для современной ситуации. Менее распространены на современном Востоке буржуазно-консервативные и тем более буржуазно-контрреволюционные национальные движения, в них обычно прослеживается сильное влияние феодально-клерикальных и трибалистских кругов.

Любое национальное движение на современном Востоке, да-

же если оно объективно выгодно крупнобуржуазным слоям, содержит определенные демократические тенденции (естественно, выражающие интересы не только этих крупнобуржуазных слоев, например воротил китайского бизнеса в странах Юго-Восточной Азии и Океании, а трудящихся, мелкой буржуазии, в определенной степени — средних слоев и интеллигенции). Констатируя эту особенность, крайне важно и актуально, однако, выяснить, какая степень демократизма отличает то или иное национальное движение, ибо от этого зависит его оценка с точки зрения перспектив прогрессивного развития данного народа, данной страны.

Разная степень демократизма характеризует национальные движения не только в пределах одной отдельно взятой страны, но и подчас в рамках одной и той же национальности. Так, национальное движение тамилы в Шри Ланке делится на два относительно самостоятельных течения: движение ланкийских тамилы и движение индийских тамилы. Первое идет под руководством Федеральной партии («Иланкай тамил арасу кадчи»), выражающей интересы буржуазии ланкийских тамилы, которая хочет завоевать господствующее положение в Северной и Восточной провинциях страны, а также укрепить свои позиции в масштабах всего острова.

В политике и идеологии Федеральной партии явственно отражаются как классовые интересы буржуазных кругов, так и национальные чаяния всех ланкийских тамилы, давно уже интегрировавшихся в обществе Шри Ланки. Поэтому, с одной стороны, у Федеральной партии проявлялись такие чисто буржуазные черты, как беспринципное политиканство, с другой — сепаратистские тенденции, предполагающие нарушение целостности государства Шри Ланка и создание отдельного тамильского государства на базе Северной и Восточной провинций. Вместе с тем Федеральная партия возглавила общедемократическую борьбу ланкийских тамилы за свои национальные права. Она энергично добивалась осуществления своей программы, в которую входили требования уравнивания в правах тамильского языка с сингальским, расширения использования тамильского языка в Северной и Восточной провинциях, предоставления тамилам автономии на лингвистической основе в рамках федеративного государственного устройства, проведения некоторых социально-экономических реформ в интересах тамильского меньшинства. Федеральная партия хотела выставить себя выразителем интересов и индийских тамилы, включив в свою программу предоставление им гражданства Шри Ланки и избирательного права, а также ликвидацию всех форм дискриминации. В качестве орудия политической борьбы Федеральная партия обычно использовала старый гандистский метод — проведение кампании «сатьяграха».

Принятие новой конституции и провозглашение Республики

Шри Ланка в мае 1972 г. привели к дальнейшему обострению отношений между Федеральной партией и партиями Объединенного фронта. Лидеру Федеральной партии С. Челванаягаму удалось сплотить различные политические группы ланкийских тамилы и создать Тамильский объединенный фронт (ТОФ). Главный упор в программе ТОФ был сделан на федеральное устройство государства, на внесение в конституцию пункта о равенстве тамильского языка с сингальским, на гарантию гражданских прав всех тамилы Шри Ланки.

Национальное движение индийских тамилы в Шри Ланке в целом носило значительно более демократический характер. Лидерам Федеральной партии не удалось распространить свое влияние на индийских тамилы, за исключением верхушки буржуазии. Основная движущая сила национального движения индийских тамилы — плантационные рабочие. Они шли за своей популярной и массовой организацией — Конгрессом рабочих Цейлона, который возглавил борьбу за предоставление им политических и экономических прав (в первую очередь прав гражданства Шри Ланки), за ликвидацию практиковавшейся по отношению к рабочим из Индии дискриминации (квоты при найме на работу, отказы от выплаты надбавок к заработной плате, ограничение профсоюзных прав и т. п.). Таким образом, национальное движение индийских тамилы в значительной степени выражало непосредственные классовые интересы трудящихся масс.

Вместе с тем национальные движения ланкийских и индийских тамилы не изолированы друг от друга. Стремление лидеров Конгресса рабочих Цейлона сохранить свои позиции среди индийских плантационных рабочих не помешало им согласиться на сотрудничество с руководством Федеральной партии, а затем ТОФ по отдельным вопросам сингало-тамильских отношений. В последние 10—15 лет наметилась и окрепла тенденция к совместным выступлениям индийских и ланкийских тамилы в борьбе за улучшение положения тамильского меньшинства.

Сотрудничество обоих течений в тамильском национальном движении в Шри Ланке следует рассматривать как положительный фактор, ибо оно расширяет массовую базу этого движения в отношении многих жизненно важных для тамилы проблем, в том числе и такой животрепещущей, как репатриация значительной части тамилы в Индию (согласно индо-цейлонскому пакту 1964 г.).

В середине 70-х годов под нажимом со стороны некоторых группировок ТОФ, особенно Тамильского молодежного фронта, усилилась сепаратистская тенденция. Сепаратистские устремления ланкийских тамилы отчетливо проявились во время предвыборной парламентской борьбы 1977 г., когда ТОФ был преобразован в Тамильский объединенный фронт освобождения (ТОФО). Лидером ТОФО стал А. Амиртхалингам, выступавший

за создание отдельного тамильского государства. ТОФО одержал победу на парламентских выборах 1977 г.: завоевав 17 мест, он стал главной оппозиционной партией в парламенте.

То, что ТОФО с его сепаратистской программой возглавил парламентскую оппозицию, вызвало недовольство сингальских националистических элементов и послужило одной из причин межобщинных волнений. В августе 1977 г. произошли сингальско-тамильские столкновения. Имелись человеческие жертвы, главным образом среди ланкийских тамиллов.

Сохраняющиеся пока противоречия между обоими течениями тамиллов ловко используются шовинистическими кругами в господствующей сингальской нации. Укрепление единства тамильского национального движения в Шри Ланке при одновременном умалении влияния правобуржуазных и экстремистских элементов в тамильской общине, с одной стороны, рост и укрепление демократических, антиимпериалистических и антикапиталистических сил в сингальской нации, с другой — единственный путь к решению крайне острого и далекого от разрешения на сегодняшний день национального вопроса в Шри Ланке.

Разная степень демократизма характерна и для малайского национального движения в Таиланде, которое разделилось на два течения: буржуазно-демократическое и буржуазно-либеральное. Сторонники первого течения, выражающие в основном интересы мелкобуржуазных слоев, стоят за самоопределение южных провинций. Правое крыло малайской буржуазии и ее политическая организация — Мусульманская лига — материально заинтересованы в стабилизации положения, в сотрудничестве с центральными властями; национальные требования Мусульманской лиги не идут дальше культурной автономии. Демократизм буржуазно-либерального течения в малайском движении весьма незначителен, хотя насильственно-ассимиляторская политика правящего блока, с одной стороны, и экономический подъем в южных районах страны, рост малайской буржуазии — с другой, должны способствовать общей радикализации всего малайского движения в Таиланде¹⁹.

В отличие от малайского движения национальное движение лао Исана не разделено на течения и целиком носит буржуазно-демократический характер. Экономически окрепшая исанская буржуазия требует самоопределения для Исана, федеративного переустройства государственной системы Таиланда. Радикальное крыло в исанском движении, представленное в социалистическом фронте, активно выступает за проведение прогрессивной, антиимпериалистической политики, находится в авангарде борьбы против реакционных сил в Таиланде²⁰.

В некоторых странах Востока, особенно в регионе Юго-Во-

¹⁹ В. И. Искольдский. Национальный вопрос в Таиланде. Автореф. канд. дисс. М., 1964, с. 26—27.

²⁰ Там же, с. 27—28.

сточной Азии, буржуазная сущность национальных движений проявляется не прямо, а опосредованно, главным образом в форме острых классовых и политических коллизий, и, наоборот, классовая и политическая борьба принимает обличье национальных движений, направляемых интересами в первую очередь буржуазных кругов данной нации. Происходит это там, где исторически сложившаяся национальная структура общества примерно соответствует классовой. В таких странах конкурентная борьба между различными фракциями буржуазии, так же как и классовая борьба трудящихся, приобретает более или менее национальный оттенок. Например, в современной Малайзии специфика национальной структуры и расстановка национальных сил в экономической и политической жизни таковы, что классовые противоречия приобретают характер национальных, когда классовые интересы эксплуатируемых слоев населения (большей частью малайского) нередко отступают на задний план перед интересами националистическими, а узкокорыстная политика буржуазных кругов выдается за общенациональное дело. Если же вникнуть в суть вещей, то окажется, что малайская верхушка стремится потеснить своих китайских соперников, захвативших ключевые позиции в сфере национального капитала, а китайская буржуазия хочет укрепить и расширить свои позиции в государственном аппарате, которые никак не соответствуют ее влиянию в экономической жизни страны, и помешать поощряемой сверху активизации малайского капитала.

Именно благодаря преобладающему и почти монопольному влиянию буржуазии, ее идеологии и политики на национальные движения Малайзии для простого трудящегося малайца понятие «эксплуататор» нередко целиком отождествляется с конкретной фигурой китайца-лавочника, ростовщика, подрядчика, администратора предприятия, а низы китайской общины обращают свое недовольство не против крупного капитала, а часто только против малайских по национальности верхов.

Тому, что национальные движения в Малайзии приобрели в основном буржуазно-националистический характер, способствуют два внешних обстоятельства. Первое — сохранившееся в стране не только экономическое, но и политическое и идеологическое влияние иностранных монополий, которые, располагая многими рычагами для воздействия на малайзийское общество, разжигают национальные противоречия методами, унаследованными от британских колонизаторов (опора на противоположаемые друг другу малайскую феодально-бюрократическую верхушку и китайских компраторов). Второе — активность маоистов среди китайского населения, их попытки раздуть китайский национализм вплоть до крайне уродливых шовинистических проявлений. Таким образом, два, казалось бы, полярных фактора на практике приводят к одному и тому же результа-

ту — к разжиганию буржуазного национализма в его наиболее антидемократической форме.

Нельзя, конечно, отрицать наличия и демократических начал в национальных движениях современной Малайзии. Источниками их являются и живущие еще традиции национально-освободительной борьбы, и развитие классовых противоречий, классового самосознания у трудящихся слоев всех этнических групп с неизбежным усилением влияния интернационалистских принципов. В частности, весьма вероятно, что по мере прогресса в национальном развитии племен даяков Северного Калимантана национальное движение среди них примет демократический характер.

Однако в настоящее время вероятность заметной демократизации национальных движений в Малайзии невелика. Слишком сильны еще противоборствующие силы, представляющие свой «интернационал» в местном масштабе — блок малайских правящих кругов с китайской и индийской торговой и финансово-промышленной буржуазией. В политическом отношении этот блок оформлен в виде Союзной партии, куда входят Объединенная малайская национальная организация, Китайская организации Малайзии и Индийский конгресс Малайи. Союзная партия образует правящую коалицию, которая, не будучи в состоянии сгладить реальные национальные противоречия в стране (один из ярких примеров — кровавые столкновения на национальной почве после майских парламентских выборов 1969 г.), еще способна направить их в националистическое русло. Классовые интересы малайских и китайских верхов диктуют им пока сохранение сплоченности в условиях еще неустойчивой внешнеполитической обстановки в Юго-Восточной Азии, непрекращающегося вмешательства империалистических и некоторых соседних азиатских государств, неблагоприятной экономической конъюнктуры в отношении каучука и олова, страха перед вероятной активизацией демократических сил в стране. Но эти основания для союза верхов в Малайзии слишком ненадежны и внутренне непрочны, чтобы ожидать их сохранения на достаточно долгий срок.

В Индонезии демократическая струя в буржуазных по своей сущности национальных движениях также выражена сравнительно слабо. Объясняется это как национальными особенностями народов Индонезии, так и спецификой внутривнутриполитического развития, а также внешнеполитической обстановки, в которой оказалась страна в период независимости. Жизненные интересы народов Индонезии диктовали необходимость укрепления унитарности государства, а это принижало значение борьбы за автономию как основной формы, в которой выражались демократические тенденции современных национальных движений почти во всех странах Востока. Зато оставался полный простор для проявления в национальных движениях Индо-

незии корыстных амбиций буржуазии и примыкающих к ней слоев.

Дело в том, что верхушка экономически и политически наиболее активных малых народностей Индонезии стремилась к усилению их влияния и расширению их участия во всех общендонезийских делах. Например, буржуазия минангкабау (Западная Суматра) всегда была очень активна в экономике Явы, из среды батаков традиционно формировались кадры высших военачальников и т. д. Поэтому вся внутривнутриполитическая борьба в Индонезии послевоенного периода, если ее рассматривать под углом зрения национального вопроса, имея националистическую окраску (против яванского засилья и т. п.), в действительности велась за выбор пути или типа капиталистического развития. Это было столкновение застойных бюрократических тенденций, носителем которых была верхушка самой крупной, яванской национальности, с динамичностью, экономической и политической активностью ряда малых народностей Внешних островов.

Яванской бюрократии, реализовавшей свое господство сначала в форме «направляемой демократии» (1957—1965), а потом в виде военно-бюрократической диктатуры, которая в определенном отношении была «исправленным» изданием прежнего режима, не представляло в общем большого труда одержать верх над притязаниями верхушки малых народностей, каковые проявились в сепаратистских мятежах на Суматре, Сулавеси и отчасти на Калимантане. Внутренняя слабость этих сепаратистских движений выражалась именно в их антидемократизме, когда лидеры очень скоро доказали свое безразличие к местным, региональным проблемам и исключительную заинтересованность лишь в захвате центрального государственного аппарата с целью получения экономических и прочих преимуществ, а народные массы, естественно, не оказали широкой поддержки своим лжевождям. В результате наиболее активные не-яванские элементы были вытеснены из государственного аппарата и с политической арены вообще, их экономические интересы были существенно ущемлены.

Другим фактором, подогревающим буржуазно-националистические тенденции в национальных движениях Индонезии, служит постоянно будирующая индонезийское общество китайская проблема, в очередной раз обострившаяся после событий 30 сентября 1965 г. Наиболее антикитайски были настроены самые сильные в экономическом отношении представители буржуазии некоторых малых народностей. Относительно же слабая яванская буржуазия и аристократия проявляют определенную умеренность, стремясь вынудить китайских бизнесменов к сотрудничеству. После падения режима Сукарно наметилась тенденция сближения и даже тесного союза между верхушкой крупной китайской буржуазии и военной бюрократией в Индо-

незии. В общем влияние китайского вопроса на национальные движения в Индонезии прослеживается примерно в такой же плоскости, как и в других государствах Юго-Восточной Азии, хотя полная аналогия, естественно, невозможна.

Несмотря на то что национальные движения в современной Индонезии проходят под знаком полного преобладания буржуазно-националистических тенденций, в корне неверно было бы проявлять безысходный пессимизм относительно перспективы демократизации этих движений. Вполне реальна возможность решения национального вопроса в Индонезии в плане преодоления антитезы — строгая унитарность и централизация или автономия и федерализм. Для ряда наиболее крупных и жизнеспособных народностей Внешних островов достижение автономии — это реальная, а не только умозрительная перспектива. То, что сейчас в Индонезии преобладает тенденция централизации (и как реакция на нее — сепаратизм), связано в общем с преходящими социально-политическими факторами (в том числе: вмешательство извне, напряженная борьба за выбор направления общественно-экономического и политического развития и т. п.). По мере того как Индонезия выбирается из состояния экономической разрухи и политической нестабильности, борьба за автономию выступит на передний план и как политическая, и как экономическая необходимость²¹. Следовательно, усиление воздействия демократической тенденции на национальные движения в Индонезии в конечном счете неизбежно.

Итак, обзор буржуазных по своей классовой сущности национальных движений на современном Востоке показывает, что при разнообразии, широком диапазоне конкретных национальных условий, качественных и количественных показателей, различий в степени их демократизма, эффективности и т. п. все они не выходят за рамки капиталистического строя, преследуют цель в первую очередь удовлетворить материальные интересы различных фракций буржуазии, желающих создания наиболее благоприятной обстановки для развития своего капитализма, вытеснения и ущемления чужого, инационального. Поэтому демократизм таких движений независимо от его степени всегда относителен, а стремление к укреплению и увековечению капиталистических порядков абсолютно, даже и в перспективе, утопично.

Революционно-демократическая тенденция в национальных движениях

Рассмотренными категориями не исчерпывается вся палитра национальных движений на современном Востоке. Можно вы-

²¹ На высоком научном уровне этот вопрос рассмотрел Ю. В. Маретин в статье «Этно-национальное развитие Индонезии и проблема централизации и автономии». — «Страны и народы Востока». Вып. XVIII. М., 1976.

делить еще один тип национальных движений, который, не будучи широко распространенным, представленный на текущий момент в виде тенденции, является, однако, самым прогрессивным и перспективным с точки зрения коренных интересов трудящихся масс, т. е. подавляющего большинства. Это революционно-демократическая тенденция, которая отличается даже от самой радикальной буржуазно-демократической, во-первых, по своим социальным целям, ближайшим и далеко идущим, во-вторых, по методам борьбы.

Влияние революционно-демократической тенденции на национальные движения сказывается прежде всего в том, что в них задачи национального и социального освобождения начинают сближаться. Поэтому движения, в которых проявляется такая тенденция, с самого начала имеют широкую социальную базу и отличаются глубоким демократизмом. Вне таких движений обычно остаются только феодально-клерикальные и крупнобуржуазные, компрадорско-монополистические круги откровенно реакционной, проимпериалистической ориентации, составляющие антинациональный лагерь.

Революционно-демократическое направление в национальных движениях предполагает с самого начала проведение назревших социальных преобразований, в этом состоит его важная особенность. Однако на первом месте все же стоят задачи национального освобождения, борьбы за самоопределение, что создает условия для осуществления тактики и стратегии единого фронта как в масштабах данной нации, так и всей страны. Так было в Иракском Курдистане, особенно в первой половине 60-х годов²², и в «национальных» районах Вьетнама.

Несмотря на вполне понятный приоритет национальных задач перед социальными, последние лишь в тактических целях временно отодвигаются на задний план. Революционно-демократические силы, участвующие в национальных движениях, все более проникаются сознанием необходимости коренного социального переустройства общества по пути социалистической ориентации. Сама объективная реальность современного развития афро-азиатского мира побуждает их сближаться с теорией и практикой марксизма-ленинизма по национальному вопросу, склоняет их к пониманию глубокой правоты ленинских положений о том, что «действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов»²³ и что необходимо разбить «мещански-национальные иллюзии» о равенстве наций и мирном сожительстве их при капитализме²⁴. Именно в этом и состоит неоспоримое превосходство револю-

²² См.: Ш. Ч. Аширян. Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане (1961—1968). М., 1975, с. 39—42.

²³ В. И. Ленин. Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала. — Т. 41, с. 162.

²⁴ См. там же, с. 163.

ционно-демократического направления в национальных движениях современного Востока перед буржуазным и буржуазно-демократическим.

Революционно-демократическому направлению присущи самые крайние, решительные методы борьбы, как видно хотя бы из самого термина. Это роднит его с национально-освободительными движениями недавнего прошлого (и с современной борьбой народов, например, Южной Африки), направленными против колониализма и империализма. Однако аналогия здесь далеко не полная, ибо изменились обстоятельства, изменились времена. То, что было закономерным для эпохи национально-освободительных революций, вовсе не является таковым для нынешнего этапа истории народов и государств Востока.

В переживаемую нами эпоху для молодых развивающихся стран Востока национально-освободительные движения уже не типичны, хотя и теоретически, и, как показывает опыт Пакистана, практически возможны (как следствия продолжающегося экстенсивного развития капитализма во многих районах афроазиатского мира). Центр тяжести специфически национальной борьбы народов переместился из внешнеполитической сферы на внутрисполитическую жизнь молодых независимых государств. Поскольку объективно прогрессивные потенции подавляющего большинства освободившихся стран Востока далеко еще не исчерпаны (даже в государствах сугубо капиталистического профиля), постольку национальные движения, особенно если они принимают форму вооруженной революционной борьбы, становятся весьма обоюдоострым явлением. Здесь уместно напомнить известное ленинское положение о том, что «безусловное признание борьбы за свободу самоопределения вовсе не обязывает нас поддерживать всякое требование национального самоопределения»²⁵.

Поэтому насильственные формы являются хотя и закономерными, но крайними, а стало быть, вовсе не обязательными средствами национальной борьбы народов современного Востока. Вооруженная борьба всегда оправдана в том случае, если она силой навязана данному народу (как, например, курдам Ирака при режимах Касема и Арефа или народам Индокитая), и может дать только отрицательный эффект, если она инспирирована извне, а внутри страны отсутствуют соответствующие условия. Особенно охотно на крайних формах национального протеста паразитирует маоизм, преследующий собственные эгоистические великодержавные цели, глубоко враждебные жизненным интересам борющихся за свое освобождение народов.

Итак, если национальные движения принимают форму во-

²⁵ В. И. Ленин. Национальный вопрос в нашей программе. — Т. 7, с. 233.

оруженных выступлений, то в случае их несвоевременности или неподготовленности, как правило, выигрывают только реакционные, проимпериалистические силы и разрешение национального вопроса надолго заходит в тупик независимо от субъективных намерений отдельных борцов.

Национальные движения революционно-демократического направления не стали еще всеобщими для современного Востока. Едва ли возможно в настоящее время из всей массы народных выступлений национального характера в «чистом виде» выделить революционно-демократические, ибо в каждом из них более или менее проступают черты предшествующих движений. Да и вообще указанный тип национальных движений вовсе не исключает альтернативности сопутствующих им социальных процессов.

Примером национальных движений безусловно прогрессивного, революционно-демократического направления может служить борьба малых народов Индокитая против внутренней реакции и империалистической агрессии. Особенности выступлений меньшинств трех стран Индокитая являются, во-первых, присущий им искони национально-освободительный, антиимпериалистический характер (сохранившийся в значительной мере и в 60—70-е годы в связи с неокOLONиалистским курсом США в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже) и, во-вторых, решающее воздействие на них марксистско-ленинской теории и политической линии. Именно поэтому страны Индокитая одержали заметные успехи в решении национального вопроса как внутренней проблемы, несмотря на то что их меньшинства до сих пор находятся на весьма низкой стадии национального развития. Эти успехи отмечались еще до победы народной революции в Южном Вьетнаме, Лаосе и Камбодже в 1975 г. и в значительной мере ей способствовали.

Вьетнамские коммунисты еще в начале 40-х годов превратили населенные меньшинствами горные районы Северо-Восточного Вьетнама (Вьетбак) в центр антиколониальной борьбы. После победы над французскими колонизаторами в 1954 г. в ДРВ было образовано два автономных района: Тэйбак на северо-западе и Вьетбак на северо-востоке. С тех пор национальные отношения в ДРВ определялись закономерностями, присущими обществам, где у власти стоят марксистско-ленинские партии²⁶.

Сложнее дело обстоит в Южном Вьетнаме, где борьба за национальное и социальное освобождение затянулась. Здесь благодаря принципиальной и правильной политике Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (НФОЮВ) движения национальных меньшинств стали составной частью об-

²⁶ А. И. Мухлинов. Вьетнам. — Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1975, с. 88 и далее.

шенародной борьбы против внутренней реакции и империалистической агрессии. НФОЮВ создал Автономный национальный комитет Тэйнгуена, контролировавший 30% всей территории Южного Вьетнама. Установив дружеские и доверительные отношения с меньшинствами, населявшими удобные для партизанской войны горно-лесистые ландшафты страны, оказывая им всестороннюю поддержку и посильную помощь, патриоты Южного Вьетнама за короткий срок освободили до $\frac{4}{5}$ территории страны, сумев на этнических территориях горцев создать базы сопротивления американским интервентам и их южновьетнамским марионеткам²⁷.

Прогрессивное, революционно-демократическое направление поначалу приняло национальное движение иракских курдов, руководимое Демократической партией Курдистана (Иракского). После революции 1958 г. ДПК действовала в тесном контакте или союзе со всеми передовыми силами иракского общества, в том числе и с коммунистической партией, противодействуя многочисленным попыткам реакционных сил и империализма свести на нет демократические завоевания всего иракского народа, арабов и курдов²⁸. Программные установки ДПК не противоречили марксистско-ленинским принципам и даже содержали ссылки на них. Поэтому национальное движение иракских курдов, вынужденно переросшее в 1961 г. в вооруженную борьбу в ответ на шовинистическую политику диктаторского режима Касема, затем унаследованную право-баасистскими и милитаристскими кругами, в первое послереволюционное десятилетие не противоречило прогрессивным тенденциям развития всего иракского общества.

Однако курдское национальное движение в Ираке не во всем оказалось последовательным. Сказались и социально-политическая отсталость курдского общества, и субъективизм некоторых лидеров курдского национального движения. Руководство ДПК недооценило значения прихода к власти летом 1968 г. левого крыла партии Баас и последовавшие за тем положительные сдвиги главным образом во внешней политике Ирака, но также и внутри страны, в том числе и в области национальных отношений. Ведь достаточно знаменателен был тот факт, что впервые за все время независимого существования Ирака его правительство согласилось с принципом автономии курдского меньшинства. Конечно, до практической реализации этого принципа было еще далеко, но отмеченные позитивные изменения в Ираке на рубеже 60—70-х годов говорили за то, что борьбу за подлинную автономию иракских курдов надо переводить в политическую плоскость, тогда как некоторые руководители ДПК по старой привычке абсолютизировали насиль-

²⁷ См. там же, с. 79—80.

²⁸ См.: Курдская проблема.— Национальные процессы в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1970, с. 168—175.

ственные военные методы борьбы²⁹. В результате в 1974—1975 гг. определились заметные расхождения между экстремистским руководством ДПК и курдского национального движения в Ираке, с одной стороны, и теми политическими силами, которые стояли на реалистических позициях,— с другой; вооруженное сопротивление курдов прекратилось, и курдский вопрос в Ираке вступил в новую фазу. Борьба теперь шла за то, чтобы в Курдском автономном районе, образованном на севере Ирака, были созданы все условия для действительного экономического, социального и культурного прогресса, чтобы курдам были прочно гарантированы их законные национальные права.

Итак, национальным движениям революционно-демократического типа присущи известная непоследовательность и противоречия. Но эта тенденция, для нашего времени наиболее прогрессивная и перспективная, должна быть специально выделена в современных национальных движениях на Востоке.

Социально-политическая роль национальных движений на современном Востоке

Изучение современных национальных движений в развивающихся странах Азии и Северной Африки показывает, что по своим движущим силам, социальным установкам и политической ориентации они делятся на ряд типов, соответствующих принятой в марксистском обществоведении стадийно-классовой стратификации. Установлено, что граница между этими типами в значительной мере условна и подвижна. Кроме того, каждое движение должно быть соотнесено с конкретной ситуацией и с национальной спецификой в данной стране, у данного народа. Вместе с тем если рассматривать зарубежный Восток как единое целое (для чего, как отмечалось, имеются достаточные основания), то можно выделить основные характерные черты, присущие всем движениям и одинаково воздействующие на национальную ситуацию во всем рассматриваемом регионе.

1. Возникновение любого национального движения независимо от его социально-политического направления есть симптом, свидетельствующий о наличии кризисного состояния национальных отношений в данной стране и обществе. Другое дело, по какой причине возникает этот кризис, какие социально-политические силы стоят за ним. Однако, даже если какое-либо национальное движение инспирировано и направлено реакционными силами, оно немыслимо без определенной объективной почвы, будь то исторически сложившаяся отсталость националь-

²⁹ Ш. Ч. Аширян. Национально-демократическое движение в Иракском Курдистане, с. 141—151; Ш. Х. Мгои. Проблема национальной автономии курдского народа в Иракской Республике (1958—1977 гг.). Ереван, 1977, гл. IV и послесловие.

ных меньшинств и их неравноправное положение в многонациональном государстве, естественные трудности и неизбежные ошибки, обычно сопровождающие процесс революционных или прогрессивных преобразований и т. п. При таком варианте прогрессивные круги получают серьезный сигнал о необходимости сосредоточить максимальные усилия на решении национального вопроса. Все же для развивающихся стран современного Востока более типичен противоположный вариант, когда национальные движения представляют собой закономерное и естественное проявление охватившего весь афро-азиатский мир революционного по сути процесса преобразования устаревшей и неэффективной социально-экономической и общественно-политической системы, унаследованной от эпохи колониализма. Итак, общественно-историческая роль современных национальных движений на зарубежном Востоке заключается в том, что они являются производными от структурного кризиса социально-политических систем во многих странах, хотя качественное содержание такого кризиса в разных государствах, конечно же, неоднозначно, а то и противоположно.

2. Национальные движения отличаются от классовых кроме всего еще и наличием более широкой массовой базы. Как правило, в них участвуют разные, в том числе и антагонистические, классы. Особенно такая картина характерна для развивающихся стран Востока, где классовая стратификация выражена недостаточно четко, где границы между различными классами и социальными группами выглядят взаимопроницаемыми и как бы стертыми. Отсюда вытекают такие характерные для всех национальных движений на Востоке черты, как, во-первых, неустойчивая социально-политическая ориентация, могущая измениться под влиянием внутривнутриполитической конъюнктуры или внешнеполитического давления, и, во-вторых, активное участие в них трудящихся классов. Поэтому прогрессивным силам в странах Востока в отношении к национальным движениям приходится проявлять особую гибкость, дабы обеспечить себе поддержку народных масс.

3. Национальные движения по самой своей сущности являются движениями политическими, т. е. все они в первую очередь преследуют цель изменить существующие политические условия существования определенного национального меньшинства как дискриминационные и угнетательские. Логическим завершением политической борьбы национальных меньшинств является достижение той или иной формы или степени суверенного существования или самоопределения.

Самоопределение как юридическая категория имеет разные ступени — от местной автономии до государственного отделения участвующих в национальных движениях народов. Для развивающихся стран современного Востока полное отделение, иначе говоря, дезинтеграция многонациональных государств —

нетипичный финал национальной борьбы народов, требующий исключительных обстоятельств. Практически полное отделение встает на повестку дня лишь в том случае, когда национальное движение перерастает в национально-освободительное (например, борьба восточнобенгальского народа в Пакистане). Дезинтеграция является также лозунгом феодально-сепаратистских движений (например, в Бирме).

Для современной же действительности на зарубежном Востоке характерно стремление подавляющего большинства национальных движений к достижению автономии как наиболее реальной политической цели. Прогрессивные силы на Востоке и во всем мире именно в обеспечении широкой автономии для национальных меньшинств, основанной на демократических началах и предполагающей проведение глубоких преобразований социально-экономических и политических структур, видят наиболее реалистический, отвечающий актуальным задачам сегоднешнего дня путь, способный приблизить решение национального вопроса. Этот путь проверен на опыте национально-государственного строительства в странах социализма, в первую очередь в СССР, которые дали образцы автономного устройства национальной жизни некогда отсталых и угнетенных народов. «Автономия есть *наш* план устройства демократического государства»³⁰, — отмечал в свое время В. И. Ленин.

4. В современную эпоху, отличающуюся невиданным прежде развитием и размахом международных связей в области экономики, политики, культуры, средств массовой информации и т. п., национальные проблемы стран Востока практически редко остаются их внутренним делом. Особенно это касается национальных движений. Любое кризисное обострение национальных противоречий в одной из развивающихся стран Азии и Африки в той или иной степени, но обязательно затрагивает интересы других государств, в первую очередь соседних, а также неминуемо, рано или поздно, держав, играющих сейчас главную или важную роль на мировой арене: СССР, США, КНР, Англии, Франции, Японии, ФРГ. Конечно же, национальные движения на Востоке как один из главных факторов внутри- и внешнеполитической нестабильности в этом важнейшем регионе мира затрагивают и совокупные интересы стран, объединенных в военные, политические и экономические блоки и союзы, в том числе и действующие непосредственно в Азии и Африке: Организация африканского единства, Лига арабских государств, АСЕАН, не говоря уж о более широком движении неприсоединившихся государств. Яркий и показательный пример такого многостороннего воздействия национальных движений в странах Востока на международную обстановку — события начала 70-х годов на Южноазиатском субконтиненте, при-

³⁰ В. И. Ленин. Письмо С. Г. Шаумяну. — Т. 48, с. 235.

ведшие к дезинтеграции Пакистана и образованию независимого государства Бангладеш.

Между прочим, указанные события, а также опыт других развивающихся стран Востока показывают, что с наибольшей силой влияют на международную обстановку те национальные движения, которые происходят в этнических общностях, разделенных государственными границами (бенгальцы, пуштуны, белуджи, курды и др.). Острые международные конфликты вызывают в ряде районов Востока ирредентизм (например, в Турции по отношению к кипрским туркам, в арабских странах по отношению к арабам Турции и Ирана, на Индостанском субконтиненте) и движения национальных меньшинств иностранного происхождения (индийских тамилы в Шри Ланке, китайцев и индийцев в странах Юго-Восточной Азии и Океании). Так что национальная ситуация на современном Востоке содержит достаточно «горючего материала», влияющего на международные отношения и в самом регионе, и во всем мире.

Вместе с тем сама международная обстановка, особенно такие ее составные части, как экономическое, политическое и идеологическое противоборство двух основных социальных систем и развитие мирового революционного процесса во всем мире и, в частности, в рассматриваемом регионе, а также межимпериалистические противоречия нередко способствуют активизации отдельных национальных движений в развивающихся странах Востока. Поэтому всеобъемлющая и окончательная оценка этих движений может быть дана только в контексте высших и перспективных целей и конкретных задач мирового социализма и национально-освободительной борьбы. При этом марксисты-ленинцы, все прогрессивные силы, безусловно ставя во главу угла интересы борющихся за свои неотъемлемые национальные права народов (понятые притом не эгоистически, не в рамках одной данной «национальной квартиры», а в связи с обязательным учетом прав всех других народов), всегда помнят, что противопоставление, сталкивание различных национальностей — один из главных методов, используемых в наше время империализмом, неоколониализмом и местной реакцией для сохранения своего влияния в развивающихся странах.

Итак, в современную эпоху национальный вопрос стал важным компонентом международных отношений в странах Азии и Северной Африки, причем существует тесное и растущее взаимовлияние внутривнутриполитических и международных (в том числе внешнеполитических) факторов. Решение национального вопроса в развивающихся странах зарубежного Востока на основе коренных социально-классовых преобразований — важнейшее условие разрядки международной напряженности как в рамках этого региона, так и на всей международной арене вообще, условие достижения подлинного мирного сосуществования всех народов, больших и малых.

ТОМ I

Введение — Г. Ф. Ким.

Раздел I

Проблемы социально-экономического развития стран Востока (руководитель А. И. Левковский):

А. И. Левковский (гл. I, гл. IV — совместно с А. И. Новичковым, гл. VIII — совместно с Б. В. Синицыным, гл. X — совместно с И. И. Егоровым и В. Н. Уляхиным), Н. А. Длин (гл. II), Н. Г. Лозовая (гл. III), В. И. Искольдский (гл. V), Г. А. Кочукова, Е. А. Панкова, Н. Н. Цветкова (гл. VI), Н. А. Аршаруни (гл. VII), Л. К. Орлеанская (гл. IX), Ш. М. Бади, Т. К. Савельева (гл. XI), С. А. Бессонов (гл. XII), И. И. Егоров (гл. XIII).

Раздел II

Классовая и политическая борьба в странах Востока (руководитель Р. Г. Ланда):

Р. Г. Ланда (гл. I—II, гл. V — совместно с Р. Э. Севортьяном), А. С. Плотников (гл. II, параграф третий), Э. В. Павлуцкая (гл. II, параграф четвертый), Г. Ф. Ким и И. Г. Санович (гл. III), А. В. Кива (гл. IV), Б. Г. Сапожников, Р. Э. Севортьян (гл. VI), Н. А. Симония (гл. VII).

ТОМ 2

Раздел III

Аграрно-крестьянский вопрос (руководитель В. Г. Растянный):

В. Г. Растянный (гл. I, параграфы первый, второй, гл. II, параграфы первый, второй, гл. III, гл. IV, вводная часть, параграф первый, заключение, гл. V, параграф первый: крестьянское движение в странах с независимыми от государства организациями сельских трудящихся масс — Индия), Ю. Г. Александров (гл. I, параграф третий, гл. II, параграф третий, гл. V, параграф первый: вводная часть, крестьянское движение в странах с контролируемой правящей политической группой организациями сельских трудящихся масс, параграф второй), Ж. Д. Смирнская (гл. IV, параграф второй, гл. V, параграф первый: крестьянское движение в странах с независимыми от государства организациями сельских трудящихся масс — Филиппины).

Раздел IV

Национальный вопрос
(руководитель М. С. Лазарев):

Раздел написан в основном М. С. Лазаревым при участии В. Ф. Васильева (Бирма), Г. М. Григорьевой (Индия), В. И. Кочнева (Пакистан), Л. С. Кюзаджяна (Китай), Н. С. Луцкой (страны Магриба), И. Б. Маруновой (Кампучия), И. М. Меликсетовой (Океания), И. М. Ошурковой (Непал), П. И. Пучкова (Океания), Н. И. Семенов (Индия), Н. А. Симония (Индонезия), Э. Д. Талмуд (Шри Ланка), В. В. Трубецкого (Иран). Кроме того, использованы тексты и материалы Л. М. Демина (Индонезия), Р. Г. Ланды (Алжир), Г. И. Левинсона (Филиппины), Лю Юнана (китайцы в Юго-Восточной Азии), Г. И. Мирского (арабский мир), Ю. В. Хренова (Малайзия), Р. И. Шерковиной (Пакистан).

ТОМ 3

Раздел V

Общественно-политическая мысль в странах Востока
(руководитель Л. Р. Полонская):

Л. Р. Полонская (гл. I, параграф первый, гл. V, параграф первый, параграфы второй — четвертый — совместно с В. И. Корневым [буддизм] и Г. И. Левинсоном [христианство]), В. Г. Хорос (гл. I, параграф второй), А. И. Чичеров (гл. II), А. С. Кауфман (гл. III), Л. С. Кюзаджян (гл. IV), А. И. Ионова (гл. V, параграф пятый), А. Х. Вафа (гл. VI, параграф первый, общая редакция гл. VI), А. Д. Литман (гл. VI, философская мысль), Л. С. Аганина, Е. П. Челышев (гл. VI, литература при написании параграфа «Литература» использованы материалы В. И. Брагинского, Н. Д. Гаврюшиной, А. А. Герасимовой, В. Н. Кирпиченко, В. Б. Кляшторной, З. Н. Петруничей, А. С. Сухочева, С. Н. Утургаури, Б. В. Чукова), С. И. Потабенко (гл. VI, искусство), О. К. Дрейер (гл. VI, наука), Т. И. Кухтина (гл. VI, образование), Л. Б. Никольский (гл. VI, языковая ситуация).

Раздел VI

Международные аспекты национально-освободительных революций
(руководитель В. Ф. Ли):

В. Ф. Ли (гл. I), Н. А. Симония (гл. II), Ю. Ф. Шамрай (гл. III), М. А. Александров, Г. К. Широков (гл. IV), В. С. Котляров, И. Б. Редько (гл. V), А. Г. Бельский (гл. VI).
Заключение — Г. Ф. Ким.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел третий

АГРАРНО-КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС

Глава I. Проблемы воспроизводства в сельском хозяйстве на доиндустриальной стадии	9
Производительность труда и межотраслевые связи	12
Мелкое хозяйство в общественном воспроизводстве	23
Использование ресурсов рабочей силы	27
Глава II. Сдвиги в социально-экономической структуре деревни	34
Развитие капитализма и характер изменений в аграрном строе	34
Становление в аграрной сфере особой формы государственной собственности	53
Аграрная реформа и ее воздействие на социально-экономическую структуру деревни	61
Глава III. «Зеленая революция»	73
Становление индустриальной системы производительных сил в сельском хозяйстве	73
Возникновение индустриальной формы аграрного капитала	80
Глава IV. Некоторые общие проблемы крестьянского движения	104
Изменения в аграрной структуре и крестьянское движение	108
Традиционные связи в деревне и общественное сознание крестьянства	122
Глава V. Социально-политическая активность крестьянства при различных ориентациях общественно-экономического развития	143
Крестьянское движение в условиях капиталистической ориентации	143
Организация крестьянских масс при социалистической ориентации	178

Раздел четвертый

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Глава I. Современная национальная ситуация и общие закономерности ее развития	187
Постановка проблемы	187
Социализм и национальный вопрос	191
Основные черты национального развития освободившихся стран Востока	201
Глава II. Региональные особенности национальных процессов (Восточная и Южная Азия)	208
Океания	208
Юго-Восточная Азия	212
Южноазиатский субконтинент	232
Глава III. Региональные особенности национальных процессов (Западная Азия и Северная Африка)	246
Ближний и Средний Восток	246
Арабский мир	259
Глава IV. Национальные движения: характеристика и типология	273
К характеристике национальных противоречий	273
Феодално-сепаратистские и трибалистские движения	276
Буржуазные и буржуазно-демократические движения	291
Революционно-демократическая тенденция в национальных движениях	308
Социально-политическая роль национальных движений на современном Востоке	313
Авторский коллектив	317

Р а
На
(рз

ева
Л.
ног
па.
(И
тог
Р.
в
(М

ТС
Р
Ос
(р

ра
Г.
А.
А.
ос
Л.
«
но
н
(п
о

Р
М
(

М
К
З

ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Том 2

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы А. Г. Лиознов, В. Н. Кюзаджян
Младший редактор И. А. Бодянская
Художник Л. С. Эрман
Художественный редактор Б. Л. Резников
Технический редактор Л. Е. Синенко
Корректор Л. И. Письман

ИБ № 13838

Сдано в набор 03.10.79. Подписано к печати 27.08.80. А-01908. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 20,0. Уч.-изд. л. 22,12. Тираж 18 200 экз. Изд. № 4398. Зак. № 687. Цена 1 р. 60 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Отпечатано с набора 3-й типографии
издательства «Наука» в 1-й типографии
Профиздата, Москва, Крутицкий вал, 18.
Зак. 7

